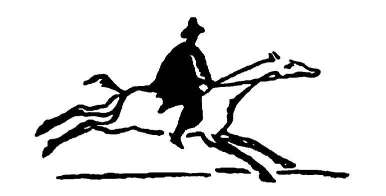
КОНСТАНТИН ФОФАНОВ

КОНСТАНТИН ФОФАНОВ

НОВАЯ БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

Издательство Пушкинского Дома

КОНСТАНТИН ФОФАНОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Санкт-Петербург,
2010

Вступительная статья, составление, подготовка текста и примечания
С. В. САПОЖКОВА

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

ISBN 978-5-87781-013-6

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ КОНСТАНТИНА ФОФАНОВА:
между классикой и модернизмом

Константин Михайлович Фофанов (1862–1911), фигура весьма колоритная и знаковая именно для 1880-х гг., когда классическая традиция, неуклонно изживая себя, готовила почву для новых, модернистских течений и школ отечественной поэзии. Лидерство поэта было признано многими авторитетными критиками и писателями переходной поры, такими разными по эстетическим воззрениям и масштабу дарования, как П. Н. Краснов и В. В. Розанов, М. О. Меньшиков и Д. С. Мережковский, С. Я. Надсон и А. Н. Майков, Н. С. Лесков и Л. Н. Толстой, А. А. Измайлов и В. Я. Брюсов... Разумеется, находились и не менее авторитетные противники. Как бы там ни было, но на какой-то, пусть и короткий срок (5–6 лет после смерти Надсона), фигура Фофанова, действительно, стала центром притяжения (и отталкивания) весьма разных литературных сил, а критическая полемика, развернувшаяся вокруг его личности и творчества, отразила некоторые ведущие закономерности предсимволистской эпохи. «Мистической и жуткой загадкой прошел по земле этот принц и нищий, так причудливо сочетавший в себе землю и небо, звуки небес и самую серую прозу бытия, этот заколдованный злыми чарами царевич, этот ангел, которому нравилось пугать людей маской дьявола»[1]. Пусть и несколько претенциозно, но вполне точно выразил автор этих строк А. А. Измайлов общее впечатление современников от поэтической личности Фофанова со всей ее болезненной двойственностью, отражающей то кризисное, переломное время, «продуктом полного сгорания» которого, по словам Ф. Сологуба[2], эта личность и явилась.

ПОРТРЕТ

Где-то в декабре 1886 — январе 1887 годов на «вторниках» модного в ту пору прозаика и бойкого журналиста Иеронима

[1] *Измайлов А.* Принц и нищий (Из воспоминаний о К. М. Фофанове) // Исторический вестник. 1916. № 5. С. 459.
[2] Красная газета. 1926. № 127.

Иеронимовича Ясинского появилось новое лицо — автор нашумевшего, только что опубликованного в журнале «Русское богатство» стихотворения «Звезды ясные, звезды прекрасные...» Константин Фофанов. Было известно, что юноша в издательстве Г. Гоппе собирается издать дебютный сборник стихов. Все, не исключая и самого хозяина, были явно заинтригованы визитом юного гостя. Однако первые же слова, произнесенные «восходящей звездой», несколько озадачили присутствующих. «Я не кончил второго класса училища. <...> Но все же поэт знает больше, чем ученый. Может быть, даже хорошо, что я не знаю ничего того, что знают другие поэты. Я — поэт Божьей милостью. <...> Отец мой был дровяником и горьким пьяницей, а от вина рождается не только блуд, но и поэзия, он родил меня, и я сочетаю в своем лице и то, и другое»[3]. Сам небрежный, если не сказать неряшливый, внешний вид начинающего поэта, его горящий взор, казалось бы, выражавший готовность хоть немедленно, сию секунду, разразиться пылкой импровизацией, само чувство грубоватой неловкости, неуместности, исходившей от Фофанова, произвели на Ясинского и его гостей обескураживающее впечатление. Перед ними стоял плебей-самородок, напоминающий то ли вдохновенного юродивого-ясновидца, то ли обычного нищего проходимца, нагло добивающегося протекции литературных «генералов»... Двойственное впечатление от поэтической личности Фофанова сохранилось у Ясинского до конца жизни. «Фофанов произвел впечатление очень застенчивого и даже стыдливого молодого человека. И, несмотря на стыдливость и застенчивость, такого же самонадеянного», — писал Ясинский в своих позднейших мемуарах «Роман моей жизни» (1926)[4]. И все же вынужден был признать: «Контраст между этим невзрачным человеком и его громкозвучными и яркими стихами весь был в его пользу»[5]. Этот, по выражению мемуариста, «чудак, лунатик, галлюцинат, сочетание идиота и гения»[6] и отталкивал от себя, и властно манил разгадать заключенное в нем и в его поэзии противоречие: «О Фофанове как поэте сказать можно много и можно ничего не сказать, — делился Ясинский своими впечатлениями в одном из писем. — Каждый критик его напоминает того купца, который, как рассказывала мне в детстве моя няня, читал, читал Библию и то говорил: “Есть Бог!”, то кричал: “Нет Бога!” Фофанов, фантастик, лунатик, он не всякому понятен. В его

[3] *Ясинский И. И.* Роман моей жизни. М.; Л., 1926. С. 173–174.
[4] *Ясинский И. И.* Роман моей жизни... С. 174.
[5] Там же. С. 177.
[6] Там же. С. 177.

душе совершается какая-то [2 сл. нрзб.]; его душа — это мир еще в хаосе, но мир, зиждущийся и живой»[7].

Поэтический облик Фофанова, едва попав в силовое поле культурно-исторических аллюзий участников кружка Ясинского, немедленно подвергся литературной мистификации. По сути, перед их взором разыгрывался легендарный сюжет, с легкой руки Пушкина получивший статус «вечного». Это сюжет на все ту же, «роковую» для русского культурного самосознания тему:

Где ж правота, когда священный дар,
Когда бессмертный гений — не в награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудов, усердия, молений послан —
А озаряет голову безумца,
Гуляки праздного?[8]

Все так — если бы не смущающая всех несуразность облика их «Моцарта» — скорее, злой карикатуры, пародии на пушкинского Моцарта: «Лет 26-ти, маленького роста, худой, неопрятно одетый, в грязном белье, с длинными льняными волосами, замечательно неправильными чертами лица и грязными ногтями на худых длинных пальцах, он сначала производит впечатление, близкое к разочарованию». Такую зарисовку после первого знакомства с Фофановым сделал в дневнике Александр Владимирович Жиркевич, военный правозащитник, писатель-дилетант, познакомившийся с поэтом на «вторниках» Ясинского и ставший его горячим поклонником и верным другом на долгие годы, несмотря на все разногласия и ссоры, то и дело омрачавшие их отношения. Описав столь неприглядный внешний облик «поэта милостью Божьей», Жиркевич, однако, тут же поспешил отметить контрастирующее с этой внешностью выражение глаз поэта: «Но глаза его, живые, умные и осмысленные, приподнятые на углах, как у китайцев, говорят о его душе и способностях, особенно когда он начинает декламировать свои стихи, что делает очень хорошо и с большим чувством»[9].

Итак, «маленькая трагедия» грозила обернуться «маленьким трагифарсом», ибо вместо «гуляки праздного», «легко-

[7] Письмо к А. В. Жиркевичу от февраля 1888 г. (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича; список сокращений см. на с. 454).
[8] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 7. М.; Л., 1948. С. 124–125.
[9] ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича. Дневник А. В. Жиркевича. Т. 6. Л. 90 (запись от 22 октября 1887 г.). Все дальнейшие ссылки на дневник — без указания фонда.

мысленного» гения, не сознающего божественного дара, ему отпущенного, в пушкинский «высокий» сюжет русской культурой конца XIX столетия была подставлена явно неподходящая фигура самого настоящего безумца и гуляки, проведшего лучшую часть молодости в притонах и кабаках, унаследовавшего от родителя в качестве главного «капитала» хронический алкоголизм и дурную психическую наследственность, соединявшего в одном лице, по собственным его словам, «блуд» и «поэзию». Да и та неприятно удивляла почитателей многочисленными грамматическими сюрпризами (вроде «кузнечков» и «водоро́слей»), вплоть до режущего ухо засилья глагольных форм на -ся («боюся», «ложуся», сражуся»), выдававшими с головой его сословный статус: «Я мещанин, “просто русский мещанин”, сын купца, и притом без денег — и притом мыслящий стихами, следовательно, никуда не годный», — так поэт иронически аттестовал себя в одном из писем к Жиркевичу[10].

И пока Ясинский «со товарищи» примеривались, каким «штилем» описывать как снег на голову свалившееся «сочетание идиота и гения» — «высоким», «средним» или «низким», свое веское слово сказал недавний гость «вторников» Ясинского — уже снискавший к тому времени славу и признание современников Илья Ефимович Репин[11]. К череде словесных портретов Фофанова он прибавил свой — живописный — портрет, в котором демонстративно спутал все «штили».

Свидетелем создания этого портрета волею судеб стал и новый друг Репина — А. В. Жиркевич. «В ту эпоху, когда писался портрет (с ноября 1887 по февраль 1888 гг.[12] — *С. С.*), — отмечал он в дневнике, — я бывал часто и у Фофанова, и у Репина, а потому знаю, сколько надо было гражданского мужества со стороны художника, чтобы своей гениальной кистью заставить общество говорить о скромном нищем поэте, про которого в обществе ходили грязные легенды и сплетни! Фофанов и я, мы много ожидали от этого портрета для славы первого, и искренний Конст<антин> М<ихайло>вич с детской радостью рассказывал мне о каждом новом штрихе, который обессмер-

---

[10] Письмо от 8 августа 1896 г. (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича).

[11] И. Зильберштейн со ссылкой на воспоминания (очевидно, устные?) вдовы Фофанова Л. К. Тупыловой предполагает, что личное знакомство Репина с поэтом состоялось «в конце 1886 года». (*Зильберштейн И.* Утраченные портреты писателей работы Репина // Огонек. 1950. № 40. С. 24).

[12] Начальная дата написания портрета может быть определена по записи в дневнике Жиркевича от 1 ноября 1887 г.: «Репин стал писать с него портрет, от которого Фофанов в восторге» (Дневник. Т. 7. Л. 1об.).

тивал его на полотне. Он все хотел, чтобы я сходил к Репину и взглянул сам на портрет. Наконец мне удалось увидеть это произведение! Помню, как поразила меня и поза, и бледность лица Фофанова, которые делают портрет так поражающе похожим. Да! Я видел не раз Конст<антина> Мих<айлови>ча с таким лицом и в такой позе! Фофанов-мистик, Фофанов-дикарь, Фофанов-самородок и Фофанов–нищий труженик — так и взглянул мне в душу, шевеля в ней и жалость, и восторг. Все прошлое Фофанова было в этом великом произведении: его темная юность, развратная молодость, голодные дни, чередовавшиеся с ночами разгула, его недалекий ум и грандиозно развитое нравственное и поэтическое чутье, наконец, его стремление к возвышенному и честному, проходящее через всю его жизнь как победный, яркий и теплый луч, при котором забываешь все безобразное и грязь той обстановки, которую этот Божественный луч освещает! И что же? Публика не поняла, не уловила того, что скрывалось за красками портрета, и излила поток грязи и насмешек на Репина и Фофанова! Помню, как возмущался и скорбел душою Фофанов при каждой новой насмешке, которая появлялась и в газетах, и в сатирических листках, и как гордо спокоен был Репин»[13].

Так уж совпало, что почти одновременно с окончанием репинского портрета образ поэта, воплотившийся в личности Фофанова, получает у современников характеристику, которая станет лейтмотивом практически всех последующих критических работ и мемуарных очерков, ему посвященных. Это слово-«характеристика» — «лунатик». Как помним, «лунатиком» назвал Фофанова в своем февральском письме 1888 г. к Жиркевичу Ясинский, впоследствии повторивший и акцентировавший эту оценку в своих мемуарах 1926 г. издания. Тогда же это слово сорвалось с языка рецензента «Петербургской газеты», заявившего, что на репинском портрете Фофанов «скорее напоминает собою блуждающего по кровлям лунатика, чем поэта, погруженного в свою поэзию»[14]. С. А. Андреевский, В. В. Розанов, А. А. Измайлов прямо или косвенно использовали эту характеристику, создавая свои литературные портреты Фофанова[15]. Наконец, Д. С. Мережковский, познакомившийся с поэтом на «вторниках» Ясинского, в трактате «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы»

---

[13] Дневник. Т. 8. Л. 41 (запись от 25 августа 1888 г.).

[14] Петербургская газета. 1888. 29 февраля. С. 2.

[15] *Андреевский С. А.* Вырождение рифмы //Андреевский С. А. Литературные очерки. СПб., 1902. С. 446; *Розанов В.* Из личных встреч. К. М. Фофанов // Новое дело. 1911. № 11. С. 19; *Измайлов А.* Принц и нищий... С. 459, 470–471.

(1892) даст выразительный литературный портрет Фофанова. В нем автор трактата — со ссылкой на портрет Репина! — подчеркнет: Фофанов «в современной, бездушной толпе это больше, чем мистик, это — ясновидящий, один из тех редких и странных людей, которых древние называли vates»[16].

Действительно, склонность к визионерству — яркая отличительная особенность творческой личности Фофанова, не ускользнувшая от внимания современников. В письмах к Жиркевичу поэт признавался, что время от времени посещает сеансы известных медиумов и гипнотизеров. Жиркевичу довелось и лично на себе испытать парапсихологические способности своего друга, о чем сохранилась запись в дневнике: «Вчера много говорили о Таинственном, окружающем человека, и отрицать которое нельзя. Фофанов оказывается очень способным к разным спиритическим и гипнотическим сеансам. Так, вчера мы делали опыт: я, взяв его за руку, заставил подойти к моему пальто и прикоснуться к нему, что он и исполнил буквально, с закрытыми глазами, повинуясь моей мысли, нарочно сосредоточенной на этом предмете. <…> Он рассказывал, что два раза пробовал вызывать лиц умерших, но которых никогда не видел даже на портретах: своего деда и Магомета. Опыты удались и, при сильном сосредоточенном [1 сл. нрзб.], ему представились оба лица...»[17].

Таким образом, портрет Репина закладывает совершенно новую традицию понимания классического образа поэта-Пророка. Важно учитывать, что эта «новая традиция» имела для самого Фофанова вполне отчетливую поэтическую генеалогию. Так, прочитав репортерскую заметку в «Петербургской газете», Фофанов 5 марта 1888 г. пишет Жиркевичу: «Репортер этой заметки, вероятно, не читал Ришпена, который очень метко мечтателей и поэтов называет в одном из своих стихотворений “лунатиками”»[18].

Все вышесказанное заставляет пристальнее всмотреться в тот культурный ориентир, на какой указывал своим оппонентам сам Фофанов — поэзию Жана Ришпена.

ПОЭТ-ЛУНАТИК

Французский поэт Жан Ришпен (1849–1926) утверждал в ряде своих стихотворений («Лунатики», «Пробуждение», «Страна химер» и др.) принципиально новую концепцию твор-

---

[16] *Мережковский Д. С.* Эстетика и критика: В 2 т. Т. 1. М.; Харьков, 1994. С. 213–214.
[17] Дневник. Т. 7. Л. 56 (запись от 1 января 1888 г.).
[18] ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича.

чества. Подобно тому, как тип человека-«художника» или «музыканта» в традиционной романтической эстетике воплощал в себе идеал романтической личности вообще, так и у Ришпена «лунатик» — это не столько собственно «поэт», сколько идеальное состояние человеческой души, идеальный тип творческого отношения к жизни. И тем не менее, именно «лунатики» скорее всего становятся поэтами в собственном смысле этого слова. Ришпен демонстративно берет их под свою защиту. «Смешные болтуны», «бойцы-оборвыши, растрепанная стая / Ненужных никому заброшенных щенков», эти «фигуры жалкие, зимой полунагие, / Едва прикрытые, под рубищем худым», носят в своей душе такое богатство, какое «трезвым» их критикам не купить ни за какие деньги, ни за какие блага в мире («Лунатики»)[19]. Невозможное для «трезвых» и «здоровых» становится возможным для «лунатиков». Один «радуги небес все в краски разотрет», другой — «мрамор оживит», третий — «изобретет неслыханные гаммы», четвертый — предложит и осуществит рецепт общего человеческого счастья («Лунатики»)[20]. А такой поэт, как Фофанов, добавим мы от себя, выдумает прожект чудо-паровоза со складывающимися лопастями, которые силой ветра станут отбрасывать прохожих, неосторожно подошедших слишком близко к полотну и таким образом спасать их от гибели[21]. Или попробует сочинить манифест под странным, бунтарско-еретическим заглавием «Общество социально-освободительного движения во имя вечного Креста»[22]. Или попытается, как свидетельствовал Жиркевич, «и науку двинуть путем фантастических умозаключений»[23]. Действительно, Фофанову ничего не стоит сесть и написать — ни больше, ни меньше — «Краткие наброски новой теории о мироздании», изложив ее на трех страничках[24]. Или вывести бестрепетной рукой — «Вечное движение», и следом первой же строкой объявить изумленному миру: «Решение загадки, смысл таков…»[25] Если уж сложнейшие философские проблемы он решает шутя, играючи, то вопросы русской орфографии — и подавно. Быть

[19] Пер. А. Барыковой. Цит. по: *Барыкова А.* Стихотворения. Пятигорск, 1878. С. 112.
[20] Там же. С. 110.
[21] Из неопубликованной статьи «Ходячая гильотина (письмо в редакцию)» (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 410. Л. 3–4).
[22] РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 409. Начало «манифеста»: «Наше общество будут составлять все нации, все люди, имеющие право за собой великое слово: “Жизнь!”» (л. 3).
[23] Дневник. Т. 7. Л. 159 об. (запись от 22 мая 1888 г.).
[24] РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 396. Л. 7–10.
[25] РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 396. Л. 5.

или не быть букве «ъ» («твердому знаку») на конце слов? Фофанов нисколько не сомневается: конечно, быть! Ведь нельзя обижать «телохранителя», «оруженосца» слов (так ласково он называет эту букву), иначе вместо «смыслъ словъ» читали бы «смыслов»[26].

«Истина слепа — вот почему она дается чаще всего в руки безумцев», — для Фофанова это больше, чем придуманный им афоризм[27]; это девиз, начертанный на знамени собственной судьбы.

В письме Ф. Ф. Фидлеру от 3 апреля 1888 г. поэт вспоминал: «В детстве я со своим покойным братом (Александром, подававшим надежды юным художником — *С. С.*) лелеял нелепую мысль уехать на луну, — и она казалась мне осуществимой… Из наук всегда предпочитал и предпочту — ботанику и астрономию…»[28]. Эти автобиографические признания впоследствии отразились в стихотворении «Луна детства»[29]. Можно говорить о «лунной поэтической метафизике» Фофанова, образно развернутой в сюжете раннего программного стихотворения «Лунный свет» (1887; № 99). Лунный свет в его поэзии — это свет поэтической мечты, преображающей мир в сказку, где, словно по мановению волшебной палочки, воображение воздвигает «хрустальные хоромы из снежных льдин», обвивает их «поясами радуг», населяет «лучезарный зал» «прекрасными и бледными тенями, без крови теплыми и ясными без света» («Лунный свет»). В холодном сиянии луны видимая природа наполняется миражами и призраками, «веет и грезит», и лирическому герою «мнится: сейчас / Мир, как виденье, умчится из глаз» («Notturno»; № 315). В другом стихотворении поэт сравнивает луну с иконой: «она, как образ», окруженный сияющим нимбом, которому он полушутя-полусерьезно даже «готов молиться» («Икона»; № 460). Можно было бы считать, что все эти «лунные» метаморфозы имеют вполне общеромантическое происхождение, если бы не явственно ощущаемая их «соприродность» визионерским свойствам самой личности поэта, их тесная связь с болезненными галлюцинациями, подрывающими и без того расшатанную психику не в меру впечатлительного юноши. Вот почему часто свет луны у Фофанова — это не только свет романтической грезы, но это еще и свет мучительно-болезненный, напоминающий о прошлом и невозвратимом счастье («Лунная тихая ночь…»), свет, исходящий

---

[26] РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 401. Л. 4 об.

[27] РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 428. Л. 20.

[28] Пробуждение. 1916. № 17. С. 524.

[29] Ежемесячное литературно-художественное приложение к журналу «Нива». 1902. № 8.

от сказочно-прекрасного, но уже давно остывшего, мертвого мира («Лунный свет»; ср. в других редакциях: «и как покойник, белый свет луны…»), а подчас — и завораживающий своим холодным сиянием вестник близкой и неумолимой смерти («Призрак», «— Кто ты, мой призрак неземной?..»; № 239).

Всем своим поведением и творчеством Фофанов действительно манифестировал образ поэта, «безумие» которого совершенно отличалось от «высокого», романтического «безумия», так ценимого в художнике романтиками иенской школы, и в чем-то соответствовало духовному облику лирического героя поэзии Ж. Ришпена. Сам же автор книг «Песни босяков» (1876) и «Богохульства» (1884), виртуоз стихотворной формы, любитель, как в жизни, так и в поэзии, различного рода излишеств и эффектов, смело вводивший в стихи всевозможные жаргонизмы, язык парижских улиц и своим поэтическим «варварством» оскорблявший общественные «приличия» и художественные вкусы добропорядочных буржуа, — этот ярчайший представитель «низового» течения французского символизма[30] по своему психическому складу и богемному, скитальческому образу жизни в чем-то был близок странническому, почти юродскому

---

[30] В 1880–1890-е годы творчество Ж. Ришпена активно усваивается русской культурой. Помимо переводов, включенных в книгу А. Барыковой (Стихотворения. Пятигорск, 1878), имеются также значительные подборки переведенных текстов в следующих изданиях: *Андреевский С. А.* Стихотворения. 1878–1885. СПб., 1886. С. 207–224; Иностранные поэты в переводах и оригинальные стихотворения Д. Л. Михаловского: В 2 т. Т. 2. СПб.,1896. С. 141–149; *Чюмина О. Н.* Стихотворения. 1892–1897. СПб.,1897. С. 304–309; *Чюмина О. Н.* Новые стихотворения. СПб.,1905. С. 127–135. Из переводов романов укажем: «Мадам Арне»(Слово. 1879. № 4–10); «Госпожа Андре» (Дело. 1879. № 2–6; 8); «В смутное время»(Русское богатство. 1889. № 3–9). Из малой прозы Ришпена необычайной популярностью у русских читателей пользовался рассказ «Преступное художественное произведение» (в других переводах рассказ носил заглавие «Образцовое преступление» или «Первоклассное преступление»). Было сделано несколько переводов: Московское обозрение. 1878. № 13. С. 17–20; Наедине: Сб. переводных повестей для интеллигентного читателя. М.,1894. С. 185–200; Литературная Россия. 1966. 10 июня. С. 21–23. Не обойден был Ришпен и вниманием отечественной критики 1880–1890-х годов. Укажем на следующие основные статьи: *Мережковский Д. С.* Новейшая лирика // Вестник иностранной литературы. 1894. № 12. С. 152–153; *Краснов Пл.* Золотые острова // Книжки недели. 1894. № 12. С. 203–215. Необходимо также отметить перевод книги критических очерков Ж. Леметра «Современные писатели» (СПб., 1891), в которой имелась целая глава о творчестве Ж. Ришпена (с. 28–41).

литературному поведению Фофанова. Их поэтическое кредо во многом смыкалось. В сборнике Ришпена «Мои Эдемы» (1894), например, встречаем следующую поэтическую декларацию: «Если ты не получишь реального счастья в жизни, — утешает своего читателя создатель “Эдемов”, —

Il te reste ceci pour t'eu creer de bons;
Rêve qu'autour de toi le monde entier gravite.
Il te viendra tous les atous à cette envite.
Transforme en diamants toi-même tes charbons.
....
Sans doute ta raison grei bientôt se rebelle
A cette illusion saura dire: “Tu mens!”
Mais l'heure ainsi vécue a qund-même été belle»[31].

Приводим подстрочный перевод критика Пл. Краснова: «Тебе еще остается самому создать блага. Воображай, что весь мир тяготеет вокруг тебя, и при этой мысли ты получишь все козыри. Преврати сам в алмазы твои угли… Без сомнения, разум скоро возмутится и скажет тебе на эти иллюзии: “Ты лжешь”. Но час, прожитый в них, во всяком случае, был прекрасен»[32].

На протяжении всего творчества Фофанов неоднократно будет декларировать эстетический идеал, соответствующий подобной модели «наивного романтизма». Парадоксальное сосуществование «сказки» и яви в сознании поэта, тревожно-мучительного «здесь» и призрачно-прекрасного «там» («У поэта два царства; одно из лучей…»), когда оба «царства», не преображая, могут легко подменять друг друга, формирует программную для эстетики Фофанова концепцию поэзии как «самообмана», «иллюзий», которой он сохранит верность до конца жизни. Ситуация, где певец, импровизируя, как бы на глазах читателя созидает мир своей фантазии, которая незаметно «вытесняет» из его сознания мир серых будней, и последующее финальное «саморазоблачение», «пробуждение» от поэтических наваждений — устойчивый сюжет целого ряда стихотворений Фофанова («В дилижансе», 1882[33]; «Мне грезилась весна с цветущими лугами…», <1886>[34] (№ 25); «От луны небесной, точно от лампады…», 1887 (№ 112); «Весенний дождь», <1888> (№ 90); «У печки», <1888> (№ 168); «Обманули меня соловьи...», <1891> (№ 189) и мн. др.), отражающий существенные особенности его творческой психологии.

---

[31] *Краснов Пл.* Золотые острова... С. 211.
[32] Там же.
[33] Из сборника «Стихотворения» (1887).
[34] В угловых скобках указываются даты первых публикаций.

Действительно, «сны» и «грезы» — ключевые слова поэзии Фофанова. Они, по меткому наблюдению В. Кранихвельда, повторяются в его текстах «с такой настойчивостью, что кажутся уже не словами даже, а каким-то особым знаком, утверждающим принадлежность стихов Фофанову»[35]. Особенно значимы здесь позиции начала и конца текста. «Мне грезилась...», Мне снилось...», «Я грезил...» — так начинаются многие стихотворения поэта. Обороты с «и мнится», «и кажется» часто завершают ход лирического чувства.

Поэтический словарь К. М. Фофанова включает в себя практически весь фразеологический ряд, закрепившийся за семантическим комплексом «мечта» — «греза» — «сон» в истории русской романтической лирики от Жуковского до Фета включительно. Е. З. Тарланов взял на себя труд реконструировать этот ряд. Получился довольно внушительный словник: грезы — райские, заманчивые, сладкие, ласковые, стыдливые, «трепетать под ласкою судорожной грезы», «крылатая толпа лазурных грез»; мечты — меланхоличные, безумные, страстные, заветные, ликующие, лазурные, сладость мечтания, обманчивые; сны (сновидения) — любовные, волшебные, румяные, живые, греховные, «забылся я прекрасным сном», «в снах благословенных юности кипучей», «в грезах морозного сна», «воскресли девственные сны»[36]. Разброс значений, как видим, весьма велик: от мечты «заветной», «райской» до мечты «обманчивой» или даже блистающей «красою лицемерной», как в стихотворении «Мечта» (1889; № 144). Обращает на себя внимание отсутствие какой-либо четкой аксиологии, и сразу же напрашивается мысль о противоречивости образной системы, причем часто даже в рамках одного и того же лирического сюжета. Так, в той же «Мечте» сначала речь идет о «властной царице», преображающей невзрачную, приземленную природу (вполне традиционный романтический мотив), а в финале мечта уже наделяется «улыбкой суеверной» и «красою лицемерной».

В поэтическом мире Фофанова образ мечты амбивалентен. С одной стороны, мечта наделяется миромоделирующей функцией. Окружающий мир как порождение творческой фантазии — этот лейтмотив проходит через многие стихотворения поэта, особенно наглядно выражен в «Notturno» (№ 138):

Я глядел…пылали очи…
Точно сам я был творцом

[35] *Кранихвельд В. П.* В мире идей и образов: В 2 т. Т. 2. СПб., 1912. С. 189.

[36] *Тарланов Е. З.* Между золотым и серебряным веком. Петрозаводск, 2001. С. 59.

Этих звезд и этой ночи,
Серебрящейся кругом;
Точно сам растенья эти
Я росою напоил…

Более того, поэт не останавливается на манифестации преображающей функции мечты и идет дальше этого закрепленного в романтической традиции мотива. Онтологический статус мечты значительно повышается, когда творчество человека не просто приравнивается к творению бытия Богом, но провозглашается актом, продолжающим дело Творца, духовные силы которого исчерпаны:

И Дух, рожденный прежде века,
Исполнен благости и сил,
Из глины вызвал человека
И безмятежно опочил.

Но — окрыленный мыслью страстной,
Зажегся он в людских сердцах —
Досоздавать свой мир прекрасный
В бессмертных образах и снах…

(«В хаосе девственной природы…»; № 161)

В контексте подобной поэтической мифологии становится понятным сравнение мечты с холодным мерцанием далекой звезды или планеты: она давно угасла, но свет от нее все еще идет к людям («Лунный свет», № 99; «Нет, мне не жаль, что умер этот день…», № 122). По сути, в такой поэтической риторике 1880-х — раннее предвестие теургической эстетики младосимволистов с их культом Поэта-«теурга», силой творящего Слова заклинающего хаотические силы бытия и созидающего новый, лучший мир из обломков незавершенного Богом творения. Впоследствии эта символистская мифопоэтика, восходящая к построениям Вл. Соловьева[37], будет закреплена в двух программных стихотворениях-манифестах из сборника «Иллюзии»: «Ищите новые пути!» и «Слово» (см. примеч. к № 278, 280)

С другой стороны, «мечта» в поэтическом мире Фофанова трактуется, о чем говорилось выше, как нечто откровенно условное, выдуманное. «Точно», «словно» — уже эти слова из процитированного текста «Notturno» сигнализируют о том,

[37] О преемственности в эстетических взглядах между Вл. Соловьевым и поэтами-«восьмидесятниками» см.: *Щенникова Л.* Русский поэтический неоромантизм 1880–1890-х годов. СПб., 2010. С. 136–137.

что процесс творения нового, идеального мира осуществляется не в действительности, а в воображении поэта и осознается им по крайней мере как то, что происходит на грани яви и грезы, не принадлежа полностью ни одному из миров. Мечта не столько преображает, сколько *подменяет* собою реальный мир, сосуществует параллельно с ним на паритетных началах в самосознании поэта. Недаром итоговый сборник называется «Иллюзии» (а не «Мечты»), а его программное стихотворение призвано донести до читателя понимание иллюзии как грандиозной *утопии*, раскрывая ее содержание в различных аспектах: нравственном, социальном, эстетическом, бытийственном и т. п. Аналогично, в жанре утопии, к которому отсылает название стихотворения — «*Остров* мертвых», — описывается Фофановым идеальный ландшафт царства смерти, «сконструированный» по мотивам одноименной картины Арнольда Бёклина, предпославшего ей знаменательный подзаголовок: «картина, с которой должны начинаться мечты».

Таким образом, онтология «мечты» в художественном мире «поэта-лунатика» отражает определенную философию творчества, переходную по своему эстетическому качеству: «маятник» художественного сознания поэта постоянно колеблется между пониманием условной природы поэзии и признанием ее бытийного статуса. Наполняя «прекрасными и бледными тенями, без крови теплыми и ясными без света», пространство своей фантазии, Фофанов создает картину мира, предваряющую модернистские тенденции в творчестве поэтов следующего поколения.

«МИР ЕЩЕ В ХАОСЕ, НО МИР ЗИЖДУЩИЙСЯ И ЖИВОЙ»

Хорошим подспорьем в постижении творческой лаборатории Фофанова могут служить дневниковые записи Жиркевича, которого поэт часто делал соучастником своих «вдохновений». 22 мая 1888 г. он записывает в дневнике: «Фофанов в каждую минуту может импровизировать и для этого приводить себя в какое-то особенно возбужденное состояние. Любая тема возбуждает, при желании с его стороны, его воображение, и он рисует ряд картин, образов, положений; причем, замечательна в нем способность создавать какие-то дикие, фантастические, почти невозможные образы! Например, вчера, смотря на зуб мамонта, лежащий у него на столе, я сказал, что вот — тема, на которую трудно было бы что-либо написать! <...> Тут он стал импровизировать; набросал картину той природы, на лоне которой жили мамонты; изобразил гигантские тростники, громадные песчаные пустыни, первобытный лес, непроходимый и полный

жизни, кишащую рыбами и гадами реку, гигантские [1 сл. нрзб.], мамонта на берегу этой реки и т. п. <...> Я с восторгом его слушал, а между тем и в импровизации, ради красоты формы, он допускал тяжелые сравнения и простой набор слов»[38].

Как свидетельствуют и другие мемуаристы, импровизация — наиболее естественное и отличительное качество «пребывания» Фофанова в мире своей фантазии, дар, которым «поэт-лунатик» явно выделялся среди своих современников. Так, тексты «рождественского рассказа» «Волки», эпиграфа к сборнику «Тени и тайны» и стихотворения «Пепел» создавались прямо на глазах очевидцев (см. примеч. к № 110, 126, 162). И, думается, это далеко не единичные случаи. Причем, «священнодействие» во всех случаях подкреплялось соответствующими поэтическими жестами: то импровизатор во время сочинения «отбивал такт», дирижируя себе руками, то вертел перед глазами исписанным листом бумаги, словно мысленно «рисовал арабески». К любопытным выводам, относящимся к творческой лаборатории Фофанова, приводят и наблюдения над его черновиками. В частности, поэт нередко записывал стихи как бы «по умолчанию». Черновик сплошь пестрит длинными прочерками, в нем записываются только опорные рифмы и ключевые слова, по которым, переписывая текст набело, поэт легко восстанавливает недостающие фразы. Только один из многих примеров, попавших в раздел «Другие редакции» настоящего издания, — черновой автограф «Думы в Царском Селе» (№ 145). Такое ощущение, что поэт часто не поспевает за своим вдохновением и вынужден прибегать к подобной «скорописи». В других черновиках (см. № 92, 123, 196) можно наблюдать не менее интересный процесс: начало текста записывается стихами, а продолжается прозой, затем вновь переходит в стихи и т. д. Эта спонтанно возникшая «стихопроза» — следствие нежелания поэта прекращать полет фантазии, когда стих «выдыхается» и как бы «тормозит» ее, и тогда лирическая эмоция естественно переключается на более свободный в ритмическом отношении язык прозы, что объективно свидетельствует о сближении стихового и прозаического ритма в художественной речи поэта.

Установка на создание «сырого» текста, альбомный, экспромтный характер художественного мышления легко опознаются и в стилистике «готового», завершенного поэтического высказывания Фофанова. Рассмотрим лирический сюжет стихотворения «После грозы» (1893; № 202):

Вечером темным, грозою взволнованный,
Ожил заплаканный сад;

[38] Дневник. Т. 7. Л. 160–160об.

Ветки друг к другу в объятья склоняются,
Тихо вершины шумят.

<…>

Сердце поверило ласкам несбыточным...
Чудятся гордым мечтам
Встречи счастливые, речи свободные
Гимны правдивым борцам.

Вспомнилось все, что забыто, что молодо
Все, чем когда-то дышал:
Первой любви обаяние нежное,
Первая жажда похвал,

Тихая ночь над столицей уснувшею,
Милые лица вокруг
И недосказанной речи пророческой
Сердцем дослушанный звук.

«Завязка» здесь не стыкуется с «развязкой». Воображение, тяготеющее к гигантомании, явно перевешивает композиционную логику: незначительный повод — «заплаканный» после грозы сад, «романсовый» зачин, и буквально «поток сознания», обрушившийся на читателя в виде конгломерата самых разнокалиберных образов и ассоциаций: «ласки несбыточные», «гордые мечты», «гимны правдивым борцам», «первая жажда похвал» и т. д. Лирическая эмоция буквально бьет через край: она в конце концов «забывает» тот непосредственный источник, которым была вызвана к жизни. Фофанов не очень заботится о том, чтобы как-то стилистически соизмерить прихотливый рисунок лирического переживания с характером внешнего объекта изображения. Эмоция, вырвавшись на свободу, без остатка завладевает самим лирическим субъектом и выходит из-под его контроля. Создается ощущение, что для Фофанова воображение и есть логика. Он ему отдается с доверчивостью ребенка и призывает читателей последовать его примеру. Не важно, если поэтическая фантазия уведет в сторону от первоначального предмета или темы. Тема — повод, фантазия — цель.

Лирическому герою Фофанова, если воспользоваться поэтическим афоризмом Я. Полонского, не важно, «откуда будет свет, лишь был бы это свет». А потому «божественное» и «мирское» в лирических сюжетах Фофанова объединяются одним и тем же образом «импровизирующего певца». Экспромтный характер создания текста кладется в основу *лирической ситуации* поэтического высказывания. Сравним:

Над Библией в раздумье я поник,
Ловя мечтой божественные главы,
Передо мной священный мир возник,
И весь в лучах нетленной славы. <...>[39]

(«Над Библией», 1885)

И:

Над грудой пыльных книг в раздумье я стою
<…>
И стих тоскующий слагается невольно
В душе моей — и я его пою,
Как бы последнюю святую литию
По мертвеце за тризною застольной...[40]

(«Над грудой пыльных книг в раздумье я стою...»)

Тут впору привести суждение Н. Минского о Фофанове: «…Маниак, страдающий рифмобесием <…> Воспевать он может что угодно: лампу, стакан, папиросу…»[41] Действительно, вдохновение поэта могло питаться случайными и порой несовместимыми по своему эстетическому качеству предметами — будь то стоящий на столе фотографический снимок скульптуры О. Градлера «Idealismus» или пепел, стряхиваемый пальцем с закуренной папиросы (см. примеч. к № 126 и 162).

Однако отсутствие жесткой эстетической иерархии предметов в сознании поэта порождало не только курьезы его стиля, но и — в «хаосе» впечатлений — непроизвольно порождало смелые сочетания образов, новые, неожиданные «сплавы» поэтической семантики, предвещающие открытия отечественного авангарда. Е. В. Ермилова, например, обратила внимание на встречающиеся у Фофанова сравнения, распространяющие и невольно материализующие абстрактный и бесплотный образ:

Но жизнь моя темна и дума безотрадна...
Как облетелый сад, пуста моя душа,
И ходит ветер в нем стремительно и жадно
И гнет вершины лип, порывисто дыша.
Я не пущу тебя в мой сад осиротелый —
Там осень, там туман <...>.

(«Прекрасна эта ночь с ее красой хрустальной…»; № 77)

[39] *Фофанов К.* Стихотворения. СПб., 1887. С. 112.
[40] Там же. С. 74.
[41] *Фидлер Ф.* Черты из жизни Фофанова: (По моим литературным дневникам) // Биржевые ведомости. 1916. 18 мая. С. 3.

Нарушение иерархии конкретного и абстрактного, реального и условного («душа» — и вытеснившее ее описание «сада») — все то же следствие «импровизационного» взгляда на мир и одновременно очередной шаг к поэтике К. Случевского, И. Анненского и Б. Пастернака[42]. Т. И. Кондратова, посвятившая строению тропов Фофанова специальный раздел своего диссертационного исследования, приходит к выводу, что для словоупотребления поэта характерна «тенденция к разобщению буквального и условного смыслов» образа[43]. Частным случаем такой тенденции стиля исследовательница считает появление «эпитетов-окказионализмов», в которых эмоциональная и оценочная характеристики сливаются воедино: «дни беспечального рассвета», «в бездне надзвездной» (слияние существительного с предлогом); «молньепыщущим лётом», «росою жизненосной», «ярко-травчатое дно», «теплотворного костра», «огнедышащая гладь» (сложные прилагательные, в которых первая основа, имеющая значение определения, выражена существительным), «ветер зычногласный», «пестрокрылый мотылек», «сказки задумчиво-чудные» (сложные прилагательные, обе основы которых имеют значение определения)[44]. С одной стороны, эти способы окказионального словоупотребления восходят к книжно-риторической культуре XVIII века, и прежде всего к Державину. С другой стороны, они же предвещают смелые поэтические эксперименты И. Северянина и В. Маяковского. Следует лишь подчеркнуть, что риторическая архаика (и она же в недалеком будущем — демонстративное новшество) возникает в стиле Фофанова в результате именно оторванности самого лирического переживания от его непосредственного повода, как следствие общей тенденции стиля к гигантомании образов. То, что у Фофанова существует как неосознанная возможность художественного мышления, в поэзии футуристов станет продуманным принципом словотворчества.

«Великим Психологом Лирической Поэзы» назовут Фофанова «эгофутуристы» во главе с И. Северяниным, боготворившие своего поэтического наставника (впервые это посвящение появилось на траурной ленте надгробного венка Фофанову)[45]. В целом,

[42] *Ермилова Е. В.* Поэзия на рубеже двух эпох // Смена литературных стилей. М., 1974. С. 104–105. Здесь же см. другие примеры.

[43] *Кондратова Т. И.* Поэтический мир Константина Михайловича Фофанова. Дисс. ... уч. степени канд. филол. наук. Коломна, 1999. С. 177.

[44] Там же. С. 177.

[45] ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича. Написанный К. Олимповым проект хартии «Интуитивная школа. Вселенский эго-футуризм».

наверное, понятно, какой смысл они вкладывали в эту похвалу. В поэзии Фофанова искренность самого лирического порыва перевешивает соображения о его уместности или неуместности в общем образно-стилевом контексте. Непосредственность лирической эмоции в каждой точке развертывания композиции, полная самоотдача именно каждому настоящему, сиюминутному полету воображения автору гораздо важнее, чем выстраивание этих композиционных точек в стройную, последовательную сюжетную цепь. Платону Краснову стихи Фофанова напоминали плохие приборы для физических измерений, часто попадающиеся «в обсерваториях»: «Они показывают порой машинную (магнитную? — *С. С.*) бурю оттого, что вблизи проехала телега, колеса которой скреплены железными гвоздями». Фофанов, резюмирует критик, «уже потому не может распознать общественных настроений, что на него гораздо сильнее влияет изменение погоды»[46].

Так постепенно выкристаллизовываются стилевые элементы, определяющие эстетические контуры «лунатической» музы Фофанова. Поэт сознавал неровность лирической эмоции своих стихов, называя их то «клочками души»[47], то «коротенькими бюллетенями <…> настроения душевного»[48], то всего лишь «цветочками <…> чувств, горьких и глубоких»[49]. Он неоднократно сетовал на «осколочность» своей художественной картины мира, подспудно ощущая некоторую «случайность» поэтических тем и настроений, свою неспособность в рамках лирического рода связать явления мира внешнего и настроения внутреннего «я» в органическое целое.

Общее место в литературе о Фофанове — тезис об «импрессионизме» его стиля. На первый взгляд, в поэтическом синтаксисе «миннезингера» конца XIX столетия (статья А. Коринфского о Фофанове так и называлась: «Миннезингер наших дней»[50]), действительно можно заметить немало безглагольных конструкций, передающих мгновенную смену впечатлений. Вот один из характерных примеров:

Что за хаос первозданный вокруг?!
Слезы, улыбки, проклятия, шутки,
Люди-гиганты и люди-малютки,

---

[46] *Краснов Пл.* Поэт нашего времени // Книжки недели. 1897. № 8. С. 235.

[47] Письмо к А. В. Жиркевичу от 5 июля 1891 г. (ГМТ. Фонд А.В.Жиркевича).

[48] Письмо к А. В. Жиркевичу от 29 августа 1891 г. (Там же).

[49] Письмо к А. В. Жиркевичу от 1 января 1892 г. (Там же).

[50] См.: Север. 1897. № 48. Стлб. 1527–1536.

Грустные думы, сердечный недуг,
Сотни за хлебом протянутых рук —
Всё меж собою сплелося в подлунной,
Всё очертил заколдованный круг.
В жизни, как арфа богов, многострунной
Трудно услышать ласкающий звук...
Что за хаос первозданный вокруг!..

(«Что за хаос первозданный вокруг…», № 34)

Хаос образов здесь — прямое следствие хаоса впечатлений. Поэт не в состоянии удержаться на каком-либо одном настроении и с каждым новым образом соскальзывает на новый эмоциональный регистр (сарказм? печаль? негодование? удивление?) — он смущен не столько пестротой предметов, сколько неупорядоченностью собственных чувств: они спонтанно следуют за сменой «кадров» и исчезают из поля духовного зрения раньше, чем он успевает их осмыслить. Точнее, осмыслить поэт успевает саму «неосмысленность» своего внутреннего мира, и такая ситуация его вполне устраивает. Зачем искать в этой суете сует какой-либо высший Порядок, если беспорядок больше стимулирует творческую впечатлительность поэта?!

Безымянные стремленья,
Безотчетные порывы,
Молодого вдохновенья
И приливы, и отливы...
Где конец ваш, где начало?
И откуда ваша сила?..

(«Безымянные стремленья…», 1882; № 9)

Мозаичность поэтической картины мира акцентируется и в позднем стихотворении «Луч» (<1903>; № 414):

Это также только пятна,
Только краткий отблеск в щель
Из природы необъятной,
Где один закон и цель.

В результате «грусть <…> как песнь <…> рождается случайно» («Я знаю грусть: певучая, как песнь…»; № 133), и душа поэта «и каждый час, и каждый миг у новых грез <…> во власти» («Душа — нетающий родник…»; № 165).

Природа лирического таланта Фофанова побуждала современников видеть в нем «последнего романтика», последнего носителя культурной традиции восторженно-экзаль-

тированного поклонения искусству. По воспоминаниям В. В. Розанова, Фофанов почти непрерывно пребывал «в воображении»[51]. Вместе с тем многие отмечали надрывный, исступленно-болезненный характер этого «воображения». Публичные декламации Фофанова нередко вызывали дружный смех, порождали пародийные отклики[52], как и сами «продукты» «воображения», нередко граничившие с графоманией. Первый же его сборник 1887 г. «Стихотворения» пестрел вычурными, в духе Бенедиктова и Марлинского, тропами, вроде следующих: «Ты будешь безмолвна, как сумрак темниц, / Я буду, как буря, мятежен»; «...дух певца, мятежный и кипучий, / Являет радугу восторженных созвучий, пройдя сквозь пламенник страстей»; «Из глаз сомкнутых мертвецов смотрела темь былых веков, их пастью Вечность хохотала»; «В золотых руках возницы змеи белые зарницы вместо шелковых вожжей» (о грозовой туче); горе, которое зазевавшегося прохожего «заманит сторонкой» и «в пору обернется красною девчонкой»; «кажет луна окровавленный кончик», и т. д., и т. п. За подобные «перлы» этот сборник К. К. Арсеньев зло назвал «мнимо-поэтическим бредом»[53], а критик Е. Гаршин аттестовал талант начинающего поэта как «невоспитанный», которому явно недостает «более осмысленного отношения к действительности и красоте» и «хоть какого-нибудь мировоззрения»[54]. Впоследствии такие оценки стали традиционными, приобретя характер парадоксальных острот, вроде: «Его поэзия — лучезарная чепуха» (С. А. Бердяев); «Фофанов — пьяный Фет» (М. Н. Альбов)[55].

Однако наряду с подобными негативными суждениями набирала силу и другая тенденция — считать «невоспитанность» таланта Фофанова своеобразным проявлением «искренности», «стихийности» его поэтического дара, «непосредственности» вдохновения, чистого и безудержного лиризма, за который легко можно простить многочисленные погрешности формы. Именно эта тенденция и возобладала в кружке пи-

---

[51] *Розанов В.* Из личных встреч. К. М. Фофанов... С. 23.

[52] Ср., например, пародию Вл. Соловьева «По поводу стихов Майкова “У гробницы Грозного” и стихов Фофанова на могиле Майкова» (опубликована в кн.: *Соловьев Вл.* Стихотворения и шуточные пьесы. / Сост., подгот. текста, вступит. статья и примеч. З. Г. Минц. Л., 1974. С. 171 (Библиотека поэта. Большая серия).

[53] *Арсеньев К. К.* Русские поэты новейшего времени //Арсеньев К. К. Критические этюды по русской литературе. СПб., 1888. Т. 2. С. 149–150

[54] Биржевые ведомости. 1887. 13 февраля; перепечатано: *Э. Г.* <*Гаршин Е.*> Критические опыты. СПб., 1888. С. 245–251.

[55] См.: *Фидлер Ф. Ф.* Черты из жизни Фофанова. С. 3

сателей, группировавшемся в середине 1880-х гг. вокруг И. Е. Репина и И. И. Ясинского. В мировой культуре их притягивает к себе все, в чем проявляет себя «неумелое детское искусство духа»[56], будь то раннехристианские фрески Византии, «наивные, простые и строгие мозаики образов»[57] палермского собора или «полуграмотные, наивные холсты» живописи Арнольда Бёклина[58]. В этой системе эстетических координат «искреннее» отождествляется с «неправильным», «примитивным» и даже «варварским» — то есть со всем тем, что противостоит «гармоничному», «классичному», «эллинскому». Слово «варвар», настаивает Репин, определяет миросозерцание художника и стиль, неразрывный с ним. «<…> Варварским мы считаем то искусство, где “кровь кипит, где сил избыток”. Оно не укладывается в изящные мотивы эллинского миросозерцания; оно несовместимо с его спокойными линиями и гармоничными сочетаниями. Оно страшно резко, беспощадно реально. Его девиз — правда и впечатление»[59].

Канонизации подобных эстетических идеалов как нельзя лучше способствовали усилия Фофанова создать себе легендарную поэтическую родословную потомка «гордых», «суровых» финнов. Бурными аплодисментами участники кружка встретили чтение поэтом стихотворения «Я родом финн — и гордая свобода…» (1887; № 113), в котором происхождение и характер его Музы откровенно связывались с суровым финским климатом и варварскими нравами скандинавских племен:

И я таю в душе моей печальной
Их гордую, мечтательную лень,
И я суров; люблю я лед хрустальный,
И хохот вьюг, безумно музыкальный,
И от сосны узорчатую тень...

В 1880-е гг. это кружковое «жизнетворчество» способствовало популярности имени Фофанова, пожалуй, даже больше, чем его поэзия. И чем менее в его биографии правнука государственного крестьянина-старовера, выходца из Олонецкой губернии находилось документальных подтверждений «финской» легенде, тем активнее он старался «пробивать» ее в печати и в столичных литературных кругах, превращая ответы на банальные вопросы биографической анкеты, которую посылал

[56] Воспоминания, статьи и письма из-за границы И. Е. Репина / Под ред. Н. Б. Северовой. СПб., 1901. С. 140.
[57] Там же. С. 139.
[58] Там же. С. 120.
[59] Там же. С. 127.

ему С. А. Венгеров, в подобие легендарной семейной хроники (см. примеч. к № 113).

«Дикую» Музу Фофанова, зачастую опровергавшую нормы «классического» вкуса, единомышленники Репина и провозгласили знаменем новой поэзии. По их мнению, она была призвана поколебать в сознании современников культ «гражданской» Музы Надсона и утвердить идеал «наивного» Поэта, чья фантазия своим «варварством» должна была спровоцировать поиски новых форм «художественной впечатлительности», а свобода самовыражения творческого «я» стать единственным критерием поэтической правды[60]. Первые оценки такого рода принадлежат Жиркевичу. В дневниковой записи от 25 октября 1887 г. он, по-видимому выражая общее мнение участников «вторников», дает показательную оценку стихов их поэтического кумира: «<…> Искренность его Музы подкупает всех. На Фофанова, даже на глупости, встречающиеся у него, сердиться нельзя, так он искренен!»[61] С ним соглашается Н. С. Лесков, познакомившийся с Фофановым примерно в то же время на собраниях у Репина и Ясинского: «Он — поэт с головы до ног непосредственный, без выдумок и деланности. Он творит даже против воли»[62]. Наконец, статус эстетического манифеста эта точка зрения обрела в известных лекциях Мережковского (1892), провозгласившего поэзию Фофанова предтечей «новых течений» в русской литературе рубежа веков: «За эти капли теплой человеческой крови, прямо из сердца упавшие на страницы книги, можно простить и дикость образов, и неуклюжесть формы, и наивные описания тропической природы, составленные по школьным учебникам географии»[63]. И далее, подобно тому, как Репин противопоставлял «варварство» «новой школы живописи» «эллинскому» течению художников-академистов, так и Мережковский противопоставляет «дикую» музу Фофанова «тонкой филигранной работе лирика-эпикурейца, дилетанта-помещика Фета», завершая построение шкалы художественности закономерным выводом: «Фофанов непосредственный, почти бессознательный талант» — тут же, впрочем, сопроводив его существенной оговоркой: «И если хотите, в этом — непоправимая слабость Фофанова, которая навеки ограничивает круг его деятельности. Он никогда не вырвется из заколдованного сна, из цар-

[60] Подробнее об этом см.: *Сапожков С.* К. М. Фофанов и репинский кружок писателей. Статья первая // НЛО. 2001. № 48. С. 214–217.
[61] Дневник. Т. 7. Л. 14 об.
[62] *Фидлер Ф. Ф.* Черты из жизни Фофанова. С. 3.
[63] *Мережковский Д. С.* Эстетика и критика. Т. 1. С. 213.

ства фей, не вступит в современную умственную жизнь»[64]. Уже гораздо позже, в очерке «Русская поэзия тридцать лет назад» (1926) П. П. Перцов, размышляя о феномене востребованности поэзии Фофанова культурой порубежья, писал: «<…> Для задачи раскрепощения нужен был именно поэт, не знавший никакой культуры и спокойно начавший “с самого начала”: “*Звезды ясные, звезды прекрасные…*” С этого момента плотина была прорвана — и поток весеннего лиризма хлынул сквозь обессилевшие преграды»[65]. Этому «потоку» маститый критик, не без некоторой доли преувеличения, придавал столь большое значение в истории русской поэзии, что даже обозначил его именем целую «школу»», целую «эпоху» — «фофановскую» (1887–1895), которая, по его мнению, призвана была обеспечить переход отечественной Музы от гражданской риторики «школы Надсона» к «музыкальности» и утонченной импрессии будущей «школы Бальмонта»[66].

Таким образом, «наивный романтизм» Фофанова был столько же наивным, сколько глубоко личным, подкрепленный всем строем стихийного поведения и жизнечувствия «поэта милостью Божьей»[67]. Именно эта нерасторжимая связь личности и поэзии, узнаваемый автобиографизм лирического «я», стирание, подчас до неразличимости, границ между житейским и поэтическим образом, и создали культ «искреннего» таланта среди его почитателей. Впрочем, они и не подозревали, что, помимо «бессознательных», в мироощущении поэта накопилось к тому времени и требовало своего художественного выхода значительное количество вполне «сознательных» импульсов. Экспромт и импровизация давно искали для себя более прочной мировоззренческой основы, нежели «лунатические» откровения Жана Ришпена.

КРУГОВОРОТ

В некрологической статье о Фофанове известный критик и публицист М. О. Меньшиков, пользовавшийся безграничным доверием поэта, высказал суждение, которое заслуживает того, чтобы если и не разделить его, то, по крайней мере, к нему прислушаться: «Выскажу мнение, которое может показаться странным. Фофанов был не только поэт, но и мыслитель. При небольшом образовании он вбирал в себя как-то телепатиче-

[64] Там же. С. 215.
[65] *Перцов П. П.* Литературные воспоминания… С. 236.
[66] Там же. С. 237; 258.
[67] Этот факт до нас отмечен Е. В. Ермиловой. См.: *Ермилова Е. В.* Поэзия на рубеже двух веков… С. 99.

ски все идеи века и все настроения, причем — я уверен — ему многое пророчески было открыто в силу крайнего нервного изощрения. Фофанова стоит изучить с этой стороны, <…> стоит перечитать его пиитический (нередко) бред и отделить в нем высокие прозрения»[68].

Даже сегодня, спустя столетие, после того как были написаны эти строки, формула «поэт-мыслитель» применительно к Фофанову звучит, по меньшей мере, курьезно. И все же рискнем согласиться с Меньшиковым. Да, Фофанов не получил систематического образования, круг его чтения, в том числе и философской литературы, отличался крайней разбросанностью. Записи стихов в рабочих тетрадях то и дело перемежаются «афоризмами» и незавершенными, брошенными на полуслове набросками философских этюдов, которые сегодня ничего, кроме снисходительной улыбки, не могут вызвать у философски «подкованного» читателя. Однако дилетантски-беспомощное качество этой продукции не дает оснований поставить под сомнение серьезность намерений ее автора, пытавшегося, в меру отпущенных ему возможностей, отрефлексировать собственное поэтическое мировоззрение, перевести его с языка образов на язык понятий, как бы проблематично ни выглядела попытка такого перевода.

Ради того, чтобы лучше понять это мировоззрение и попытаться осуществить «обратный» перевод с языка понятий на язык образов, стоит вернуться к некоторым устойчивым мифологическим моделям человека и Вселенной, волновавшим Фофанова на протяжении всего его творчества и оказавшим серьезное воздействие на поэтический строй его мышления. Среди таких моделей главенствующее место занимало представление о *метемпсихозе*, то есть учение о последовательных многократных перевоплощениях человеческой души, которая, согласно древнейшим верованиям, после смерти тела может возродиться в другом человеке, в животном, растении, даже в камне. Вот как эта идея выглядит в изложении А. В. Жиркевича, подробно записывавшего все «философские» беседы с другом в дневнике. Запись от 17 января 1888 г.:

«Долго мы говорили вчера об его взглядах на смерть и загробную жизнь, в которых нет ничего нового, хотя ему кажется, что он в этой области делает открытия; он предполагает написать ряд статей, одна из которых, “Я”, уже готовится к печати у Оболенского. Сущность его теории — переселение душ и возможность когда-либо опять войти в форму, хотя иную, человеческого тела. Слова Евангелия о втором пришествии он и понимает как возможность вторичных и последовательных

[68] *Меньшиков М.* Поэт нашего поколенья // Новое время. 1911. 22 мая. С. 2.

воплощений духа, а учение о переселении душ он объясняет инстинктивным сознанием древними той связи, какая существует между душой человека и общей душой природы, проявляющей себя только в разных формах живых существ. Идея возможности опять возродиться, по словам Фоф<ано>ва, составляет великое нравственное утешение для людей. Душа живет и за гробом, сознавая себя полнее, чем в жизни. У нас существует как бы смутное представление о какой-то прежней, неземной жизни, к которой мы стремимся инстинктивно: наша душа уже жила на земле когда-то прежде в человеческой форме, но жила и вне земли, сохраняя лишь смутное воспоминание о земной жизни и т. п. <…> Идеи Фофанова очень стары, <…> а самая попытка указывает на недостаточное знакомство его с философией древних», — комментирует автор дневника, и тут же оговаривается: «Все же мне было приятно слушать вчера Фофанова, когда он с такой верой и увлечением спорил со мной о том, что там, за гробом, душа наша, "я" наше будет сознавать и постигать все, теперь нам непонятное благодаря временным смертным формам, — намного яснее. Природный ум у Фофанова несомненен, и как жаль, что этот ум так мало развит и обработан! Конечно, в философии Фоф<ано>ва господствует его безграничное, пылкое, живое воображение; ему рисуются целые картины, поэмы из мира духовного, понятные и мне, с его точки зрения, и странные с точки зрения современной науки»[69].

Жиркевич упоминает о философском эссе Фофанова под названием «Я», на публикацию которого в журнале Л. Е. Оболенского «Русское богатство» поэт возлагал особые надежды. Однако попробовать себя в новом амплуа философа-публициста ему не удалось. Цензор забраковал этюд[70]. Текст «Я» так и остался в рукописях; до нас дошел черновой набросок, датированный 30 ноября 1887 г. Его содержание можно передать в следующих выдержках:

«Хлопает и визжит вентилятор от порывов гневного и порывистого ветра, — и странные мечты приходят мне в голову в этот осенний вечер <…>. Мой духовный взор скользит по ним мимолетно и лениво». В этот вечер хочется вспоминать не личные впечатления, а других людей, со "всего мира"». Автор мысленно переносится в разные исторические эпохи, пытается вообразить, что могли говорить в предполагаемых обстоятельствах Пушкин, Данте, Шекспир, великие пророки… «И в каждом нахожу частицу себя, <…> чувствуя, что я при тех же обстоятельствах пропо-

---

[69] Дневник Т. 7. Л. 56–58.

[70] См. письмо к Жиркевичу от 18 марта 1888 г. (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича).

ведовал <…> то же самое. “Что же это такое?” — спрашиваю я себя. Или это самообманы, или в самом деле мое ничтожное “я” с этим огромным миром связано незримо глубокими нитями, со всем прошедшим, со всем настоящим — окружающим меня — и, может быть, со всем будущим…». Автору представляется: «Там, в бездне неизвестности, рожденной прежде всех миров, я вижу <…> частицу самого себя, который точно с таким же увлеченным любопытством смотрит на меня, как я на него. И вот уже странное сознание осеняет меня, что вся жизнь, все мироздание — не что иное, как любопытство. Тот же самый Разум, который не дает мне покоя, ведя и увлекая все вперед и вперед, — увлек и саму пустоту и бездыханность вечности развивать и варьироваться бесконечно, бесчисленно, а сам с жадностью стал следить за вибрациями эфиров, планет, незаметно разливаясь все шире и шире, дальше и глубже, пока не достиг последней своей пристани в разуме человека — и, сам удивляясь своей безграничной и великой силы, стал спрашивать: “Что же я есмь? И для чего?” И я, слабый в своих [1 сл. нрзб.], бесконечно малая и ничтожная частица бессмертного Разума, я силюсь ответить на его гордый, подавляющий вопрос. <…> И чувствую я, что все мои ответы холодны и ничтожны, но в то же время я томлюсь горделивым сознанием, что часть великого Разума, мое “я”, зарождена вместе с Ним, составляя органически неразрывное нечто с этим великим Титаном, — и уже не жалею о своей ничтожности, о своей скоропроходящей жизни. Во мне клокочет бессмертие, и я смутно уловляю, что существовал раньше того, чем облекся в плоть, незримо, неосязаемо, но существовал, как существует Он. И что я был тогда сильнее и могущественнее, чем заключенный в тело, и что по разрушении ничтожных тканей — я опять сольюсь с Ним, великим и бессмертным, и, может, через миллионы лет я снова, случайно, облекусь в какую-нибудь материю — и снова буду томиться разгадкой своего “я”. От такой мысли мне становится весело. И весело за все человечество, за всё окружающее меня; за всех живых, отживших и не живших. Я сознаю, что мое “я” разлито во всех окружающих меня». Из этих рассуждений автору становится понятной и христианская идея человечества как единой семьи, всечеловеческого братства, и евангельский завет любить другого, как самого себя. «И расстояние, разделяющее одного человека от другого, не кажется таким огромным, как это выглядит с первого взгляда, — незримые струны одного великого сознания сковали их — и одна великая Сила породила их — и, меняя свои сосуды, эта Сила не меняет своего существа»[71].

---

[71] РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 216–221. В углу листа помета: «Из Азбучки-Незабудочки». Под этой же рубрикой в данной те-

Несмотря на всю наивность «философских» посылок и аналогий, этим дилетантским рассуждениям нельзя и сегодня отказать в истовой убежденности тона. Хорошим комментарием к ним может служить позднее стихотворение «Кто я? — мечта или ошибка...» (№ 286), в котором поэт образно сформулировал понимание места своего «я» во Вселенной:

Бог весть зачем, Бог весть откуда
Мелькнувший между двух ночей, —
Для неразгаданного чуда
Ищу я смысла и очей...

Трудно согласиться с Е. З. Тарлановым, полагающим, что в этом стихотворении поэт ищет ответы «на явно искусственные и выспренние вопросы с их ложно понятой красивостью»[72]. В свете опубликованного в настоящем очерке биографического материала ясно, что для Фофанова это были вопросы отнюдь не «искусственные», а необходимо насущные, вытекавшие из всего строя его поэтического миросозерцания. Совершенно очевидно, что ответы на них Фофанов не «вычитал» из «умных» книг по философии и этнографии, а взял из собственного медиумического опыта, подкрепленного подсознательными процессами личной психики, к которым он, как поэт, всегда чутко прислушивался. В частности, необходимо обратить внимание на один мотив, глубоко волновавший Фофанова на протяжении всей его жизни и, вне сомнения, служивший для него еще одним подтверждением мысли о возможности одной и той же души повторить себя в других «я», связуя их бессознательной памятью о родственном прошлом:

Это было когда-то давно!
Так же ты мне шептала: «Молчи»,
И роняло косые лучи
Заходящее солнце в окно.
Или сон позабытый пришел
Так внезапно на память мою?
Или миг, что сейчас я обрел,
Тайно в сердце давно уж таю?
Заходящее солнце в окно
Золотые роняет лучи.
Ты чуть слышно шепнула: «Молчи».
Это было когда-то давно!

(«Это было когда-то давно!..», № 33)

тради написаны рассказы «Федька» и «Школа». Вероятно, это был замысел несостоявшегося прозаического сборника или цикла.

[72] *Тарланов Е. З.* Между золотым и серебряным веком... С. 170.

Многие впечатления от внешнего мира, разнообразные эмоции, мгновенные ассоциации часто фигурируют в лирике Фофанова в образе «знакомых незнакомцев». Поэта не оставляет ощущение, что глубинные процессы его психики — это «повторение пройденного», уже пережитого когда-то, где-то, в «этой» или «другой» жизни, случившегося с ним или не с ним, но почему-то так хорошо ему знакомого и памятного. Эта интуитивная память порою становится предметом непосредственной поэтической рефлексии (см., например, стихотворение «Опять», <1910>; № 517), но часто проявляет себя в безотчетном воспроизведении образов, сюжетов, лирических ситуаций, деталей пейзажа в текстах, подчас созданных на значительном временном удалении друг от друга. Например, сюжет стихотворения «Он покинул свой склеп невидимкой...» (1882; № 38) будет впоследствии варьироваться в текстах «Я у небес взял теплое сиянье...» (<1889>, № 85) и «Торжество любви» (<1886>; № 334). Ситуация «Дофина» (1893; № 193) откликнется эхом в «Смерти» (<1892>; № 212) и в стихотворении «В знойном сердце гасла сила...» (<1898>; № 297). Атрибуты сюжета «За городом» (1888; № 79) легко узнаются в стихотворениях «В дороге» (1888; № 107) и в «Деревня скрылася... И нивы...» (1899; № 301). Знаменательно, что обращение к определенному типу пейзажа автоматически влечет за собой повторение ряда деталей, строго не мотивированных изображенным временем года. Например, тихий (как правило, майский) вечер часто ассоциируется у поэта со скрипом калитки (ворот) и образом мчащегося всадника, гулким топотом копыт коня (см. № 112, 134, 146, 346). Зимний или осенний, «мертвый» пейзаж прочно связывается в сознании поэта с образом пугающего мрачную тишину пронзительным свистом, громыхающего по безжизненным просторам поезда (см. № 174, 263, 411, 485, 488, 513). Наконец, унылый, тусклый (как правило, осенний) день — это непременно тягучие звуки колокола и отдающийся в студеном воздухе стук колеса телеги по промерзшей дороге (см. № 263, 303, 323, 377, 385, 388, 477, 515). Во всех отмеченных случаях перед нами отнюдь не плод творческого бессилия, отсутствия наблюдательности и т. п. Все повторяющиеся детали каждый раз как бы увидены заново, свежим взглядом, прописаны рельефно и выразительно. Однако между этими деталями и нарисованной пейзажной картиной — связь чисто иконическая, их раз за разом возникающее соседство вызывает у поэта волнующее чувство переживания уже кем-то и когда-то пережитого:

Где-то колокол дрогнул уныло,
Скрип несмазанных слышен колес...

Это было, не раз это было, —
И щемило мне сердце до слез!

(«Осенью»; № 377)

Думается, в подобной авторской рефлексии кроется разгадка популярности еще одной сквозной темы в поэзии Фофанова. Это тема двойничества. Ситуация встречи с двойником образует сюжет многочисленных стихотворений: «Призрак» (1880; № 22), «Двойник» (1887; № 121), «Alter ego»[73] (1889), «Случалось ли вам в день сверкающего лета…» (<1890>; № 170), «Предчувствие» (<1894>; № 237), «Призрак» (<1895>; № 239), «Был явлен дух ко мне в вечерней тишине…» (<1895>; № 290), «Бледный гость ко мне вошел…» (<1909>; № 504) и мн. др. Тема двойничества именно потому оказалась такой «живучей» в творчестве Фофанова, что, помимо длительной романтической традиции, конечно, влиявшей на разработку этой темы, она отвечала интимным запросам его духовной жизни, затронула больные струны его души, неустанно искавшей отзвука в «другом» как в «дальнем предтече» собственного «я». Собственно, исповедальность и придает трактовке этой темы в поэзии Фофанова убедительность лично пережитого факта духовной жизни, несмотря на некоторую клишированность и ходульность образов и ситуаций. Двойник поэта — это, как правило, визионерский образ; внутренним зрением он воспринимается как «бедный <…> товарищ», «угасший брат или друг», который «молящим голосом зовет / Под сень неведомого края, / В иную жизнь, в иной народ». Чаще всего это зов смерти. Иногда он звучит «светло и богомольно», иногда вселяет неодолимый ужас, но всегда это зов *памяти рода*, ушедших или еще не родившихся воплощений души самого лирического героя, таких же, как и он, «искр, вихрей без ответа», зов, отчетливо им различимый в разнообразных голосах окружающей природы:

То был блуждающий вне жизни и вне цели,
Никем не вызванный, забытый всеми дух;
Он гроба не искал, не ведал колыбели, —
Рожденный, как туман, как искра, он потух.

И между тем как я, в смущении невольном,
Догадкой мучился, — он скрылся вдалеке;
Он ветром бушевал, ложился прахом дольним,
И рвал цветы в саду, и волны гнал в реке...

(«Был явлен дух ко мне в вечерней тишине…»; № 290)

[73] Из сборника «Тени и тайны» (1892).

Несмотря на очевидный автобиографизм мотивов «повтора», «двойничества» в лирике Фофанова, их значение далеко не исчерпывается отражением сугубо интимных сторон душевной жизни поэта. Роль этих мотивных комплексов точнее всего можно было бы определить, если связать их с термином древних — «психея», что указывает на их универсальный, миромоделирующий смысл, в свете которого поэт стремится объяснить не только тайны человеческой психики, но и тайны творчества, истории, мироздания в целом, которые также подчиняются закону «круговорота».

Особенно показателен принцип «повтора» («*опять*») для философии творчества Фофанова, видевшего в нем оправдание господства «общих мест» и «цитатности» в поэзии своего времени, стремившегося таким способом снять упреки в подражательности с себя и своих современников (см.: «Всё то же», № 143; «Мы — поздние певцы: мир злой и обветшалый…», № 185). В цитатности стиля Фофанова критика усматривала книжную, искусственную природу его вдохновения, способность перерабатывать в художественные образы одинаково ярко как «непосредственные впечатления, так и отраженные уже в других произведениях»[74]. В таком выводе есть, конечно, доля истины, о чем свидетельствуют многочисленные реминисценции из практически всех поэтов-классиков XIX столетия, которыми переполнены стихи Фофанова. Но суть не в самих заимствованиях и цитатах, а в их структурной функции в стиле поэта. Конечно, нельзя отрицать, что у Фофанова, особенно в «Стихотворениях» 1887 г., встречается много откровенно подражательных, ученических стихов. Но в целом ряде случаев мы сталкиваемся не с целенаправленным подражанием «чужому», а с наивным восприятием «чужого» как того, что к исходу столетия стало общепоэтическим резервуаром образов, мотивов, выразительных средств и т. п., из которого может черпать каждый — на правах законного соавтора, сотворца (все те же «знакомые незнакомцы»). Собственно, в поэзии Фофанова исподволь стал формироваться тот принцип, который впоследствии получит чеканную формулировку О. Мандельштама: «И снова скальд чужую песню сложит / И как свою ее произнесет» («Я не слыхал рассказов Оссиана...», 1914).

Тот же Пл. Краснов, отмечая особое пристрастие Фофанова к так называемым общепоэтическим темам («Весна», «Звезды», «Любовь», «Муза» и т. п.), пробовал самой заданностью лирического ключа объяснить и собственно механизм художественного мышления поэта: к каждому устойчивому лейтмотиву он «тотчас приберет целую вереницу так называемых “постоян-

[74] *Краснов Пл.* Поэт нашего времени... С. 242.

ных эпитетов", связанных с ним в народном представлении и употребленных другими поэтами, и создаст стихотворение красивое, звучное, и хотя мало осмысленное, но напоминающее что-то хорошее и знакомое…»[75] Действительно, читая стихотворение «Накануне зимы» (№ 75), в первой же строке мы сталкиваемся с весьма распространенным в языке Тютчева оборотом «Еще… , но (а)», стоящим в сильной позиции начала текста, но его «начинку» неожиданно составляет пушкинский образ («Еще на ветке помертвелой / Дрожит, как сказочный коралл, / Багряный лист…»). Через пару четверостиший вновь явственно ощущаем отголоски тютчевского ораторского синтаксиса («Ты скажешь…»), но на месте ожидаемой «весенней грозы» с удивлением встречаем зимнюю пургу, вызывающую ассоциацию уже с некрасовским сказочным «морозом-воеводой» («дедушка-мороз» вплетает в «ветки мертвые» берез «прядь серебряных волос»). Такая полицитатность в рамках одного текста свойственна многим стихотворениям Фофанова. Часто она зиждется не столько на лексических перекличках, сколько на узнаваемости синтаксического или метрического рисунка, общей «мелодии», на которую уже затем кладутся «слова». В разбираемом примере — это, конечно, «Весенние воды» и «Весенняя гроза» Тютчева. Причем, во многих случаях (и приводимый пример — не исключение) эти «слова» как-то мало вяжутся со смыслом самой «мелодии», выглядят чужеродно, эклектично[76]. «Цитатная» поэзия Фофанова в большинстве случаев дает общий мелодический камертон, настраивает на известные, опробованные в русской поэзии ритмические ассоциации, закрепленные за той или иной темой. При этом автор как бы предполагает, что чуткий читатель по «мелодии» уже сам подберет «нужные» слова. В других случаях сохраняется общая сюжетная схема цитируемого первоисточника, которая заполняется собственными образами и лексикой. Так, в «Упраздненном кладбище» угадывается схема «Когда за городом, задумчив, я брожу…» Пушкина; в «Ты помнишь ли?!» — «Сияла ночь. Луной был полон сад…» Фета; в «Мы любим, кажется, друг друга…» — «Я не люблю иронии твоей…» Некрасова; в «Иллюзиях» — «Песня Мины» Жуковского и т. д.[77]

[75] *Краснов Пл.* Поэт вне содержания: Литературная характеристика К. М. Фофанова // Новый мир. 1903. № 118. С. 305.

[76] Подробнее о функции цитат и реминисценций в языке Фофанова см.: *Сапожков С. В.* Цитатность как явление стиля русской поэзии 1880–1890-х гг.: К. М. Фофанов // Филология — Philologica. Краснодар, 1997. № 12. С. 58–62.

[77] Примеры других перепевов классических текстов в поэзии Фофанова см. в статье: *Клеман М.* К. Фофанов // Фофанов К. Стихотворения. М., 1939. С. 26 (Библиотека поэта. Малая серия).

Повышенная «литературность», «ретроспективность» поэзии Фофанова объясняется социокультурными факторами. Прежде всего, ощущением *классичности* поэзии уходящего XIX столетия, как во многих отношениях образцовой для поэтов-«восьмидесятников», не подражать которой невозможно. Отсюда культ поэзии Пушкина, так зримо проявившийся в литературном поведении и творчестве Фофанова (см. примеч. к № 66). Пушкин для Фофанова — если прибегнуть к расхожему штампу — это, в самом деле, «*наше все*», альфа и омега, начало и конец. Он — наглядное воплощение «памяти рода», которой живет природа, история и культура. И когда поэт пишет «Думу в Царском Селе» (№ 145), открыто ориентирующуюся на пушкинские «Воспоминания в Царском Селе» (1814) и «Царское Село» (1819), этот принцип формулируется им в качестве общезначимой универсалии его картины мира:

Да, жизнь вечна, хоть бродит смерть кругом!
Не знает мир, состарившись, утраты.
На рубище природы роковом
Мы новые, непрочные заплаты, —
В нас даже пятна старые притом:
Ах, экономна мудрость бытия:
Все новое в ней шьется из старья!

«КТО Я? — МЕЧТА ИЛИ ОШИБКА...»

Разумеется, идея метемпсихоза, исповедуемая Фофановым в качестве личной поэтической веры, отнюдь не нова. Она имеет древнейшее происхождение, зародившись еще на стадии первобытнообщинных представлений о загробной жизни. Тем не менее, возникнув на самых низших ступенях культуры, идея переселения душ на протяжении столетий пережила длительную эволюцию, получила множество модификаций как в античной поэзии и философии (Пиндар, Эмпедокл, Пифагор, Платон), так и в восточной религиозной культуре (браманизм, буддизм, каббала), а оттуда проникла в европейскую средневековую схоластику, став впоследствии существенным компонентом европейской романтической мифологии. Однако трудно найти кого-либо из европейских романтиков, у кого идея метемпсихоза столь откровенно и целенаправленно формирует собственный поэтический мирообраз, как у Фофанова. Не получив какого-то законченного «философского» оформления, она легла в основу довольно разветвленной поэтической иммортологии, отраженной в сюжетах множества его стихотворений. Здесь перечислим лишь программные: «Дума» (1883; № 44),

«Дума в Царском Селе» (1889; № 145), «Живем, волнуемся, а после…» (1891; № 167), «Утомленного агонией…» (1893; № 349), «Хотел бы я уснуть под свежею сиренью…» (1894; № 267), «Кто я? — мечта или ошибка…» (<1896>; № 286), «Прежние» (<1896>; № 371), «Мне не спится; блеск алмазный…» (<1900>; № 394), «Круговорот» (<1903>; № 419), «Страж» (<1906>; № 456) «Даль туманна, даль темна…» (<1908>; № 482) и мн. др.

Экзистенциальные вопросы, взыскующие смысл человеческого бытия перед лицом неизбежной смерти, — одна из магистральных тем русской поэзии предмодернистской поры. Трудно назвать поэта конца XIX века, не «переболевшего» этими вопросами. С. Я. Надсон, А. Н. Апухтин, Д. С. Мережковский, С. А. Андреевский, А. А. Голенищев-Кутузов, Вл. С. Соловьев, Н. М. Минский, К. К. Случевский мучительно искали ответы на эти «последние», «коренные» вопросы человеческого существования, прокладывая путь религиозно-философской проблематике нарождающегося модернизма. И Фофанов, конечно, не был исключением в этом ряду. Актуальность подобной проблематики для него будет еще более очевидна, если сопоставить духовные искания поэта с аналогичными раздумьями в творчестве К. Случевского.

Подобно Случевскому, автору известного цикла «Загробные песни», Фофанов мог с такой же категоричностью сформулировать сверхзамысел своих иммортологических стихотворений, с какой это сделал его соратник по цеху в письме к Минскому: «…Тут поэзия, образность, стих и пр. на втором месте <…> их задача облегчить насколько возможно странствования мятущегося духа человека именно в наше глубоко безотрадное время»[78]. Соответственно, и по мнению Фофанова, «идея возможности опять возродиться составляет великое нравственное утешение для людей»[79]. Эту же мысль поэт подчеркнул в письме к Случевскому 13 октября 1903 г., откликаясь на выход в свет «Загробных песен»: «В них столько живого, жизненного, что никак невозможно их назвать “загробными”. Все эти “загробные” песни пронизаны “мозговой энергией” — если позволительно так выразиться. <…> Не надо бы думать о том, что [есть] самая последняя вещь в мире, — т. е. о смерти, но как раз человечество об ней больше всего и думает. Это потому, я полагаю, что человек больше проводит времени в небытии, чем в бытии. Мне тоже приходила часто прежде ужасная мысль о смерти. Но я попрал смерть, решив, что она не существует, и что как мы существовали до жизни, которая уже есть начало наше-

[78] Письмо Случевского к Н. М. Минскому от 26 ноября 1901 г. (ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 1. Ед. хр. 341).
[79] Дневник Т. 7. Л. 56.

го духовного разложения, так будем существовать и после, не раз еще воплощая в материальную оболочку свое духовное "я". Это мне кажется несомненной истиной, — и на этом я успокоился, и страх смерти мне больше не страшен»[80]. А незадолго до отправки этого письма написал стихотворение «Круговорот» (№ 419), опубликованное в четвертом номере «Нового пути» за 1903 г. и подытожившее многолетние раздумья эту тему:

Чувство, греза каждая
Каждое желание
Угасает в радостном
Пепле мироздания.

<…>

И, встречаясь с бездною,
Как с былым предтечею,
С искрой зачинаемой
Радуется встречею.

И в текущей вечности
К свету приобщается
И опять мгновенною
Искрой зажигается…

Из всей совокупности приведенных здесь текстов и свидетельств становится понятно, чем привлекала поэта идея метемпсихоза. Кроме провиденциального оптимизма, покоящегося на вере в то, что смерть есть только изменение формы, но не прекращение жизни, а тело — только временная «одежда» для человеческой души, которую она может постоянно менять по прихоти верховного Разума, эта древняя теория убеждала ее апологетов в целостности мироздания, в незримой, глубинной связи, существующей не только между людьми разных поколений, но и между душой человека и душой природы и, в конечном итоге, мировой Душой, или, по терминологии поэта, «бессмертным Разумом». «Знаете ли, — писал Фофанов Жиркевичу 9 ноября 1894 г., — мне теперь кажется, что смерть не разъединяет, а, напротив, сближает с добрыми усопшими людьми. Жизнь только разлад — и разъединение, а есть нечто там, за пределами видимого, где все крепко, неразрывно и целостно, как великое зерно, из которого все живущее и видимое не что иное, как ростки и зеленые листья, которые под осень желтеют и умирают, падая к подножию своего корня»[81].

[80] ГИМ. Ф. 359. Ед. хр. 149. Л. 5– 6об.
[81] ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича.

Утверждая, что в осколках конечного зияет родственная ему целостность бесконечного, Фофанов открывает программную для раннесимволистской поэзии тему наследственности, рода, охватывающего собой все мироздание, включая человека. Эти мотивы, вслед за Фофановым, станут характерны для И. Коневского («Наследие веков», «В крови моей великое боренье…») и А. Добролюбова. Вот показательное место из его стихотворения «Я предвижу, о отдаленнейший из потомков моих…»: «О! пусть и смех надо мною, если он нужен, пусть и лихорадочное недоверие моей сравнительной недвижности и ужасному бесчувствию скал. Но вспомни, хотя на мгновение, что во мне лежали и только случайно не вспыхнули зародыши всех мыслей и движений твоих, что я так подробно предвидел тебя и воссоздал заранее живого тебя и твою удесятеренную жизнь»[82].

Ход размышлений Фофанова, автора неопубликованного этюда «Я», аналогичен. Мысль о том, что «все мироздание — не что иное, как любопытство» смотрящих друг на друга из необозримой дали времен различных воплощений одной и той же странствующей по его «градам» и «весям» души, призванной дать самому верховному Разуму ответ на вопрос: «Что же такое человек как венец творения и в чем его назначение на этой грешной земле?» — эта мысль, словно детская шарада, «веселит» поэта, и ему «становится весело за все человечество, за всех живых, отживших и не живших»[83].

О том, что мы имеем дело не со случайными совпадениями, а с проявлением ведущей закономерности поэзии конца XIX века, свидетельствует и распространенность подобных мотивов в поэзии Случевского (ср.: «Во мне спокойно спят гиганты…»; «Я видел Рим, Париж и Лондон…»; «Меня здесь нет. Я там, далеко…»). Так, Фофанов не менее интенсивно, чем Случевский, переживает превращение «я» в «другого» во времени. Об этом — стихотворение «Прежние» (№ 371):

Они упадали дождями,
Зарницей мигали в ночи;
Их вздохи дышали цветами,
Восторг их свивался в лучи.

И в тихой, бессмертной печали
Незримо в вечерней тени —
Загробные думы шептали
И с нами молились они…

---

[82] *Добролюбов А*. Собр. стихов. М., 1900. С. 17.
[83] РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 219–220.

В поэтической Вселенной Фофанова все воплощения человеческого духа равноценны — от растительного организма и минерала до ангела. В ней нет присущей многим восточным религиям принципа возмездия («кармы»), т. е. представления о «низших» (природных) и «высших» (человеческих, божественных) воплощениях человеческой души сообразно ее «заслугам» в предыдущей жизни. Всё творение представляет собой роящийся хаос («Что за хаос первозданный вокруг...») и разными своими «голосами» любовно льнет к человеческой душе, а та по-братски, радостно откликается на эти призывы:

Хотел бы я уснуть без жалобы и муки
И потонуть в лучах негаснущего дня,
Рассыпаться теплом лазурного огня,
Разлиться в аромат, в ласкающие звуки...

Хотел бы я уснуть — и возродиться вновь
Во взорах ласковых, в привете уст румяных
Для жизни молодой, для грез обетованных,
Весь счастье и восторг, весь трепет и любовь...

(«Хотел бы я уснуть под свежею сиренью...»; № 267)

Вдохновленный причастностью его «ничтожного “я”» промыслу верховного Разума, Фофанов действительно создает «целые картины, поэмы из мира духовного». Поэт чутко прислушивается к «пульсу мироздания» («Дума»; № 44), где «звездных сфер колеблются весы / В агонии рождения и страха» («Есть час в ночи, когда еще рассвет...»; № 249), а сам процесс неустанного обновления предстает в образе «челна круговращенья», «кормчий» которого «верно держит руль / От нуля забвенья к жизни, / И от жизни снова в нуль — / От изгнания к отчизне!» («Даль туманна, даль ясна...»; № 482). Есть в этой грандиозной картине даже свой «страж», «в броне воздушный воин», поставленный «на грани неба и земли» сопровождать бесчисленные вереницы «теней», которые, «идут, теснясь, на планету», мучимые жаждой «перейти ступени» всех своих мытарств («Страж»; № 456). Подчас эта вселенская картина даже мерцает тютчевскими отблесками зиждительного Хаоса, порождающего Космос из раздора стихий:

Там, где вечное течение
Божьих помыслов и грез,
Неземного вдохновения
Огнедышащий хаос! —

Там к началу приобщенное
Сердце искрой кочевой,
Бытием воспламененное,
Станет новою звездой!..

(«Утомленного агонией…»; № 349)

От этих красивых стихов, понравившихся Брюсову (см. примеч. к № 349), действительно, исходит энергия и восторг, так свойственные космическим фантазиям нарождающегося символизма.

Но общим пафосом найти в самой смерти и страданиях средство избавления от них, а в самом Хаосе бытия вскрыть созидательное, творческое начало, собственно, и заканчивается сходство Фофанова со своими поэтами-современниками[84]. Того же Случевского вряд ли смог удовлетворить «рецепт» избавления от страха смерти, который содержала вера в реинкарнацию человеческой души, исповедуемая Фофановым. Возможно, именно против концепции бессмертия Фофанова как вечного круговорота полемически заострены в «Загробных песнях» следующие строчки: «Бог повторений — бог нелепый! <…> зачем же только в общем, в главном / Живому духу падать ниц / И возвращаться снова к тленью…»[85]. Напротив: «Богу к лицу — пребывать в вечно новом, / В неуловимом пределов не знать, / Ведать, творить… не стоять на готовом, / И повторяться ему не под стать!»[86].

В этих поэтических декларациях Случевского — ключ к пониманию основных противоречий поэтической картины мира Фофанова. В ней не было эволюционной составляющей, без чего единство мироздания превращается в «тавтологию мирового процесса»[87], в топтание на месте, а человеческая душа начинает тяготиться своим бессмертием, которое, на поверку, предстает безжизненным суррогатом мирового Разума, зримым свидетельством угасания его творческих сил. Недаром один из лейтмотивов лирики поэта — картина земного бытия как унылого и скучного «повторения пройденного», лишенная созидательного, творческого начала. И в этой точке поэтического раздумья провиденциальный оптимизм лирического ге-

[84] См. об этом: *Щенникова Л.* Русский поэтический неоромантизм 1880–1890-х годов… С. 92.
[85] *Случевский К. К.* Стихотворения и поэмы. СПб., 2004. С. 353. (Новая б-ка поэта).
[86] Там же. С. 348.
[87] *Басаргин А.* (*Введенский А. И.*) Поэт бессмертия // Московские ведомости. 1904. № 286. Рецензия на «Загробные песни» К. К. Случевского.

роя Фофанова резко идет на убыль, сменяясь беспросветным скептицизмом:

Папироса… Еще и еще папироса!
Я курю — и в окошко смотрю.
Над водою все ласточки кружатся косо…
Покурил… закурил и курю.

<…>

Пепел стол весь усыпал… С откоса
В пруд сбегают утята толпой…
Папироса еще, и еще папироса!
Как все глупо, старо, боже мой!

(«Папироса… Еще и еще папироса!..»; № 493)

Эти бьющие в одну точку повторы, сравнимые с эффектом «спотыкающейся» пластинки (см. также «Стансы», № 385) — показательная черта стиля Фофанова, за которой стоит страх пред косной материей жизни — чувство, которое со все нарастающим напряжением поэт передает в ряде стихотворений: «Родился день, как поздняя любовь...» (№ 160), «Мы — поздние певцы: мир злой и обветшалый…» (№ 185); «Гамма» (№ 205), «Туманный день» (№ 434) и, конечно, знаменитое «Чудовище» (№ 196). Это чувство хорошо знакомо, например, главному герою рассказа А. П. Чехова «Страх» (1892): «Что и говорить, страшны видения, но страшна и жизнь. Я, голубчик, не понимаю и боюсь жизни»[88]. Как раз «Чудовище» потрясает и сегодняшнего читателя не столько описанием ужасного призрака-монстра, сколько акцентируемой поэтом на протяжении всего сюжета *невозможностью назвать и описать источник происхождения страха перед жизнью*, который до неразличимости сливается с повседневной толчеей городских будней и сеет панику именно своей безликостью и неявленностью. Характерно, что настойчивые попытки портретировать призрак в черновиках («холодное лицо», «тусклые глаза», плоть «холодная и склизская, как мокрая лягушка», и т. д.) почти ушли из окончательного текста стихотворения. Словно ниоткуда рождающийся ужас жизни большого города, воплощенный в загадочном «*Оно*», становится у Фофанова символическим выражением абсурдности, иррациональности человеческого бытия вообще, что предвосхищает экзистенциалистские трактовки урбанистической темы в творчестве Ф. Сологуба (образ Недотыкомки) и В. Брюсова. Последний так писал об этом стихотворении: «Это

[88] *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 8. М., 1986. С. 127.

"оно" — есть полнота этой жизни, принятой во всех ее проявлениях, от великого до позорного, от самого прекрасного до самого безобразного»[89]. Материальная тяжесть «этой жизни» часто не поддается преображению, и смерть только острее обнажает и проявляет данное качество:

Фу, гроб какой скверный! Должно быть, с похмелья
Его гробовщик натощак сколотил;
Житейского шума больное веселье
Мой слух раздраженный опять уловил.

Сквозь щели все видно, все слышно сквозь щели:
Моление певчих и хохот гуляк,
И даже рыданья вдали прозвенели...
Ах, если б скорее забвенье и мрак!
(«Гроб»; № 507)

Обостренное внимание к «пороговым» явлениям человеческого сознания, к самому моменту «перехода» из «этого» мира в «тот» — сюжет многочисленных стихотворений поэта. По частотности обращения к этим сюжетам Фофанов вполне выдерживает сравнение со Случевским, узаконившим «данс-макаберную» тематику в русской поэзии рубежа веков (см. примеч. к стихотворению «Я грезил, что умер, — ни плача, ни стона…», № 153). Понятна и общая для обоих поэтов-современников причина такого навязчивого желания — перевоплотиться в угасающее сознание умирающего и посмотреть на мир живых глазами ушедшего в инобытие человека: хочется поставить хотя бы мысленный «эксперимент», проверить — каждый свою — теорию бессмертия. Очень часто такая проверка сопровождается саркастической, циничной иронией в духе Гейне, как, например, в только что процитированном стихотворении Фофанова, однако мировоззренческие последствия кладбищенских «экспериментов» у обоих поэтов разные. Фофанов лукавил, когда писал Случевскому, что страх смерти ему «больше не страшен». Этот страх преследует его лирического героя с самого рождения и нередко принимает форму давящих сознание, парализующих ум и волю кошмаров, навязчивых видений и бредовых галлюцинаций. Чаще других его преследует одно видение — встреча своего «я» с «забытыми призраками», кочующими по мирозданию и жаждущими нового телесного воплощения («Не зажигая звезд, плывет по небосводу…»; № 250). Встреча эта, как правило, безрадостна для героя, открещивающегося от

[89] Цит. по: *Брюсов В. Я.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. М., 1975. С. 327.

«кровавых видений» («Видения»; № 453), словно от нечистой силы. Перспектива вочеловечения не сулит им ничего, кроме новых мук и страданий и нового страха перед неизбежной смертью («Ноктюрн»; № 457). Пожалуй, никто в поэзии конца XIX века так отчетливо, с такой ужасающей реальностью не описывал агонии умирающего человека, как неоднократно переживший это состояние, проведший немалую часть своей жизни в психиатрических клиниках Фофанов. Уж кто-кто, а он-то действительно в своей жизни не раз умирал и рождался в буквальном смысле заново, но всякий раз, пережив это состояние, он испытывал чувство, описанное им в стихотворении «Агония» (№ 181):

Он знал, что этот страх — миг смерти, может быть,
Что сердце, полное безумного волненья,
Порвется — и порвет, как прялка, жизни нить,
Что там — за ужасом… забвенье!

Страх, что за смертью его ждет безликое «ничто», пустота, а не новое «перевоплощение» души, обнаруживает себя в других стихотворениях и отождествлением смерти с «глубоким», «угрюмым» сном, «без песен и дум» («Я грезил, что умер — ни плача, ни стона…»; № 153), и вслушиванием в бормотание внутреннего голоса о том, «что в мире я чужой и лишний, / Что жизнь не мне принадлежит» («Смерть уступила гневной жизни…»; № 157). От мысли, что жизнь «есть начало нашего духовного разложения» и что «человек проводит больше времени в небытии, чем в бытии», один шаг до отождествления жизни и смерти со сном, и Фофанов этот шаг легко делает. Начиная с раннего стихотворения «Сон жизни» (<1884>, № 28) до знаменитой формулы из стихотворения «Осеннее раздумье» (№ 303) 1898 г. («Жизнь — сновидение без сна, / А смерть… смерть — сон без сновидений»), которая так пришлась по душе собравшимся на «пятнице» Случевского символистам (см. примеч. к № 303). Недаром эта формула (и близкая ей по смыслу: «блуждайте <…> сном бессмертья своего» из стихотворения «Не зажигая звезд, плывет по небосводу…»; № 250), нейтрализующая оппозицию «жизнь — смерть», прочно войдет в поэтическую фразеологию символистской поэзии, вплоть до стихотворения И. Анненского «К моему портрету»:

Игра природы в нем видна,
Язык трибуна с сердцем лани,
Воображенье без желаний
И сновидения без сна.

В чем же причина такой противоречивой трактовки темы смерти в поэтическом мире Фофанова? Как бы ни желал поэт стать убежденным, верующим «язычником», как бы ни подкреплял это желание своими медиумическими опытами, сама попытка вписать себя посредством первобытного мифа в гармонию миропорядка и гарантировать себе в нем законное место, в конечном итоге, оказалась для мироощущения поэта неприемлемой. Можно себя убаюкивать красивой легендой о посмертных перевоплощениях души, свойственной наивному взгляду на природу древнего человека, но нельзя отбросить из своего духовного опыта сложнейшие напластования культурно-религиозных традиций, которыми обременено сознание человека рубежа XIX–XX века. Даже такой искренне верующий «язычник» и «невоспитанный талант», как Фофанов, не смог полностью освободиться от этого груза. Уже Жиркевич в цитируемых выше отрывках дневника с нескрываемым удивлением констатировал странность произвольных аналогий, которые проводил его друг между «возможностью вторичных и последовательных воплощений духа» (идеей метемпсихоза) и «словами Евангелия о вторичном пришествии» Христа. Приводили в недоумение Жиркевича и те схождения, которые Фофанов в этюде «Я» пытался установить между языческим пониманием единства мироздания и христианской идеей человечества как единой братской семьи.

Рассуждая объективно, в такого рода попытках установить культурную преемственность между различными религиями и выработать на этой основе некую «универсальную» веру не заключалось чего-то неожиданного и экстраординарного. Напротив, они вполне отвечали духу времени; стоит хотя бы вспомнить о сознательных и целенаправленных усилиях Д. С. Мережковского, настойчиво шедшего в поэзии 1880–1890-х гг. навстречу своей будущей историософии синтеза христианства и язычества. Фофанов же остался, в целом, чужд религиозно-обновленческому движению в русской культуре порубежья, хотя спонтанные поэтические декларации на эту актуальную тему у него изредка встречаются (например, «Чем смертоносней влага в чаше...»; см. примеч. к № 251). Подлинно художественные удачи на этом пути его поджидают редко. Одним из немногих счастливых исключений можно считать вызвавшее скандал в церковных кругах (см. примеч. к № 334) раннее стихотворение, опубликованное под заглавием «Таинство любви» (<1886>; в настоящем издании публикуется под авторским заглавием «Торжество любви», № 334), заключающее в себе, наряду с «чувством благоговения к религии “Святого, кроткого, властительного сына, все возлюбившего бессмертною душой”», «и еретическо-языческую — для ортодоксального христиан-

ства — мысль: будто под воздействием могучего *таинства любви* преобразился и сам Бог-Отец»[90]. Однако в целом, повторимся, богоискательские тенденции были неорганичны для таланта и мировоззрения поэта. Все, что вышло на поверхность его сознания от подобного рода поисков, так это скороспелые аналогии, возникавшие спонтанно-импульсивно, да понимание собственной неукорененности в каноническом православии: «Ни одного радостного гимна в честь Воскресения! Пасхальные мотивы ничего не говорят моему сердцу. Это не потому, чтобы я утратил веру. Напротив, я жажду, я хочу верить — и странно сказать — вместе с этим едкое чувство досады поднимается во мне на заблуждения многих веков. <…> Но, видя вокруг молодую жизнь, детей, расцветающую природу, — я насильственно взвинчиваю себя. Я прошу Бога дать мне веру»[91]. А в поэзии, несмотря на обилие поэтических переложений Священного писания, он себя все же больше ощущал язычником:

Язычник я — молюся солнцу,
Молюся ясным высотам,
Молюсь весне благоуханной…
Ищу — и Бога вижу там.

(«Язычник», 1900; № 387).

Впрочем, как для философии — сказать трудно, но для поэзии «язычество» Фофанова оказалось очень даже продуктивно.

«ЭТО ТАКАЯ ЖЕ ОБРАЗНАЯ АППЕРЦЕПЦИЯ ЯВЛЕНИЙ ВНЕШНЕГО МИРА, КАКАЯ СОЗДАЛА СТАРЫЕ МИФЫ»

Среди «языческих» сюжетов Фофанова, как бы воскрешающих наивный, анимистический взгляд древнего человека на природу, явно выделяется стихотворение «Мне не спится; блеск алмазный…» (1900; № 394). Запечатлен характерный, как увидим далее, момент внутреннего состояния лирического героя, особое качество его памяти, когда она, путешествуя во времени, дает ему возможность стать на миг прежним «другим», вернуться вспять через века и тысячелетия к природному первообразу:

Помню птиц полет звучащий,
Сок по веткам пробегал,

[90] *Щенникова Л.* Русский поэтический неоромантизм 1880–1890-х годов... С. 121–122.
[91] Письмо А. В. Жиркевичу от 16 апреля 1894 г. (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича).

Тихой рощей, темной чащей
Близ селенья я дрожал.

Жил и цвел кустом малины,
Слышал церкви перезвон;
Он гудел во мгле долины
И меня тревожил он.

Аромат кустов соседних
Тайной сказкою дышал…
Помню осень дней последних,
Я поблек — и умирал.

Стал я хворост; с легким дымом
Я исчез в огне костра,
И блуждал неуловимым
Вплоть до скучного утра.

Цепочка природных трансформаций собственного «я» выражена в этом тексте через особые образные структуры — творительный сравнительный или творительный метаморфозы (они выделены в тексте курсивом). Понятно, что в данном тексте мы имеем дело не с олицетворениями, не с условным образом, а с воскрешением в поэтическом языке древнейших типов образного мышления, выражающих имманентность человеческого «я» природе. В них акцентируются отношения не просто аналогии или соответствия, но прямого *тождества*. Недаром по ходу текста творительный метаморфозы сменяется именной частью составного сказуемого: «Стал я хворост…».

В языке Фофанова такой тип образности встречается с самого начала творческого пути. Вот примеры, взятые наудачу из текстов, написанных в разное время: «Думы мчатся облаками»; «плывут облаками мечты»; «я поплыл <…> эфиром голубым»; юность «светит издали нам тихою зарей»; «прошлое счастье — луной / Смотрит мертво и неясно»; «сердце искрой кочевой, / Бытием воспламененное, / Станет новою звездой!»; «отуманенные сны» «тихо тают» «вздохом тучки белоснежной»; ушедшие поколения «упадали дождями, / Зарницей мигали в ночи; / Их вздохи дышали цветами, / Восторг их свивался в лучи»; явившийся дух «ветром бушевал, ложился прахом дольним»; дух человека «жаждет <…> снова трепетать незримо и беспечно / Побегом молодым на сочных деревах»; «хотел бы я <…> рассыпаться теплом лазурного огня, / Разлиться в аромат, в ласкающие звуки», и мн. др. Характерно, что перевоплощения Творца описываются почти теми же образными формулами, что и трансформации человеческого духа: Бог «зажегся лампадным

огнем», «разлился» «в трепет эфирный» (варианты: «тихою тайной», «тихою думой»). Пройдет совсем немного времени, и подобные образные структуры, бывшие в поэзии XIX века большой редкостью[92], станут общеупотребительными в поэзии XX века. Еще В. В. Виноградов, обращая внимание на частотность употребления творительного метаморфозы в поэзии Ахматовой, подчеркивал, что во всех подобных примерах мы «имеем дело не с чисто словесными метафорами, а с отголосками “мифологического мышления”»[93].

К аналогичным выводам пришел и С. Н. Бройтман, анализируя образный язык К. Бальмонта, И. Коневского, А. Добролюбова, Ф. Сологуба[94]. О мифотворческих перекличках стихов Коневского и Добролюбова с поэзией Фофанова шла речь выше. Поэзия Ф. Сологуба в этом отношении не менее показательна. Одно из многочисленных подтверждений тому — стихотворение «Что вчера пробегало во мне…» (1894):

Что вчера пробегало по мне,
Что вчера называл я собою,
Вот оно в голубой вышине
Забелелося тучкой сквозною.

Тот порыв, что призывной тоской
В этом сердце вчера отозвался,
Это он перед близкой грозой
Над шумящею нивой промчался.

Та мечта, что в безрадостной мгле
Даровала вчера мне забвенье,
На иной и далекой земле
Снова ищет себе воплощенья.

Согласно определению И. Анненского, именно способность «отразить вечно сменяющиеся взаимоналожения “я” и “не-я”»[95] позволяет назвать Сологуба поэтом-символистом. Вероятно, под это определение символизма вполне подошла бы и поэзия Фофанова, благо что сходство с его мифом о мироздании как

---

[92] *Кожевникова Н. А.* Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. М., 1986. С. 16.
[93] *Виноградов В. В.* О поэзии Анны Ахматовой // Виноградов В. В. Избр. труды: Поэтика русской литературы. М., 1976. С. 411–412.
[94] *Бройтман С. Н.* Русская лирика XIX — начала XX в свете исторической поэтики: Субъектно-образная структура. М., 1997. С. 216–226.
[95] *Анненский И. Ф.* Книги отражений. М., 1979. С. 339.

«челне круговращенья» в данном лирическом сюжете Сологуба четко прослеживается.

В поэзии Фофанова в отдельных случаях можно наблюдать механизм воскрешения древних мифов, по модели, описанной еще А. Н. Веселовским, когда к основному признаку параллели присоединяется целый ряд добавочных признаков и создаются «генеалогические сказки, образно выразившие идею тождества»[96]. Например, если «думы» трансформируются в «облака», то возникает необходимость в «человеке-солнце», который бы осветил эти «облака-думы» светом. Так появляется новая параллель и рождается миф:

Облака плывут, как думы,
Думы мчатся облаками;
Будь ты солнцем — освети мне
Думы алыми лучами.

(«Восточные брызги», 16; № 61)

Приведя эту цитату в «Исторической поэтике», Веселовский сопроводил ее следующим комментарием: «Это почти антропоморфизм “Голубиной книги”: “Наши помыслы от облац небесных”, но с содержанием личного сознания. <…> Недостает лишь момента верования»[97]. Думается, однако, что и «момент верования» в данном случае наличествует, правда, остается в силе вопрос о его уместности для поэта новейшего времени. «Это такая же образная апперцепция явлений внешнего мира, какая создала старые мифы», — замечает далее Веселовский[98]. По мнению ученого, воскрешение старого мифа происходит в таких случаях бессознательно, в силу присущего человеку стремления «наполнить собой природу по мере того, как она раскрывается перед ним, вызывая все новые аналогии с его внутренним миром»[99]. Однако и этот тезис можно уточнить, зная о существовании в поэтическом сознании Фофанова некоего исходного «прамифа», объясняющего принцип тождества человека и природы[100].

---

[96] *Веселовский А. Н.* Избранное: Историческая поэтика / Подг. текста, науч. ред. и комм. И. О. Шайтанова. М., 2006. С. 422.
[97] Там же. С. 491.
[98] Там же. С. 492.
[99] Там же. С. 421.
[100] В мае 1899 г. Фофанов присутствовал в Московском университете на торжествах Общества любителей российской словесности (ОЛРС), посвященных столетнему юбилею А. С. Пушкина. В письме к Жиркевичу от 8 июня 1899 г. он с гордостью отмечал, что сидел в почетном президиуме, «в ареопаге профессоров». Среди

Современный человек, человек эпохи порубежья, полагает создатель «Исторической поэтики», в познании окружающего мира жаждет «не одних только научных откровений, но и симпатий. И созвучия являются, потому что в природе всегда найдутся ответы на наши требования суггестивности. Эти требования присущи нашему сознанию, оно живет в сфере сближений и параллелей, образно усваивая себе явления окружающего мира, вливая в них свое содержание и снова их воспринимая очеловеченными. Язык поэзии продолжает психологический процесс, начавшийся на доисторических путях: он уже пользуется образами языка и мифа, их метафорами и символами, но создает по их подобию и новые»[101]. Наверное, в этом контексте можно более точно понять смысл поэтических деклараций Фофанова, в которых утверждается тезис о том, что «Лишь вымыслу возможна новизна! / Для правды нет ее у человека» («Родился день, как поздняя любовь...»; № 160). Речь здесь идет, конечно, не о «выдумывании» нового мира, а о способности образа открывать тайны природы и человека, восполнять ограничения опытного, «научного» знания, опираясь на древние синкретические механизмы мышления. С этой точки зрения, весьма спорным представляется тезис П. П. Перцова о том, что роль «школы Фофанова» в истории русской поэзии была «в сущности *реставраторской*». Она отнюдь не ограничилась возвращением «права поэзии» «писать о мотыльках»[102], но подготовила рождение новой образности, экспериментирующей с механизмами будущей символистской мифопоэтики.

Одним из таких механизмов, безусловно, является психологический параллелизм, весьма распространенный в поэзии Фофанова и ярко демонстрирующий ее мифотворческие интенции. В качестве примера рождения новообразований, возникших на основе параллелизма, можно привести раннее стихотворение «В дороге» (1888; № 107).

> Верста, еще верста! Назад я бросил взор,
> Селенье скрылося за желтый косогор,

перечисленных фамилий значится и фамилия Веселовского. На одном из заседаний ректор университета вручил Фофанову значок действительного члена ОЛРС. (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича). Вероятно, эта встреча положила начало знакомству Веселовского и Фофанова. В архиве поэта сохранилось шесть писем академика, в основном, датированных 1901–1902 гг. (см.: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 539).

[101] *Веселовский А. Н.* Избранное: Историческая поэтика... С.424.

[102] *Перцов П. П.* Литературные воспоминания... С. 238.

Лишь церкви дальний крест сверкает в высоте
Да космы чучела желтеют на шесте,
Как привидение, — и дымных тучек стая
Несется медленно, свой очерк изменяя...
Я дальше ухожу... Верста, еще верста!..
Как знойный океан, сверкает высота;
Я бросил взор назад — уж нет в дали селенья,
Лазурью сонною сверкает отдаленье,
И небо знойное, лобзаяся с землей,
Как тайну, прячет даль... Так годы чередой —
Как версты пестрые — проходят перед нами,
И смотрим мы назад пугливыми очами;
Но память бледная, как синий небосклон,
Скрывает прошлого невозмутимый сон...
И только дни любви, как крест далекий храма,
На небе бытия спокойно и упрямо
Сверкают дольше всех внимательным очам,
И смотрим мы вперед — и небо видим там.

Такие двухчастные композиции, в которых соответствия между «природной» и «человеческой» жизнью приобретают характер развернутого сравнения с начальным «Так» (впрочем, встречаются случаи и чистого развернутого паралеллизма), весьма типичны для поэзии Фофанова (см. № 74, 106, 114, 356, 364, 479, 515 и мн. др.). На данном примере можно наглядно убедиться в том, что развернутое сравнение, по сути, представляет собой реализацию традиционной романтической метафоры «жизнь-дорога», с предельной детализацией обоих компонентов и переосмыслением ее семантики. Начальные назывные конструкции («Верста, еще верста!») задают характерный для романтической картины мира ритм безостановочного движения и устремленности вдаль. Однако вместо ожидаемого взгляда вперед, в будущее, лирический герой резко меняет направление обзора: он оборачивается назад, в прошлое, романтическая даль и томление по бесконечному как бы зеркально опрокидываются, и привычная романтическая перспектива оборачивается ретроспекцией. В полном соответствии со своим мифом, поэт как бы «аукает» прошлое, ища в нем дальнего прообраза собственного настоящего, сводя эту преемственность к тождеству «любви» и «храма» — еще одной традиционной романтической метафоре. Лишь в финале появляется привычный для романтиков взгляд «вперед» и «вдаль», и пространственная композиция очерчивает полный замкнутый круг: образ «неба» за спиной, сливающегося с землей на горизонте, сменяется образом «неба» впереди. Таким образом, развитие лирического сюжета происходит в полном согласии с авторской мифологической моделью «круговорота»,

причем новые мифотворческие смыслы возникают на основе детального сличения компонентов старой метафоры: прошедшие «годы» — это пройденные «версты», «память бледная» — туманная даль за спиной, «крест далекий храма» — «дни любви».

Пример стихотворения «В дороге» убеждает в том, что развернутые сравнения в поэтике Фофанова — часто результат «разъятия» традиционных метафор и олицетворений. Поэт как бы чисто логическим путем вскрывает генезис образования устойчивых метафор из лежащего в их основе параллелизма. С любопытством ребенка, которому недостаточно просто любоваться красивой игрушкой, а обязательно надо посмотреть, «что там внутри», Фофанов с превеликим удовольствием «ломает» классические тропы (вроде «храм-сердце» в стихотворении «В тихом храме»[103]; № 89), вскрывает их «внутреннюю начинку» и начинает детально сличать те сходства, которые в метафоре мыслились как сами собой разумеющиеся и не подлежали «раскодированию». Порою попытка сличения носила столь нарочитый характер, что вызывала у современников упреки в искусственности сравнений, как, например, в стихотворении «На поезде» (см. примеч. к № 82). Но иногда поэт, сам чувствуя «сочиненность» сравнения, не включает его в окончательную редакцию, как это случилось с текстом «Еще гарем не спал…» (см. раздел «Другие редакции и варианты», № 171). «На подобных образах, — пишет Е. В. Ермилова, — лежит явная печать “переходности”; здесь есть определенное недоверие к силе поэтического слова и образа»[104]. Это недоверие, пожалуй, можно трактовать как недовольство его условностью. Условность сходства явлений, закрепленную в семантике классической метафоры («сердце — храм», «жизнь — дорога»), Фофанов не воспринимает уже как самодостаточную для понимания. В процессе «сличения», который реализуется в сюжете, напротив, устанавливается условность различия между явлениями. Это тождество Фофанов доверчиво подозревает всюду. Недаром через всю его лирику сплошной чередой проходят образы «парных взаимоотражений» явлений, реалий, процессов, которые постоянно «перетекают», трансформируются друг в друга:

> В зеленеющем уборе
> Млеют темные леса.
> Небо блещет, точно море,
> Море — точно небеса.

---

[103] Подробный анализ образной структуры этого стихотворения см. в нашей статье: К. М. Фофанов и репинский кружок писателей. Статья вторая // НЛО. 2001. № 52. С. 176–177.
[104] *Ермилова Е. В.* Поэзия на рубеже двух эпох... С. 98.

И светит мне в окно, вечернею лампадой,
          Небесная луна…

И светит мне звездой вечерняя лампада,
Перед иконою, как жертва, возжена…

Я знаю грусть: певучая, как песнь,
Она в душе рождается случайно <…>
……………………………………
Я знаю песнь: в душе моей, как грусть,
Она звучит то нежно, то сурово…

Рыдала тишина беззвучными слезами,
И тишина в душе истерзанной росла.

И т. д.

Параллелизм в данных примерах оказывается уже не категорией языка («стиля» в узком смысле этого слова), но свойством самого бытия, то есть категорией онтологической. И в этом поэтическая картина мира Фофанова наследует уже не столько фольклору, сколько романтической традиции в целом, в том числе и знаменитым «Соответствиям» Ш. Бодлера.

Картина мироздания, на разных «этажах» которого постоянно протекает своеобразный «обмен веществ», где все перевоплощается во все, образует центральный художественный мирообраз поэзии Фофанова. Этот мирообраз изначально осознается как словесно-игровой. Он открывается лирическому «я» в виде «иносказания», в котором одни и те же явления, одни и те же процессы в духовном и материальном, природном и человеческом мирах называются по-разному:

Посмотри, рассыпал кто-то
Розы свежие вкруг нас…
Посмотри — здесь роз без счета
И на каждой-то алмаз.

— Полно, полно, где тут розы,
Где, шалунья, тут алмаз?
Эти розы — наши грезы,
А алмаз — слеза из глаз.

(«Посмотри, рассыпал кто-то…»; № 31)

Стилистика подобных текстов находится на грани поэтического примитива, наивного словотворчества. Процесс образопорождения в лирике Фофанова подчас напоминает увле-

кательную словесную игру: мир лирическому герою кажется неким гигантским ребусом, требующим разгадки. Ключ к разгадке — подыскивание соответствий, нахождение родственных пар в самых различных сферах духовного и материального бытия[105]. «Цветы, поля, дубровы — риза пестрая земли»; «искры вечные небес — звезды, блещущие ярко»; «зерна звезд — светильники земли»; «звезды — сны неба ночного, и сны человечества — звезды»; «сердце — точно солнце, разум — точно месяц»; «белые сфинксы — медведи полярные»; луна — «светлая икона» и т. д. С точки зрения исторической поэтики, данные символы-приложения тоже представляют собой новообразования, созданные по модели наивного синкретизма. Лирический герой выступает в роли своеобразного переводчика таинственных иероглифов мироздания, что напоминает попытку разгадки детского рисунка, описанную поэтом в стихотворении «Рисунок» (<1903>; № 412): «непонятному» ищется аналог в «понятном» и «доступном». Вызывает добрую улыбку прямолинейный схематизм такой поэтической «дешифровки» и та наивная доверчивость и увлеченность лирического героя, с которой он созидает свой словесно-игровой космос. В подобных механизмах образного мышления отчетливо проступают следы альбомной, дилетантской поэзии, что подтверждается наличием в рукописях поэта довольно обширного пласта всевозможных поэтических «загадок», «шарад», «акростихов», каламбурных экспромтов и т. п.[106]

Все вышесказанное позволяет с большой настороженностью отнестись к мнению, бытовавшему еще среди современников поэта и с категоричностью повторенному Г. Цуриковой о том, будто бы развернутые сравнения и параллелизм в пейзажной поэзии Фофанова часто искусственны, а их «философичность — мнимая»[107]. Если с первой частью вывода об искусственности сравнений еще можно согласиться (и то — с оговорками), то его вторая часть вызывает решительные возражения. Между тем, исследовательница убеждена, что «стихи Фофанова сильны отнюдь не глубиною рассудочных обобщений, но лишь живописной выразительностью поэтических картин, <…> запечатлевших исторически конкретный психологический облик человека, сына своей эпохи»[108].

Конечно, нельзя отрицать, что в стиле Фофанова воплоти-

---

[105] Подробнее см.: *Сапожков С.* К. Фофанов и репинский кружок писателей. Статья вторая… С. 173–179.

[106] См.: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 430, 431.

[107] *Цурикова Г.* К. М. Фофанов // К. М. Фофанов. Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1962. С. 35 (Б-ка поэта. Большая сер.).

[108] Там же.

лось и восходящее к Фету постижение мира через чувственное его восприятие, многие его пейзажи не требуют «дешифровки» и не нуждаются в подсказке символа. Их образность не выходит за рамки эмоционально-интуитивной сферы лирического переживания и тяготеет к условно-метафорическому типу. Об этом хорошо и точно писали многие исследователи, в том числе и Г. Цурикова[109]. Однако Фофанов интересен не там, где он мастерски демонстрирует уже освященную традицией импрессионистическую технику письма, а там, где он экспериментирует, где совершается прорыв из поэтической гносеологии в образную онтологию, где предчувствуются, пусть пока на уровне «поэтической шарады», попытки мыслить природу на языке мифа. От наивного словотворчества поэт делает следующий шаг и переходит на образный язык иных, «высоких» иносказаний, где пейзаж «читается» как поэтическая мистерия. Это замечание относится не только к сюжетам таких текстов, как «Рождение весны» (№ 360) и «На полюсе» (№ 403), в которых действие происходит одновременно на «земле» и на «небе» с участием «хора духов», «блуждающей души», «гения мира», «льдин», «призраков» и «северного сияния», но и к многочисленному ряду лирических сюжетов мистериального типа, таких, как «Вечерние гости» (№ 375) или «Декабрьская ночь» (№ 410). В последнем, например, дается картина «умершего мира в объятиях зимы». Этот мир застывших «изваяний», из которых «жизнь исчезла — и ушла», маркируется посредством творительного метаморфозы: «Горит луна морозною лампадой, / И клочьями растрепанной чалмы / Глубокий снег белеет над оградой». Лирический герой включается в эту фантасмагорию царства смерти, готовый сам «застыть, как изваянье»,

Готов застыть, сливаясь с тишиной,
Как ризою, облечься лунным светом,
И вновь воспрянуть с первою грозой,
При шуме вод — восторгом и расцветом.

Диалектика смерти и жизни в данном пейзаже раскрыта через индивидуально-авторский миф о мире как сплошной цепи перевоплощений, в которую органично включаются как жизнь природы, так и жизнь человека, находящиеся в согласии с общим «пульсом мирозданья». Иными словами, за конкретным пейзажем здесь стоит пейзаж «мифологический», в контексте которого природные образы и явления становятся, по словам Мережковского, «в высшей степени *прозрачны*»: поэт «смотрит на них как на одушевленные иероглифы, как на живые симво-

[109] *Цурикова Г.* К. М. Фофанов... С. 33–34.

лы, в которых скрыта божественная тайна мира»[110]. И когда Фофанов писал свое стихотворение «Символисту» (<1895>; № 367), то солидаризировался с «новым искусством» прежде всего в этой способности объяснять природу как «творимую легенду», совершающееся таинство, по отношению к которому миф выполняет роль поэтического ключа:

Есть тайный смысл в твоих речах,
Непостоянных и кипучих,
Есть дальний отзвук гроз летучих
В твоих пророческих мечтах.

Кому понятен плеск ручья
И вздохи розы молчаливой,
На речь твою, восторг тая,
Преклонит слух благочестивый.

«НА ПОРОГЕ КАК БЫ ДВОЙНОГО БЫТИЯ...»

Однако историко-литературная ценность поэзии Фофанова заключается не только в том, что она содержит в себе важные мифотворческие интенции, укоренившиеся в художественном сознании последующего поколения поэтов-символистов, но и в том, что на ее материале можно хорошо проследить сам момент *перехода* от образности метафорической (условно-поэтической) к образности мифологической (субстанциональной) в поэзии новейшего времени, и главное — выявить трудности и проблемы мировоззренческого и стилевого характера, сопровождавшие сам процесс такого перехода.

Уже говорилось, в частности, о неустойчивом статусе мечты в художественном мировоззрении Фофанова, о неспособности поэта в целом ряде случаев полностью разорвать все нити, связующие поэтический образ с действительностью, о спасительных «так», «точно», «будто» и «словно», придающих его развернутым сравнениям подчеркнуто иллюзорный смысл и дезавуирующих уже, казалось бы, свершившийся на глазах читателя факт почти полной обособленности поэтической реальности от законов «этого» мира. Эта противоречивость образной структуры — безусловно, следствие и более общих, глобальных противоречий мироощущения поэта. А оно мучительно раздваивается между стремлением «порвать земную цепь тревог», «улететь навстречу солнц и вечности» и неодолимой силой «дыхания земного», привязанностью к «родной стране», к запаху «трав» и «серых мхов» («Фантазия»; № 92); между страстным призы-

[110] *Мережковский Д. С.* Эстетика и критика. Т. 1. С. 214.

вом к человеческому духу в посмертных скитаниях никогда не знать земного воплощенья («Не зажигая звезд, плывет по небосводу…»; № 250) и в то же время не менее решительным предпочтением «мира равнодушных, но живых», миру холодной и бездушной вечности («Вечерние гости»; № 375). «Безбрежность давит ум» лирического героя Фофанова («Элегия»; № 372), он не может «постигнуть <…> жизнь без борьбы, и счастье без желанья, и радость без тревог» («Я населил таинственным мечтаньем…»; № 311). Все эти противоречия, пережитые и осмысленные отечественной поэзией с предельным накалом трагизма еще в творчестве Лермонтова и Тютчева, вновь на исходе века возрождаются в поэзии Фофанова и разрешаются примерно тем же способом. А именно: попыткой совместить «землю» и «небо» в некоем «срединном», «пограничном», «переходном» состоянии человеческого духа.

И скоро ночь сошла над спящею природой,
И в душу ночь сошла, — и неба было два:
Одно — манящее огнями и свободой,
Другое — темное, без звезд и божества.

И был прикован я очами к ночи звездной,
Прикован памятью был к ночи без огня,
И бездна светлая баюкала над бездной
Непроницаемой меня!

(«Тишина»; № 289)

Этот дуализм поэтического мирообраза, заставляющий вспомнить об известной тютчевской метафоре — *«на пороге как бы двойного бытия»* — не мог не порождать порой взаимоисключающие интенции мировоззрения и стиля. С одной стороны, ощущение, что «стал тесен мир, его оковы / Неумолимы и суровы», вызывает потребность искать «новые пути» в искусстве и предчувствие скорого появления в его «вечном храме» «жрецов неведомого чувства» («Ищите новые пути!..»; № 278). С другой стороны, когда эти «жрецы», откликаясь на призыв поэта, выпустили журнал с характерным заглавием «Новый путь» и, явившись на авансцене известных религиозно-философских собраний, стали рвать «запретного <…> древа / Плоды и пестрые цветы», в ответ им прозвучали слова, призванные охладить пыл «некоторых», чей «стон размеренный напева / Все ищет новой красоты»:

А красота — вот здесь, пред нами,
В разливе рек, в тени дубрав,

Под всемогущими лучами
И в аромате вешних трав.

Вот здесь, — в спокойном этом взоре
Глубоко любящей души
И в этом терпеливом горе
Без жалоб гибнущих в глуши.

Здесь красота... Чего же надо,
Еще какую красоту?..

И, тем не менее, поэт, оставаясь верным капризам своего мироощущения, заканчивает эти раздумья неожиданным признанием:

Но сердце чувствует — и радо
Увидеть новую мечту...
(«Некоторым», 1904; № 445)

Насколько плотно эти две тенденции — убежденность, что красоту следует искать «здесь», и радость «увидеть новую мечту» — идут рука об руку в мироощущении поэта, свидетельствуют неоднократно описанные исследователями «кричащие» противоречия его стиля, когда в одном и том же стихотворении он легко «скатывается» с точной и выразительной предметности к банальной красивости. «С одной стороны — традиционные "пленительные сказки", вычурные, с претензией на философичность сравнения, а рядом — эпитеты свежие и неожиданные, емкие, простые», — так пишет Г. Цурикова о перепадах стиля в стихотворении «За городом»[111] (№ 79). Причем, наиболее ценным, с точки зрения исследовательницы, является именно тенденция стиля к предметности и конкретности образа, которая, по ее мнению, и побеждает в творчестве поэта, оттесняя в конце концов на периферию его художественного мышления отвлеченно-символическую образность, а вместе с ней и сам символизм как нечто чуждое и не органичное дарованию Фофанова. Гораздо точнее и ближе к сути дела в своих выводах Е. В. Ермилова. Как бы отвечая Г. Цуриковой, она пишет: «Наиболее характерное свойство поэзии Фофанова — не "сказки чудные" и не призывы к "реализму", но причудливое сочетание этих элементов. У Фофанова, как ни у кого из поэтов его эпохи, широко раздвинулся диапазон контрастов напряженно-романтических, условно-поэтических средств и подчеркнуто конкретных бытовых реалий. Вообще: отвлеченного и конкрет-

[111] *Цурикова Г.* К. М. Фофанов... С. 29.

ного, далекого и близкого. <…> Это мироощущение внедрилось в каждую, как принято говорить, клеточку его стилевой ткани»[112]. «Еще к земле прикован чуткий слух, / Но к небесам уже подъяты крылья» (Вдохновение, № 128) — этой цитатой образно может быть объяснена суть описанного исследовательницей «переходного» качества стиля поэта. Она убедительно показала, как, беспрестанно натыкаясь на стилевые катахрезы, когда «даже при самой предельной конкретности и предметности возникающего у поэта образа, <…> он тут же спешит, точно против воли, "подтянуть" его к банальной и "отписочной" параллели», поэтика Фофанова постепенно накапливает опыт гармонического снятия контрастов и диссонансов стиля, когда они «отстаиваются внутри одного образа»[113]. Так, по поводу стихотворения «Тише, Муза!» (№ 362) Е. В. Ермилова замечает: «Очень конкретный пейзаж петербургского пригорода приобретает символический характер обесславленной, "поруганной" земли. <…> И "огни" и "могилы" могут быть и приметами реальной обстановки, и чисто символическими деталями. Только, пожалуй, "обломки обесславленной земли" или дальше "поруганные обломки" прямо выводят к настроению какой-то космической катастрофы, к беспощадно суровому приговору земле вообще»[114].

Однако подобного рода стихотворений, где пейзаж, сохраняя всю силу образной конкретики, одновременно мерцает символической глубиной, у Фофанова сравнительно немного. Природа «прозрачная», живущая таинственной жизнью, легко уживается в воображении поэта с природой «сделанной», «искусственной», поэтические украшения для которой словно «взяты из галантерейной лавки», по точному замечанию Ясинского[115]. Фантазия «наивного» таланта рисует идеальную Природу с «живыми хороводами» «белых фей», «белопенными каскадами», «золотыми теремами», «эмалевым небом», «изумрудными цветами», «хрустальными хоромами», «поясами радуг», «бледным крепом таинственной вуали», где звезды «шепчут» «цветам сказки чудные», ландыш «христосуется» с «белокрылым мотыльком», а роза «заслушалась» тюльпана… Претенциозность и условность подобных олицетворений говорит сама за себя, между тем, по свидетельству Ясинского, Фофанов очень дорожил такими образами, полагая их «характерными отличиями» своей Музы, «штрихами

[112] *Ермилова Е. В.* Поэзия на рубеже двух эпох... С. 100–101.
[113] Там же. С. 98, 103.
[114] Там же. С. 104.
[115] *Ясинский И. И.* Фофанов как поэт // ИРЛИ. Ф. 352. Оп. 1. Ед. хр. 825. Л. 9.

его индивидуальности»[116]. Этот нарядный, праздничный колорит пейзажа переживается как откровенный продукт фантазии, чем-то предвосхищающий экстравагантный пейзажный стиль художников «Мира искусства» и «поэз» И. Северянина. О нем, применительно к стихотворению «Звезды ясные, звезды прекрасные…», хорошо сказал В. Розанов: «“Звезды ясные”, “изумрудные лепестки” и пр. и пр. и ветры и особенно скалы, едва ли когда-нибудь виденные, просто суть одни слова и одни воспоминания… Суть: “безумно влюблен” и “сегодня холодно на дворе”. Это — только и реально. Все прочее — выдумано. Прочее — алкоголь»[117]. Как тут не вспомнить бравурное заявление поэта: «Покуда я живу – вселенная сияет, / Умру — со мной умрет бестрепетно она…» («Вселенная во мне, и я в душе вселенной…»; № 24)!

В своих крайних проявлениях подобное поэтическое мировоззрение могло продуцировать взгляд на Природу как на «брульоны Бога»[118], вследствие чего романтическая метафора «Природа-храм» могла трансформироваться на диаметрально противоположную по смыслу — «Природа-могила»:

В ней нет отрадного забвенья,
Она томит огнем страстей;
По ней снуют, как привиденья,
Больные призраки людей;

В ней смело бродит горе злое,
Надгробной песнею звуча,
И блещет солнце золотое,
Как панихидная свеча...

(«Две могилы»; № 100)

«Гений рода», так внятно говоривший в природе человеческому «я» разными голосами и обликами «бессмертного Разума», соединявший в одну нить смену времен и поколений, порой мог в сознании поэта терять «уразумение той простоты и сердечности, какое испытываем в сообществе близких и любимых нами людей»[119], и тогда ему становилось страшно от мысли, что «природа настолько огромна, что жизнь ее граничит с тем понятием, которое мы называем небытием»[120].

---

[116] Там же.
[117] *Розанов В. В.* Из личных встреч. К. М. Фофанов... С. 23.
[118] «Природа — это брульоны Бога», — гласит один из афоризмов поэта; см.: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 166об.
[119] Письмо к А. В. Жиркевичу от ноября 1890 г. (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича).
[120] РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 396. Л. 9.

Думается, «человеческое, слишком человеческое» и является той гранью мироощущения Фофанова, которая, при всех тяготениях его образности к символистской картине мира, легла непреодолимым водоразделом между ним и символистами. Вряд ли поэт мог с такой решимостью объявить войну всему «плотскому», «тяжелому» в себе, как это сделал И. Коневской:

Не хочу небывалого, нового существования.
Я влюблен и в земные породы, и в зелень дерев.
Но мучительно-тягостно тело, его основания
И тяжелая кровь.

(«Genius»)

Как уже указывалось, между поэтическими мирами двух поэтов много общего. Оба позиционировали себя в поэзии наследниками «гордых финнов», «варягов из-за синего моря». Современники воспринимали их язык как «варварский». Коневской был первым, кто преодолел взгляд на Фофанова как на «бессознательного таланта» и в статье «Стихотворная лирика в современной России» (1897; не опубл.) дал вдумчивый анализ философских мотивов его творчества (см. преамбулу примечаний к «Стихотворениям» 1896 г.). Однако же за внешним подобием их творческих личностей скрывалось глубинное различие мировоззрений и культур. Хотя Коневской и «приемлет деструктивные, земные, плотские формы как необходимую составляющую динамического равновесия мировой гармонии»[121], тем не менее, он гораздо более последователен в стремлении к слиянию своего «я» с мировым всеединством и готов свою причастность к «далекой стране» поставить гораздо выше причастности к «мечте растений» и признания, что «птица, зверь и скот мне друг» («В крови моей — великое боренье…»). Вообще отголоски анимистического воззрения на природу в его поэзии — это именно отголоски, а не мировоззренческий фундамент, как в поэтической картине мира Фофанова. Они включаются в гораздо более сложную по своим философским истокам картину мира, облечены в более прихотливую образно-ассоциативную ткань и, главное, оформляются на подчеркнуто затрудненном, косноязычном поэтическом наречии, с ориентацией на архаический синтаксис и «ветхую» грамматику. Скорее всего, именно «варварство» языка неприятно поразило Фофанова, когда Коневской прислал ему на отзыв экземпляр своего сборника «Мечты и думы». Реакция Фофанова дошла до нас в дневни-

[121] *Лавров А. В.* «Чаю и чую»: Личность и поэзия Ивана Коневского // И. Коневской. Стихотворения / Вступ. ст., сост., подг. текста и примеч. А. В. Лаврова. СПб.; М., 2008. С. 34 (Новая Библиотека поэта).

ковой записи Брюсова от октября 1900 г.: «Прислал мне здесь один книжку, как его, Ко-ко-коневский. Перемудрил он. Сидел вот, да тут же и провалился в бездну»[122].

Думается, негативное впечатление от стихотворений Коневского и послужило Фофанову исходным импульсом для написания известной инвективы «Декадентам» (январь 1901; № 398). Впрочем, не исключено, что в нем отразились впечатления не столько от поэзии, сколько от постепенно набиравшего силу болезненно-исступленного «жизнетворчества» старших символистов. Попытки подобным «жизнетворчеством» укротить «хаос» мира в глазах Фофанова выглядели кощунственными. В частности, поэт не скрывал от друзей и близких того панического страха, который он однажды испытал перед «колдовскими» чарами хозяйки литературного салона Мережковских: «Я боюсь Гиппиус. Подальше от нее!»[123] Муза «декадентов» производит на «гордого финна» отталкивающее впечатление прежде всего своим «безумием», «гаерством»: «Вокруг ее — хаос и жрецы с подъятыми власами». «Князья уродства», «фигляры» — эти обвинения в адрес символистов, брошенные в стихотворении «Декадентам», впоследствии выльются в цикл пародий с говорящим заглавием «Поэтические Поприщины»(№ 497–502). Собственно, в предъявлении подобного рода обвинений символистам Фофанов был не оригинален, вполне следуя штампам критической полемики той поры. Ирония судьбы заключалась лишь в том, что в безумии обвинял своих оппонентов тот, кто сам и в жизни, и в поэзии давно уже снискал себе репутацию «невоспитанного таланта» и чей «образ юноши со скелетообразным лицом и безумно-вдохновенным взором» (П. Ф. Якубович), как его портретировал Репин, красовался на шмуцтитуле последнего прижизненного сборника стихотворений.

Полемика с символистами для творчества Фофанова оказалась контрпродуктивна, поскольку она выявила половинчатость и робость его поэтического мировоззрения; к тому же в ней отсутствовала сколько-нибудь отчетливая эстетическая рефлексия. Гораздо продуктивнее, с точки зрения исторических перспектив развития русской поэзии, оказалось наличие в творчестве Фофанова мировоззренческих тенденций, характерных для тех литературных течений начала XX века, которые впоследствии составили серьезную альтернативу символизму. Прежде всего, имеется в виду так называемая «новокрестьянская» поэзия (Н. А. Клюев, С. А. Есенин, С. А. Клычков, А. В. Ширяевец и др.) с ее ведущим лейтмотивом угрозы миру пер-

---

[122] *Брюсов В.* Дневники. 1891–1910. М., 1927. С. 97.

[123] *Ясинский И. И.* Роман моей жизни… С. 256; см. также письмо Фофанова к А. В. Жиркевичу от 31 января 1890 г. (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича).

возданной природной гармонии и естества, исходящей от прогрессирующей урбанизации жизни, ее неуклонной «технизации». Уже отмечалось выше, с какой настойчивостью повторяется в пейзажной лирике Фофанова образ поезда, несущегося по безжизненным просторам. Этот образ, внушающий поэту чувство, близкое к апокалипсическому ужасу, вполне предвосхищает хорошо памятную из есенинского «Сорокоуста» (1920) картину, где соревнующийся в быстроте с мчащимся поездом жеребенок вызывает у автора трагические мысли о скорой гибели мира крестьянской, «первобытной» Руси, с ее «языческой», стихийной поэзией природы:

> Милый, милый, смешной дуралей,
> Ну куда он, куда он гонится?
> Неужель он не знает, что живых коней
> Победила стальная конница?[124]

В творчестве Фофанова эти трагические предчувствия оформились еще задолго до появления «новокрестьянских» поэтов, в поэтической мистерии «На полюсе» (1901). В ней изображается картина будущей техногенной катастрофы, содержится пророчество о поистине апокалипсических последствиях вмешательства человека, его инженерного «гения» в органику природной жизни. В черновиках финальная ремарка еще более недвусмысленно, чем в окончательной печатной редакции, подчеркивала эту авторскую идею: «Налетают вихри, вздуваются Льдины, колеблется почва и Молчание подымает смерч. Напор волн врывается на полюс, ледяные горы падают, слышны вопли, звук набатов и голос с неба: “Что вы сделали!”». Не менее выразительно этот конфликт «природы» и «цивилизации» прописан в сюжете позднего стихотворения «Побежденный Сатир» (1908; № 488). Уже само название подчеркивает исход конфликта, но финал все-таки оставляет надежду. Хоть Сатир и «побежден» ходом торжествующего технического прогресса, «но все венчает так же дева / Его рога живым плющом».

Есть что-то глубоко знаменательное в том, что свое *предпоследнее* стихотворение «В Юрьев день» (№ 521), написанное 23 апреля 1911 г., такой общепризнанный «городской», «петербургский» поэт, как Фофанов, посвящает «Руси крестьянской», с глубокой любовью описывая праздник выгона скота — ритуала, в котором люди и скоты вместе молятся своему общему ангелу-хранителю — Святому Георгию «вешнему»… А ровно через неделю, 1 мая, он пишет свое *последнее* стихотворение — «Мелькают, как птицы, моторы…» (№ 522), посылая на проща-

[124] *Есенин С. А.* Собр. соч: В 6 т. Т. 2. М., 1977. С. 72.

ние злое пророчество «Руси индустриальной», устремившейся «молньепышущим лётом» «в погоню ль безумной забавы / Иль к плахе позорной своей…»

Бессмысленно гадать о том, в каком направлении развивалось бы творчество Фофанова, если бы не истощившая его душевные и физические силы нужда и тяжелые семейные обстоятельства последних лет жизни, не раз уже описанные в биографической литературе (см. примеч. к № 454). Как было показано, в этом творчестве таились зерна самых разных по своим художественным и мировоззренческим истокам течений будущей поэзии XX века. И не вина Фофанова в том, что он как поэт больше обещал, чем реально дал отечественной поэзии. И как бы он в своих итоговых стихотворениях ни пытался «высоким штилем» выразить и осмыслить свою безвременную кончину, все же написанное в 1907 г. «Завещание» (№ 524), этот своеобразный альбомный вариант пушкинского «Брожу ли я вдоль улиц шумных…», думается, наиболее органично выражает последнюю волю «поэта милостью Божией»:

В дни, когда меня не будет,
Завещаю вам, друзья:
Пусть металл меня разбудит,
Пусть из меди буду я.
Пусть вокруг играют дети,
И цветет сирени куст,
Пусть услышит звуки эти,
Как при жизни, медный бюст.
Хоть без чувства, хоть без слов он,
Но по-прежнему живой, —
Это Фофан, бедный Фофан,
Это друг наш дорогой!

Худо ли, хорошо ли — но поэт и в этом ответственном жанре остался верен языку экспромта, не убоявшись «подразнить» потомков неблагозвучной этимологией своей фамилии, нередко бывшей предметом издевок и насмешек. Но — «Попробуйте не согласиться с поэтом или осмеять его. Вполне безоружен и вполне неуязвим, он даже не поймет вашего смеха, и в том его красота и цельность, что он не понимает возможности сомнения или комизма. Он говорит как наивный ребенок и “как власть имеющий”, как человек не от мира сего»[125]. К этому комментарию Д. С. Мережковского нам добавить нечего.

С. В. Сапожков

[125] *Мережковский Д. С.* Эстетика и критика. Т. 1. С. 213.

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

СТИХОТВОРЕНИЯ
(1887)

1

Звезды ясные, звезды прекрасные
Нашептали цветам сказки чудные,
Лепестки улыбнулись атласные,
Задрожали листы изумрудные.
И цветы, опьяненные росами,
Рассказали ветрам сказки нежные —
И распели их ветры мятежные
Над землей, над волной, над утесами.
И земля, под весенними ласками
Наряжаяся тканью зеленою,
Переполнила звездными сказками
Мою душу безумно влюбленную.
И теперь, в эти дни многотрудные,
В эти темные ночи ненастные,
Отдаю я вам, звезды прекрасные,
Ваши сказки задумчиво-чудные.

1885 г. Декабрь

2

Звучал повсюду благовест церковный,
И в тьме ночной, как рои ярких пчел,
Блистали свечи жертвою бескровной,
И крестный ход вокруг собора шел...
Тебя в толпе искал я жадным взором,
Одну тебя, поклонница Христа!
И первый раз неправедным укором
Я осквернил безумные уста.
Ты не пришла молиться вместе с нами, —
Тебя не мог из гроба вызвать звон.
И, полный слез, я с тайными мечтами
Рассеянно взглянул на небосклон:
Сбегала тьма, и утро рассветало,
Редела туч воздушная гряда,
И лишь одна восточная звезда
Еще на небе ласково дрожала...
И мнилось мне, что то твоя свеча
Затеплена перед подножьем Бога
И кротким блеском бледного луча
Мне шлет привет из вечного чертога.

1883 г. 17 апреля

3

Когда, удалившись от зол суеты,
От благ и житейских страданий,
Ты внидешь, исполнена тайной мечты,
В обитель святых покаяний, —

Быть может, тебя навестить я приду
Усталой, признательной тенью
Весною, когда в монастырском саду
Запахнет миндальной сиренью.

Войду я, безмолвен, войду я, уныл,
В обитель молитвы и мира,
Услышу бряцанье душистых кадил
И пенье согласного клира.

Тебя я узнаю меж юных черниц:
Твой взор будет кроток и нежен,
Ты будешь безмолвна, как сумрак темниц,
Я буду, как буря, мятежен.

Но ты не узнаешь, родная, меня,
Пройдешь ты, потупившись, мимо,
Бледна, как мерцанье осеннего дня,
Прекрасна, как тень серафима.

Не дрогнут ресницы, не вспыхнет щека,—
Пройдешь и исчезнешь без шума...
Ты будешь от думы земной далека,
Я буду весь — трепет и дума...

1885 г. 29 Августа

4

Весенней полночью бреду домой, усталый.
Огромный город спит, дремотою объят;
Немеркнущий закат дробит свой отблеск алый
        В окошках каменных громад.

За спящею рекой, в лиловой, бледной дали,
Темнеет и садов, и зданий тесный круг.
Вот дрожки поздние в тиши продребезжали —
        И снова тишина вокруг.

И снова город спит, как истукан великий,
И в этой тишине мне чудятся порой
То пьяной оргии разнузданные крики,
        То вздохи нищеты больной...

5

Полураздетая дуброва,
Полуувядшие цветы,
Вы навеваете мне снова
Меланхоличные мечты!
И так идут они к туманам,
Так дружны с сумраком небес,
Как крест с кладбищенским курганом,
Как сказка с прелестью чудес!

6

Из мира мрака и неволи
Когда стремлюсь я в мир любви, —
Опять в душе стихают боли,
Я говорю себе: «Живи!»
        Но эти краткие порывы
        Моей ликующей мечты
        Смиряют буйные призывы
        Неугомонной суеты.
Так в храм, где слышатся моленья
Богобоязненной души,
С дарами жертвоприношенья
Стучатся дерзко торгаши.

7. ДАЧНАЯ ПРОГУЛКА

Тихо бредем мы четой молчаливой,
Сыростью дышат росистые кущи,
Пахнет укропом и пахнет крапивой,
Влажные сумерки гуще и гуще...
Там— за лесами, в синеющей дали,
Кажет луна окровавленный кончик...
В окнах иных огоньки замигали...
Вон наша дачка и вон наш балкончик!
Мы утомилися долгой прогулкой;
Верно, давно поджидает нас дома
Чай золотистый со свежею булкой...
Глупое счастье — а редким знакомо!

8

Как дева грустная в наряде подвенечном,
Ночь вешняя глядит ко мне в окно.
Я слышу музыку в биении сердечном —
И пережитое в душе озарено.
Легко мне!.. Но мечты волнуются неясно,
Как будто чья-то тень поникла на плечо
И манит вдаль меня так ласково, так властно,
И манит, и поет, и дышит горячо...

1881 г. 7 декабря

9

Безымянные стремленья,
Безотчетные порывы,
Молодого вдохновенья
И приливы, и отливы...

Где конец ваш, где начало?
И откуда ваша сила?
Не змеиное ли жало
Вас отравой напоило?
Не волна ль седая моря
В вас бушует бесконечно?
Нет! Вы — плач чужого горя,
Эхо немощи сердечной...

1882

10. ПОСЛЕ БУРИ

Пловцы погибли; не по силам
Была им буря. Корабли
Разбиты в щепки; с мутным илом
На берег смолкший притекли
Коралл и жемчуги морские,
Как будто выкуп дорогой
То принесли валы седые
За жертвы, взятые грозой…
Быть может, там, за синей далью,
С невыразимою печалью
Пловцов погибших ждут друзья;
Меж тем как здесь, в тиши приветной,
Сбирает жемчуг белоцветный
Прибрежных жителей семья.

11

Печальный румянец заката
Глядит сквозь кудрявые ели;
Душа моя грустью объята —
В ней звуки любви отзвенели.
В ней тихо, так тихо-могильно,
Что сердце в безмолвии страждет;
Так сильно, мучительно-сильно
И песен, и слез оно жаждет.

1883 г. Август

12

Мы при свечах болтали долго
О том, что мир порабощен
Кошмаром мелочного торга,
Что чудных снов не видит он;
О том, что тернием повита
Святая правда наших дней;

О том, что светлое разбито
Напором бешеных страстей.
Но на прощанье мы сказали
Друг другу: «Будет время — свет
Блеснет; пройдут года печали,
Борцов исполнится завет!»
   И, весь растроганный мечтами,
Я тихо вышел на крыльцо;
Пахнул холодными волнами
Осенний ветер мне в лицо.
Дремала улица безгласно;
На небе не было огней;
Но было мне тепло и ясно:
Я солнце нес в душе своей!

1883 г. 6 мая.

13

Ветер в запутанных ветках чуть дышит,
Полог небесный весь звездами вышит;
В огненной урне тюльпана дрожит
   Яркой слезинкой роса.
Где-то далеко метнулась зарница...
Долго в лицо мне глядишь, баловница,
Долго твой смех серебристый звучит;
   Вторят ему небеса.

И, услыхавши твой смех перекатный,
Кажется, вздрогнул весь сад ароматный,
Шепот пронесся в росистой траве,
   И закачались цветы.
Только один я остался унылым;
В сердце моем по всем нервами и жилам
Смех отзвучал твой, подобно сове,
   Плачущей в мгле темноты.

14. МУЗЕ

Верная спутница жизни печальной,
Ты мне одна изменить не могла,
Первая факел зажжешь погребальный,
Пот в час кончины омоешь с чела.
Станешь, как няня, ты с песнью унылой
Смолкшие струны искать в мертвеце,
Будешь одна тосковать над могилой
С царственной грустью на юном лице;

Станешь душистой весной невидимкой
Дерн надмогильный смиренно топтать;
Будешь в час ночи под месячной дымкой
Чудные сказки о жизни шептать;
С теплым участьем в задумчивом взгляде
В мой опустевший зайдешь уголок;
Перья одуешь, раскроешь тетради
И, прослезившись, уйдешь за порог.

15. МАЙ

Бледный вечер весны и задумчив, и тих,
Зарумянен вечерней зарею,
Грустно в окна глядит — и слагается стих,
И теснится мечта за мечтою.
Что-то грустно душе, что-то сердцу больней.
Иль взгрустнулося мне о бывалом?
Это май-баловник, это май-чародей
Веет свежим своим опахалом.
Там, за душной чертою столичных громад,
На степях светозарной природы,
Звонко птицы поют, и плывет аромат,
И журчат сладкоструйные воды.
И дрожит под росою душистых полей
Бледный ландыш склоненным бокалом, —
Это май-баловник, это май-чародей
Веет свежим своим опахалом.
Дорогая моя! Если б встретиться нам
В звучном празднике юного мая
И сиренью дышать, и внимать соловьям,
Мир любви и страстей обнимая, —
О, как счастлив бы стал я любовью твоей,
Сколько грез в моем сердце усталом
Этот май-баловник, этот май-чародей
Разбудил бы своим опахалом!

16

Уснули и травы, и волны.
Уснули и чудному внемлют,
И статуи дремлют, безмолвны.
          Как призраки, дремлют.
И полночь крылом утомленным
Трепещет легко и пугливо
По липам, по кленам зеленым,
          По глади залива.
Сквозь ветки луна молодая
Бросает снопы позолоты,

Ревнивым лучом проникая
В прохладные гроты.
И бродят в серебряном мраке
Толпою стыдливые грезы,
Роняя на сонные маки
Прозрачные слезы.
Заслушалась роза тюльпана,
Жасмин приклонился к лилее,
И эхо задумалось странно
В душистой аллее.

1885 г. 19 июня

17

Столица бредила в чаду своей тоски,
Гонясь за куплей и продажей.
Общественных карет болтливые звонки
Мешались с лязгом экипажей.
Движенью пестрому не виделось конца;
Ночные сумерки сползали,
И газовых рожков блестящие сердца
В зеркальных окнах трепетали.
Я шел рассеянно: аккорды суеты
Мой робкий слух не волновали,
И жадно мчались вдаль заветные мечты
На крыльях сумрачной печали.
Я видел серебро сверкающих озер,
Сережки вербы опушённой,
И серых деревень заплаканный простор,
И в бледной дали лес зеленый.
И веяло в лицо мне запахом полей,
Смущало сердце вдохновенье,
И ангел родины незлобивой моей
Мне в душу слал благословенье.

18

Не правда ль, всё дышало прозой,
Когда сходились мы с тобой?
Нам соловьи, пленившись розой,
Не пели гимны в тьме ночной,
И друг влюбленных — месяц ясный —
Нам не светил в вечерний час,
И ночь дремотой сладострастной
Не убаюкивала нас.
А посмотри — в какие речи,
В какие краски я облек

И наши будничные встречи,
И наш укромный уголок!..
В них белопенные каскады
Шумят, свергаяся с холма;
В них гроты, полные прохлады,
И золотые терема.
В них ты, блистательная фея,
В них я, восторженный боец,
Тебя спасаю от злодея
И торжествую наконец!

1885 г. Июнь

19

Идут молельщики во храм,
Протяжно колокол взывает,
И грусть моя безмолвно тает,
Подобно легким облакам.
И мнится — в утре просветленном
Исчезнет сумрак бытия,
Когда замрет с последним звоном
Душа печальная моя.

20

С тоской в груди и гневом смутным,
С волненьем, вспыхнувшим в крови,
Не поверяй друзьям минутным
Печаль осмеянной любви.
Им все равно; они от счастья
Не отрекутся своего;
Их равнодушное участье
Больней несчастья самого...

1885 г. 8 Октября

21. НЕЖНЫЕ ПИСЬМА

Перебирая вновь украдкой
Все письма нежные твои,
Я окрылен был местью сладкой
И упоен тоской любви.
Я говорил небесным весям:
«Сотрите бурей и грозой
Слепые знаки этих писем,
Так чудно лгавших предо мной».
Я говорил свечам горящим:
«Пожрите их своим огнем,

И пусть не лжет мне в настоящем
Раз обманувшее в былом».
«Развейте их налетом шумным», —
Я буйно ветры умолял,
Но сам их в бешенстве безумном
Я уничтожить не дерзал.
Так жаждет зла и разрушенья
Былым святыням ренегат
В час малодушного моленья,
Тоской и трепетом объят.

1886 г. 18 января

22. ПРИЗРАК

Как сторож чуткий и бессменный,
Во мраке ночи, в блеске дня,
Какой-то призрак неизменный
Везде преследует меня.
Следит ревнивыми очами
В святом затишье, в шуме гроз
И беспокойными речами
Перебивает шепот грез;
Иль вслед беззвучною стопою
Бредет остывшим мертвецом
И машет ризой гробовою
Над разгоревшимся лицом;
Иль, грустью душу наполняя,
Молящим голосом зовет
Под сень неведомого края,
В иную жизнь, в иной народ.
Ищу ли в жизни наслаждений,
Бегу ль в святилище мечты —
Всё тот же облик бледной тени,
Всё те же смутные черты.
Кто ты, мой друг, мой гость незваный, —
Жилец эфира иль земли?
От духа горнего созданный
Иль зародившийся в пыли?
Куда влечешь ты: к жизни стройной
Или в мятущийся хаос?
И что ты хочешь, беспокойный, —
Молитв, проклятий или слез?!

1880 г.

23

Я вышел в сад; там юный призрак мая
Пел гимн весне, в толпе детей бродя;

Дождь отшумел, и зелень молодая
Роняла слезы теплого дождя.

Я в дом вошел, в печальный дом раздора,
В убогую и жалкую семью,
И там был май, с безмолвной лаской взора
Он допевал песнь грустную свою.

Я завернул на тихое кладбище,
Где мертвых сон безгрёзен и глубок,
И там был май прекраснее и чище,
Он мертвым плел пестреющий венок.

12 мая 1885 г.

24

Вселенная во мне, и я в душе вселенной;
Сроднило с ней меня рождение мое.
В душе моей горит огонь ее священный,
А в ней всегда мое разлито бытие.

Благословляет нас великая природа,
Раскидывая свой узорчатый покров,
Приветствуя от вод до шири небосвода
Сияньем алых зорь, дыханием цветов.

Покуда я живу — вселенная сияет,
Умру — со мной умрет бестрепетно она;
Мой дух ее живит, живит и согревает,
И без него она ничтожна и темна.

1880 г. Апрель

25

Мне грезилась весна с цветущими лугами,
С душистым воздухом, с ночными соловьями,
С пушистой ивою, склоненной над рекой,
С прозрачной полночью, окрашенной зарей.

Я вышел на крыльцо, мечтами очарован;
Морозный воздух спал, оцепененьем скован,
И только вдалеке, гремя звонками, бойко
Неслася по снегам коней рысистых тройка.

26. ИСТИНА

В лохмотьях истина блуждает,
Переходя из века в век,

И, как заразы, избегает
Ее, чуждаясь, человек.
Ее движенья неприветны,
Суровы грубые черты.
И неприглядны, и бесцветны
Лохмотья хмурой нищеты.
Она бредет, а с нею рядом,
Мишурным блеском залита,
Гордяся поступью и взглядом,
Идет лукавая мечта.
Мечта живит кипучим бредом,
Светла, как радужный туман,
И человек за нею следом
Спешит в ласкающий обман.
Но, гордый, он не замечает,
Что перед ним, как гений злой,
В лохмотьях истина блуждает,
И дикой ревностью пылает,
И мстит до двери гробовой!

1880 г. 2 января

27

Не бойся сумрака могилы —
Живи, надейся и страдай...
Борись, пока в душе есть силы,
А сил не станет — умирай.
Жизнь — вековечная загадка,
А смерть — забвение ее,
Но как забвение ни сладко,
Поверь, что слаще бытие!..

28. СОН ЖИЗНИ

Раз, младенцем милым,
Он при блеске бальном
Задремал спокойно
В кресле на заре...
        А проснулся хилым
        Стариком печальным
        На постели гнойной
        В жалкой конуре!..

29

Потуши свечу, занавесь окно —
По постелям все разбрелись давно,

Только мы не спим; самовар погас;
За стеной часы бьют четвертый раз.
До полуночи мы украдкою
Увлекалися речью сладкою;
Мы замыслили много чистых дел;
До утра б сидеть — да всему предел!..
Ты задумался, я сижу — молчу...
Занавесь окно, потуши свечу!..

1881 г. Сентябрь

30

У поэта два царства: одно из лучей
Ярко блещет — лазурное, ясное;
А другое безмесячной ночи темней,
Как глухая темница, ненастное.
В темном царстве влачится ряд пасмурных дней,
А в лазурном — мгновенье прекрасное.

1882

31

— Посмотри, рассыпал кто-то
Розы свежие вкруг нас...
Посмотри — здесь роз без счета
И на каждой-то алмаз.
  — Полно, полно, где тут розы?
  Где, шалунья, тут алмаз?
  Эти розы — наши грезы,
  А алмаз — слеза из глаз.

32

В неприглядных стенах заключен я давно;
Яркий месяц глядит безучастно в окно,
И решетка окна полосатым пятном,
Словно призрак, легла на полу земляном.
За стеною моей заключенный сосед
Всё о волюшке вольной поет много лет,
А в полночь с мостовой, беспросветна, как мрак,
Мне доносится песнь запоздалых гуляк;
О неволе та песнь, о неволе крутой,
Что раскинулась вширь за тюремной стеной.
Я сижу и грущу. Вкруг тоскующий вид.
Яркий месяц в окно безучастно глядит,
И решетка окна полосатым пятном,
Словно призрак, легла на полу земляном.

33

Это было когда-то давно!
Так же ты мне шептала: «Молчи»,
И роняло косые лучи
Заходящее солнце в окно.
    Или сон позабытый пришел
    Так внезапно на память мою?
    Или миг, что сейчас я обрел,
    Тайно в сердце давно уж таю?
Заходящее солнце в окно
Золотые роняет лучи.
Ты чуть слышно шепнула: «Молчи».
Это было когда-то давно!

34

Что за хаос первозданный вокруг?!
Слезы, улыбки, проклятия, шутки,
Люди-гиганты и люди-малютки,
Грустные думы, сердечный недуг,
Сотни за хлебом протянутых рук —
Всё меж собою сплелося в подлунной,
Всё очертил заколдованный круг.
В жизни, как арфа богов, многострунной
Трудно услышать ласкающий звук...
Что за хаос первозданный вокруг!..

1882 г. Январь

35

Погребена, оплакана, забыта,
Давно в земле покоится она,
А кем судьба неопытной разбита,
Тем жизнь, как встарь, приветна и красна.
В чертогах их — цветы, сиянье, пенье
Тревожат нас соблазнами досель...
И страшно им гнилого гроба тленье —
Их бедных жертв суровая постель.

36

В эмалевом небе дрожит одиноко,
Мигая лучами, ночная звезда,
Изнеженный воздух не дышит; осока

Склонилась и дремлет над гладью пруда.
Пленен я невольно таинственным видом,
Чарующей ночью, лазоревой мглой...
В душе зреют думы, те думы не выдам
Ни гордому миру, ни песне родной.
Их речью людской передать невозможно...
Они, словно грёзы, светлы и легки;
Для неба святого их тайна ничтожна,
Для мира земного они велики.

1880 г. Июль

37

Цветами сказанные сказки,
Сон, порожденный при луне,
Вы созданы не для огласки;
И счастлив тот, кто вашей ласки
Не выдал кисти иль струне,
Кто чары ваших вдохновений
В душе тревожной уберег:
Он не услышит огорчений
И незаслуженный упрек;
Но тот певец счастливей вдвое,
Кто из струны своей извлек
То вдохновенное, святое,
Чем дышит смертных ретивое,
Священный шум земных тревог.

38

Он покинул свой склеп невидимкой,
И в знакомый он город порхнул.
Там, как встарь, под полночною дымкой
Ликовал бесшабашный разгул.
Миновал он все гнезда разврата,
Миновал все дворцы — увидал
Старый дом, где любил он когда-то,
И влетел в его затхлый подвал.

Там, как прежде, горела лампадка,
Тонкий запах струила герань,
И спала она, кроткая, сладко;
На груди ее грубая ткань
Чуть дрожала под вздохами… Мирный,
Он склонился над девою сном,
И разлился весь в трепет эфирный,
И зажегся лампадным огнем…

1882

39. РАЙ

Я в грезах видел рай; там не было цветов,
Но воздух трепетал избытком аромата.
Я шел, поспешно шел, не делая шагов,
И странной тишиной душа была объята.
Я не заметил там сверкающих лучей,
Но взор везде ласкал какой-то блеск прозрачный,
И двигалась толпа беззвучная теней,
Белея предо мной четою новобрачной.

Меж них была и ты, страдалица земли,
Прекрасное дитя, разбитое коварством
И злобою людской… Святые привели
Тебя в надзвездный край по сорока мытарствам,
Как и меня... С тобой я повстречался вновь;
Без слов сказала ты, что все земле простила.
Я то же повторил, и в этот миг любовь
Бесплотных нас в одно ликующее слила!

1882 г. 13 сентября

40. ВЕЛИКАЯ НОЧЬ

Эта ночь была великой ночью:
Что нам сказки прежде говорили,
То теперь свершалося воочью —
Мир стал миром чудодейной были!
Из морей веселым хороводом
В бледных ризах выплыли русалки
И, резвясь под звездным небосводом,
Стали рвать душистые фиалки.
По эфиру меж огней небесных,
Точно тучек серебристых стая,
Молча плыл рой ангелов прелестных
И в созвездья рассыпался, тая...
В тот же миг в игре и тени лунной
Зазвенели трепетные звуки,
Точно стоны арфы многострунной,
Точно вздох томительной разлуки,
Точно ветер взмыл волну седую
И ее рассыпал над волною.
То сливались в музыку святую
Сферы неба с падшею землею.
И вздрогнули в страхе иглы терний,
И лазурь вздрогнула голубая:
То сам Бог прошел во мгле вечерней,
Все любя и все благословляя.
Он был сед, но юный пламень взора
Обращался ласково к вселенной:
Он прошел ни медленно, ни скоро
И объял все думою священной.
И вражду забыли люди-братья,
Обновился мир святыми снами.
Раб царю простер свои объятья,
Царь склонил чело перед рабами.

1886 г. Апрель

41

Я обращаю речь к вам, выброски природы,
Бредущие впотьмах на торжище мирском;
Над вами ласково синеют небосводы,
Но помните, что в них таится божий гром.

Под вами гладь земли в блистающем уборе,
Но жертвы корчатся под вашею пятой;
У них есть гнев в груди и зависть есть во взоре,
И вам не избежать расплаты роковой.

В расчетах мелочных вы чахнете безлично,
Молчанье и грабеж — заветный ваш закон;
Суровой правды речь смутит вас непривычно,
Как смех безумного на тризне похорон.

Вы упитали плоть, а дух не ищет хлеба;
От вещих мудрецов бежит преступный взор.
Награбленной казной не купите вы неба,
Слезами бедняков не смоете позор!

Пусть услаждает лесть ваш слух, пускай оравой
Глупцы бегут вослед, моля добра от вас.
За вами — сатана с улыбкою лукавой,
Пред вами — мщенья грозный час!

1881 г. 6 февраля

42

Напрасно, волю дав молитвам и слезам,
Вы идолов своих венчаете цветами;
Напрасно курите душистый фимиам
        В божнице, блещущей огнями.

Не надо мне цветов, не надо мне огней,
Не надо ваших жертв, кровавых и бескровных,—
Я не ищу богатств, я не ищу страстей
        Своих народов вероломных!

Я сам взрастил цветы в лугах; я сам для вас
Зажег огни во мгле эфирного простора;

Я в недра гор вложил железо и алмаз,
И золото — металл раздора!

Я вскармливаю вам верблюда и овцу;
Я вам дарю плоды олив и винограда,
И смертных рук дары не надобны Творцу,
Творцу земли и вертограда!

Зажгите мне алтарь в сердцах своих: пускай
В них теплится всегда огонь любви прекрасной;
Пускай не восстает войною край на край,
Враждуя, злобствуя всечасно.

Пусть между вас царит согласья мир святой,
Пусть чище голубя стремленья будут ваши,
Идите, смертные, дорогою одной
И пейте все из общей чаши!

Разбейте ж идолов, сорвите с них венки;
Задуйте в капищах сверкающие свечи!
Вы не отринули плоды Моей руки, —
Ужель отринете вы речи?!

1882 г. 16 августа

43. ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ

1

«Подрубим секирами девственный лес!
Надломим утесов граниты
И башню созиждем до вечных небес,
Где боги от взоров сокрыты.
Мы башню созиждем на память племен,
На славу и диво грядущих времен!» —

2

Вещали потомки Адама — и клич
Шумит громоносный повсюду.
Ломают леса, обжигают кирпич.
Копают железную руду.
В пустыню, дотоле безгласную, вдруг
Проникли желанья, любовь и недуг.

3

И вот от восхода зари до луны,
Сверкающим зноем палимы,
Под ношей ступают коней табуны,

Плетутся пешком пилигримы.
И старцы, и дети, и жены бредут,
Влечет их и манит божественный труд.

4

Все жаждут искусство свое показать,
И гордо проходят верблюды,
Неся на горбах драгоценную кладь —
Железа и мрамора груды.
И мчатся минутами в вечность года
За тяжестью бренной живого труда.

5

И труд их сначала успешен и скор:
Колонны из меди отлиты,
И степи широкой цветущий ковер
Закрыли гранитные плиты,
И первым навесом угрюмо повис
Послушный могучей руке кипарис.

6

Работают люди... стучат топоры...
Визжат многозубые пилы;
Вкруг гордой постройки теснятся шатры,
Теснятся уже и могилы.
Рождаются люди, трудятся и мрут,
Но шире и шире возносится труд.

7

Сто раз пожинали колосья они,
Сто раз им весна зацветала.
Как искры, мелькали чуть видные дни,
Как море, работа стонала...
Все выше и выше их башня растет
И вот уж вершиной ушла в небосвод.

8

Восторженно бьются сердца их в груди,
Когда они всходят к вершине
Заветной постройки… Блестит позади
Евфрат синей лентой; в долине
У ног муравьями и взад, и вперед
Снует хлопотливо шумящий народ.

9

Вдали, как зубцы первозданных твердынь,
Синеют далекие горы,
И стелется полог бесплодных пустынь,
И леса чернеют узоры,
И коршун, покинув холодный гранит,
Отважно над морем кипучим парит.

10

И чудно, и странно людей торжество,
Все мнят в упованье глубоком, —
Что скоро увидят они божество,
Сокрытое в небе далеком.
Поспешней движенье... быстрее топор,
Но скоро подъемлются крики и спор.

11

Один просит глины для смазки камней —
Ему топоры предлагают;
Недужный о помощи молит детей —
Его на работу толкают.
Один просит камень — другой подает
Просящему спелый смоковницы плод.

12

И каждый другого не может понять.
И, чужды друг другу, все стали роптать.

13

Замолкла работа; не носится груз
К вершине по белым ступеням.
Заспорили — рухнул великий союз:
Конца нет упрекам и пеням.
Рассыпались люди нестройной толпой,
Как птиц окрыленных испуганный рой.

14

И семьи одни убрели на восток,
Туда, на прибрежье Дуная,
Где звонче струится зеркальный поток,
Душистее ночь голубая.
Другие туда, где скалистый Тибет
Застыл, как гигантского змея скелет.

15

Иные к родному Евфрату ушли,
Где праотцы спят их безгласно;
Другие за Нил, к полуденной земли,
Где все упоительно, страстно;
Иные к ключам Ниагары седой,
Где борются хищные волны с землей.

16

Иные на север, где чудные сны
Роятся под вой непогоды,
Где хмурые ели, как траур, темны
И льдами окованы воды...
Им стали отчизной чужие места.
А гордая башня осталась пуста.

17

Как сон за мечтой, за волною волна,
Идет век за веком. Сурово
Враждуют в неровной борьбе племена...
Придется ль сдружиться им снова,
Придется ль сплотиться во имя труда?
Во имя какого?.. Когда?

1882 г. Декабрь.

44. ДУМА

В объятьях вечности, в пространствах без предела
Где зажигаются, как чудные костры,
Всегда подвижные и теплые миры
И после светят нам таинственно-несмело,
Где счета нет векам, где тленье создает
Опять рождение, в том пульсе мирозданья,
Который никогда, нигде не устает, —
Не чувствуя любви, не чувствуя страданья,
Мы до рождения витаем, и чредой
Вплетается наш дух в бессмертную природу,
В шептание ручья, в луч солнца золотой,
Стремится к пропасти, стремится к небосводу,
Без мысли и без чувств, незримый, но живой.

И вот, когда найдет он в жизни воплощенье,
И жажду тяжкую и вечную свою
Сознаньем утолит, и в слабом теле тленье
Войдет в семью людей, в несчастную семью, —
Томиться станет он под бременем сомненья,
Под игом тяжких дум забытого искать
И всматриваться в даль грядущего мгновенья,
И смутно тосковать, и смутного желать.

Как часто иногда, забыв свои заботы,
Минутных прихотей тревогу, мы сидим
И смотрим на узор небесной позолоты,
Внимаем шуму вод, вздыхаем и молчим.
Иль, жадный взор вперя на блестки звезд лучистых,
Теряемся мы в их безбрежной вышине,
И много светлых дум, и много песен чистых
Нисходят на душу в блаженном полусне.
Иль создаем себе в восторге упованья
Загробный новый мир, исполненный чудес...
О, верьте — это все одни воспоминанья,
Минутная мечта покинутых небес.
То дух, наш гордый дух, прошедший все ступени,
Все чары таинства природы вековой,
С неясною тоской грустит о прежней сени,
Где царствовал один бесчувственный покой.
И снова жаждет он с природой слиться вечной,

Растаять в воздухе, сгуститься в облаках,
И снова трепетать незримо и беспечно
Побегом молодым на сочных деревах.
Так бедный пилигрим, полуночный отшельник,
В полуденных краях блуждает и порой
Средь рощи пальмовой, завидя чахлый ельник,
Припоминает вновь свой север дорогой.

1884 г. Сентябрь

45. ТРИОЛЕТ

Царевич пылкий Триолет
Расцвел в краях душистых юга
И был восторжен, как поэт.
Царевич пылкий Триолет
Любил цветы, а в ночь досуга
Мечтал, смотря на лунный свет.
Царевич пылкий Триолет
Расцвел в краях душистых юга.

В сады цветущие к нему
Мороз, царь полюса седого,
Послал раз кумушку-зиму
В сады цветущие к нему...
И просит гостя дорогого
К себе пожаловать во тьму;
В сады цветущие к нему
Пришел царь полюса седого.

Не соглашался Триолет
На приглашение Мороза.
Боясь покинуть юг и свет,
Не соглашался Триолет.
Но царь сказал, что дочка Грёза
О нем тоскует много лет,
И согласился Триолет
На приглашение Мороза.

Царевич полюса достиг,
Воссел на снежные престолы.
Там лес обындевшийся дик.
Царевич полюса достиг;
Вокруг безжизненные долы
Бледны, как помертвелый лик.
Царевич полюса достиг,
Воссел на снежные престолы.

Он видит в мирном далеке —
К нему идет Мороз косматый
С еловым скипетром в руке.
Он видит в белом далеке
В огнях хрустальные палаты

И конькобежцев на реке.
Он видит: в мертвом далеке
Идет-бредет Мороз косматый.

Он слышит пира шум живой,
Шуршанье свадебных нарядов,
Бокалов звон чередовой.
Он слышит пира шум живой,
Но ревность светится во взглядах —
В толпе нет Грёзы молодой.
Он слышит пира шум живой,
Шуршанье свадебных нарядов.

И вот она к нему идет
В венце из радуг семицветных,
В ушах сережки — чистый лед.
И вот она к нему идет.
О, сколько ласк в речах приветных,
Как поцелуем сладко жжет...
И вот она к нему идет
В венце из радуг семицветных.

Мать Триолета год, другой
Ждет сына с дальнего похода.
И в нетерпении порой
Мать Триолета год, другой
Срывает звезды с небосвода,
Играет звонкою волной.
Мать Триолета год, другой
Ждет сына с дальнего похода.

Сын не идет. Тогда она
На полюс шествует спокойно;
За нею фрейлина-весна.
Сын не идет — тогда она,
Дыша и трепетно, и знойно,
Спешит — несет ее волна.
Сын не идет. Тогда она
Летит на тучах беспокойно.

Летит не день, летит не два;
Под нею трескаются льдины
И всходит тощая трава.
Летит не день, летит не два;
Под ней дымятся гор вершины,
Как фимиамы божества.
Летит не день, летит не два;
Под нею трескаются льдины.

И вот пред ней края зимы;
Моря, окованные льдами,
Леса из снежной бахромы.
И вот пред ней края зимы
С их смертоносными ветрами
И тишиной морозной тьмы.
И вот пред ней края зимы,
Моря, окованные льдами.

На снежных глыбах, недвижим,
Спит Триолет ее прекрасный,
Объят покоем гробовым.
На снежных глыбах, недвижим,
Он спит, и запад бледно-красный
Мерцает ласково над ним;
На снежных глыбах, недвижим,
Спит Триолет ее прекрасный.

Над сыном с кроткою тоской
Поникла южная царица
И живоносною росой
Над сыном с кроткою мольбой
Кропит — и алая денница
Восходит в дали голубой.
Над сыном с кроткою тоской
Поникла южная царица.

Шумит, поет, из рукава
Бросает жизненные зерна —
И раскрывается листва.
Шумит, звенит, из рукава
Бросает птиц в леса проворно
И шепчет нежные слова.
Гремит, поет, из рукава
Бросает молнии и зерна.

Проснулся бледный Триолет,
Открыл заплаканные очи,
Сказал: «Оставь со мной мой бред!»
Проснулся бледный Триолет,
Сказал: «Оставь меня у ночи —
Я вечной Грезою согрет».
Проснулся бледный Триолет
И вновь смежил навеки очи.

1881 г. Октябрь

46–65. ВОСТОЧНЫЕ БРЫЗГИ

1

Двух друзей вместить возможно
В небольшом ушке иглы;
Двух врагов вместить не может
Вся вселенная Аллы.

2

Пока, в душе своей тая,
Ты прячешь тайну — тайна эта
Твоя слуга, раба твоя;
Но если выдашь тайну свету,
Ты станешь сам рабом ея.

3

Узнаем мы день по солнцу,
Ночь — по звездным небесам,
А безумного узнаем
По поступкам и речам.

4

Без тропинки, без компаса
Сердце к сердцу путь найдет
И растает в пекле дружбы,
Как под солнцем вешний лед.

5

Как в сорванном цветке сильнее аромат,
Так в сорванной любви свежей благоуханья,
Так в гибнущей душе певучее страданья
И осушенных слёз целительнее яд.

6

Звезды — сны неба ночного, и сны человечества — звезды:
Ночь их одна засветила, и день их погасит один.

7

Над вершинами вулкана
Льды хрустальные лежат.
А в жерле его таится
Огнедышащий каскад.
Так под белой сединою
Неустанного бойца
Кровь кипучая струится,
Реют грёзы без конца.

8

Колыбель святого Бога —
Небеса, земля, трава,
А сердца людей — могила
Все того же Божества.

9

Воскуряет фимиамы
Ночь кадилами цветов,
Чтобы радовать Аллаха
И его святых сынов.
Отчего ж стыдишься, смертный,
Перед Ним кадить порой
Из кадильницы созвучий
Благотворною мольбой?

10

Уснули горы.
Уснули скалы,
Сомкнулись взоры
Святого Аллы.
Но бойся, смертный:
Он не очами —
Он всей душою
Следит за нами.

11

Посмотри, как рады грому
Ярко-алые тюльпаны,
Как пьют жадно дождь небесный,
Эти капли божьей манны.
Так и ты, моя подруга:
Гнев мой — гром — тебе отрада,
И слезой моей горючей,
Как дождем, упиться рада.

12

Мы читаем в книге жизни
Те же самые беседы,
Что читали со вниманьем
Наши прадеды и деды.
Те же самые страницы
Мы слезами так же мочим,
И над теми же строками
Точно так же мы хохочем.

13

Уста твои — розы, и груди, что волны,
И взоры, что звезды, и косы, что тучи;
Но розы твои мне поют соловьями,
И волны твои, точно лава, горючи.
И в тучах твоих не мерцают зарницы —
Без молний и грома их всюду заметят;
И звезды твои полуночной порою
Не сверху, а снизу мне трепетно светят.

14

Падишах суров и грозен
Перед подданными всеми,
Но зато он тих и ласков
Между женами в гареме.
Так и Алла: над землею
Он суров, как вождь и воин,
Но зато в раю румяном
Он вселюбящ и спокоен.

15

Стыдно нищему влюбиться:
Мы с тобой, должно быть, жалки,
Что хихикают над нами
В синих чепчиках фиалки,
Точно кумушки лесные,
И глазёнки-незабудки
Пересмеивают дерзко
Наши маленькие шутки.

16

Облака плывут, как думы;
Думы мчатся облаками;
Будь ты солнцем — освети мне
Думы алыми лучами.

17

Горы дальние курятся,
  Точно божьи алтари,
И бегут ночные тени
  Перед взорами зари.
Погаси свою лампаду,
  Утиши свои мечты
И служи живому свету,
  Как служил у темноты.

18

Не целуй меня так жарко —
Не доступна красота мне.
Так фонтан живые воды
Льет на мертвенные камни;
Не расцвесть под сочной влагой
На камнях цветам прекрасным,
Мне на вздох твой сладострастный
Не ответить вздохом страстным.

19

Сердце — точно солнце, разум — точно месяц;
Чуть умолкнет сердце, разум нас осветит.
Как за солнцем месяц, так за сердцем разум
Без конца повсюду вслед его плетется.

20

Перед восходом зари громко читают молитвы,
Гасят лампады и спящего будят сурово;
Перед началом воинственной битвы
Точат кинжалы, вещая правдивое слово.
Перед восходом любви отрок мечтает о деве,
Смутно тоскует, страдая желаньем больным.
Перед кончиною старец кручинится в гневе:
Жизнь он прошел — надо дать место другим.

1886 г.

66. ТЕНИ А. С. ПУШКИНА

Ты мне близка, родная тень,
Близка, как близки небу птицы,
Близка, как розам — вешний день,
Как тучам — быстрые зарницы.
Не помню я, когда твой дух
Ко мне вошел стопой неслышной,

Когда впервые стих твой пышный
Благословил мой детский слух.
То было ль раннею весною,
Когда живей тревожат сны
И ночи белые полны
Обворожительною мглою;
Когда я, бледный, у окна
Сидел в молчании глубоком
И созерцал прилежным оком,
Как в небе теплилась луна?
Иль в час утра, когда, как розы,
На небе рдели облака
И пробужденные березы,
Стряхнув росы целебной слезы,
Внимали вздохам ветерка?
Иль в час, когда, гудя метелью,
В окно стучалася зима
И над моею колыбелью
В снах колдовала полутьма?
Во сне ли было то свиданье
Иль наяву, при свете дня, —
Как тайна смерти от сознанья,
Тот час утерян для меня
И нет о нем воспоминанья!
Но только помню, что с тобой
Меня знакомил кто-то чудный,
Какой-то гений неземной,
Какой-то демон безрассудный.
И близок ты с тех пор мечтам,
Как близок белый ландыш маю.
Тебе молюсь, тебе внимаю
И за тобой стремлюся сам.
Моя душа тобой согрета,
Ты в ней царишь, как юный день,
Ты мне близка, родная тень
Благословенного поэта!

1887 г. 9 января

СТИХОТВОРЕНИЯ
(1889)

67

Безмятежные, юные песни свои
Не слагал я, по рощам бродя на заре,
В час, когда изнывают в слезах соловьи
И сквозят небеса в золотом янтаре.

Муза мне не являлась под легкой фатой
При сиянье луны в благовонном саду,
А явилась она мне прекрасной рабой,
При кивотной лампаде, в мятежном бреду.

Грустен был ее лик полудетски-больной
И несмелы шаги на дощатом полу,
И склонилась она в тишине надо мной,
Напоив ароматом вечернюю мглу.

Позвала меня вдаль, осенила венцом,
Окрылила мечтой пробужденную грудь,
И разверзла мне небо пурпурным перстом,
И омыла слезами обманчивый путь...

68

Небеса мои там, где сиянье зари
Ночь слепая не смеет задуть и спугнуть,
Где воздвигнуты Правды святой алтари,
Вьется там мой излучистый путь.

А могила моя,— где безгрешный Христос
Проходил с грустной думой на светлом челе,
А страданья мои с ядом горя и слез
На оплаканной Богом земле.

1884 г. 24 Мая.

69. NOCTURNO

Все тихо в бессмертной природе
От неба до смолкнувших вод,
И звезды текут в хороводе,
И волны ведут хоровод.

Звезда на звезду загляделась;
Волна обнялася с волной...
И мне полюбить захотелось
Кого-то бессмертной душой, —

Кого-то, кто близок от века
Светилам, земле и волне,
Кто близок к мечте человека
И ближе... всех ближе — ко мне!

70. НЕБО И МОРЕ

Ты — небо темное в светилах,
Я — море темное. Взгляни:
Как мертвецов в сырых могилах,
Я хороню твои огни.

Но если ты румяным утром
Опять окрасишься в зарю, —
Я эти волны перламутром
И бирюзою озарю;

И если ты суровой тучей
Нахмуришь гневную лазурь, —
Я подыму свой вал кипучий
И понесусь навстречу бурь...

1886 г. 3 июля

71. ЕЛКА ВЕЧНЫХ ЛЬДОВ

(ФАНТАЗИЯ)

Корабль застыл в недвижных льдах,
В объятьях мертвых океана,
Среди снегов, во мгле тумана,
Как вождь, измученный в боях.
И ветры бешеной толпой
В часы разгульные метели
Его блистательно одели
Морозной пылью и парчой...
И дремлет он, как великан;
Над ним, горя, плывут светила;
Под ним алмазная могила
И бездыханный океан...
Небес полярных синева
Заткана яркими звездами,
И ночь святая Рождества
Полна чарующими снами;

И спит корабль, и видит сон:
Лобзаясь с пеною жемчужной,
И горд, и смел, ныряет он,
А вкруг его со всех сторон
Поет и блещет берег южный.
И видит он громады гор —
По их откосам скачут лани;
И млеет в розовом тумане
Лесов щетинистый шатер...
Но вот опять проснулся он,
Во льдах затертый одиноко;
Над ним раскинулся широко
В алмазных звездах небосклон.
Вокруг громады синих льдин,
Да вой ветров, да стоны волка...
И дремлет он в снегах один,
Блестя, как сказочная елка:
На ветхих мачтах и снастях,
Как на разубранных ветвях,
Мерцает отблеск изумруда,
И трупы бледные пловцов
Лежат, как лакомые блюда,
На чистой скатерти снегов.

1886 г. Декабрь

72. ПРИНЦЕССА МАЯ

Я живу в кустах черемух,
Я зовусь принцессой мая;
Мне покорны эльфы леса,
Мне покорны грезы рая.

Я качаюсь в сладкой дреме
В белом ландыше, смотря,
Как сквозит в росинках светлых
Переливная заря.

В золотой, душистый полдень,
Утомясь душой и телом,
Отдыхаю, точно жница,
Я под колосом незрелым;

Надо мной, раскрывши зонтик,
Звездоокий василек
Шепчет сказки и целует,
Наклоняясь, мой венок.

И когда я белой ночью,
Шелестя, иду по саду —
Узнает меня влюбленный
По сиянию и взгляду…

И когда я на влюбленных
Брызну свежею росой, —
Значит, ждет их брак счастливый,
Ждет их церковь и налой…

И когда вхожу я грустно
Без венка и без свирели
К истомленному страдальцу,
Где он мечется в постели, —

Он вздыхает полной грудью,
Но едва склонюсь к нему…
Тихо очи закрывает,
Погружаясь в мир и тьму…

1887

73

Мне все равно, куда направить путь —
В геенну зол иль к небу голубому;
Так облачко спешит куда-нибудь,
Под солнцем золотя кочующую грудь,
Не зная пристани и дому!
Его волна морская родила
В палящий зной, лобзаяся с лучами,
И в час утра туманом вознесла
На небеса — следить полет орла
И воздух ткать вечерними тенями.
Над гладью нив, над зеркалом озер
Оно равно растает и прольется,
И окропит волнующийся бор,
И побежит ручьем со скатов гор,
И вновь с морской волной сольется!
И я плыву неведомо куда!
Я, вечностью заброшенный случайно
В наш гневный мир, в мир скорби и стыда,
Как облако, растаю без следа
И с вечностью опять сольюсь, как тайна.

74

Как грезы, плывут облака
По шири небес голубых,
И в лоне дрожащем река
Хоронит застенчиво их.

Мой дух окрыляя огнем,
Плывут облаками мечты,
И в сердце дрожащем своем
Хоронишь их ласково ты...

75. НАКАНУНЕ ЗИМЫ

Еще на ветке помертвелой
Дрожит, как сказочный коралл,
Багряный лист, но иней белый
Уж кровли блестками убрал...
Недолго ждать! Ручей прозрачный
Замедлит свой журчащий бег,
И на него фатою брачной
Небрежно ляжет первый снег.
И солнце алое в тумане,
Как факел, к нам заглянет в сад —
На строй хрустальных колоннад
И на глазетовые ткани.
Ты скажешь: «Дедушка-мороз
Колдует в полночь, осыпает
Чело поникнувших берез
И прядь серебряных волос
В их ветки мертвые вплетает».
Ты скажешь: «Фей разнообразных
Здесь хоровод в ночи вился,
И с ожерелий их алмазных
Упали перлы на леса».
И не подумаешь, что злобно
Здесь ночью снежная метель
С своею песнею надгробной
Стлала холодную постель;
Что бедных странников знобила,
Что в эту ночь не одного
Она под снегом схоронила,
Сама не зная для чего...

76

Город смолк; с вечерними тенями
Он ко сну мечтательно отходит,

Но над ним стоит — и не проходит
Смутный гул неясными волнами.

Чрез окно, открытое порою,
Слышен свист далекий паровоза,
Бой часов за улицей глухою...
Я пишу — диктует сердцу греза.

И плывут задумчивые ямбы,
И бегут веселые хореи...
Над столом мерцает отблеск лампы,
А в окне зарниц мигают змеи.

Я пишу, исполнен тихой неги,
И томлюся думой неразлучной,
Что весь мир наш соткан из элегий,
Жизнь — сонет... и даже очень скучный…

77

Прекрасна эта ночь с ее красой хрустальной,
С ее мечтательным, болезненным лицом.
О, если б жизнь цвела, как этот отблеск дальний
Померкнувшей зари на небе голубом!
О, если б дум моих неверное теченье,
Как эти облака, стремилось в глубь небес, —
Какое б подарил тебе я вдохновенье,
Какой бы мир открыл, мир красок и чудес!
Но жизнь моя темна и дума безотрадна…
Как облетелый сад, пуста моя душа,
И ходит ветер в нем стремительно и жадно
И гнет вершины лип, порывисто дыша.
Я не пущу тебя в мой сад осиротелый —
Там осень, там туман, а здесь перед тобой
Сияние весны и этот отблеск белый
Лазури голубой.

1887 г. Май

78

Отзвучали струны сердца,
Догорели краски дня;
Нет огней в природе сонной,
Нет в душе моей огня.

Только где-то сиротливо
В бледном сонме дум моих

Брезжит свет воспоминанья,
Как звезда небес ночных.

И томительно, и сладко
Воскресают предо мной
Слезы прежнего страданья,
Песни радости былой...

Так последним блеском тлеет
Под золою уголек,
Так под первым снегом дышит
Поздней осени цветок!

1887 г. Ноябрь

79. ЗА ГОРОДОМ

Я за город ушел; не слышно здесь движенья,
Не утомляет слух тяжелый стук колес,
И сходит в душу мне былое умиленье
Давно забытых дум, давно угасших грез.
Ласкают кротко взор пестреющие краски
В синеющей дали разбросанных долин,
И шепчут надо мной пленительные сказки
Дрожащие листы застенчивых осин.
Как старость мирная за юностью счастливой,
Нисходят сумерки за утомленным днем,
Чуть стелется туман над золотистой нивой,
И вьются комары трепещущим столбом.
Смотрю я в глубь небес — слежу прилежным взором
За дивною игрой плывущих облаков:
Изменчивы, как жизнь, они своим убором
Капризны, как обман младенческих годов.
И месяц между их рассеянной толпою
Серебряным серпом белеет, а вокруг
Объято все святой, стыдливой тишиною,
И запахом травы благоухает луг.
И точно бледный креп таинственной вуали,
Все шире, все смелей ложится полумгла,
Навстречу первых звезд печально замигали
Чуть видные огни далекого села.
И мнится, те огни со звездами ночными
Задумчиво ведут безмолвный разговор;
Они полны тоской, страданьями земными,
Но светлой тайною мерцает звездный взор!..

1888 г., 15 мая. Гатчина

80. СОН МОНАХИНИ

Не зажгу я лампаду полночную,
Не прочту я вечерний канон;
Мою душу мечтою порочною
Взволновал заколдованный сон.

Он мне снился во сне неразгаданном
Ярче воска пасхальной свечи;
От одежд его веяло ладаном,
От лица исходили лучи.

Невидимкой стопою поспешною
Он проник в мой таинственный скит,
И смутил мою душу безгрешную,
И кудрями коснулся ланит.

Он шептал мне с тоскою глубокою:
«Не живому спать мертвым в гробу,
В мире лучшее ждет черноокую —
Выходи на любовь и борьбу!

В мир, где плачут сердца благородные
И страдают во имя любви!
О, покинь эти страны холодные,
Сбрось печальные ризы свои!»

Он умолк — и в лазурь беспредельную
Упорхнул, точно розовый сон...
Не зажгу я лампаду келейную,
Не прочту я вечерний канон!..

81. ДВА МИРА

Там — белых фей живые хороводы,
Луна, любовь, признанья и мечты;
А здесь — борьба за призраки свободы,
Здесь горький плач и стоны нищеты!
Там — свет небес и радужен, и мирен,
Там в храмах луч негаснущей зари;
А здесь — ряды развенчанных кумирен,
Потухшие безмолвно алтари...
То — край певцов, возвышенных, как боги,
То мир чудес, любви и красоты...
Здесь — злобный мир безумья и тревоги,
Певцов борьбы, тоски и суеты...

82. НА ПОЕЗДЕ

Мы мчимся, как стрела, — все мимо нас летит,
В глазах бесследно исчезая,
А поезд все вперед стремится и стучит,
Броней железной громыхая.
Вдали синеет лес неровною стеной,
Над ним кудряво вьются тучи,
Мелькает телеграф решеткою стальной
И зеленеющие кручи.
Мелькнуло кладбище; белеются кресты,
Угрюмо смотрят мавзолеи...
И вновь по сторонам канавки и кусты
Да редко — темные аллеи.
На нивах зыблется пшеница и овес,
Пестреют гряды в огороде,
И грустная семья задумчивых берез
Белеет в дружном хороводе.
Все мимо! Все летит, как вольная мечта,
Как жизнь с обманчивыми снами;
И только светлая лазури высота
Горит незыблемо над нами.
И тусклая луна, бледна, как первый снег
В лучах вечернего заката,
Следить не устает наш торопливый бег,
Печалью тайною объята...

Так жизнь вперед летит, летит, как паровоз,
Меняя сны и впечатленья,
И сыплет искрами живые чары грез,
И стелет дымом увлеченья.
И все бежит вперед, без устали бежит,
И лишь сомненья призрак вечный,
Как бледная луна за поездом, следит
За нашей жизнью скоротечной.

1887 г. 28 Июля. Гатчина

83

Я открою занавеску —
Посмотрю в глубь ночи звездной —
Сколько свету, сколько блеску
В этой полночи морозной!

Точно иней, в шири синей
Звездный путь дрожит и блещет —
Точно звезды, белый иней
Бриллиантами трепещет.

И в томительном покое,
Мертвым блеском осиянны,
Дремлют белые поляны,
Дремлет небо голубое...

84. ПЕРВАЯ ЗАРЯ

Мне было года три, когда впервые я
Почувствовал душой всю прелесть бытия,
Когда сознание блеснуло метеором
И я вокруг себя окинул ясным взором.
Был вечер. Таяла веселая заря,
Все светом розовым приветно озаря.
Ложилась косо тень; по яблоням и липам
Чуть ветер пробегал, и шмель с гудящим шипом,
Качаясь на цветке акации густой,
Пугал меня своей мохнатою спиной…
В нагретом воздухе струился запах тмина,
Настурций и гвоздик; и тихо паутина
Качалась серою, чуть видною струной
Меж гроздей наливных рябины молодой...
Мне было хорошо. С восторгом ненасытным
Я с нянею бродил, и раем первобытным
Казался мне наш сад, наш скромный, тощий сад,
Возросший в улице меж каменных громад.
Я жадно слушал шум задумчивых берез,
И за оградою веселый треск колес,
И ближней фабрики свисток, стенящий звонко —
И каждый звук томил загадкою ребенка…
Но гаснет блеск зари, свежей в саду зеленом:
Багряный небосклон стал сизым небосклоном,
И даль туманная, сквозь тень густых берез,
Подернулась каймой серебряных полос,
И в глубине небес лазоревым сапфиром
Далекая звезда зажглась над спящим миром.
К ночлегу, каркая, летит семья ворон,
И тихо ночь плывет, плывет со всех сторон,
Из каждого куста, дыша росистой мглою
В горячее лицо... И с робкою мечтою
На небо синее внимательно смотрю,
Сгорая жаждою увидеть вновь зарю,
Потерянную в тьме, но давшую мне много:
Всю прелесть тайную небесного чертога,
Все чары шумные мятущейся земли,
Так бледные вблизи, так яркие вдали!..
……………………………………………..
Но что я дам взамен природе необъятной
За сон житейский свой, святой и благодатный,

Что, оставляя жизнь, я миру подарю,
Встречая кроткую, последнюю зарю?!..

1887 г. 5 августа

85

Я у небес взял теплое сиянье,
У цветников душистый аромат
И прилетел на тайное свиданье
К тебе, мой друг, созвучьями объят.

Незрим, как дух восторженный и звучный,
Я в твой покой проник через крыльцо.
Сидела ты над книгою докучной,
И свет зари ласкал твое лицо.

Я над тобой невидимо склонился,
Смущением блеснул твой нежный взгляд.
И тихий свет по комнате разлился,
И задрожал, волнуясь, аромат.

«Ах, как весной дохнуло!» — ты сказала
И распахнула душное окно.
Во мне весну ты радостно признала,
Как я в тебе любовь признал давно!

86. ПАМЯТИ БАЙРОНА

Роптал в нем демон, плакал бог!
Он сам себя понять не мог
И — жертва слабая страстей —
Он проклинал за страсть людей.
И, сам безумство, сам порок,
В других простить он их не мог!
Где б ни был он: на высях гор,
Где отдыхает гневный взор
На лучезарной синеве
С мечтой о близком божестве;
Среди ли волн, где влажный шум
Воспламеняет гордый ум
И, раскрывая бездны вод,
Смеяся, к демону влечет;
Или на пиршествах ночных
В толпе красавиц молодых,
Где в знойно-пышущей тени
Мерцают поздние огни,
Бледнея в зависти немой

Перед забрезжившей зарей, —
Везде он был самим собой:
Ревнивый, гневный иль больной!
И в пору светлую любви,
И в годы мрачные свои,
В бессилье мук, в тоске стыда,
Не забывал он никогда
Заветных струн — и в их аккорд,
Угрюм, властителен и горд,
Он вдохновенно заключал
Все, что любил и проклинал...
Гордися, мир! Он — лучший грех
Из всех грехов твоих! Из всех
Твоих мятущихся сынов
Во мглу задумчивых веков
Он горделивей и смелей
Глядит из вечности своей!

87. СТАРЫЕ ЧАСЫ

Меж старой рухляди в лавчонке у еврея,
Где дремлет роскошь бар, сгнивая и темнея,
Где между пыльных ваз, заплесневшихся ламп
Мерцает рамою весь выцветший эстамп,
Где бледный купидон с отбитою ручонкой
Под паутиною, как под фатою тонкой,
Лукаво щурится в мечтательной тоске,
Где зелень плесени на ярком завитке
Узорных канделябр ложится изумрудом,
Где в томной нежности над золоченым блюдом
Из рамы смотрит лик напудренной красы, —
Стоят, безмолвствуя, старинные часы...
Их маятник молчит, их стрелки без движенья,
И мнится: давние слетают к ним виденья,
И старые часы упраздненных палат
Припоминают вновь событий длинный ряд,
Тот долгий, смутный сон, ушедший без возврата,
Когда две стрелки их по кругу циферблата
Ползли, — минуты, дни, года разя с плеча,
Как два холодные, бесстрастные меча
Суровой вечности...
Бывало, в сумрак томный,
Когда дремал угрюмо зал огромный
И алый свет, колебля, лил камин,
И ветки тощие расшатанных вершин
Из сада темного стучались в окна зала,
И ночь осенняя, как грешница, рыдала, —
Тогда задумчивый владелец тех часов

Печально вспоминал утраченных годов
Разгулом и стыдом запятнанную повесть,
И плакала его встревоженная совесть,
И теплая, никем не зримая слеза,
Слеза раскаянья, туманила глаза.
А маятник часов спешил без содроганья
Спугнуть в мрак вечности минуты покаянья.
И зимней полночью, когда в покоях шумных
Гремело пиршество и гам речей безумных
Заздравным звоном чаш был дружно заглушен,
Вдруг дерзко слышался часов докучный звон,
Как жизнь — томительный, как старость — монотонный,
Напоминая сон толпе неугомонной.
И кубки медленней ходили по рукам,
И гости бледные, поднявши к небесам
Свой утомленный взор, зевая, различали
Сияние утра в посеребренной дали...
А сколько чудных тайн подслушали они
У нежной юности в те ночи и в те дни,
Когда, доверившись бесстрастному их лику,
Влюбленная чета на них, как на владыку
Свиданья краткого, смотрела, торопясь
Последний поцелуй продлить в прощальный час...

И что ж!.. Прошли года, которые так ровно,
С такой иронией, так зло и хладнокровно
Спешили погубить бесстрастные часы...
И вот — наперсники сатурниной косы —
Они, забытые, как памятник могильный,
Стоят меж рухляди, и циферблат их пыльный,
Как инвалид слепой, не страшный никому,
Глядит бессмысленно в таинственную тьму
Недвижной вечности. И грозный гений тленья
Над ними празднует победу разрушенья.

1888 г. Февраль

88. МОЕЙ БОГОМОЛКЕ

Теперь ты молода, полна любви и сил...
К чему ж тебе вдыхать печальный дым кадил
И, в храме слушая божественное пенье,
Мечтать о сумраке загробного селенья?
Теперь ты радости храни в своей груди,
Сменяй восторг любви восторженною страстью,
Внимай моим строфам, стремись беспечно к счастью —
Молиться и вздыхать успеешь — подожди!

***

Пройдут года, как сон. Старушкой будешь ты,
Смиренной бабушкой, слезливой и седою,
Тогда ты наблюдай обедни и посты
И в знаменье креста дрожащие персты
Тихонько складывай с сердечною мольбою.
Уже мне грезится семья твоих внучат,
И звон ко всенощной, и розовый закат.
Лампаду ты зажгла, очки свои надела
И, вынув библию тяжелую, присела
Читать задумчиво сказанья и псалмы,
Где чудеса небес разгадываем мы...
И вот померк закат, сгустилась ночи мгла,
Вполголоса канон пролепетав уныло,
Застежкой медною ты библию закрыла...
Навстречу сумрака звонят колокола,
Внучата шепчутся о старости капризной,
И ты, склонившися дряхлеющим челом,
Глядишь на юношей и с тихой укоризной
Качаешь головой, вздыхая о былом.

1887 г. Октябрь

89. В ТИХОМ ХРАМЕ

Все в храме безмолвно, —
Ни вздохов вокруг, ни молений...
Все свято и полно
Таинственных снов и видений.
Чуть брезжат лампады —
Последние искры во храме,
И волны прохлады
В остывшем бегут фимиаме...
Бесшумный и кроткий,
В молчании храм точно вырос...
За шаткой решеткой
Безмолвствует сумрачный клирос.
И тихою тайной
Разлился здесь Бог благодатный,
Незримый, случайный;
Как жизнь, как мечта, необъятный...
Все в сердце безмолвно,—
Не ищет оно песнопений,
Но страстно и полно
Томится тоской впечатлений.
Чуть блещут в нем слезы —
Последние вспышки печали,
И смутные грезы,

Рассеявшись, вдаль убежали.
И тихою думой
Разлился в нем бог благодатный,
Как вечность, угрюмый,
Как жизнь, как мечта, непонятный..

1888 г. Март

90. ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

Я узнал весну по блеску голубому
Томных, как мечта, задумчивых ночей;
Но, в душе лелея тайную истому,
Я боюсь весны болезненных очей.
От ее безмолвных и пытливых взоров
В сердце, подымаясь, воскресают вновь
Тень былых обид и боль былых укоров,
Всё, что сердце жгло, что волновало кровь.

Я завесил окна темной пеленою,
Растопил камин и свечи я зажег,
Чтоб спугнуть весну обманчивой мечтою,
Зиму залучая в теплый уголок.
Над весной победу торжествуя, грезы
Снова рисовали сердцу моему —
В инее пушистом белые березы
И морозной ночи сумрачную тьму,
Скрип саней по снегу и на снеге тени,
Дым из труб, бегущий медленным столбом,
И недвижный воздух, полный мертвой лени, —
Но не долго был я очарован сном.

За окном шумливо что-то зазвенело,
Точно кто-то юный крылья развернул,
И ворвался в сердце празднично и смело
Пробужденной ночи благозвучный гул.
Я узнал, что это за окном рокочет,
Что стучится в стекла. Это дождь весны!
Он звенит и плачет, он поет и хочет
Властно развенчать обманчивые сны.
О, как страстно сердце сжалось болью жгучей,
И как тускло пламя вкрадчивых свечей!
Я открыл окно: за розовою тучей
Теплилось мерцанье утренних лучей;
За плетнем осины под дождем блестели...
Жгучей влагой слез туманились глаза.
Струны порвались, рыданья зазвенели,
И весенней каплей канула слеза...

91

Блуждая в мире лжи и прозы,
Люблю я тайны божества:
И гармонические грезы,
И музыкальные слова.

Люблю, устав от дум заботы,
От пыток будничных минут,
Уйти в лазоревые гроты
Моих фантазий и причуд.

Там все, как в юности, беспечно,
Там все готово для меня —
Заря, не гаснущая вечно,
И зной тропического дня.

Так после битв, исполнен дремы,
С улыбкой счастья на устах,
В благоуханные гаремы
Идет усталый падишах.

92. ФАНТАЗИЯ

Как легкий кокон раннею весною
Спешит порвать веселый мотылек,
Чтоб понестись воздушною стезею, —
Так я порвал земную цепь тревог.
И дух мой, дух бесплотный и счастливый,
Навстречу солнц и вечности поплыл,
И предо мной открылся прихотливый,
Волшебный мир неуловимых сил.

Там не было ни резких очертаний,
Ни ярких красок, только в вышине
Курился дым живых благоуханий
И звуков рой навстречу несся мне.
И улетел за голубую твердь я, —
Она звучала сонмами планет
Великую рапсодию бессмертья,
Гимн божеству и вечности привет...

И я поплыл в теченье музыкальном
Бессчетных звезд эфиром голубым.
Я долго плыл — и вдруг пахнуло дальним,
Знакомым сном, дыханием земным.
Я уловил в пахнувшем аромате
И запах трав, и запах серых мхов.

Так пахнет лес сосновый при закате,
Когда росой упиться он готов.

И я узнал, что над родной страною,
Над севером носился, — и вокруг,
Незримою колебляся струною,
Звенел, дрожал и лился странный звук.
Едва-едва он слышен был — и чутко
Внимал ему я, слезы затая: —
Так шепчется с осокой незабудка
Под месяцем у берега ручья.

И я узнал, что значит звук чуть слышный,—
Что это ты спешишь за мной вослед,
Как звук, как тень, как сон любви давнишней,
Мое дитя, подруга юных лет.

1888 г.

93

Под напев молитв пасхальных
И под звон колоколов
К нам летит весна из дальних,
Из полуденных краев.

В зеленеющем уборе
Млеют темные леса,
Небо блещет, точно море,
Море — точно небеса.

Сосны — в бархате зеленом,
И душистая смола
По чешуйчатым колоннам
Янтарями потекла.

И в саду у нас сегодня
Я заметил, как тайком
Похристосовался ландыш
С белокрылым мотыльком.

1887

94

Опять я вижу те аллеи,
Опять брожу у милых мест,
Где вздохи я слагал в хореи,
А поцелуи в анапест.

И вон пригорок тот отлогий,
Где с ней о счастье я мечтал,
Где яркий серп луны двурогой
Часы свиданья пожинал.

И вон то озеро, где прежде —
Казалось — бледный рой наяд
Сбегался в облачной одежде
Пить с влажных лилий аромат.

Но все безмолвно здесь отныне,
Лишь эхо сонное одно
Сидит в задумчивой кручине
И смотрит в озеро на дно…

1887 г. Август

95. ОДУВАНЧИК

Обветрен стужею жестокой,
Еще лес млеет без листвы,
Но одуванчик златоокий
Уже мерцает из травы.
Он юн — и силы молодые
В нем бродят тайною игрой;
Питомец поля, он впервые,
Лобзаясь, встретился с весной.
И смотрит он в часы восхода,
Как ходят тучи в высоте,
Как пробуждается природа
В своей весенней наготе.

А в дни сверкающего лета,
Когда все пышный примет вид, —
И, темной ризою одета,
Дуброва важно зашумит,
Смотря на шумные вершины,
На злаки нив и цвет долин,
Он будет ждать своей кончины
Под пыльным венчиком седин.
Тогда зефир, в полях играя,
Иль молодые шалуны
Его коснутся седины —
И он умрет, питомец мая;
Он разлетится, исчезая,
Как вздох, прощальный вздох весны!

1888 г. 12 мая. Гатчина

96

Посмотри на небо —
Сколько звезд в нем ясных;
Посмотри на море —
Сколько волн согласных!

А когда бы глубже
В сердце заглянула,
Взором ненасытным
В нем бы потонула, —

Столько в нем погибших
Мыслей и желаний,
Столько в нем печальных
Спит воспоминаний,

Что все звезды неба
И все волны моря
Захлебнутся в сердце —
В этой бездне горя...

1888 г. 4 июля

97. РУМЯНАЯ НОЧЬ

Заря не остыла на небе,
А ночь уж на землю сошла,
Как сон быстрокрылый, безмолвна,
Как призрак воздушный, бела.

И дремлет она, разметавшись,
В чертоге небес голубом
И в окнах избушек мерцает
Прозрачным и тусклым свинцом.

И там, где в янтарной лазури
Алеет зари полоса,
Как стража, в мечтательной дреме
Стоят неподвижно леса.

И вздохом в молчании ночи
Проносятся отзвуки дня,
И день догоревший мерцает
В румянце ночного огня.

1888

98. СОН

Мне снилося: мы шли по степи ароматной.
Кругом темнела ночь спокойная; вдали
Теснились выси скал. В лазури необъятной
Горели зерна звезд — светильники земли.
И чувствовали мы, что с нами кто-то рядом,
Чуть зримый, молодой, таинственно идет;
Он не блистал красой и не блистал нарядом,
Он тих и бледен был, как месяц в лоне вод.
Нам было хорошо со спутником туманным,
Казалось, он сердца восторгом обжигал;
Но вот шатнулся мрак шатром благоуханным,
И дымная роса поднялася от скал...
И спутник наш поплыл с неверными тенями…
Он к небу улетал, в лазоревое дно, —
И там, где он исчез, как светлое вино,
Разлилася заря багряными струями…

И стало грустно мне... И в страхе, пробужденный,
Я жадно стал искать разгадки тайной сна...
И вот увидел я, печальный и смущенный,
Что у тебя в косе мерцает седина.
Я разгадал свой сон!.. То юность улетела,
Как спутник призрачный!.. О, друг мой дорогой,
Она покинуть нас совсем еще не смела
И светит издали нам тихою зарей...

99. ЛУННЫЙ СВЕТ

Бывало, все в душе моей будило
Святые сны, и звуки песнопенья,
И чистые, как юность, впечатленья!
Как я любил вечернее светило,
Когда оно задумчиво глядело
В мое окно — и на полу несмело
Лучом зеленым весело чертило
Квадраты окон, сумрак наполняя
Каким-то светозарным, белым дымом...
И в проблеске его неуловимом
Мне чудилася прелесть неземная...
Как привиденье, смутный блеск луны
Рождал в душе, взволнованной невольно,
Прекрасные, пленительные сны.
Так старому ботанику довольно
Засохшего и мертвого стебля,
Чтоб по нему его воображенье
Нарисовало небо и поля,

Где расцвело усопшее растенье...
И, свет луны случайно уловив,
Исполненный восторженной истомы,
Я создавал хрустальные хоромы
Из снежных льдин; и чудный их извив,
И звонкого кристалла их изломы
Я поясами радуг обвивал
И освещал алмазными лучами.
И наполнял я лучезарный зал
Прекрасными и бледными тенями,
Без крови теплыми и ясными без света,
Как скорбь влюбленных, как мечта поэта,
Рожденная весенними ночами...
Теперь — не то; от волшебства небес
Моя душа угрюмо удалилась...
Волшебный мир лазурных грез исчез,
Тоска небес тоской земли сменилась.

Вчера я свечи погасил — и свет
Ночной луны проник в окно случайно,
Как призрак робкий, как немая тайна,
Лия вокруг болезненный привет.
Но он в душе моей не пробудил
Ни прежних снов, ни вымыслов прекрасных:
Я на него, безмолвен и уныл,
Смотрел в мечтах холодных и бесстрастных.
И думал я: зачем он светит мне,
Печальным факелом блуждая в вышине?
Зачем, дразня капризными лучами,
Обворожал он детские мечты —
Он, созерцающий спокойно с высоты
Всё преходящее пред смертными очами?!..
И было мне обидно и смешно
За детский сон, исчезнувший так скоро,
И, чтобы скрыть луч месяца от взора,
Завесил я окно!..

1887 г. Декабрь

100. ДВЕ МОГИЛЫ

Глуха, темна твоя могила,
В ней безучастность и покой,—
Она ревниво разлучила
Тебя со счастьем и тоской.

Но у меня могила шире —
Она страшнее, чем твоя:

Природа в радужной порфире
В ней блещет зноем бытия,

В ней нет отрадного забвенья,
Она томит огнем страстей;
По ней снуют, как привиденья,
Больные призраки людей;

В ней смело бродит горе злое,
Надгробной песнею звуча,
И блещет солнце золотое,
Как панихидная свеча...

1885 г. Декабрь

101. ОТЧЕ НАШ

Отче наш! Бог, в небесах обитающий,
Оку незримый, но зримый сердцами,
Все созидающий, все разрушающий,
Греющий землю живыми лучами.
Мы принесли Тебе в жертву бескровную
Нашу молитву в часы покаяния, —
Дай же, о Боже, нам пищу духовную,
Дай нам источник святого желания!
В годы сомнения, в годы ненастные
Нам изменили мечты неизменные;
Мы загасили светильники ясные,
Мы расплескали елеи священные.
Отче наш, Бог безутешно страдающих,
Солнце вселенной! К Тебе мы с молитвою —
Всех сохрани за любовь погибающих,
Всех угнетенных мучительной битвою!
Отче наш! Дай нам пути благодатные
И отврати от соблазна лукавого…
Да воссияют лучи незакатные
Правды небесной и помысла правого!

1886 г. 26 января

102. СОНЕТ

Лучезарные грезы кружат и плывут надо мной;
Сон бежит от очей; жжет холодное ложе меня.
Я окно распахнул: душный воздух тяжел пред грозой,
В белой ночи чуть блещет мерцанье почившего дня.

Дальний лес на лазури темнеет зубчатой стеной,
Пыль дымится вдали, — слышен топот тяжелый коня.

Лучезарные грезы плывут и плывут, как волна за волной.
Опалили огнем, подхватили, как крылья, меня, —

И несут, и несут! Как пловец, утомленный борьбой
С непокорной стихией, весло упускает, стеня, —
В бездне бездн опустил я оковы заботы земной,

Чад раздумья, тревоги и бред отлетевшего дня.
И не знаю — то жизнь ли, смеяся, играет со мной,
Или смерть, улыбаясь, над бездной качает меня?..

103

Яснее месяц светлоокий,
Бледнее розовый закат,
Над степью, мирной и широкой,
Плывет и тает аромат.

Чуть дышит робкий вздох измены
В дыханье сладком ветерка,
И, как налет воздушной пены,
Сквозят, кудрявясь, облака.

И шире сердце распахнулось,
И ничего мечте не жаль...
И небо далью захлебнулось,
И потонула в небе даль!..

1888 г. 10 мая

104. СТАНСЫ

И наши дни когда-нибудь века
Страницами истории закроют...
А что в них есть?.. Бессилье и тоска...
Не ведают, что рушат и что строят!..

Слепая страсть, волнуяся, живет,
А мысль в тиши лениво прозябает...
И все мы ждем от будничных забот,
Чего-то ждем... Чего? — никто не знает!

А дни идут... На мертвое «вчера»
Воскресшее «сегодня» так похоже…
И те же сны, и тех же чувств игра,
И те же мы — и солнце в небе то же!

105

Сумерки бледные, сумерки мутные
Снег озарил перелетным мерцанием.
Падают хлопья — снежинки минутные,
Кроют все белым, как пух, одеянием…
Снежно… бело, но проходят мгновения —
Снова не видно ковра белоснежного…
Грезы так падают, грезы сомнения,
В сумерки бледные сердца мятежного…

106

Посмотри: у пруда, где в прохладную тень
Зной струится сквозь ветки дрожащие ив, —
Реют мошки; родил их сверкающий день,
И умрут они к ночи, мгновенье прожив.

И родятся другие в ликующем дне...
Так в душе у меня сонм докучных забот
Расцветет — уплывет на житейской волне,
И родится опять, и опять уплывет...

107. В ДОРОГЕ

Верста, еще верста! Назад я бросил взор,
Селенье скрылося за желтый косогор,
Лишь церкви дальний крест сверкает в высоте
Да космы чучела желтеют на шесте,
Как привидение, — и дымных тучек стая
Несется медленно, свой очерк изменяя...
Я дальше ухожу... Верста, еще верста!..
Как знойный океан, сверкает высота;
Я бросил взор назад — уж нет в дали селенья,
Лазурью сонною сверкает отдаленье,
И небо знойное, лобзаяся с землей,
Как тайну, прячет даль... Так годы чередой —
Как версты пестрые — проходят перед нами,
И смотрим мы назад пугливыми очами;
Но память бледная, как синий небосклон,
Скрывает прошлого невозмутимый сон...
И только дни любви, как крест далекий храма,
На небе бытия спокойно и упрямо
Сверкают дольше всех внимательным очам,
И смотрим мы вперед — и небо видим там.

1888

108

Весеннею ночью бродил королевич
И об руку с ним королева...
И гордые скалы теснились — направо,
И море шумело налево.

Клялися в любви они страстно и нежно,
И было им ново признанье,
И, горды любовью и юностью горды,
Сливались уста их в лобзанье.

Суровые скалы молчали угрюмо,
А море сердито шумело:
«Все слышало это давно я когда-то
И все это мне надоело!

И шепот влюбленных, и ропот несчастных,
И страсть, и людские желанья —
Лишь стих, повторенный от вечной поэмы,
Поэмы святой мирозданья!»

И хмурилось море... Шутил королевич,
Смеялась, шутя, королева...
И гордые скалы темнели направо,
И море шумело налево.

109

Я помню дни весенних дум,
Дни беспечального рассвета,
Когда гордился детский ум
Священным званием поэта.

Восторг кипел в моей груди,
Я пел в волнении веселом…
И счастье, счастье впереди
Сияло светлым ореолом.

Увяли вешние цветы,
Померкли розовые зори,
Умчалась юность — и мечты
Сменило будничное горе.

Печаль свила гнездо в груди,
И песнь звучит моя тоскою,
И счастье, счастье позади
Мерцает бледною звездою.

1888 г. Май

110. ВОЛКИ

(РОЖДЕСТВЕНСКИЙ РАССКАЗ)

Посвящается А. В. Ж — чу

I

В праздник, вечером, с женою,
Возвращался поп Степан,
И везли они с собою
Подаянье христиан.
Нынче милостиво небо —
Велика Степана треба:
Из-под полости саней
Видны головы гусей,
Зайцев трубчатые уши,
Перья пестрых петухов
И меж них свиные туши —
Дар богатых мужиков.

II

Тих и легок бег савраски…
Дремлют сонные поля,
Лес белеет, точно в сказке,
Из сквозного хрусталя;
Полумесяц в мгле морозной
Тихо бродит степью звездной
И сквозь мглу мороза льет
Мертвый свет на мертвый лед.
Поп Степан, любуясь высью,
Едет, страх в душе тая;
Завернувшись в шубу лисью,
Тараторит попадья.

III

«Ну, уж кум Иван — скупенек,
Дал нам зайца одного,
А ведь, молвят, куры денег
Не клевали у него!
Да и тетушка Маруся
Подарила только гуся,
А могла бы, ей-же-ей,
Раздобриться пощедрей!
Скуп и старый Агафоныч,
Не введет себя в изъян...»
— Полно брешить-то за полночь! —
Гневно басит поп Степан.

IV

Едут дальше. Злее стужа;
В белом инее шлея
На савраске... Возле мужа
Тихо дремлет попадья.
Вдруг савраска захрапела
И попятилась несмело,
И, ушами шевеля,
В страхе смотрит на поля.
Сам отец Степан в испуге,
Озирается кругом...
«Волки!» — шепчет он супруге,
Осеняяся крестом.

V

В самом деле — на опушке
Низкорослого леска
Пять волков сидят, друг дружке
Грея тощие бока.
Гневно ляскают зубами
И пушистыми хвостами,
В ожидании гостей,
Разметают снег полей.
Их глаза горят, как свечи,
В очарованной глуши…
До села еще далече,
На дороге ни души…

VI

И, внезапной встречи труся,
Умоляет попадья:
«Степа, Степа, брось им гуся,
А уж зайца брошу я!»
— «Ах ты, Господи Исусе,
Не спасут от смерти гуси,
Если праведный Господь
Позабудет нашу плоть!» —
Говорит Степан, вздыхая.
Все ж берет он двух гусей,
И летят они, мелькая,
На холодный снег полей.

VII

Угостившись данью жалкой,
Волки дружною рысцой
Вновь бегут дорогой яркой

За поповскою четой.
Пять теней на снеге белом,
Войском хищным и несмелым
Подвигаясь мирно в ряд,
Души путников мрачат.
Кнут поповский по савраске
Ходит, в воздухе свистит,
Но она и без острастки
Торопливо к дому мчит.

VIII

Поп Степан вопит в тревоге:
«Это Бог нас за грехи!»
И летят волкам под ноги
Зайцы, куры, петухи...
Волки жадно дань сбирают,
Жадно кости разгрызают;
Три отстали — и жуют.
Только два не отстают —
Забегают так и эдак...
И, спасаясь от зверей,
Поп бросает напоследок
Туши мерзлые свиней.

IX

Легче путники вздыхают,
И ровней савраски бег…
Огоньки вдали мигают,
Теплый близится ночлег.
Далеко отстали волки...
Кабаков мелькают елки,
И гармоника порой
Плачет в улице глухой.
Быстро мчит савраска к дому
И дрожит от сладких грез:
Там найдет она солому
И живительный овес.

X

А в санях ведутся толки
Между грустною четой…
— Эх, уж волки, эти волки! —
Муж качает головой.
А супруга чуть не плачет:
— Что ж такое это значит?
Ведь была у нас гора

В санках всякого добра…
Привезли ж одни рогожи…
Что же делать нам теперь?
— Что ж, за нас, на праздник Божий,
Разговелся нынче зверь!..

1887 г. Декабрь

111. КОНЧАЕТСЯ

Памяти М. П. Фофанова

Кончается!.. Невольно рвется стон, —
Так тяжело, так страшно это слово!
Оно звучит, как погребальный звон
Иль как набат, рокочущий сурово
В молчанье ночи, возвестивший нам
Пожара дым, бегущий к небесам...
Любовь, и жизнь, и славу отравляя, —
Нередко нас преследует оно;
Зияет нам, как бездна роковая,
Всё вечностью, всё тайнами полно...
Ужасное, таинственное слово!
Оно старо, но вечно будет ново —
Кончается!

Мы видим пир: беспечны и светлы,
Ликуют гости, зал блестит огнями,
Ласкают взор накрытые столы
И винами, и яством, и плодами.
Веселый смех и гам со всех сторон,
И хрусталя дрожащий перезвон.
Но поздно! Зал редеет понемногу;
Смолкает шум; как пестрые шмели,
Стремятся гости к тесному порогу...
Вот спешно слуги в звучный зал вошли, —
Метут полы, проворно гасят свечи...
Темнеет зал; беседы, тосты, встречи —
Кончаются!

Волнуяся, сверкает море нив,
Журчат ручьи, пестро цветут долины;
К сиянью дня вершины обратив,
Листвой трепещут робкие осины;
И дружных птиц залетная семья
Поет восторг и сладость бытия.
Проходит май; за ним уходит лето,
И острый серп уносит злак долин...
Обожжена, безмолвна и раздета,

Дуброва спит... Лишь с дремотных вершин
Последний лист, кружася, упадает
На мокрый мох... И ветер напевает:
Кончается.....

Наш нежный друг волнуется, живет,
Пленяет нас открытою душою;
Мечтает он, а дерзостный недуг
К нему ползет голодною змеею.
И, наконец, обвив его кругом,
Томит и жжет горячечным огнем.
Спешите вы к одру больного друга,
Его приют безмолвен и уныл.
Открыта дверь, чуть шепчется прислуга,
Душистый мускус воздух напоил.
Больной лежит и с хриплым шумом дышит.
Вы вздрогнули, ваш слух невольно слышит:
Кончается...

Земля цветет; бесстрастные века,
Сметая все, меняют поколенья.
Так в небесах меняет облака
Морских ветров суровое броженье.
Кипит борьба и ропщет гордый ум.
Но будет век — замолкнет спор и шум,
Земля умрет; над снежными морями
Повиснут гор недвижные хребты,
Засеребрясь нетающими льдами.
И род людской, как бред земной мечты,
Исчезнет сном — и даже смерть забудет...
И некому тогда воскликнуть будет:
Кончается!

1888 г., 15 мая. Гатчино

112

От луны небесной, точно от лампады,
Белый и прозрачный блеск разлит. Вдали
Темные аллеи, полные прохлады,
Шепчутся о тайнах неба и земли...

Где-то торопливо скрипнула калитка;
Кто-то раздвигает влажную сирень...
Вон в саду мелькнула белая накидка,
В озаренной чаще проскользнула тень...

Нет, вокруг все тихо! Это только греза!
За окошком осень… Это шепчет мне
В ароматной дреме молодая роза,
Тихо увядая на моем окне...

1887

113

Я родом финн — и гордая свобода
Моей душе с младенчества родна,
Но в мире зла ей не найти исхода.
Моя душа, как финская природа,
Однообразна и грустна.

Где на камнях гранитного уступа
Печальных сосен высится семья,
Где степь слепит красою мертвой трупа,
Где сохнут мхи, где солнце светит скупо —
Там родина моя!

Там, между скал, мои скучали деды;
Закинув невод в беглую волну,
Вполголоса певали про победы,
Иль сумрачно вели свои беседы
У очагов, вкушая тишину.

В суровый час ожесточенной бури,
Когда метель гуляла по полям
И падал снег с нахмуренной лазури,
Они, сидя в густой медвежьей шкуре,
Вверялися таинственным мечтам.

И я таю в душе моей печальной
Их гордую, мечтательную лень,
И я суров; люблю я лед хрустальный,
И хохот вьюг, безумно музыкальный,
И от сосны узорчатую тень...

В моей душе, под песни назревая,
Прекрасных дум теснятся семена.
И я мечусь, душой изнемогая,
Как водопад полуночного края,
Как финских вод стесненная волна.

Там водопад, сверкая пеной млечной,
Стремится вдаль, и ропщет, и шумит,

И плачет он, и бьется в злобе вечной,
Но холодно борьбе его сердечной
        Внимает сумрачный гранит...

1887 г. 12 сентября

114

Заря вечерняя, заря прощальная
На небе ласковом тепло румянится...
Дорога длинная, дорога дальняя,
Как лента синяя, пестрея, тянется.

Мечтаю сумрачно, гляжу рассеянно.
Душа отзывчивей, сны суевернее...
И, как печаль моя, как дым, развеяна
Заря прощальная, заря вечерняя.

1888 г. Май

115. В ВАГОНЕ

Как тайна, даль блестит моим очам,
Луга раскинулись от края и до края,
И, точно шлемами, вершинами качая,
Задумчиво леса шумят по сторонам.
Сквозь мягкий полусвет тяжелого вагона
Мерцает гладь озер прозрачным серебром
И пасмурная даль седого небосклона
        Слезится мраком и дождем.
Дремлю, но в полусне созвучья тихо реют
        Над усыпленной головой,
И образы в душе растут и пламенеют
То с тихой жалобой, то с кроткою мольбой.

Москва. 1888 г. Май

116

Она цветы свои любила
И поливала их сама;
В ее теплицу не входила
Губить их гневная зима.

И при мерцанье звезд полночных
Она пила их аромат,
Смотря, как в венчиках цветочных
Росинки светлые дрожат.

И в час, когда, простясь с землею,
И бездыханна, и бледна,
Под золоченою парчою
В гробу покоилась она, —

Цветы, исполнены печали,
Приникли к мертвому челу
И в ароматах изливали
Ей скорбь и позднюю хвалу...

117. МЕЛАНХОЛИЯ

Для радостей природа создана,
Но почему грустит она всечасно?
Теперь закат сверкает в небе ясно —
И в нем печаль глубокая видна.

Вечерний блеск позолотил вершины,
Зеленый мрак в вершинах потонул.
Задумались деревья-исполины,
Далеких волн внимая смутный гул.

Вдали звучит кукушки кукованье,
Как тихий плач бездомной сироты...
И я грущу — и грусть та без названья,
Наперсница таинственной мечты.

Навеяла ль печальная природа
Мне эту грусть, иль сам я грусть вдохнул
В ее черты — в сиянье небосвода,
В дыханье трав и в леса смутный гул?..

Я — сон ее, она ль мое виденье —
Мне всё равно... Печаль ее близка.
Восторг людей живет одно мгновенье,
А грусть и скорбь — бессчетные века.

1888г. 14 июня. Гатчина

118

Долго я Бога искал в городах и селениях шумных.
Долго на небо глядел — не увижу ли Бога?
Бога искал я в деяньях природы разумных,
В бедности мрачной подвала, в роскоши пышной чертога.

Долго я Бога искал, преисполнен мучительной жажды
Лик его светлый увидеть, царящий над миром.

Долго я Бога искал — и провидел Его я однажды
В сердце своем, озаренном любовью к несчастным и сирым.

119. ИЗ МОНОЛОГОВ

Есть странные минуты; бытиё
Сменяется почти небытиём...
Не трогает внимание ничье,
И совесть тихо дремлет. О былом
Ни вздоха, ни слезы; как мрак, уныло
Грядущее... И не страшат утраты,
И не пугает душная могила!..
Воспоминаний ветхие заплаты
На рубище прошедшего мерцают...
Но, бледные, они не докучают, —
Уснувших чувств не трогают они!
Ни юности, ни радости не жалко...
И солнечною ночью длятся дни...
Едва жужжит судьбы ленивой прялка,
Едва горят сердечные огни.

120. В ПОЛЕ

От мошек и слепней закрыв глаза платком,
Я в поле лег дремать — и маленьким шатром
Мой зонтик водружен над головой моею.
В полудне золотом я нежуся и млею,
И чувствую, как зной плывет со всех сторон
И погружает мысль в отяжелевший сон.
И жаворонка трель сквозь медленные грезы
Так грустно мне звучит, как дождевые слезы,
На камень мрамора упавшие с небес...
Безмолвно я дремлю — мой прежний мир исчез,
И с нового мечта завесу подымает...
Дремотно ловит слух, как в поле окликает
Вокруг меня, вблизи и в дали золотой
Неугомонною и резвой стрекотней
Кузнечика другой ликующий кузнечик.
И мнится — музыкой бесчисленных сердечек
Трепещет радостно зеленая трава
Под светлой ризою небес и Божества.

121. ДВОЙНИК

Ночь осенняя печальна,
Ночь осенняя темна;
Кто-то белый мне кивает
У открытого окна.

Узнаю я этот призрак,
Я давно его постиг:
Это — бедный мой товарищ,
Это — грустный мой двойник.

Он давно следит за мною,
Я давно слежу за ним,
От него мне веет смутно
И небесным, и земным.

Он являлся мне весною
При мерцании зарниц;
Он на оргиях встречался
И встречался у гробниц.

Жаль ему меня покинуть,
Мне его оставить жаль, —
Он делил со мной, бывало,
Одинокую печаль...

И теперь он грустно бродит
И уйти боится прочь
От раскрытого окошка
В эту пасмурную ночь.

И листвою пожелтевшей
Осыпает мне окно
В эту ночь, когда на небе
И на сердце так темно...

1887

122

Нет, мне не жаль, что умер этот день,
Что мирная природа засыпает
И вечер шлет лазоревую тень, —
В моей душе угасший день сияет!

Оставил он свой отблеск золотой
В моих мечтах, согретых теплой лаской,
Обворожив блистательною сказкой,
Навек живым остался он со мной...

Пройдут года... Сквозь мглу почивших лет,
В дни черные, в дни скорби предзакатной,
Он будет мне бросать свой теплый свет
На темный путь, как гений благодатный...

Так в небесах померкшая звезда
Чрез много лет по смерти блещет миру...
Она тепла для смертного тогда, —
Но холодна далекому эфиру.

1887 г. Июль

123. СМЕРТЬ ШУТА

В смятенье двор веселый короля...
Всё мрачно в нем; хозяин хмурит брови,
Молчит — печаль с пажами не деля,
Заговорит — досада в каждом слове.
Придворных дам нарядная семья
Близ королевы медленно теснится;
Прекрасный принц вздыхает и боится
За краткий сон земного бытия.
В тяжелых люстрах не блестят огни,
Унылый зал почил в молчанье строгом...
Немая смерть витает над чертогом,
И дремлет он в таинственной тени.

И лишь в одном готическом окне
Горят лампады и, слезяся воском,
Мерцают свечи... В мрачной тишине
Там труп шута лежит на ложе жестком.
Он, как мудрец, как резвое дитя —
Свой век провел, беспечно и шутя;
Воспитанный средь роскоши дворцовой,
При шепоте завистливых льстецов,
Он не любил ни славы, ни чинов,
Питая сердце мудростью суровой,
И что имел — всё бедным раздавал...
Трофеи шуток: золото, алмазы,
Из царских рук подаренный фиал,
Расшитый плащ, затейливые вазы —
Всё нес он в дар голодной нищете...
И многие в смеющемся шуте
Защитника и друга находили...
Он был один пред хмурым королем
Заступником несчастных — и о нем
Не раз бедняк поплачет на могиле...

Вот он лежит недвижный и немой,
Презревший жизнь, и роскошь, и покой.
В одном углу сквозь сонный полумрак
Виднеется истрепанный колпак,
В другом углу — заплатанная тога...

Ничтожный шут, играющий давно ль
На пиршествах бессмысленную роль,
Теперь уснул в величье полубога!
Еще не смело тление могил
Его чела холодного коснуться, —
Уже не раз, боясь улыбнуться,
Король к одру любимца подходил,
И на него смотрел прилежным оком,
И отходил в молчании глубоком...
И думал он: «В какой облечь наряд
Тебя, мой друг? Ты кончил жизнь земную...
В твоих чертах читаю жизнь иную,
Ты мудростью и святостью объят...
Тебе чужда земная суета,
Как ветхий плащ, ты бросил мир наш тленный!.. »

И повелел усопшего шута
Король одеть в наряд свой драгоценный...

1888 г. Май

124. ПСАЛОМ CXXXII

Прекрасен братьев мир, когда
Они всё делят меж собою —
Свои шатры, свои стада
И луг с некошеной травою.
Их мир — божественный елей,
Текущий с ризы Аарона,
Роса заоблачных полей
На гордом темени Сиона.

1886 г. Август

125. НА НЕВЕ

Нет ночи, а не день. Над сонною Невою
Вечерняя заря румянится тепло,
Но ветер уж пахнул прохладою ночною
И морщит светлых вод спокойное стекло.
Пурпурным янтарем пылают окна зданий,
Как будто бы там ночь справляет пир весны.
Узоры пестрые далеких очертаний
В лиловый полумрак, как в дым, погружены.
Удавом каменным змеится цепь гранита,
И паутиной мачт темнеют корабли;
Уныло ночь молчит, — и грусть кругом разлита,
И слышен вздох небес в молчании земли.
И точно чей-то глаз, как луч любви случайной,

Мне в душу заглянул пытливо и светло, —
И всё, что было в ней загадкой или тайной,
Всё в звуки облеклось, всё имя обрело.

И страстные мечты, больные до истомы,
Наполнили меня блаженною тоской...
И мнится, что вокруг все пышные хоромы,
Вся эта ночь и блеск нам вызваны мечтой.
И мнится — даль небес, как полог, распахнется,
И каменных громад недвижный караван
Вот-вот, сейчас, сейчас, волнуясь, колыхнется —
И в бледных небесах исчезнет, как туман.

1888 г. Апрель

ТЕНИ И ТАЙНЫ
(1892)

126

Идеал:
К небу, свободный певец! О, к небу стремися проворней, —
Вечно бессмертное небо тебя увенчает цветами!..

Поэт:
Соки земные питают цветов сокровенные корни, —
Я же прикован к земле вечно земными цепями!..

К. Фофанов

127. ТЕНИ И ТАЙНЫ

И тайны, и тени рождаются вместе
И вместе чаруют мечтой непонятной:
В них — ласки и шепот любви ароматной,
В них — ропот и муки тоскующей мести.

И тени, и тайны нам сердце тревожат
Загадкою вечной, как сон, неизвестной:
Что тайны подскажут, то тени умножат
И смертных обвеют печалью небесной...

Игра их живая резва и капризна —
Волнует и тешит мучительно-сладко.
И смерть — колыбель им, и небо — отчизна,
И в бездне надзвездной их скрыта разгадка.

128. ВДОХНОВЕНИЕ

Как хорошо при лампе одинокой
В тиши ночей обдумывать свой труд!..
Душа кипит, и образы плывут,
Как Млечный Путь, толпою звездоокой.
Младенческий и сладостный восторг
Стесняет грудь... Слеза дрожит во взоре...
Счастливая! — Бог грез ее исторг
Из родников растаявшего горя.
Еще к земле прикован чуткий слух,
Но к небесам уже подъяты крылья...
Еще порыв… еще одно усилье —
И новый мир объемлет гордый дух...
Для жарких снов раскрыт чертог ума,
И памяти рассеянная тьма
Яснеет вновь; былое воскресает...
Но кончен труд, остыл сердечный жар,
Развеялись виденья милых чар...
Алтарь погас — и жертва остывает.

129

Была ль то — песнь, рожденная мечтою,
Иль песнею рожденная мечта, —
Не знаю я, — но в этот миг со мною
Роднилися добро и красота.
От светлых дум сомненья исчезали,
Как легкий дым от гаснущей золы;
Я был далек от сумрачной печали,
От злых обид и дерзостной хулы.
Я мир любил, и был любим я миром;
Тая в душе неугасимый свет,
Я в бездне бездн носился по эфирам
С толпою звезд, за сонмищем планет.
И видел я пленительные тайны
Бессмертного, божественного сна...
Я постигал, что зло и смерть случайны,
А жизнь с добром и вечна, и сильна.
Я ликовал смущенною душою,
И жар молитв сжигал мои уста...
Была ль то песнь, рожденная мечтою,
Иль песнею рожденная мечта?..

130

Я знаю гения, — со мною
Он речи странные ведет.
Он небеса зовет землею,
И землю небом он зовет.
    Он ложь, как правду, славословит,
    Любовь он гонит, как вражду;
    Он торжество для злых готовит,
    Сулит для праведных беду.
Не знает он ни дня, ни ночи,
Ни зноя жизни, ни могил;
Чтоб проклинать его, нет мочи,
А полюбить его — нет сил...

131

Точно листья с древа жизни,
Отпадает год за годом;
Точно гость на скучной тризне,
Я слежу за их уходом.
Каждый год с собой уносит
Что-нибудь из сердца тайно:
То внезапно друга скосит,
То мечту сразит случайно.

Каждый год неторопливо
Открывает в вечность двери, —
И гляжу я в них пугливо,
И считаю там потери...
Все туда стремятся очи, —
Где забвенья волны плещут,
Где, как звезды в небе ночи,
Дорогие тени блещут...

132. Л. Н. Т<ОЛСТОМУ>

Я знаю мир души твоей;
Земному миру он не сроден:
Земной мир соткан из цепей,
А твой, как молодость, свободен.
Не золотой телец — твой бог,
Не осквернен твой храм наживой.
Ты перед торжищем тревог
Стоишь, как жрец благочестивый!
Ты, как пророк, явился нам,
Тебе чужды пороки наши —
И сладкой лести фимиам,
И злом отравленные чаши.
Ты хочешь небо низвести
На нашу сумрачную землю.
Остановясь на полпути,
Тебе доверчиво я внемлю.
Слежу за гением твоим,
Горжусь его полетом смелым…
Но в изумленье оробелом
Не смею следовать за ним!..

133

Я знаю грусть: певучая, как песнь,
Она в душе рождается случайно, —
Чтоб утомить, как тяжкая болезнь,
И взволновать, как призрачная тайна...

Я знаю песнь: в душе моей, как грусть,
Она звучит то нежно, то сурово;
Ее давно твержу я наизусть,
Но в ней мечтам все ярко и все ново.

134

Снится мне хутор в вишневом саду;
Алой зарей зарумянены окна...
Свищет вдали соловей...
Грезою тайной обвеян, иду —
Тучек волнистых седые волокна
Гаснут навстречу теней...
Сумрак нисходит... Упал лепесток
Белый с душистой черешни... Повсюду
Тени, мечты и покой...
Месяц расцвел, как лучистый цветок
В небе... И ночь содрогнулась... и к чуду
Тихо влечет мир земной...
Но безучастна земля в тишине
К тайному голосу ночи; она
Дышит своим бытиём.
Вон мчится всадник на быстром коне...
Калитка скрипит... чья-то песня слышна —
Смертный поет о земном.

135. А. А. ФЕТУ

Есть в природе бесконечной
Тайные мечты,
Осеняемые вечной
Силой красоты.
Есть волшебного эфира
Тени и огни,
Не от мира, но для мира
Родились они.
И бессильны перед ними
Кисти и резцы...
Но созвучьями живыми
Вещие певцы
Уловляют их — и вносят
На скрижаль веков,
И не свеет, и не скосит
Время этих снов.
И пока горит мерцанье
В чарах бытия:
«Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья».
И пока святым искусствам
Радуется свет,

Будет дорог нежным чувствам
Вдохновенный Фет!

1889 г. Январь

136. ХУДОЖНИК

Посвящается И. Е. Репину

Он мертвый холст волшебно оживлял
Послушной кистью перед нами...
Мы видели моря, и кручи темных скал,
И стаи облаков, играющих с волнами.
Исполнен творчества, покорствуя мечтам,
Он всюду проникал своим духовным взором,
И снова открывал испуганным очам, —
Что вечность навсегда для нас закрыла флёром…
Под кистью властною вставали из гробниц
Цари, томимые раскаяньем невольным,
Пророки бледные, склонившиеся ниц
Перед святынями в восторге богомольном.
Мы казни видели, и видели пиры,
И кельи темные отшельников унылых,
В затишье шумных битв зажженные костры
И вдов заплаканных на родственных могилах.
Пред нами умирал царевич молодой,
Родительским мечом до времени сраженный,
И клялся и скорбел перед печальной донной
Жуан, волнуемый и страстью, и тоской.
Мы видели в цепях смиренных христиан
И грубых палачей с кровавыми мечами;
Мы видели певца: над звучными волнами
Стоял он, звучными мечтами осиян...
....

137

Я сидел у окна, я смотрел в полутьму,
В задремавший, росою обрызганный сад;
Я смотрел, как, зеленых ветвей бахрому
Наклоняя, березы безмолвно грустят,
Как чуть зыблились маковки трепетных верб,
И как в бледной, далекой лазури небес
Выплывал и яснел грустный месяца серп,
Наполняя мне сердце игрою чудес.
Я сидел у окна — и смотрел в полутьму,
И не знаю — взгрустнулося мне почему,
И не знаю — зачем непонятный восторг
Из мятежного сердца созвучья исторг…

138. NOTTURNO

Не мечты ли мне напели
Этот бред и этот сон?..
Иль в ту ночь на самом деле
Был я болен и влюблен?..
Я горел: писал безумно
И написанное рвал;
Открывал окно бесшумно,
Открывал и закрывал.
Выходил, дрожа волненьем,
На балкон и на крыльцо.
Ночь душистым дуновеньем
Обвевала мне лицо.
Точно блеском лунной пыли
Был осыпан влажный сад,
И цветы луне кадили,
Как богине, аромат.
Я глядел... пылали очи...
Точно сам я был творцом
Этих звезд и этой ночи,
Серебрящейся кругом;
Точно сам растенья эти
Я росою напоил,
Точно я один на свете
Плакал, мыслил и любил!..

139. ЖАНО

Посвящается А. В. Колмакову

Вы, не знавшие печали,
В чашах видевшие дно,
Вы, конечно, уж встречали,
Белокурую Жано! —
Это милое созданье
С белой розой в волосах
Вы встречали на пирах —
Это та, чье обаянье
Юных дней благоуханье
Пробуждает в стариках!

Ничего нет у Жано,
Все заложено давно,
Все до нитки... кроме платья,
Кроме теплого объятья —
Ничего нет у Жано!
И кружиться по паркету

Ей свободно на балах.
Но сказать ли по секрету:
К ней присватался на днях
Тот артист, гуляка страшный,
Легковерный, бесшабашный
И влюбленный впопыхах.
Тот, кто с кистью и палитрой
Бродит утром на заре,
В час, когда туманной митрой
Бор синеет на горе
И в румяном янтаре
Рдеют зыбкие озёра
И дрожат слезинки бора
На березовой коре;
Тот, кто радугою красок
Мертвый холст животворит...
Тот любитель вин и плясок
Из беспечных волокит,
Тот, при ком всегда попойка
Упоительно и бойко
Зимним вечером летит...
Он влюблен; с Жано он пишет
И вакханок, и мадонн
И нимало не смущен,
Что Мадонна страстью дышит.
Посмотрите на холсты —
В каждом милые черты!
Здесь Жано полунагая
Меж сатиров возлежит,
Здесь Жано на мрамор плит
Входит, ризами сверкая.
Здесь под сводами аркад
Спит в гробу она безгласно,
Здесь, мечтая сладострастно,
Жадно смотрит в темный сад...
Но одно есть полотно,
Только тронуто оно:
Там Жано с огнем в очах,
С наклоненной головою
Тихо шествует к налою
В белом тюле и цветах.
Но что странно и темно —
Молвят, это полотно
Не допишется отныне...
Если слушать нам молву,
Несвершенное в картине
Совершится наяву!..
Вы, с беспечностью поэта

Осушавшие вино,
Вы, рожденные для света, —
Что вы скажете на это —
Будет счастлива ль Жано?..

140

Дрожащий блеск звезды вечерней
И чары вешние земли
В былые годы суеверней
Мне сердце тронуть бы могли.
А ныне сумрак этот белый,
И этих звезд огонь несмелый,
И благовонных яблонь цвет,
И шелест, брезжущий по саду, —
Как бледный призрак прошлых лет, —
Темно и грустно блещут взгляду.
Хочу к былому я воззвать,
Чтоб вновь верней им насладиться;
Сны молодые попытать,
Любви забытой помолиться!..

141

Я верю в то давно глубоко,
Что бесконечно и прекрасно.
Пускай его не видит око,
Но сердцу все в нем светит ясно.
Им все миры полны от века,
И дышат им созвездий зерна;
Слепая воля человека
Ему подвластна и покорна.
Но власть его не зло, не бремя,
И жизнь его не сон страданья.
Вся наша вечность, наше время —
Лишь слабый вздох его дыханья.
Мы миг живем и миг блистаем,
Но жизни рушится препона —
И бледной каплей упадаем
В его недремлющее лоно.
И снова мощное теченье
Его волны непостоянной
Нас извлекает из забвенья
Для жизни знойной и туманной.
Так, обтекая мирозданье
По воле вечного закона, —
Мы бродим сном воспоминанья
Его недремлющего лона...

142

Еще дрожит последняя слеза
В моих очах, в моем потухшем взоре,
Но пронеслась суровая гроза
И улеглось рыдающее горе.
Еще дрожит печальная струна,
Но скорби песнь последняя уж спета.
Опять душа спокойствия полна
И холодно внимает шуму света.
Лишь в сонме грез, как в белых облаках
Ночных зарниц неверное блистанье,
Сияет мне в изменчивых мечтах
Тяжелое души воспоминанье...

143. ВСЁ ТО ЖЕ

Ты сказала мне: «Как скучно
Нынче пишут все поэты;
И у этого печалью
Переполнены сонеты.
　　Те же грезы, те же рифмы!..
　　Всё сирени... да сирени!..»
　　И, зевая, опустила
　　Книгу песен на колени.
А над нами в это время
Горячо лазурь сверкала;
На песке узорной сеткой
Тень от веток трепетала.
　　В кленах зыбью золотистой
　　Блеск мигал, играя с тенью,
　　Пахло липами и медом,
　　И цветущею сиренью.
И сказал тебе я: «Видишь,
Как прекрасны чары лета, —
Но стары они, как вечность,
Как фантазия поэта.
　　И, неправда ли, нам с детства
　　Так настойчиво знакомы
　　Птицы, шелест, ароматы,
　　Туч кудрявые изломы?
А взгляни ты ночью в небо,
В эту книгу Саваова, —
Все, что предки прочитали,
Там прочтешь ты слово в слово!
　　Ты увидишь те же звезды —
　　И поймет рассудок бренный,

Как мы, гордые, ничтожны
Перед бездною вселенной!..»

1889 г. Май

144. МЕЧТА

Дрожит ли зыбь сребристого ручья,
Сверкает ли вечерняя зарница,
Шумит ли лес, иль песня соловья
Гремит в кустах, — везде мечта моя
Найдет приют, как властная царица.

Она живет с природой заодно;
Она в ручье купается наядой —
И ложе ей — из мхов цветущих дно...
Ей всё любить, ей всё понять дано,
Чтоб пролететь мгновенною усладой;

Чтобы на миг блеснуть в душе моей
И озарить улыбкой суеверной
Холодный мрак моих печальных дней,
Чтоб исцелить минутный яд страстей
И скрасить жизнь красою лицемерной...

145. ДУМА В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

I

С природою искусство сочетав,
Прекрасны вы, задумчивые парки:
Мне мил ковер густых, хранимых трав
И зыбкие аллей прохладных арки,
Где слаще мир мечтательных забав,
Где тень мягка и где лучи не ярки, —
Где веет все давно забытым сном
И шепчутся деревья о былом.

II

Сад, как вино, — чем старше, тем милей,
Тем больше в нем игры и аромата;
Особенно он дорог для очей,
Когда искусство несколько помято
Завистливым соперником людей —
Природою, которая богата
Неряшеством и чудной красотой,
И гордостью, доступной ей одной.

III

Таких садов близ царственной Невы
Довольно есть. Сады увеселений —
Кумирни мелкой прессы и молвы —
Затмили их... Так фокусника гений
Свет разума и мудрость головы
Тмит мудростью лукавою движений.
Но славу тех резвящихся садов
Переживут сады больших дворцов.

IV

Меланхоличен Царскосельский сад,
И тем милей мечтателям угрюмым.
Он вас чарует прелестью баллад,
Приветствует спокойно важным шумом,
В нем вечером люблю встречать закат,
Предавшися своим певучим думам.
Войдемте же в него мы; много в нем
И выходов и входов есть кругом.

V

Ведущие в ласкающую даль
Как хороши тенистые аллеи!
Там, что ни шаг — то будят в вас печаль
Угасших лет невинные затеи.
То пруд блеснет, прозрачный, как хрусталь,
То статуя Амура иль Психеи
На вас глядит, кокетливо грустя, —
Столетнее, бездушное дитя!

VI

А там, в тени благоуханных лип,
Стена и вал искусственной руины,
Где бледный мох и толстогубый гриб
Уже взросли для полноты картины.
Мы нечто там еще встречать могли б,
Когда б не страж таинственной долины,
Ютящийся в развалине с семьей,
Не наблюдал за скромной чистотой.

VII

А дальше ряд душистых цветников,
Подстриженных акаций изгородки,
И мостики над зеркалом прудов,
А на прудах — и лебеди, и лодки,

И в сумраке задумчивых кустов
Печальный лик склонившейся красотки;
Она грустит над звонкою струей,
Разбив кувшин, кувшин заветный свой.

VIII

Она грустит безмолвно много лет.
Из черепка звенит родник смиренный,
И скорбь ее воспел давно поэт,
И скрылся он, наш гений вдохновенный,
Другим певцам оставив бренный свет;
А из кувшина струйка влаги пенной
По-прежнему бежит не торопясь,
Храня с былым таинственную связь.

IX

О, время, время! Вечность родила
Тебя из мглы бесчувственного лона.
Ты вдаль летишь, как легкая стрела,
И все разишь: чужда тебе препона!
Давно ли здесь кипела и цвела
Иная жизнь? У женственного трона
Писатели, министры и князья
Теснилися, как важная семья.

X

То был рассвет и вкуса, и ума;
От Запада текло к нам просвещенье.
Императрица мудрая сама,
Устав от дел, искала вдохновенья.
И роскошь мод, как сладкая чума,
Объяла всех восторгом увлеченья,
И жизнь текла, как шумный карнавал,
И при дворе блистал за балом бал.

XI

И снится мне, что ожил старый сад,
Помолодели статуи в нем даже.
У входов стройно вытянулись в ряд
Затейливых фасонов экипажи…
В аллеях томных вкрадчиво шумят...
Мелькают фижмы, локоны, плюмажи…
И каламбур французский заключен
В медлительный и вежливый поклон.

XII

Огни сверкают факелов ночных,
Дрожащий свет скользит в кустарник тощий.
Меж гордых жен в нарядах дорогих,
Украсивших искусственные рощи,
Подобно рою бабочек цветных, —
Одна скромней, приветней всех и проще,
И белое, высокое чело
Ее, как день безоблачный, светло.

XIII

Года прошли... Погибли все давно
Под легкою секирою Сатурна.
Всем поровну забвение дано,
Но не у всех промчалася жизнь бурно.
Не каждым все земное свершено,
Но каждого оплакивалась урна.
И люди вновь родились, чтоб опять
Злословить, петь, влюбляться и страдать.

XIV

Да, жизнь вечна, хоть бродит смерть кругом!
Не знает мир, состарившись, утраты.
На рубище природы роковом
Мы новые, непрочные заплаты, —
В нас даже пятна старые притом:
Из лоскутков отброшенных мы взяты.
Ах, экономна мудрость бытия:
Все новое в ней шьется из старья!

XV

И снится сон другой душе моей…
Мне чудится — во мгле аллей старинных,
На радостном рассвете юных дней
Один, весной, при кликах лебединых,
Мечтатель бродит. Блеск его очей
Из-под бровей густых и соболиных,
Загар лица, курчавый пух ланит —
Все в нем душе так много говорит!

XVI

Рассеяно к скамье подходит он,
С улыбкою он книгу раскрывает;
Задумчивостью краткой омрачен,
Недолго он внимательно читает...

Из рук упал раскрытый Цицерон...
Поэт поник и — что-то напевает.
И вот, смеясь, набросил на листе
Послушный станс невинной красоте.

XVII

Святая тень великого певца!..
Простишь ли мне обманчивые грезы?
Уж ты погиб, до горького конца
Сокрыв в груди отчаянье и слезы.
Но вечен луч нетленного венца
Во тьме глухой житейских дум и прозы.
И славные могилы на земле,
Как звезды в небе, светят нам во мгле.

XVIII

Счастливые! Их сон невозмутим;
Они ушли от суетного мира.
И слава их, как мимолетный дым,
Еще пьянит гостей земного пира.
И зависть зло вослед смеется им,
И льстивый гимн бренчит небрежно лира.
Но клевета и лесть, как жизнь сама,
Не тронут им ни сердца, ни ума!

XIX

А сколько лиц без славы в глубь могил
Ушло с тех пор, как этот парк унылый
Гостеприимно сень свою раскрыл!
Здесь мальчиком когда-то брат мой милый
Гулял со мной. Расцвел — и опочил!
Он, нежный друг, согретый юной силой,
Желавший жить для дружбы и добра,
Он смертью взят от кисти и пера...

XX

Прости-прощай, товарищ детских лет!
Под бурями мучительного рока
Слабею я, в глазах темнеет свет:
Я чувствую, что срок мой недалеко!..
Когда в душе предсмертный вспыхнет бред,
Увидит ли тебя больное око?
Придешь ли ты, чтоб в мир теней вести
Усталого на жизненном пути?..

Царское Село, 1889 г.

146. ОТОШЕДШИМ

Отходят старые глашатаи свободы
Под своды вечные, под гробовые своды —
И лавры провожают их,
И смерти торжеству внимает скорбь живых!
Они родилися в мятущиеся годы,
В дни предрассудков роковых,
В те дни, когда еще зарей освобожденья
Не озарился мрак отчизны дорогой...
При них порвалися гнилого рабства звенья,
От них повеял дух благого просвещенья
Над пробужденною страной.
Понятна их борьба, разумна их тревога,
Благословен их трудный путь…
Страдая и любя, они творили много —
Их есть чем помянуть!
А мы!.. Мы робкое, больное поколенье,
Смирив в своих сердцах пытливое волненье,
Мы всё хотим простить и всё благословить,
Но цель потеряна, кумир давно разрушен…
Мы к миру холодны, и мир к нам равнодушен:
Мы не умеем жить!

1889 г. Август

147. ВЫ НЕ ВИДАЛИ ЛЬ…

Вы не видали ль эту пару?
Вы не слыхали ль голоса?
Они гуляли по бульвару,
Когда смеркались небеса.
Он шел, уныл, высок и строен,
Она прекрасна и грустна...
Тогда был вечер так спокоен
И так задумчива луна.

Потом печально и стыдливо
Они бродили у реки,—
Чиня свой невод торопливо,
Не замечали ль рыбаки
Неясный шепот и смятенье
У затуманившихся струй,
И гул тяжелого паденья,
Прервавший долгий поцелуй?..

Их дома ждали до рассвета.
Блеснул таинственный рассвет,

И день протек, и, тьмой одета,
Земля молчит — а их все нет!
И ночь, как сладостные чары,
Выводит звезды в небеса...
Вы не видали этой пары,
Вы не слыхали голоса?..

1889 г. Август

148

Прекрасна ты, осенняя пора!
Задумчивой природы увяданье,
Седой туман в час раннего утра,
Живых лучей прощальная игра —
Всё будит грусть и сны очарованья!
Прекрасна ты, осенняя пора!
От детских лет, печальный северянин,
Люблю я шум захолодавших вод
И сонный лес, когда он зарумянен
Дыханием осенних непогод.
Войду ли в сад — там смолкли птичьи хоры;
Он весь поник, — в нем поздние цветы
Облечены в последние уборы,
И ярче их махровые узоры
Пред бедностью грядущей наготы!
Войду ли я в редеющие рощи —
Прозрачные, багрянцами горя,
Они молчат: их дремлющие мощи
Уж обожгла сентябрьская заря!..
Пойду ль к реке — высоко ходят волны;
Суров, тяжел свинцовый их набег...
И тихою гармониею полны
Мои мечты, исполненные нег...
Живей встают забытые утраты,
Но не гнетут, не мучают оне —
Неясные, как сны, как ароматы,
Рожденные в осенней тишине.
Вновь кроткое доступно примиренье,
Вновь нежная слеза туманит взор...
И жизнь ясна, как светлое виденье,
Как милых строк разгаданный узор...

1889 г. Август

149

Зашумел, закачался взволнованный сад,
Листья бьют боевую тревогу;

Быстро вихрь налетел и отпрянул назад,
Запылил и завихрил дорогу.

Распахнулись со скрипом ворота на миг,
Затворилось окошко со звоном.
На пруде громче уток испуганных крик,
Громче жалобы в мире зеленом.

Вот упала тяжелая капля... За ней
Шумно ливень серебряный хлещет...
И потоки звучней, и сквозь зелень ветвей
Озаренная даль уже блещет.

150. ФАНТАЗИЯ

На челне быстролетном я мчался один
По серебряной зыби заснувшей реки;
Ароматы неслися с прибрежных долин,
И мерцали далеких костров огоньки.
По цветущим изломам задумчивых гор
Возвышались бойницы, дворцы, терема,
И вокруг, как туман голубой, полутьма
Расстилалась, лаская внимательный взор.
И казалося мне, что я в царстве теней
Уплываю от грешной и хмурой земли,
От тяжелых забот, от безумных страстей,
И — как светлый маяк — блещет счастье вдали.
И поспешней скользило по влаге весло,
У прибрежья тревожа испуганных птиц...
Был мой путь без конца, был мой мир без границ,
И, как крылья, теченье все дальше несло...

151

Что ты сказала — я не расслышал…
Только сказала ты нежное что-то,
На небо месяц поздно так вышел —
И серебром засверкало болото.

В тощей осоке жизнь пробудилась —
Кто-то вздыхал там дыханьем протяжным.
Небо светилось, пышно светилось
Звездным мерцаньем, стройным и нежным.

«Что прошептала она?» — я спросил
Ночь молчаливую, полный печали…
Месяц сиянье холодное лил,
Шаткие тени ревниво дрожали.

Розы дышали мне ароматно,
Звезды, мигая, толпилися тесно.
Всё говорило сердцу понятно:
«Да, прошептала! — а что — неизвестно...»

152

Отчего на селе эти песни тоскливые,
И зачем так печально угасла заря,
И зачем поднялися туманы ленивые
От лощин, от лесов, точно дым алтаря?..

Или жертва кому-то готовится тайная,
Или что-то хоронят в природе теперь?..
Или в сердце печаль расцветает случайная,
И оно истекает от слёз и потерь?

153

Я грезил, что умер, — ни плача, ни стона
Над гробом моим.
Лишь солнце мне светит с небесного лона
Лучом золотым,
Как светит живым.

И в солнечном блеске предгробные свечи
Бледны, как испуг.
И с дымом кадильным холодные речи
Про смерть и недуг
Блуждают вокруг.

И кажется мне отдаленным потоком
Таинственный шум
Рокочущей жизни—и сплю я, в глубоком
Молчанье, угрюм,
Без песен и дум...

154

Холодная зима бледнеет за окном;
Недвижно воздух спит морозный,
И дальние миры в молчанье роковом
На небе сумрачном дрожат, как иней звездный.
Алмазною игрой заискрился мороз
На стеклах. Жалобно скрипят саней полозья;
Из-за оград торчат серебряные гроздья
Волшебно убранных, но мертвенных берез.

И сказки чудные приходят мне на ум,
И верит сердце вновь пленительным обманам;
И много светлых снов, и много светлых дум
Плывут, обвеяны таинственным туманом.
Все грезится весна, лазурная весна
С ее теплом, с ее лучами...
И бледная зима, как смутный призрак сна,
Стоит пред робкими очами.

155

Умолк весенний гром. Всё блещет и поет.
В алмазных каплях сад душистый,
И опоясала лазурный небосвод
Гирлянда радуги лучистой.

От ближних цветников запахло резедой,
В кустах резвей щебечут птицы;
Гремит неясный гром над высью золотой,
Как грохот дальней колесницы.

Трепещет влажный блеск, как искры, на листве
Под освежительной прохладой...
Лягушка серая подпрыгнула в траве
И снова скрылась за оградой.

По мокрому шоссе, в мерцающем платке,
Прошла усталая цыганка,
Кричат разносчики — и где-то вдалеке
Гнусит печальная шарманка.

156

Я улетел бы в глубь лазури,
Туда, к безгранным высотам, —
Но я боюсь — седые бури
В косматых тучах бродят там.

Нырнул бы я на дно морское,
Где скрыты жемчуг и коралл, —
Но я страшусь, что все земное
Там захлестнет девятый вал.

Мечтам не страшно беспокойство,
И я готов в тернистый путь, —
Но все боюсь — мое геройство
Улыбкой встретит кто-нибудь.

157

Смерть уступила гневной жизни…
Угомонился бред больной:
Казалось, кто-то неземной
Внял беспокойной укоризне.
Открыл глаза я; в полумглу
Луна янтарный луч роняла,
Как золотое покрывало,
Квадрат окошка на полу
Светлел под тихими лучами
Ночного месяца… и я
Ловил отраду бытия
Ослабевавшими мечтами.
И все, что жизнь до этих пор
Во мне ревниво сберегала,
Свою любовь и свой позор —
Все перечувствовал сначала,
И охлажден был жар ланит…
И голос я узнал давнишний…
Как вопль из-под могильных плит,
Твердил он жалобный, чуть слышный,
Что в мире я чужой и лишний,
Что жизнь не мне принадлежит.

1890 г.

158. ХАНДРА

Перед окном косящатым
Сидит Хандра Ивановна.
Сидит она невесело —
Головушку повесила.
А что Хандре бы надобно? —
Сама она не ведает...

Идет румяный молодец,
Идет-поет по улице,
Увидел свет в окне Хандры,
Кричит ей зычным голосом:

— Пойдем, Хандра Ивановна,
По городу, по людному.
Авось, ты разгуляешься,
От хмеля зашатаешься,
От ветра разрумянишься...
Хандра ему в ответ:

— Ахти, пригожий молодец,
Кто мало жил — не любит свет
За то, что всё не выглядел.
Кто много жил — не любит свет
За то, что всё наскучило!
А мне не жить, не в гроб идти —
На белом свете маяться!
Пошла бы я по городу,
Да думаю: не тесно ли?
К базару пробралась бы я —
Претит корысть постылая:
Купцы галдят, мошной звенят,
На счетах звонкий счет ведут.
Костяшкой щелк — и рубль на стол.
Другою щелк — другой пришел!
А мне корысть хвастливая
Тошней любой беды.
Пошла бы я на игрища,
На игрищах веселый гам:
Иной до слез смеется там,
Иной до слез милуется.
А я до слез зевну в ладонь, —
Зеваючи, тушу огонь;
Ко сну клоню — домой гоню,
Туманю радость облаком.
Со мной гулять невесело…
Иди один путем своим,
Гуляй — жену нагуливай, —
По свадьбе навещу!..

159

Что ты плачешь, дорогая,
Провожая вдаль меня?
Что встречаешь ночью хмурой
Солнце праздничного дня?!

Нас дорога учит песням,
Упованьям и любви;
Не слезами, а улыбкой
Дальний путь благослови.

Я вернусь к тебе бодрее, —
Попытав на стороне
Издалёка грезу счастья,
Улыбнувшегося мне.

Не тумань же взор свой ясный
И не хмурь густую бровь...
Сила меряется волей,
А разлукою — любовь...

Я с тобою сердцем буду;
Ты мечтой за мной лети,
Клятвы, письма и молитвы
Рассыпая по пути...

Будет время — поцелуем
Я сотру слезу с лица,
И уйдет, шатаясь, ревность
От счастливого крыльца!

160

Родился день, как поздняя любовь,
Холодный день, без звуков, и — зарею
Недолгою блистая — слился вновь
С безжизненной, полуночною мглою.

Он не раскрыл душистые цветы
И не принес желаний сердцу новых.
Снега долин и глушь лесов сосновых
Он обманул улыбкою мечты...

Унылый день! — похожий, как близнец,
На прежние — и так же важно скучен,
И так же тих для памяти сердец,
Как вечность, стар, как опыт, однозвучен.

Лишь вымыслу возможна новизна!
Для правды нет ее у человека,
И опытом, затверженным от века,
Как жизнь, как смерть, развенчана она...

1890 г. Декабрь

161

В хаосе девственной природы
Носился светлый дух Творца,
Он создавал и твердь, и воды
И сеял звезды без конца.
Дохнул он вихрем знойной бури —
Эфир волненья потрясли,

И встало солнце на лазури,
И отвердился шар земли.
Дожди вспоили землю щедро,
И в час блаженного утра
Зазеленели иглы кедра,
Раскрыли пальмы веера.
И Дух, рожденный прежде века,
Исполнен благости и сил,
Из глины вызвал человека
И безмятежно опочил.
Но — окрыленный мыслью страстной,
Зажегся он в людских сердцах —
Досоздавать свой мир прекрасный
В бессмертных образах и снах...

162. ПЕПЕЛ

(Посв. Ф. Ф. Фидлеру)

Кто чашу горя в жизни не пил!
Во мраке зла и в злобе тьмы
Сгорает юность — бледный пепел
Потухших грез стряхаем мы.

И, отрекаясь от стремлений —
Когда-то сердцу дорогих,
Мы ищем поздних сожалений
На пепле радостей былых.

И чем быстрее жар мятежный,
Тем наша молодость теплей,
Тем слаще дым печали нежной
И легче прах остывших дней.

Равно любовь и месть былую
С улыбкой память сторожит,
Как внуки урну гробовую,
Где пепел предков их сокрыт.

1891 г. Январь

163

Стало скучно тебе —
Что же надобно?
Ветер плачет в трубе,
Плачет жалобно.

Грустно свечка горит
Одинокая;
В окна полночь глядит
Черноокая.
На дворе — сентябрем —
Веет холодом,
Сыплет желтым листом,
Точно золотом.
Встал туман над рекой
Белой дымкою, —
Сны снесет он с собой
Невидимкою.
Ветер буйный в трубе
Плачет жалобно…
Скучно мне и тебе —
Что ж нам надобно?

164. КРОВЬ

(ИЗ ПЕСЕН О МИРОЗДАНИИ)

Бог землю созидал; перед Его престолом
Теснились ангелы в волнении веселом,
Смотря, как в бездне бездн, глубокой без конца,
Планета новая являлась под рукою
Благословенного Творца,
Блистая новою звездою.
Уже хаос исчез — и мирно потекли,
Как зерна светлые, — сопутники земли:
И солнце, и луна, и звезды золотые;
Их стройный хоровод мрак бездны озарил,
И, возлюбив мечты земные,
Один из ангелов — печальный Азраил,
Полет на новую планету устремил
И — светел, как мечта, вернулся к небу снова:
Лазурью полон был смущенный взор очей,
И в складках облачных покрова
Звучала музыка морей...
И небожители, встречая Азраила,
Прияли радостную весть,
Что землю влага напоила,
Что там движенья звуки есть.

***

И снова Азраил на землю путь направил,
И снова для небес планету он оставил:
Теперь с его одежд душистый зной бежал,

Был ярче жар ланит румяных,
И на кудрях благоуханных
Венок из лилий возлежал!
Махая издали зеленою оливой,
Он небожителям пролепетал — счастливый —
Что пышно убраны поля,
Шумят дожди, кочуют тучи,
Леса, как фимиам, пахучи
И ждет, — кого-то ждет земля!

***

И снова Азраил печальный
К земле направил трудный путь,
И, как мечта, с планеты дальной
Вернулся к небу отдохнуть.
Был тихий свет разлит по бледному челу,
И капала роса, как слезы, с крыльев белых;
В устах он нес Творцу бессмертную хвалу,
А в длани — зерна злаков спелых!
И резвый мотылек — дитя земных полей,
Дыханьем райских уст прельщенный,
Как в блеске утренних лучей,
Кружил над головой — сияньем осененный.
И небу возвестил счастливый Азраил,
Что хор пернатых птиц дубровы огласил,
Что дышат и цветут в тепле весеннем долы, —
И веет жизнию от каждого стебля;
Ползут жуки и реют пчелы,
Но все кого-то ждет земля!..

***

И снова Азраил к земле направил путь
И, полный нежных дум, вернулся к небу снова;
Как солнце, лик сиял, и вздох колеблил грудь,
Но не промолвил он ни слова.
Вокруг него, толпясь, небесные друзья
Напрасно ждали новой вести;
Он крылья опустил — и плакал с ними вместе
Слезами радости о тайнах бытия.
Тогда в садах земных забывшемуся сном
Бог женщину явил близ синего Евфрата.
И видел Азраил у ног земного брата
Созданье нежное, и промолчал о нем.
И снова Азраил на землю путь направил...
Он весело летел и в гимнах солнце славил,
Но скоро к небесам без гимнов прилетел;
Теперь его чело раздумье омрачало,

И долго в светлый рай проникнуть он робел:
Крыло алело и дрожало.
Смущенный Азраил принес не пурпур роз,
И не коралл, не плод румяный, —
На белизне крыла в свой рай благоуханный
Он грех, он тайну — кровь принес!

***

И ангелы теперь, увидев Азраила,
Заволновалися в безгрешных небесах,
Их девичьи уста тревога исказила,
И в их младенческих очах
Мелькнул неотвратимый страх —
Глубокий, темный, как могила!..
Они шатаются, как призраки, скользя
К Престолу Божества, закрыв глаза крылами,
И в ужасе вопят, как ветры над лесами:
«Кровь! Кровь! — Там вечно жить нельзя!»
Их воплю внял Творец — и рек Он Азраилу:
«Тебе не место здесь; ты видел больше их!
Отныне будь жнецом — и жни бессмертья силу,
И отдавай земле земных!
Рази и не щади! — и властвуй надо всеми,
Покуда не блеснет свет новый в Вифлееме!»

***

И тихо Азраил рыдал
В тот час, как покидал невольно мир небесный;
Спустился на землю и землю не узнал:
Шумел осенний вихрь, срывая лист древесный,
И бушевал поток в ущелье темных скал.
Куда он ни вступал — все блекло, холодея...
Эдемский сад поник: в нем плакала сова,
Дрожала нежная лилея,
И осыпалася листва;
Лев когти отрастил и жадными прыжками
Добычу настигал, и грешный человек
Пугался и дрожал, волнуемый мечтами, —
Под звездоносными тенями
Уже страшил его ночлег;
Уже, напитанные ядом,
Цветы мертвили слабых пчел,
И в первый раз с оливой рядом
Терновник гибельный расцвел.

1890 г. Декабрь

165

Душа — нетающий родник,
Запечатленный зноем страсти, —
И каждый час, и каждый миг
У новых грез она во власти.
        Живое сердце, как алтарь,
        Все в жертву медленно приемлет;
        Под песни чудные, как встарь,
        Проснувшись от измены, дремлет.
И чем теплее жертв огонь,
Тем алтаря священней камень.
Восторги снов моих не тронь
И не гаси минутный пламень!
        Не покидай в тоске меня;
        Пусть я люблю, пусть плачут очи...
        Оставь лучи живого дня,
        Оставь росу прохладной ночи!

166

Сколько жизни, сколько блеску
В этом луге ароматном,
В этой ниве золотистой,
В этом небе предзакатном!
        Я иду — и надо мною
        Трелит жаворонок звонко,
        И в лучах кружатся мошки,
        Точно зыбкая воронка.
В алом клевере кузнечик
Кличет ночь, томясь от жажды,
И в бору уже кукушка
Куковала не однажды.
        Но луна и звезды медлят,
        Медлит ночь своим приходом,
        И прощально день лепечет
        Под горячим небосводом...

167

Живем, волнуемся, а после
Умрем, как аромат весны,
Как умирают водоро́сли,
Под белым холодом волны.
        Но, друг мой, — чудною мечтою
        Привык я сердце обольщать.
        И мнится мне: опять с тобою
        Мы будем мыслить и желать.

Ты будешь долго, непонятно
Блуждать в эфире голубом
И так тепло, так ароматно
Дышать небесным торжеством.
И — что земля недосказала,
В чем изменила нам судьба,
Доскажет нового начала
Благословенная борьба;
И, ужасаясь мрака гроба,
Мы станем рваться к свету вновь,
Где развенчала дерзко злоба
Мечтой венчанную любовь.
И дух, рожденный прежде ночи,
И в самом тленье вечный дух,
Вновь обретет язык и очи,
И сердце чуткое, и слух.
Мы слух преклоним к правде вечной
И склоним к истине сердца —
И будем чище и сердечней
Любить до нового конца.
Любовь — мгновение, и после
Умрем, как аромат весны,
Как умирают водорóсли,
Под белым холодом волны...

1891 г. Июль

168. У ПЕЧКИ

На огонь смотрю я в печку:
Золотые города,
Мост чрез огненную речку —
Исчезают без следа.

И на месте ярко-алых,
Золоченых теремов —
Лес из пламенных кораллов
Блещет искрами стволов;

Чудный лес — недолог, скоро
Распадется он во прах,
И откроется для взора
Степь в рассыпчатых огнях.

Но и пурпур степи знойной
Догорит и отцветет;
Мрак угрюмый и спокойный
Своды печки обовьет.

Как в пустом, забытом доме,
В дымном царстве душной мглы
Ничего не станет, кроме
Угля, пепла и золы...

1888 г. Январь

169. СОН В ЦЕРКВИ

Церковь заперли. Безмолвен
Бога вечного чертог, —
Только в нем малютка бедный
Спит, забившись в уголок...

Он продрог на зимней стуже
В ветхом рубище своем,
И, согревшись в церкви людной,
Задремал спокойным сном.

Ряд лампад неугасимых
Блещет грустною семьей,
Сквозь узорчатые окна
Светит месяц золотой.

И блуждает свет неверный,
Пробираясь на амвон
И к окладу золотому
Тихо дремлющих икон.

И, от яркого оклада
Отделившися, живей
Смотрит лик Пречистой Девы
Взором ласковых очей.

И, держа в своих объятьях
Безмятежного Христа,
Богородица открыла
Благовонные уста.

Словно всплеск волны далекой,
Словно легкий вздох струны,
Задремавшему малютке
Речи чудные слышны:

«Не горюй, несчастный мальчик,
Брат ты людям по Христу;
От гонений и обиды
Я укрою сироту.

В светлом царстве благодати,
Все безгрешное любя,
Точно братья дорогие —
Ждут Архангелы тебя.

В светлом рае днем и ночью
Перед ликами святых,
Как светильники, созвездья
Ходят в тучках голубых.

Там воздушные беседки
И прозрачны, и легки;
Там у радужных павлинов
Золотые гребешки.

Там у рек, журчащих кротко,
Ярко-травчатое дно,
У серебряных барашков
Шелковистое руно...»

Внемлет мальчик речи чудной,
Сладким трепетом объят,
И уста его невольно
Полушепотом твердят:

«О, Владычица святая,
Хоть и дивен Божий рай, —
Не бери меня на небо,
На земле пожить мне дай!

Милы мне цветы земные,
Милы солнышка лучи, —
Если ждет меня страданье,
Ты терпенью научи!..»

170

Случалось ли вам в день сверкающего лета
Спускаться по холму иль полем проходить, —
Когда так тихо все и зноем все согрето
И на кустах видна серебряная нить
Едва колеблемой воздушной паутины?
Когда не слышно стад среди немой долины
И жаворонка трель из вышины небес
Не льется на землю жемчужным перекатом,
И только дышит грудь пьянящим ароматом,
И только вдалеке недвижно дремлет лес?
Случалось ли тогда в мечтательности сладкой

Задумываться вам — и в знойной тишине
Услышать оклик вдруг, таинственный и краткий,
Рожденный на земле, погасший в вышине?
И, вашим именем смущенные невольно,
Не думали ли вы светло и богомольно,
Что это вас зовет угасший брат иль друг?
И, победив в душе рассеянный испуг,
Не устремляли ль вы признательные очи
В горячую лазурь, как путник в мраке ночи,
Услышавший привет из озаренных врат?..
И не спешили ли задумчиво назад?!..

171

Еще гарем не спал... Под аркой коридоров
Скользили слуги одалиск,
И смутно тень чертил на разноцветных шторах
Луны двурогий диск.

Еще огни лампад таинственно мерцали
Сквозь голубой туман
Курильниц золотых, и брызги вод спадали
На мрамор звучных ванн.

Еще не спал гарем... Но праздные гитары
На шелке алых лент молчали по углам;
Со странным шепотом рассеянные пары
Нарядных жен сновали здесь и там.

И был вкруг полумрак и полусон молчанья, —
Сейчас в гареме смерть свершила гневный бег,
И умер падишах, не кончивши лобзанья,
На ложе сладострастных нег.

172. ОСЕНЬ

День осенний, день унылый
Сеет мглою и дождем,
И разрытою могилой
Пахнет в воздухе сыром...
Как больной, глядит сквозь слезы
Опечалившийся день
На поникшие березы,
На опавшую сирень...
Хмель засох вокруг беседки,
И летят со всех сторон
На обветренные ветки
Стаи черные ворон...

В их тревоге торопливой,
В резком крике слышны мне
Смех над долею счастливой
И укор былой весне...

173

Мы, нежного певцы, — таинственной судьбы
Всегда покорные и тихие рабы.
Нам дорог рифмы звон, как тощему скупцу
Звон гордый золота на жадной смене торга;
Услышим нежный стих — и слезы по лицу,
И холод в волосах от сладкого восторга!
Но если в нашу жизнь ворвется иногда
Суровый ураган несчастья рокового,
Мы ропщем, мы скорбим, — но нет стиха живого,
Чтоб выразить всю страсть печали и стыда.

174. МОРОЗНОЮ НОЧЬЮ

Покинул город я мятежный,
Как беспокойную мечту, —
И мчится поезд ночью снежной,
Роняя искры на лету.
Еще видны во мраке сонном
Нас обступающих полей
Каким-то клиром похоронным
Ряды покинутых огней.
Как будто шествие ночное
При свете факелов вдали
Хоронит что-то роковое
И горделивое земли...
Но дальше, дальше!.. Сумрак белый
Навстречу весело бежит;
Горит в алмазах помертвелый
Узор безлиственных ракит.
Поля блестящею пустыней
Лежат вокруг — и свет луны
На нас рассыпал отблеск синий
Из многозвездной вышины.
Недвижный воздух жжет и щиплет,
И мнится: ночь меж быстрых туч
Не звезды — иглы с неба сыплет,
Так блеск их радужный колюч.
Застыл и замер путь безмолвный, —
Но и безжизненным путем
Несется поезд, жизни полный,
С победоносным торжеством!..

И оснеженные деревья,
Весну, как жизнь, в себе тая,
Встречают зимний гром кочевья
Сквозь сон и ужас бытия.
И любо им в неуловимом
Морозе блещущей зимы
Дохнуть на миг теплом и дымом
Людской свободы и тюрьмы.

Гатчино

175. ПОЗДНИЕ ОГНИ

Безмолвны немые громады,
Задумчиво город уснул;
Лишь поздние блещут лампады
Да бродит усталый разгул.
Люблю подмечать я высоко
Огонь запоздалый в окне,
Угадывать, кто одиноко
Не дремлет в ночной тишине.
Не нового ль ждет постояльца
Счастливая браком семья?
Иль жизнь догорает страдальца
При слабом мерцанье огня?
Колеблются тени на сторе.
Движение в светлом окне...
Кто знает: восторг или горе
Не спит в роковой хлопотне?
Иль труженик там и мечтатель,
Что ночи сидит напролет, —
Неведомый миру создатель
Возвышенных песен и од?
До света, меж стен неприветных,
Поет он о трудной борьбе,
О ласках, о думах заветных —
И славу пророчит себе.
А улица спит — и не бредит...
Далеко до алой зари...
Никто не пройдет, не проедет,
Уныло горят фонари.
Молчат, как гробницы, фасады,
Ослепшие окна темны...
Все реже ночные лампады,
Все ярче счастливые сны!..

Были нежны их свиданья,
Были робки их признанья,
Целомудренны мечты.
И для них весною красной,
Под улыбкой солнца ясной,
Распускалися цветы.
И для них в лесу зеленом
Пели птицы, как влюбленным;
И для них в тиши ночей
Открывалися для взора
В мгле небесного простора
Сонмы божеских огней…
А теперь гниют их кости
На оплаканном погосте…
Видишь — холм и крест на нем?!..
Друг! Они на этом месте,
Успокоенные, вместе
Спят, не грезя о былом.
Их природа позабыла, —
Все, чем прежде подарила,
Вновь дарит она другим,
И над их холмом могильным
Блеском мирным и всесильным
Улыбается живым!..

177. Я. П. ПОЛОНСКОМУ

(ПО ПОВОДУ ЕГО КНИГИ «ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН»)

Поэт! Когда завечерело
В твоей мечтательной судьбе, —
Вновь Муза старая тебе
О детстве розовом запела.
Хотя снег старости твоей
Зарей румянится вечерней, —
Поешь ты громче и теплей
Перед толпою жадной черни.
А я, весною, в дождь и тьму,
Настроив лиру своевольно,
Остановился, богомольно
Внимая звону твоему.
Молю, чтоб медлил мрак полночный
Гасить закат твоих лучей, —
Мне сладок звон твоей всенощной,
Как звон заутрени твоей!

178

Поэты лгут, как жизнь; как жизнь, они мятежны;
Как жизнь, изменчивы, — то сумрачны, то нежны,
Восторгом неземным туманит их любовь,
Но миг один пройдет — и гнев пылает вновь,
И лиры ласковой задумчивые струны
Уж сыплют, злобствуя, мгновенные перуны.
Сегодня для певца луны туманный лик
Исполнен прелести и кажется язык
Гремучего ручья так ласков, так понятен,
И звезды так теплы, и лес так ароматен.
А завтра тот же лес, и звезды, и ручей
Не трогают души, не веселят очей, —
И свой недавний пыл, восторг к природе вечной
Он сам же осмеет в тоске простосердечной.
И, каждый час следя за жизнью, за судьбой,
Их жадно меряет пытливою душой
И вкладывает перст в обман и язвы рока
Затем, чтоб снова быть обманутым глубоко.

179

Мы любим, кажется, друг друга, —
Но отчего же иногда
От нежных слов, как от недуга,
Бежим, исполнены стыда?
Зачем, привыкшие к злословью,
Друг друга любим мы терзать?
Ужель, кипя одной любовью,
Должны два сердца враждовать?!..

180. УМИРАЮЩАЯ НЕВЕСТА

— Матушка! Я слышу, кто-то шепчет сладко,
Кто-то за стеною там поет давно...
— Спи, моя родная! Спи, моя касатка —
Это дождь осенний хлещется в окно.
— Матушка, скорее отвори окошко!..
Слышишь ли, подъехал милый мой к крыльцу?
Подведи к окошку, посмотрю немножко:
Он ли, — я узнаю сразу по лицу…
— Нет, моя голубка, это шепчут ивы,
Это расходились волны на реке...
— Матушка, мы в церкви!.. Мы теперь счастливы,
Перстень обручальный блещет на руке…
От свечей венчальных теплое мерцанье
Жаром обвевает щеки и чело...

Как народу много… Мне теснит дыханье...
Матушка, не правда ль, в церкви как светло?!.

Потупивши очи и глотая слезы,
Мать не отвечает дочери своей;
Перед нею реют сумрачные грезы,
Сумрачные грезы, полночи темней.
Видит она церковь, — только не с налоем,
Без свечей венчальных... и глядит на дочь,
Дышащую тяжко, пышущую зноем,
В эту ночь глухую, в пасмурную ночь...

181. АГОНИЯ

Его агония мучительна была…
На миг он засыпал, но в краткие мгновенья
Года, мелькавшие без меры, без числа,
        Томили бурей сновиденья!..
Казалося — мятежная душа
Стремилася покинуть плоть, как бремя,
Без устали куда-то вдаль спеша,
Забыв и прах, и помыслы, и время!
Мечта рождала новую мечту, —
Видения из мрака выплывали
И темь души все глубже раскрывали —
        Как звезды, высоту.
Сменялся страх надеждою — и вдруг
Отчаянье зияло, как могила;
Надежды таяли, как бледный дым кадила…
В устах смолкал последних жалоб звук,
        И сердце ужасов просило!
Как в дикой радости непобедимых сил,
Он в ужасах восторги находил, —
И страх томил, как наслажденье…
Он знал, что этот страх — миг смерти, может быть,
Что сердце, полное безумного волненья,
Порвется — и порвет, как прялка, жизни нить,
Что там — за ужасом… забвенье!

182

Не пойму я этой ночи,
Белоликой и больной...
В сизой дымке запад бледный
Блещет алою зарей...
Что-то, в смутных очертаньях,
Ходит в шепоте берез;
Кто-то плачет и вздыхает,

И роняет капли слез...
Не пойму я этой ночи, —
Сердце в пламенной тоске;
Очи ищут — в тайном страхе —
Привидений вдалеке...
И сверкает сумрак алый —
Как заря в морской волне —
В бледных грезах, в звуках сердца,
Надо мною и во мне...

183. БЕЛАЯ ЖЕНЩИНА

Мне снился сон однажды чудный...
Мне снилось: грусть в душе тая,
Я под листвою изумрудной
Сидел у берега ручья.

Бледнел закат; сгущались тени, —
При их задумчивой игре
Ручей бежал — исполнен лени —
В своем волнистом серебре...

И вдруг, обвеян мглою серой,
Во мраке сонной тишины —
Новорожденною Венерой
Встал белый призрак из волны;

Под легким ветром развевалась
Его прозрачная фата, —
И жадным взорам открывалась
Эфирной тени нагота...

То образ женщины был стройной, —
Я видел блеск ее очей,
Подобный блеску степи знойной,
Подобный отблеску морей...

И с уст ее, как звук Эола,
Как вещий шепот божества,
Слетели райского глагола
Неизреченные слова.

И — полный светлых упоений —
Я поклялся у ног ея
Сложить с мечтами вдохновений
Любовь и прелесть бытия!..

....
С тех пор в раздумье и печали
Мой взор смущенно различал
Не раз — во мгле неясной дали —
Узор таинственной вуали, —
И вновь я сердцем оживал...

И вновь задумчиво и страстно
Мечта рвалася далеко,
Когда шептал мне призрак властно,
Что все печальное — прекрасно,
И все великое — легко!..

184. ТЫ ПОМНИШЬ ЛИ?!..

Ты помнишь ли: мягкие тени
Ложились неслышно кругом,
И тихо дрожали сирени
Под нашим открытым окном...
Все тише заветные речи
С тобою тогда мы вели
И скоро блестящие свечи
Рукой торопливой зажгли;
Ты села к роялю небрежно,
И все, чем полна ты была,
Чем долго томилась мятежно —
Все в звуки любви облекла;
Я слушал безгрешные звуки
И грустно смотрел на огни...
То было пред днями разлуки,
Но было в счастливые дни!..

185

Мы — поздние певцы: мир, злой и обветшалый,
Оставил только то для нас,
О чем не грезил он, что проклинал — усталый,
Стремяся рухнуть каждый час…

Что пламенно любил — он выразил невольно
В созданиях искусств и в фолиантах книг;
А нам оставил то, что сбросил добровольно
С своих заржавленных вериг.

И грустно мы поем, толпа певцов печальных,
И прах его цепей венчаем вязью роз, —
Но поздние мечты бледней первоначальных,
А грозы поздние — ужасней первых гроз...

186

Бывало, как дети, в душе у меня
Толпились созвучья, шутя и звеня;
И — утром поссорясь, сходились опять
При лунном сиянье шуметь и плясать.

Теперь же, — как старцы, созвучья мои
Уселися чинно в кружок на скамьи,
И чопорно стали друг с другом они
Беседу вести про минувшие дни...

187

Лунная тихая ночь, —
Воздух, исполненный лени…
На серебристом снегу
Темные, резкие тени...
Сердце бы грезить не прочь —
Только печальна душа,
Только мечтать не могу, —
Холодом в холод дыша!

В сердце весна отцвела:
Там, как в пустыне, безгласно;
Прошлое счастье — луной
Смотрит мертво и неясно...
В блестках морозная мгла,
В звездах холодная высь...
Что ж ты, любовь, не со мной?
Где ж ты, весна, отзовись?!..

188

Смотри, как эта ночь ясна!
Кудрявясь зеленью живою,
Склонились ивы над водою, —
И розовеет глубина
Прозрачных вод огнем лучистым;
Ночь дышит запахом смолистым,
И сквозь узор густых ветвей
Глядит заря во мрак зеленый...
Там утро юности моей;
Там соловей поет влюбленный...
Пойдем к заре, — святой возврат
К былой весне весною слаще...
Как лучезарно в темной чаще!
Как сладок влажный аромат!

Ужель весною колдовала
Безмолвно спавшая зима?
Из облаков заря соткала
В волшебном мраке терема...
Кого — таинственно алея,
Как поцелуем обожжен,
Хранит горячий небосклон?
Кого, лаская и лелея,
Таит весенняя аллея?!.
Там — юность с девичьим лицом
Мне улыбнется под окном,
Вздохнет со мной и сыпать станет
С черемух белые цветы,
И осмеет мои мечты,
И новым счастьем зарумянит...

189

Обманули меня соловьи;
Обманули румяные зори;
Обманули улыбки твои,
Промелькнувшие в ласковом взоре…
Но счастливым поют соловьи,
И весна расцветает прекрасно,
И заря улыбается ясно
На печальные думы мои...
Кто же пламень в природе задул,
Кто окутал всё грустью — как флером?
И звучит мое сердце укором:
Не себя ли ты сам обманул?..

ИЗ «СТИХОТВОРЕНИЙ» В 5 ЧАСТЯХ (1896)

190. ЗВЕЗДА ЛЮБВИ

— О чем грустишь, мой отрок милый? —
Король пажа спросил.
— Я возмущен лукавой силой!..
— Мой паж, Господь тебя помилуй!
Чем враг твой дух смутил?
— Король, ты хочешь знать несчастной
Души тоску — изволь...
Король, я видел сон ужасный;
Я видел сон, король!..

— Скажи, что видел, отрок нежный,
Скажи, что видел ты?
— Мне снилось — шел я ночью снежной,
Обвеян вьюгою мятежной,
В даль белой темноты...
— Так чем же сон тебя обидел —
К погоде зимней он...
— Но, мой король, — еще я видел,
Еще я видел сон...

Мне снилось — вьюга все сметала, —
И звездные огни
Она, как свечи, задувала...
Без слез душа моя рыдала
В испуганной тени.
И вдруг меня над белой тьмою
Взмыл ветер в синеву, —
И там зажегся я звездою,
Как будто наяву!..

— Твой сон, мой отрок, годы счастья
Сулит в грядущей мгле —
Дни ясной славы и участья...
— Но, мой король, звездой несчастья
Стремился я к земле.
Родной любви и чуждый гневу,
Мерцая в темноту, —
Я встретил взоры, встретил деву —
Земную красоту!

Она была, как ночь, несмела,
Светла, как белый день...
И в ночь — молилась ли, скорбела —
Все на меня она смотрела
В таинственную сень.
И взор ее сиял так ясно,
Ясней моих лучей,
И я ронял ей луч согласно
В окно и в темь аллей.

— О, мой король, мне было тесно
Без ней в кругу светил...
Я проклинал свой путь небесный,
И к ней, как небо, бестелесный, —
Я бег свой устремил.
И лишь к земле, к желанной цели,
Приблизился едва —
Она — в гробу, как в колыбели,
Покоилась — мертва!..

Над ней, красавицей, вздыхали
И набожной рукой
На гроб ее цветы срывали,
И волны пели мне в печали:
«Ты был — ее звездой!»
— Ах, мой король, задул я очи, —
В ней сердце погасил...
Зачем я был звездою ночи,
Зачем ее любил!..

Вот почему я грустен ныне,
Я был ее звездой
В ночной, лазоревой пустыне!
И лишь упал к своей богине —
Остыл в ней жизни зной!
Грусть в небесах, как звезды, бродит,
А на земле грустней...
— Не плачь, мой паж, звезда восходит,
Звезда любви твоей!..

1892 г.

191. ВЕСЕННЯЯ ПОЭМА

I

Когда они сошлись, ей было двадцать три,
Ему — семнадцать лет; расшпилив темный локон
И тканями гардин завесив стекла окон,
Она делила с ним восторги до зари.
Ей нравилося в нем неловкое смущенье,
Невинность важная, и первые томленья,
И слезы ревности в потупленных очах,
Когда она друзей, смеясь, именовала
И медленной рукой альбом перебирала,
Где лица строгие во фраках, в орденах
Таились: все дельцы, артисты и вельможи,
Иные лысые, в задумчивых очках,
Непогрешимостью на схимников похожи.

А он в ней все любил, все нравилось в ней, нежной,
Порой мечтательной, капризной иль небрежной:
Ее язвительный и скромный разговор,
Душистый будуар, ковры и занавески,
И ваз затейливых расписанный фарфор
Восточной прихотью в цветные арабески;
И нравилось ему, что, скрытая от всех,
Их страсть была полней в таинственном романе,
Что негою звучал ее картавый смех,
Что имя у нее ласкательное — Фанни.
Как часто проводил, бывало, с ней вдвоем
Он, юный, влюбчивый, зимою вечер длинный.
И было всё полно в мерцающей гостиной
Ее присутствием, как тихим божеством.
Порой ее черты мгновенная тоска
Темнила: прошлое ль вставало из тумана?
Она, смотря в камин, молчала и — слегка,
Как спугнутым крылом, смущенная рука
Играла веером с решеткою экрана.
И вдруг, согнав с чела, как облако, печаль,
Садилась весело за томную рояль;
Он подымал пюпитр, спешил раскрыть ей ноты,
Накинуть на плечи оброненную шаль.
И вот мелодия, исполнена дремоты,
Сперва едва слышна, как тайная печаль,
Потом она журчит, рыдает и трепещет,
Как в наслаждении изнывшая любовь,
И снова чуть звенит и, разгораясь, плещет
И тихой жалобой вдали смолкает вновь.

II

А утром снова был он в корпусе, счастливый,
С улыбкой тихою на розовых устах,
С горячей бледностью в взволнованных щеках,
В движеньях медленный, как лень, неторопливый;
И как он был хорош, влюбленное дитя,
Когда, склонив чело, угрюмо сдвинув брови,
Забывши свой урок, смолкал на полуслове,
Ресницы темные, как дева, опустя!
Наставник хохотал, тряслися аксельбанты:
«Должно быть, с барышней вчера играли в фанты», —
Он говорил, смеясь, и, потрепав шутя
За робкое плечо, он прибавлял: «Довольно!»
Но, добродушием смущенный старика,
Виновный юноша краснел до слез невольно
И горечь слез глотал, стыдясь духов платка.

III

Расцвел зеленый май. Он ехал вместе с ней
В плетеном тюльбэри. Душистый сумрак парка
Пронизан был вокруг томительно и ярко
Прозрачным золотом полуденных лучей.
Впервые жизнь весны ему казалось полной.
Любовью светлою, надеждами богат,
Он мир благословлял и зелени был рад.
Он ей в лицо глядел, счастливый и безмолвный.
Как удочка, поник склоненный хлыст
В ее руке, обтянутой перчаткой, —
Порой с ветвей, как бы склонясь украдкой,
Ее щеки касался свежий лист.
Вдруг на одном из поворотов сада
Раздался топот — мчалась кавалькада,
Вздымая пыль, и стройный бег коней
Перебивал звучащий говор звонко
И резвый смех: то мчались в глубь аллей
Три всадника, и с ними амазонка.
Один из них, учтиво приподняв
Лоснящийся цилиндр, смеялся Фанни взглядом
И, удержав коня, поехал с нею рядом.
«Ах, боже мой, вы здесь — опять в России, граф», —
Смущенно просияв, она ему сказала…
А граф на юношу прищурился сначала,
Потом, в своей руке держа ее ладонь,
Он медленно прижег на ней два поцелуя.
Меж тем, под седоком волнуясь и танцуя,
Расчесанным хвостом махал горячий конь.
«Я здесь всего три дня — и вновь уеду скоро».

И полился родник живого разговора,
Парижского «козри» изысканный язык.
И Фанни, оживясь, как птица щебетала,
Ее влюбленный паж алел, как мак, сначала,
Потом он побледнел, нахмурился, поник;
И трепет, и борьба в душе его тревожной —
Сменилася любовь тоской ревнивых дум.
Какой он стал смешной, какой он стал ничтожный!
Уж он не друг ее — он только жалкий грум!
Граф обещал бывать у Фанни на обедах
И вечер проводить по-прежнему в беседах,
Припомнить старину, забытую в пять лет;
А юный паж ее молчал, чело нахмуря.
От ревности бледней, чем лилий вешний цвет,
Темнее, чем волна, когда кипит в ней буря,
Он молча хоронил в душе своей упрек,
Он ревности своей робел, как первой ласки;
А Фанни делала приветливые глазки
И юношу влекла в свой летний уголок,
Где за плетнем живым подстриженных акаций
Палаццо высится, сверкает чистый пруд,
Где розы ранние пестреют и цветут
Перед подножием окаменелых граций…

IV

И вот они втроем. Весенний мрак прозрачен,
В румяных небесах сошлась заря с зарей.
Граф ласков и шутлив, но паж влюбленный мрачен,
А Фанни весела... Небрежною рукой
Ей граф открыл рояль. Склоняясь к Фанни нежно,
Он просит, чтоб она сыграла что-нибудь
Из прежнего, когда так дружно, безмятежно
Они вступали в жизнь, как на победный путь.
И Фанни, бледная, очей не поднимая,
Садится за роль в прозрачном блеске мая.

В окне открытом упоенный сад
Задумчиво дремал в ночном покое;
К ним в комнату струили аромат
Росистые сирени и левкои.
И вот, из мрака выпорхнув стремглав,
Покинув ложе благовонных трав, —
В окно влетел веселый мотылек,
И биться стал о белый потолок,
И, очертив волнообразный круг,
На пламень свечки налетел он вдруг.
Он налетел — раздался звук глухой —

Так чикают ружейные осечки —
И мертвым пал, обманутый мечтой,
На стеарин обтаявшейся свечки.

А музыки торжественный прилив
Всё выше рос... кипел и волновался...
Над смертью звук ликующий смеялся
И жизнь будил, надежды схоронив…
В своем углу, угрюм и одинок,
Как бурею расшатанный челнок,
Весь ревностью мучительной окован,
Весь звуками разбит и очарован,
Влюбленный паж томился и молчал, —
И блеск свечей, всё дальше уплывая,
Его очам денницу зажигал
Прекрасного, но гибельного рая...

И вот аккорд... Еще один аккорд —
И смолкло всё!.. Как изваянье, бледный,
Он всё молчал, угрюм мечтой победной
И ревностью мучительною горд...

Всё кончено!.. Яснеет небосклон.
Шатаяся, от Фанни вышел он, —
И ночь не спал… Всё плакал, всё томился,
И утром, на заре, он с жизнию простился,
И с громом выстрела исчезла жизнь, как сон.

Рассеялся дымок, и вместе с синим дымом
Исчезла страсть пажа в дыму неуловимом;
Как греза бледная, как звук из-под курка,
Развеялась любовь, развеялась тоска!..
Он умер!.. Почему? У всех один ответ
Мучительный, как ложь: причина неизвестна!
Ужели юности в просторном мире тесно?
Ужели тесным дням простора в жизни нет?

V

И вот пришла весна; за той весной сияет
Весна, еще весна… Промчалося пять лет.
Надгробный крест подгнил, и насыпь оползает,
Где юноша зарыт, едва увидев свет.
О нем забыли все; любовь родитель нежный,
Вздыхая, перенес на младших сыновей.
Товарищ молодой кончиною мятежной
Недолго волновал изменчивых друзей, —
Как утренний туман, он в памяти их таял...

Косясь на ветхий крест, могильщик говорил
Другому: «Мне отец Порфирий ноне баял
Могилку эфту срыть — вишь, дождик всю размыл!..»

Весна живила всё чарующим приходом,
Но каждая весна, под ясным небосводом
Даря свои мечты, даря свою любовь,
С уходом всё брала, всё скупо уносила;
И каждая весна, как новая могила,
Надежды хороня, цветы рождала вновь...

192. ДОЧЬ РАГУИЛА

I

Семь раз пиршество шумело
В пышных парках Рагуила;
Семь раз дочь его родная
Тщетно замуж выходила.
Только звуки обрывали
Гармоничные кимвалы,
Только гости расходились
Полусонны и усталы —
Молодых вели в ложницу;
А когда сияло утро,
Зажигая в дымных тучах
Блеск огня и перламутра, —
К новобрачному в светлицу
Опечаленной толпою
Шли рабы и обвивали
Труп могильной пеленою;
И не роза осыпалась
На венке благоуханном,
То — вчера жених влюбленный
Был сегодня бездыханным!..

II

Жизнь разлуку побеждает;
Забываются утраты —
И опять у Рагуила
Блещут пиршеством палаты.
И родная дочь, как прежде,
В ткани легкой и прозрачной
На заздравном пире смотрит
Возрожденной — новобрачной.
С ней помолвлен юный Товий, —
И ужели, полный силы,
Этот отрок смуглолицый
Будет жертвою могилы?..

III

Оттрапезовали гости,
Погасилися лампады.
Парк умолк; одни рокочут
Белопенные каскады.
Молодых ведут в ложницу;
Спальня дремлет в лунном блеске;
Дышит ветер ароматный

В складках тонкой занавески.
И на мраморные плиты,
Заглушая звук лобзанья,
Брызжут капли водомета,
Точно слезы состраданья.
Между тем, в подвале тесном,
Под аркадами ложницы,
Шьют печальные одежды
Для таинственной гробницы...
Слышен шепот осторожный, —
И в притворах полутемных,
Точно призраки мелькают
Лица плакальщиц наемных.
Ждут и молятся, и верят,
Что заря едва проглянет,
Озаряя кипарисы, —
Новобрачного не станет.
Облечется в траур Сара,
Проклиная бремя жизни.
Соберутся снова гости
Не на свадьбе, а на тризне...

IV

Тихо месяц уплывает,
Раскрасневшись на заходе,
Но зари еще не видно
В побелевшем небосводе.
И в ложнице новобрачных,
Свет роняя к изголовью,
Блещет алая лампада,
Точно глаз, налитый кровью.
Там влюбленная невеста
Боязливой и мятежной
Дремлет, ласками согрета,
На подушке белоснежной.
А, на грудь ее припавши,
Новобрачный нежно дышит,
И лобзает, и ласкает,
Но она его не слышит, —
Изумленной ланью смотрит,
Взором нежного испуга,
И лицо свое отводит
От лобзания супруга...

V

Загорелась на востоке
Лучезарная полоска;

Пробудился голубь, спавший
Под навесами киоска.
Небо вспыхнуло и рдеет
Алым заревом денницы,
По дороге, пыль взметая,
Шумно мчатся колесницы.
И восходит солнце выше,
И длинней бросают тени
Озаренные чертоги
На зубчатые ступени.
Веет жизнью, веет утром,
Небеса светлы и сини, —
В этот час в ложницу Сары
Постучалися рабыни.
Рагуил седой в испуге
Ждет таинственной потери
И с рабынями, как прежде,
Поспешает к милой дщери.

VI

Громче, бубны, радость жизни
Славьте в доме Рагуила!
Нет утраты, нет печали —
Все любовь благословила.
Жив избранник сердца; счастье
Осенило ложе брака,
И впервые богом жизни
Побеждаем демон мрака!..

193. ДОФИН

Бледный, ласковый дофин
Утро тусклое встречает;
Он задумчив, он один,
Он поник — и умирает.

У темничных стен карниз
Расписала хитро плесень,
Под окошком кипарис —
Молчаливый страж без песен.

Холодна его тюрьма,
Крепки тяжкие затворы;
Гаснет юный блеск ума,
Гаснут пламенные взоры.

Он сокрыт от всех друзей
За решетчатые рамы…
Где блестящий сонм пажей?
Где вы, герцоги и дамы?

Повлекут, быть может, их —
Кончить сладкую дремоту —
От подушек кружевных
К роковому эшафоту.

Где ты, пышный карнавал?
Блеск расписанных плафонов,
Гладь серебряных зеркал,
Шум нарядных легионов?

Жизнь! Ты сердцу солгала,
Обманул ты, рок счастливый, —
Как на пире зеркала
Озаренной перспективой!

Все исчезло!.. Все прошло
Обольстительнее сказки.
К смерти клонится чело
Без напутствия и ласки.

Страшно сердцу и уму!..
Снится юному дофину:
Входит в мрачную тюрьму
К опечаленному сыну

Королева... Он узнал
Поступь твердую в печали,
Но лица ее овал
Скрыт под складками вуали.

Пыль метет тюремных плит
Шлейфом бархатное платье,
И в руке ее дрожит
Золоченое распятье...

Шепчет, грустная, она,
Не сводя от сына взора:
«Не вздыхай, вся жизнь полна
Лжи, и пытки, и позора!

Верь терпению Христа!
Не ропщи, дитя, уныло!»
И сыновние уста
Поцелуем охладила.

«Будь к судьбе, как счастье, глух;
Сны бессмертия за нами!»
И закрыла чуткий слух
Побледневшими перстами.

«Милый сын мой, не смотри —
Брызжут кровью эти стены;
Здесь и малый луч зари
Полн губительной измены!

Прочь, смятение стыда!
Прочь, лукавые надежды!»
И сомкнула навсегда
Содрогнувшиеся вежды.

«Погаси мечты огонь!
Правде смерть не изменила!..»
И холодная ладонь
Лоб горячий остудила.

«Всё забвенно... Кончен путь.
Я приму тебя в объятья!..»
И кладет ему на грудь
Озаренное распятье...

Узник царственный уснул,
Чтобы вновь не просыпаться...
Луч румяный проскользнул
Тайной смерти любоваться.

День забрезжил по стене,
Где свершалася кончина
В горделивом полусне
Одинокого дофина, —

И увидел он в чертах
Побежденного героя
Не смятение, не страх,
А величие покоя!..

1893 г.

194. ИСКУСИТЕЛЬ

I

Когда Создатель волей слова
Творенье мира завершил, —
И шумно вторила дуброва
Теченью стройному светил;
Когда зефир, цветы лобзая,
У берегов земного рая
Струил весенний аромат
И тихий свет зари румяной
Дробил в волне непостоянной
Мятежно дышащий Евфрат, —
Тогда во тьме холодной ночи,
В глубокой бездне, ото сна
Раскрыл безумный сатана
Свои озлобленные очи.
И, слыша гимны Богу Сил
И чуя трепет мирозданья,
Дух тьмы в тоске негодованья
Заскрежетал и завопил:
«Ты победил меня, Всесильный,
Ты победил меня, Творец! —
Но я развею смертью пыльной
Твоей премудрости венец!
Твое создание прекрасно,
Прекрасны звезды в вышине!
Но дух мой создан не напрасно;
Отныне жизнь тебе подвластна,
А смерть покорна будет мне!..»

II

Дух тьмы ждал ночи! Ночь настала, —
Но как тепло она дышала! —
Ее задумчивая мгла
К мечтам бессмертия звала.
А мрачный гений отверженья,
Знобя безжизненною тьмой,
Искал бесчувственного тленья,
Искал он смерти роковой.
Но синий сумрак жгло волненье,
И жизнь в мерцающей ночи
Роняла зерна и лучи.
В слезах дышали розы слаще,
И вздох волны звучал нежней,
И далеко, в эдемской чаще,
Рыдал от счастья соловей...

Дух смерти в рай хотел проникнуть, —
Хотел, — но сумрак ночи жег
Его чело — и он не мог
К сиянью и теплу привыкнуть.
Хотел тлетворные уста
Он слить с дыханием куста,
Хотел упиться розой юной,
Хотел разлиться в сумрак лунный,
Чтоб только сладостный Эдем
Поить смертельною отравой, —
Но жизнь дышала, между тем,
Неувядаемою славой...
И места не было ему,
Исчадью зла и смерти мрачной...
И он бежал от мглы прозрачной
В свою безжизненную тьму...
И жгли цветы его дыханье,
Тепло бессмертное тая.
И проклинал он мирозданье
С цветущим раем бытия...
И вдруг напряг свое вниманье
И видит он — из влажных трав,
Скользя блестящей чешуею,
Примкнув к земле, дыша землею,
Влачится медленный удав.

III

И мрачный Дух сказал, безумно приникая
К бескровной чешуе язвительной змеи:
«Когда создал Творец цветы и звуки рая,
Не вспомнил ли меня и замыслы мои, —
И создал он тебя, холодное созданье;
Ты память обо мне — и мертвое дыханье
Отныне отдано тебе!.. скорей, скорей
Влеки меня под сень задумчивых ветвей,
Туда, где жизнь любви цветет и пламенеет...
Мы гневной мудростью разрушим нежный мир,
Отравой напоим ликующий эфир —
Он также и тебя, как и меня, не греет...
Расторгнем красоты и жизни вечной плен;
Ты память обо мне! Ты мной запечатлен!»

1893

195. НАШ ДОМОВОЙ

Люблю тебя, наш русский домовой!
Волшебным снам, как старине, послушный
Ты веешь мне знакомой стариной, —
Пою тебя, наш демон простодушный;
Ты близок мне, волшебник дорогой.
Доверчивый, ты скромные угодья
Моих отцов, как сторож, охранял,
Их зернами и хмелем осыпал...
Ты близок мне: я — внук простонародья!
И первый ты в младенческой тиши
Дохнул теплом мне родственной души.
И слышался тогда твой вздох печальный;
Он, как вопрос, звучал из тишины,
А может быть, из тьмы первоначальной:
Не правда ли, все люди? Все равны?
И стал ты мне, как откровенье, сладок;
И полюбил я тихий твой приход —
То с негою пленительных загадок,
То с мукою язвительных забот.

Народ живет, народ еще не вымер...
Ты помнишь ли, как Солнышко-Владимир,
Твой добрый князь, крестился у Днепра?..
Ты бражничал у княжего двора,
Ты сторожил и мел его хоромы...
И девичьи мечты тебе знакомы.
Как часто ты доверчивой княжне
Внушал любовь к докучной тишине,
Когда дрожал лампадный луч в часовне.
В бессонный час, при ласковой луне,
Она, дитя, мечтала о неровне...
Ты был один свидетель нежных чар,
Ты разжигал сердечной страсти жар,
Ей навевал влюбленную истому,
Сон отгонял — и, наконец, она,
Дыханием твоим обожжена,
Лебяжий пух меняла на солому...
И между тем как старый князь дрожал, —
Влюбленных след ты нежно заметал
И колдовал над милою деревней,

Где страсть полней и песни задушевней…
Ты дорог мне, таинственный кумир;
Моих страстей и грез моих наперсник,
По-своему ты любишь грешный мир.
Родных полей и дымных хат ровесник,
Веди меня в седую глушь лесов,
К полям, к труду, к замедленному плугу...
Не измени неопытному другу —
Дай руку мне!.. Ты видишь, я готов
Сменить тоску нарядных лестью горниц,
Где зреет страсть завистливых затворниц,
Лукавых жен, холодных дочерей,
Кичащихся лишь немощью своей, —
На скромный дар заветных огородов,
На золото колеблющихся нив...
Там ты вдохнешь мне силу новых всходов,
И стану я, по-твоему, счастлив!..
И грешный вопль раскаянья забуду, —
И радостью труда исполнен буду,
Свой новый путь, как жизнь, благословив.

196. ЧУДОВИЩЕ

Зловещее и смутное есть что-то
И в сумерках осенних, и в дожде…
Оно растет и ширится везде,
Туманное, как тонкая дремота...
Но что оно? — Названья нет ему...
Оно черно, — но светит в полутьму
Неясными, свинцовыми очами, —
И шепчется с вечерними тенями
На языке, нам чуждом, потому
Что смысл его загадочен и странен,
И, как мечта, как тень, непостоянен.

Оно старей, чем солнце и луна...
И нет ему ровесников и сверстниц, —
И в сумраке неосвещенных лестниц,
У тусклого, прозрачного окна
Оно стоит, — и вдруг стремится выше,
Услышав шаг иль кашель, точно вор...
Глядит в пролет, и дышит в темной нише,
И слушает унылый перебор
Глухих шагов по ступеням отлогим,
Ужасное своим молчаньем строгим!..

Бледней известки выбеленных стен
Под сводами больничных коридоров

Оно блуждает, полное измен...
Отчаянье и страх недвижных взоров
Устремлены с мольбою на него...
Но, не щадя на свете никого,
К мольбе людей и к воплям равнодушно,
Оно скользит печально и воздушно...
То слушает, как прядает струя
Из медных кранов в звучные бассейны
Широких ванн... То сном небытия
Оно лежит, белея, — и кисейный
Его покров недвижим; перед ним
Горит свеча — и желтый воск бескровней
Его чела... То веет гробовым
Безмолвием в притворе, над часовней...

Но что оно? — Названья нет ему! —
Кем вызвано? Когда и почему?
Оно не раз преследовало смутно
И наяву, и в тихом сне меня...
Оно везде, во всем ежеминутно,
И в сумраке, и в ясном свете дня...
Оно дрожит в лохмотьях на соломе
При ночнике... Рыдает в мертвом доме,
И, грустное, за стенами темниц,
Оно поет о воле невозвратной…
А иногда весною ароматной,
При ласковом мерцании зарниц, —
Оно мечтой мгновенною несется...
Похитив жар двух любящих сердец,
Иронией над клятвами смеется
И ревностью мстит счастью, наконец!

197. ГОЛОД

Кто костлявою рукою
В двери хижины стучит?
Кто увядшею травою
И соломой шелестит?

То не осень с нив и пашен
Возвращается, хмельна, —
Этот призрак хмур и страшен,
Как кошмар больного сна.

Всемертвящ и всепобеден,
В ветхом рубище своем,
Он идет, без хмеля бледен,
И хромает с костылем;

Скудной жатвою измаян,
Собирая дань свою,
Как докучливый хозяин
Входит в каждую семью;

Все вывозит из амбара
До последнего зерна.
Коли зернами нет дара —
То скотина убрана.

Смотришь, там исчезнет телка,
Там савраска пропадет.
Тяжела его метелка,
Да легко зато метет!

С горькой жалобой и с гневом
Этот призрак роковой
Из гумна идет по хлевам,
От амбаров к кладовой;

Тащит сено и солому,
Лихорадкою знобит…
И опять, рыдая, к дому
Поселянина спешит.

В огородах, по задворкам
Он шатается, как тень,
И ведет по черствым коркам
Счет убогих деревень, —

Где на нивах колос выжжен,
Поздним градом смят овес
И стоит, дрожа, у хижин
Разрумяненный мороз...

198. БЕГЛЯНКА

От полуночи весенней
До ликующей зари
Кто-то в дверь мою стучится:
Отвори да отвори!

Голос жалобный лепечет:
«Путь мой вьюга замела,
Буря вызвала до света
Из родимого угла.

У меня огни сияли
И дымились алтари,
И дышали ароматом
Розы в пурпуре зари...

Но померк мой рай лучистый,
Потускнели небеса,
И земной развеял опыт
Неземные чудеса...

Обессилена борьбою,
Я несу в твой уголок
Светоч, бурею задутый,
И увядший свой венок.

Если есть хоть искра в сердце
Благостыни и любви,
Ты дохни — и мертвый факел
Новым светом оживи!

Если слезы состраданья
Ты сберег от черных дней,
Их росою жизненосной
На цветы мои пролей...

И роскошно, и душисто
Зацветет венок, и вновь
Станем лирой пробужденной
Славить счастье и любовь...»

Муза плачет, Муза дрогнет
За порогом в час ночной...
Что ж я дверь не отворяю
Торопливою рукой?

Что ж к отвергнутой беглянке
Я навстречу не спешу,
Не прошу у ней надежды
И забвенья не прошу?..

В сердце тихо, как в могиле,
Стынет кровь, хладеет ум...
Слезы высохли от зноя
Ранних гроз и поздних дум.

199. ДВА ГЕНИЯ

Их в мире два, они — как братья,
Как два родные близнеца,
Друг друга заключив в объятья,
Живут и мыслят без конца.

Один мечтает — сильный духом
И гордый пламенным умом,
Он преклонился чутким слухом
Перед небесным алтарем.
Внимая чудному глаголу
И райским силам в вышине, —
Он, как земному произволу,
Не хочет покориться мне.

Другой для тайных наслаждений
И для лобзаний призван в мир.
Его страшит небесный гений,
Он мой палач и мой вампир.

Они ведут свой спор старинный,
Кому из них торжествовать;
Один раскроет свиток длинный,
Чтоб все былое прочитать.
Читает гибельные строки —
Темнит чело и взоры грусть;
Он все: тоску мою, пороки —
Как песни, знает наизусть,
И все готов простить за нежный
Миг покаянья моего, —
Другой, холодный и мятежный,
Глядит, как демон, на него.
Он не прощает, не трепещет,
Язвит упреками в тиши
И в дикой злобе рукоплещет
Терзанью позднему души.

200. СНЕГУРКА

Весной мне снился сон чудесный:
Живей струилась в сердце кровь,
И ты, мой ангел поднебесный,
Сулила счастье и любовь.
Цвел майский вечер, я был молод,
Я верил клятвам, жизнь любя…
Прошла весна... В природе холод, —
И холод в сердце у тебя…

И что же!.. Тонкою иглою
Живописующий мороз
Всё то, чем грезил я весною,
На стекла дивно перенес.
Тут всё: прозрачные ущелья,
И лес у белого ручья,
И ты в жемчужном ожерелье,
Снегурка бледная моя...

201. СНЫ ОДИНОЧЕСТВА…

Сны одиночества, чудные сны,
        Шума и жизни боятся,
В мраке сердечном, как зерна весны,
        Робко и тихо таятся.

Мил им рассвет голубой вышины,
        Влажных ночей ароматы…
Сумрак соткал нелюдимые сны
        В белую ночь и в закаты…

В светлом потоке омылись они,
        В майские травы оделись…
И под окном зашептались в тени,
        И соловьями распелись.

К узнику тихо пришли: отомкни!
        Тихо упали затворы…
Вспомнил он юность и вольные дни,
        Видит родимые горы.

В келью пришли — надышали теплом,
Тронули ткань занавески…
Шепчут и стонут во мраке ночном,
Реют в мигающем блеске…

К детской пришли колыбели они, —
Сыплют и зерна, и маки…
Сеют и ткут лучезарные дни
Новым надеждам во мраке.

Вечны, как радость бессмертной весны, —
Нет вам земной укоризны! —
Сны одиночества, чудные сны —
Отблеск небесной отчизны!

1892 г., январь

202. ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Вечером темным, грозою взволнованный,
Ожил заплаканный сад;
Ветки друг к другу в объятья склоняются,
Тихо вершины шумят.

Точно друзья после бури промчавшейся,
После мучительных лет,
Листья друг друга лобзают с рыданием,
Шепчут горячий привет.

Сердце поверило ласкам несбыточным…
Чудятся гордым мечтам
Встречи счастливые, речи свободные,
Гимны правдивым борцам.

Вспомнилось все, что забыто, что молодо,
Все, чем когда-то дышал:
Первой любви обаяние нежное,
Первая жажда похвал,

Тихая ночь над столицей уснувшею,
Милые лица вокруг
И недосказанной речи пророческой
Сердцем дослушанный звук.

203. ШАРМАНЩИК

Усталый и бледный, сияющим днем
Шарманщик играет у нас под окном.
Сбегаются дети послушать игру,
Пришлася шарманка его ко двору.
Он вертит шарманку, на окна глядит,
Шарманка тоскует, шарманка визжит.

Унылые звуки, несвязные сны!
Зачем вы звучите кошмаром весны;
Зачем отголоском счастливых людей
Вы плачете, звуки, в печали своей?

Вам дети внимают наивной душой,
Да камень холодный, поросший травой,
Да сердце, печальное сердце одно,
Где звякнуло, тихо раскрывшись, окно
И тонкие пальцы дрожащей руки,
Под робкие звуки певучей тоски,
Роняют, как слезы, монеты, затем,
Чтоб двор оставался по-прежнему нем,
Чтоб дряхлые звуки шарманки твоей
Не вызвали б слезы из тусклых очей,
Чтоб слаще дремали в беззвучной тиши
Разбитые струны разбитой души!..

204. В МУЗЕЕ

Безмолвная, исполнена смущенья,
В музее душном двигалась толпа,
А из шкафов с гримасою презренья
Незрячие смотрели черепа.
И мнилось мне — они в злорадстве тайном
Смеялися над мудростью живых;
Ирония улыбок костяных
Над бытием глумилася случайным!..

И тут же жизнь в бессильном торжестве
Восстановить старалася искусством
Тех облики, кто дорог был толпе,
Кто изумлял мир силою и чувством.
Но жалок был здесь гений иль герой
В величии бессмысленном и плоском:
Бессмертие соперничало с воском!
Триумф веков гордился мишурой!

И черепа, всем чуждые, в тот час
Моей душе правдивей говорили
О том, что мир тщеславный напоказ
Хотел украсть от вечности и пыли!

205. ГАММА

Испытана, затвержена и снова
Повторена унылая судьба!
Всё та же жизнь, и всё гнетет сурово,
Как душный зной, тяжелая борьба!
Так иногда — идешь в аллее стройной
Зеленого бульвара. Полдень знойный
Не шелохнёт деревьев сонный ряд;
Балконы дач уныло дремлют в зное,
Окружены садами, где струят
Свой аромат сирени и левкои.
Душа полна в затишье тайных мук,
Ни облачка на шири небосклона...
И вдруг раздастся робкой гаммы звук
Из-за гардин опущенных балкона…

Мелодии докучной перебор
Спугнет мечту; как яркий метеор
Промчится мысль — и сетует упрямо:
Не вся ли жизнь с любовью и борьбой —
Лишь в душный зной разыгранная гамма
Ленивою, скучающей рукой?..

206. ЗНОЙ

Вокруг навис тяжелый зной... И мысли
Рассеянно плетутся... До земли
Склоняется, купаяся в пыли,
Кустарника листва... На коромысле
Два легкие ведра скрипят — пронес
Их влагою наполнить водонос.
И вот плеснул встревоженный колодезь.
Над пыльною крапивой рой стрекоз
И светлых мух кружится, хороводясь.
И зной, и лень!.. Горячий воздух синь...
И разлила цветущая полынь —
Где мотылек порхает белокрылый —
Свой аромат, и жгучий, и унылый...
Скорее в тень! Скорее в темный лес,
Где дремлют мхи, где тяжкий луч небес
Задумчивей и мягче... Но далеко

Его ветвей живительный навес...
И зной, и ширь вокруг встречает око...
Там, за ковром пестреющих долин
И желтых нив, за насыпью песчаной —
Там дремлет лес, как мрачный исполин,
Полоскою недвижной и туманной...
Но, может быть, обманут я мечтой?
Там иногда по насыпи крутой,
Как горный змей, несется поезд мимо,
И темный след замедленного дыма
За ним висит над высью золотой,
Как дальний лес, туманной полосой...

1893 г. Июль. Гатчина

207. РАКЕТА

Взвилась летучая ракета
Из темной зелени ветвей,
И сноп рассыпчатого света
Мелькнул и скрылся от очей;
Вослед ее летит другая,
Огни цветные рассыпая,
И брызги легкие огня
Чертят и брызжут в тьме лазурной,
Но шум, и блеск, и бег их бурный
Не принесут живого дня.

Напрасно в дерзости надменной
Стремятся чадные огни —
Туда, где тихо свет нетленный
Льют звезды в сладостной тени.
Им не затмить звезды прелестной,
Сверкнувшей с чуждой высоты,
Как не затмят любви небесной
Земные, бурные мечты!

208. ИГРА ТЕНЕЙ

Что за странные узоры
От цветов вдоль белой сторы? —
То игра ночных теней.
То луны сиянье бродит
И обманчиво наводит
Холод вкрадчивых лучей!

Что за шорох, что за шелест
Очарованную прелесть

Льют в задумчивой тиши? —
Это вздох из груди рвется,
Или отзвук раздается
Сладкой музыки души…

И откуда этот нежный,
Неземной и безмятежный
Вдруг повеял аромат?
Не весна ли то незримо
Легкой тенью серафима
Отворила райский сад?..

И откуда с ясным светом
Мне повеяло приветом,
Вдохновеньем и теплом?..
Замирает шепот речи, —
И душа для милой встречи
Разгорается огнем...

Сердце ждет... и плачут очи —
Все безмолвно в мраке ночи —
То игра ночных теней!
То луны сиянье брезжит,
И знобит, и душу нежит
Сладким холодом лучей...

31 декабря 1893 г.

209. УПРАЗДНЕННОЕ КЛАДБИЩЕ

Стареет всё, и всё уносит время,
Но зрелища грустнее нет, когда
В заботах дня мятущееся племя
Приют отцов сметает без следа.

Печальный вид! Железная ограда
Разрушена кощунственной рукой;
Немых могил задумчивое стадо
Осквернено последнею хулой.
Изломаны кресты и мавзолеи —
Смирения и верности символ,
Лишь завернет в заглохшие аллеи
Щипать траву меланхоличный вол.

Унылый вид! Не требуя земного,
Земля не верит памяти живых
И письмена тщеславия людского

Сдувает пылью с камней гробовых.
И жадный вор вечернею порою
Чугунный крест с расшатанной плиты
Спешит унесть, — святынею чужою
Не дорожат преступные мечты...

И лишь дерев зеленые побеги
Из года в год все гуще, все пышней,
Чтоб мертвецов загробные ночлеги
Благословлять дыханием ветвей;
Чтоб говорить мечтателю, случайно
Забредшему под шаткую их сень,
Что жизнь вечна, что кто-то бросил тайно
В могильный мрак забрезживший день.

210. ЛАБИРИНТ

Живешь — и не знаешь, где кончишь,
Не знаешь, поверить кому;
Всё рвешься мучительно к свету
И снова приходишь во тьму.
И боязно снова, и грустно!..
Так часто бывает во сне:
Идешь по таинственным залам
В зловещей, немой тишине!
Идешь от порога к порогу,
От темных ворот до ворот
И чувствуешь: кто-то незримый
Вослед за тобою идет.
Не видишь конца лабиринту
Волшебных дверей и аркад, —
Идешь и томишься тоскою,
Боясь оглянуться назад.
И с каждой минутой страшнее
Предчувствием сердце болит;
От страха уйдешь без оглядки —
Как ужас в погоню бежит!..
Стремишься по лестницам темным,
Стучишься в замкнутую дверь,
А кто-то, как демон, хохочет:
«Не скрыться, не скрыться теперь!»
Дрожишь — и не можешь проснуться,
Готов погибать без надежд,
Пока не откроешь в испуге
Для жизни ослабленных вежд...
А как же от жизни проснуться
Изнывшему в трудной борьбе,

Где смерть, точно демон, хохочет:
«Не скрыться, не скрыться тебе!..»

1893 г. Февраль

211. ИДОЛ

Из камня создал я кумира,
И с ароматами кадил
Я все дары земного мира
У ног бесчувственных сложил.

В часы тоски ему я выдал
Всё, чем кощунственно грешил,
Но был к мольбам безмолвен идол
И скорбь души не усладил.

Он принимал мои молитвы,
И фимиамы, и цветы,
Не усмиряя дерзкой битвы
На играх шумной суеты.

Больнее жгли меня страданья,
Чернее хмурилися дни,
И в горький час негодованья
Я перед ним задул огни;

Сорвал убор с него блестящий,
Цветы и жертвы разметал, —
И прахом жизни настоящей
Его бессмертие назвал...

И что ж! Едва холодный камень
Разбил я в мертвые куски —
Как в нем зажег и жизнь, и пламень
Моей озлобленной тоски!..

212. СМЕРТЬ

В агонии до белого утра,
Весь ужасом, весь трепетом объятый,
Метался я, как в бурю челн дощатый,
И призраки у знойного одра,
Как коршуны, вились толпой крылатой.
Пылал язык — и бреда тяжкий лепет,
Срываясь с уст, бессвязно замирал…
И рос в душе непобедимый трепет:
Я вспыхивал, горел и — погасал!..

Но только луч живительного света
Блеснул в окно, под кровлю лазарета —
И легче я, и медленней вздохнул...
Рой призраков, шатаяся, отпрянул,
И кто-то лоб горячий опахнул,
И тихою слезой на сердце канул.
Холодная, прозрачная ладонь
Закрыла мне измученные вежды,
В больном уме погасла грусть надежды,
Погас в душе мятущийся огонь.
И чудное, исполненное ласки
Создание — на щеки, на чело
Как будто воск холодный разлило, —
И я застыл в окаменелой маске.

Довольно снов — усни без сновидений!..
....

213. ЗАБЫТАЯ ЧАСОВНЯ

На дороге, у обрыва,
Есть часовня, где давно
Огоньки лампады поздней
Не мигают сквозь окно.

В ней погасли, в ней увяли,
Точно в памяти мечты,
Фимиамы, и молитвы,
И лампады, и цветы...

Но и в мрачном запустенье
С торжествующей весной
Вкруг нее гремит и плещет
Жизнь немолчною волной —

От заржавленных решеток
До погнувшихся ступень.
Сладко дышит вкруг часовни
Ароматная сирень;

Под навесами карнизом
Юных ласточек семья
Лепит гнезда и щебечет
О веселье бытия;

И, как позднее прощанье,
У былого алтаря —

Медлит в стеклах потускневших
Отходящая заря...

214. В ПЕЩЕРЕ

Тихо в пещере. Отшельник седой
Мирно почил; у лампады фитиль
Гаснет и слабо чадит...
В глиняной кружке сохнет вода,
И червь осторожный ползет на полу земляном.
Сон ли горячий, смерть ли холодная здесь?
Бледные веки сомкнуты; персты
Замерли в знаменье крестном; чело
Спокойно, светло, как вечернее небо, когда
Алый румянец заката на нем остывает.
Тихо в пещере. В окно пробивается солнце,
Проникло — скользнуло лучом золотым;
Тонкой полоской в пещере ползло — и пропало.
Снова темнеет. Шумят однозвучно деревья
У входа пещеры... Кого вызывают? Зачем?
Колокол дрогнул вдали; равномерно
Волны тягучие звуков ползут, точно ищут
Отзвука сердца, и будят пещеру — напрасно!
Тихо в пещере. Отшельник седой
Мирно почил; на устах побелевших улыбка.
Нет, не улыбка, а отблеск далекой улыбки.
Заря догоревшего солнца, —
Слово застывшей молитвы.
Прощанье с землею и встреча безмолвная с вечным.

215. МАЙСКИЙ ШУМ

Здесь отуманил,
Там проблеснул
Светлый день мая,
Праздничный гул.
Там зарумянил
Тучки небес
И, угасая,
В море исчез!

В тихую прелесть,
В блеск и цветы
Жизнь наряжает
Наши мечты.
Отблеск и шелест,
Море и лес —
Все открывает
Мир для чудес!

Душу, как прежде,
Сны и любовь
В светлый день мая
Мучают вновь.
Сердце надежде
Гимны поет
И, умирая,
Дружбу зовет...

216. ЗАСОХШИЕ ЛИСТЬЯ

Весной, в лучах, при шуме вод,
Кружится легкий хоровод
Нарядных светлых мотыльков
Над влажной зеленью лугов.

И, видя их счастливый рой
Над отогретою землей, —
Во дни весны и торжества
Дерев засохшая листва,
Гонима ветром кочевым,
Стремится к бабочкам цветным...

Летит листва, шумит: «И мы
Расторгли плен своей зимы, —
И мы проснулися с лучом!..
И мы летаем и живем!..»

Так вы, убитые в глуши,
Мечты истерзанной души,
На краткий миг оживлены
Восторгом чуждой вам весны!
И, видя счастье и любовь,
Вы окрыляетеся вновь —
И мчитесь мертвою толпой
Навстречу юности чужой! —
И упадаете опять
На прахе прахом истлевать!..

217. МЕЛОДИЯ

Я вижу, сыплется в избытке красоты
Душистый снег весны — черемухи молочной
Весенние цветы, как девы непорочной
Отвергнутой любви невинные мечты.
Душистый снег весны — опавшие цветы!

Я вижу в золоте, в румянце облаков
Последние лучи — вечернее сиянье.
Длиннее тень легла, слышнее трепетанье
Поникнувших ветвей и слаще вздох цветов, —
Последний аромат — последнее прощанье!

Я слышу, как весна, боясь мечты своей,
И дышит, и дрожит в цветущем упоенье,
И слышу, как в кустах рыдать о наслажденье
Проснулся на заре вечерней соловей —
Рыдающий певец в стыдливом пробужденье!

И чувствую — под песнь рыдающей любви
Растет моя печаль, растут воспоминанья,
И нет им отзвука, и нет в них очертанья,
И слабо тлеет жизнь в хладеющей крови —
Отцветшая любовь ожившего страданья!..

1894 г. Май

218. ВЕСЕННИЕ СЛЕЗЫ

Весна румяная украдкой
Блеснула в окна с высоты,
И в робком сердце болью сладкой
Отозвалися ей мечты.

И в светлых грезах умиленья
Уже доступней для меня
И речи, полные значенья,
И взоры, полные огня.

Гляжу — вокруг свевает слезы
Порабощенная зима, —
И плачут белые березы,
И плачет елок бахрома...

Весь лес в слезах! Припоминая
Цветы, поблекшие в пыли,
Он чует светлый праздник мая
И возрождения земли!..

В чертах заплаканной природы
Весну былую узнаю,
И новых дум теснятся всходы,
И гимн, сквозь слезы, ей пою!..

219. В СОСНОВОЙ РОЩЕ

Тихо в роще — жар несносен;
Неподвижен длинный ряд
Желтостволых колоннад —
Опаленных зноем сосен.
Обессиленная мгла
Влаги ждет и небу внемлет;
Туча сумраком легла,
Туча холодом объемлет.
Ветер рощу колыхнул —
Ветки сдвинул — распахнул,
И в вершинах их косматых,
Трепетанием объятых,
Белым сумраком зевнул.
Всё темнее... Всё печальней
Уплывает высью дальней,
Перешептываясь, гул...
И сквозь хвои тощих игол,
Орошая бледный мох,

Град запрядал и запрыгал,
Как серебряный горох.

220. ЦВЕТЫ

Прими мои цветы — невинный дар полей,
Они еще полны, как память, аромата;
На них слеза росы, на них тепло заката...
Прими мои цветы — дар памяти моей!

***

Когда они, склонясь покорно к увяданью,
Опустят лепестки узорные свои —
Прими их смерть, как жизнь, внимая их прощанью,
Дыханием своим их стебли напои.

***

И знай, что для тебя цветы иные всходят,
Иные, полные бессмертной красоты, —
И в песни нежные любовь их переводит...
То память о тебе!.. Прими мои цветы!

221–226. МОЙ ГЕРБАРИУМ

I
ВАСИЛЕК

Когда дни солнечны и тихи,
А ночи белые свежи,
И тянет медом от гречихи,
И коростель скрипит во ржи —
Отрадно встретить в желтом море,
Где колос зреющий высок,
Как мысль святую в грешном взоре, —
Голубоокий василек.
Он учит нас, как добрый гений,
Забыть земную суету:
Не надо пышных украшений —
Блюдите сердца чистоту!

II
ГЕРАНЬ

В день терпеливого труда,
В час одинокого досуга
Герань цветущая всегда
Печальных тружениц подруга.

Светлее розовых денниц,
Дороже утренней прохлады
Ее цветам лучи лампады
И теплый вздох у образниц!
Что ей до песни соловьиной,
Что ей до счастья мотылька!..
Лишь добродетели невинной
Мила ей верная рука...
Она цветет — и в гром призывный
Не освежат ее дожди...
Цветет — и в горести наивной
Терпенью шепчет: подожди!

1892 г. Июнь

III
МОХ

Эмблема вечности печальной —
Надгробный холм венчает мох,
Но поцелуй любви прощальной
Нежней, чем грусти первый вздох.
Любовь в борьбе не увядает,
Как бездыханный мох, бледна,
И в холод жизни возвышает
Нам душу падшую она.

IV
ПОДСНЕЖНИК

Когда в лесу глухом валежник
Поутру иней серебрил,
На солнце выглянул подснежник
И день весны предвозвестил.
Недолго цвел он, жизнью светел,
Вверяясь счастью своему,
И умер только потому,
Что слишком рано солнце встретил.

V
ПОДСОЛНЕЧНИК

Цветок-плебей, обильный жизнью зерен,
Он задремал, судьбе своей покорен,
Склоняяся к убогому плетню;
Как день огнист, он улыбнулся дню.
И, радуясь за свой расцвет махровый,
Упругий лист и сочный стебель свой
Он устремил к лазури золотой,
Цветок-плебей, дитя земли суровой!

Его судьба унылая тиха,
Он праздный взор мечтателя не тронет,
Свою любовь, как счастье, он хоронит
И нежности стыдится, как греха...

VI
ЛАВР

Угрюмый лавр — земных побед
И славы тайная услада —
Он не цветет; ему не надо
Цветов, — он сам и плод, и цвет!
Он хмур, как вечности завет,
Он горд тоскою упований;
И дружба в дар его несет
На гроб оплаканных страданий,
Как будто там он расцветет,
Где нет тоски и воздыханий!..

227. ЛАНДЫШ

Как скромен ты, питомец мая,
Не налюбуюся тобой,
Когда ты, весь благоухая,
Сверкаешь утренней росой.
Склоняя чепчик свой измятый
Не от грозы — от нег ночей,
Ты дремлешь, грезами объятый,
Встречая ранний свет лучей.
Когда твой вздох зарей румяной
В лесу сосновом слышу я,
Душа темнится грустью странной
Для грешных вздохов бытия.
И у тебя была сильфида —
Нас обманувшая весна,
Но как светла твоя обида! —
И как печаль моя темна! —

228. ПАПОРОТНИК

Не обольстительные краски —
Но твой причудливый узор
Невольно привлекает взор:
Не мудрецы ль арабской сказки
Тебя соткали в свой шатер?
Твоих воздушных очертаний
Неуловимая краса
Полна таинственных сказаний,

Как золотые небеса.
Кто посвятил мечты отчизне,
Кто цвета ждал и не расцвел,
Кто был обманут в бледной жизни —
В тебе сочувствие нашел!..

229. ОСИНА

«Опасность близится, о, помогите мне!»
И листья робкие трепещут у осины...
Вокруг безветрие, и дремлют в тишине
Усталые стада на зелени долины…
Но вот рокочет гром в стемневшей вышине,
Шатает ураган деревья-исполины...
А листья робкие застенчивой осины
Всё так же трепетно лепечут в полусне:
«Опасность близится — о, помогите мне!»

230. РОЗЫ

Под покровом темноты
Только ветер, я и ты;
Ветер ходит в вышине
И вершины шевелит...
Ты лепечешь нежно мне!..
Что же сердце в полусне,
Очарованное, спит —
И на тихий твой привет
У меня ответа нет?!..

Ты, склонившись на плечо,
В щеки дышишь горячо, —
Но безмолвствует мечта,
И боятся выдать вновь

Полнозвучные уста
Затаенную любовь...
Под покровом темноты
Только ветер, я и ты!..

Ветер, ласково резвясь,
От куста летит к кустам...
И уста к твоим устам
Я клоню не торопясь...

Снится мне, — что наяву
Пышной розой я живу
И склоняюся к другой,

Ароматной и немой,
И не слезы, а росу
На листы ее несу, —
И под сенью темноты
Только ветер и — цветы!..

231

Дай мне звуков, дай музыки стройной!
Пусть на миг я душой оживу;
Пусть, что было лишь грезою знойной,
Разрешится, как жизнь, наяву.
Я хочу в эти дни голубые,
В ароматные, майские дни,
Позабыть свои думы больные,
Что, как змеи, таятся в тени.
В той тени, леденящей мне душу,
Где лучом догоревшей мечты
Только мрачную тьму я нарушу —
Как создаст ее ночь суеты
Горькой мукой, бессильной борьбою,
Злой обидой врагов и друзей,
Где один я стою под грозою
С беззащитною Музой моей…

232

Не мигают зарницы вечерние,
Не поет соловей по ночам —
Только сердце мое суевернее,
Только верю несбыточным снам.

Зашумит ли дубрава зеленая,
В туче месяц блеснет ли щитом,
Или бурей волна опененная
Загудит на просторе морском, —

Взоры вспыхнут — и сердце мятежное
Просит бури безумных страстей, —
Точно горе его неизбежное —
Горе леса, небес и морей...

И душа развервается страстная,
Как от молний ночных вышина,
И природа ей вторит согласная,
Как покорная думам струна...

233

Пришла румяная весна —
Воскресший сад певуч и весел;
И клен, зацветший у окна,
Зеленой сеткой даль завесил…

У камня мшистого, где пруд
Покрыла ржавчина и плесень,
Кувшинки белые растут
И ждут улыбки или песен...

И на расшатанный плетень
Дубок приник в изнеможенье.
Везде прекрасен вешний день,
Еще прекрасней — в запустенье!..

234

Я хотел бы верить в прозу жизни,
В темную игру земных побед,
Но душа, смутившись, в укоризне
Требует на каждый вздох ответ.

Каждый шаг на жизненной дороге,
Каждый день, утраченный в борьбе, —
Как раба, душа в немой тревоге
Отвечает совести — рабе.

Казнь моя — бесплодные сомненья,
Гордая, бессильная тоска.
Мимо жизни, шума и волненья
Мчит меня без пристани река.

Нет границ реке быстротекущей,
Но и нет простора для мечты;
Только сердце жаждет воли пуще,
Только горше вопли суеты...

235. ДВА БЕСА

Мне не страшен ночью темной
Бес, явившийся некстати,
Что кивает так потешно
С глупой миной у кровати.

Это призрак — и к тому же
Слишком немощен для мира,

У него два темных рога,
Как у древнего сатира.

Не его уму лукавить,
Не пред ним дрожать в испуге, —
По всему в нем видно мужа
Благодетельной супруги.

Я боюсь другого беса:
Он не высох в лихорадке;
Рожки шляпою прикрыты,
Когти спрятаны в перчатки.

Он танцует очень ловко,
Разговаривает сладко,
Но в очах его — злодейство,
Но душа его — загадка.

Легкомысленный и дерзкий,
Не боясь громовержца, —
Он, того гляди, похитит
Нечто милое из сердца...

236. КУКОЛЬНЫЙ ГОРОД

Что за прелесть у тебя
Городок картонный:
Рынки, башни, и дома,
И дворец огромный.

В гладких улицах простор,
Тишина повсюду,
И живется в нем легко
Кукольному люду.

В каждом доме — мир и лад,
Нет искательств важных,
Нет обманутых мужей
И лгунов продажных,

Нет ярма земных забот;
Здесь не угнетают, —
Только верят и живут,
Любят и гуляют.

Не отравлен здесь никто
Вежливым коварством;

Сразу видно, по всему,
Что над этим царством

Безмятежной тишины
Кукольной толпою
Управляет Зевс — дитя
С нежною душою!

237. ПРЕДЧУВСТВИЕ

Я знаю, кто следит за мной беззвучной тенью,
Кто дышит холодом в горячее лицо
И учит робкий дух тяжелому смятенью,
И сторожит мое беспечное крыльцо.

Я знаю, почему с тоскою и любовью
Ты смотришь на мои поблекшие черты,
И знаю, — кто порой, приникнув к изголовью,
Мучительно поет про славу и цветы.

Я знаю, почему, когда огонь вечерний
Нам зажигать пора, — смолкаю и грущу —
И с каждым вечером нежней и суеверней
Знакомую звезду я на небе ищу.

Я знаю, почему во мраке сновиденья
Разгадку тайную грядущего ловлю...
Мне страшно!.. Я молю продлить мои волненья!..
Мне страшно потому, что жизнь еще люблю!..

238. ВАМПИР

Невидимый вампир сосет мой мозг и кровь.
В неясном сумраке, в волшебном усыпленье
Невидимый вампир лобзает в исступленье
И жжет, и шепчет мне про знойною любовь.
Когда с закатом дня теснятся сновиденья
На ложе тихое, — ликующий вампир
Скликает нежных эльф на свой безумный пир
И кружится со мной в восторге наслажденья.
Паду ль, измученный на оргии его
Вакхической игрой и бешеною пляской, —
Я все еще томлюсь загадочною лаской,
Я все еще молю вампира своего!
Умчится ли вампир к таинственной стезе —
Вослед его стремлюсь я тенью неразлучной;
Он громко злобствует, — и голос мой незвучный
Ответствует ему, как ропот волн — грозе!

Я гасну — и люблю мучителя-вампира.
О, если бы мечта за ним лететь могла,
Лететь, как за орлом мгновенная стрела,
И вместе с ним тонуть в сиянии эфира!
Безжалостный вампир меня заворожил;
Он сжег румянец уст, — заледенил дыханье...
Я гасну... Я погас... Мне сладко умиранье, —
Я жизнь испил до дна — я сердце пережил!..

239. ПРИЗРАК

— Кто ты, мой призрак неземной?
— Я лунный свет над темной чащей.
    — Зачем же голос твой дрожащий
    Исполнен грусти роковой?

— То шепчут сказки ветки кленов
В бесстрастном холоде лучей...
    — Зачем же слезы из очей,
    Зачем же трепет звучных стонов?

— То капли белые росы —
Вечерний вздох земного праха...
    — Зачем же я клонюсь от взмаха
    Твоей сверкающей косы?!..

240

Голубая неба мгла
Душным пологом легла
И, тоскуя, обожгла
    Запыленную листву.

По обрывам, у канав
Вьются пчелы — и, припав
К стебелькам зеленых трав, —
    Мнится — грезят наяву.

Зной, повсюду тяжкий зной!
И томленье, и покой, —
Лишь оборванной струной
    Шмель, летая, дребезжит.

За лесами — цепь холмов —
Из косматых облаков:
Вихрем молний и громов
    Небо издали грозит!

241. РУСАЛКА

Над рекою тусклый месяц
Встал и светит; вдалеке
Кто-то с хохотом рыдает,
Звонко плещется в реке.

Как туман, прозрачен призрак,
Грудь колышется стеня, —
И горят во мраке очи,
Как два синие огня.

Побледневшими руками
Выжимая пряди кос, —
Синеокая русалка
На меня глядит без слез.

Изумленная, чуть дышит,
Манит в светлый мрак реки,
И хохочет, и рыдает,
Наклоняя тростники.

Этот призрак светлоокий,
Этот хохот, этот шум —
Одинокое страданье,
Бред невысказанных дум...

Оттого так сердцу больно,
Оттого душа полна
Необъятного желанья
Неизведанного сна!..

242. ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Остывает запад розовый,
Ночь увлажнена дождем;
Пахнет почкою березовой,
Мокрым щебнем и песком.

Пронеслась гроза над рощею;
Поднялся туман с равнин.
И дрожит листвою тощею
Мрак испуганных вершин.

Спит и бредит полночь вешняя,
Робким холодом дыша.
После бурь весна безгрешнее,
Как влюбленная душа.

Вспышкой жизнь ее сказалася;
Ей любить пришла пора.
Засмеялась... разрыдалася...
И умолкла до утра!..

1892 г.

243. У ПРИЛИВА

Я помню вечер и луну,
Над морем грусть дышала,
Волна баюкала волну,
Волна волну качала.

В душе, как море к берегам,
Теснился дум избыток, —
Душа читала по складам
Былого темный свиток.

Я видел юность, красоту...
И все, чем жил сначала... —
Мечта баюкала мечту,
Мечта мечту качала.

За новым сном забытый сон
Вставал, как друг давнишний,
А вечер гас со всех сторон,
Таинственный и пышный.

Звучали волны, чуть дыша,
Темнели краски в море —
И, мнилось, вечером душа,
Как жизнь, погаснет вскоре!..

244

Страждет ли сердце твое в мире тоской непонятной,
Ум ли мятущийся просит на страшную тайну ответа,
Рвется ль мечта к небесам, к свету зари незакатной,
Чудные строфы читай — вещие думы поэта.

Мир бесконечно велик, жизнь в проявлениях тленна,
Жажде пытливых умов великая мудрость темна,
Песнь создается, как мир; так же, как мир, неизменна
Песнь в триединстве своем: свет, красота, глубина!

245

Долгая, скучная ночь приближалась к концу,
　　Тихо вершины шумели...
Думы теснились над пологом душной постели,
　　Слезы текли по лицу.

Слабо дышали цветы сквозь прозрачные вазы...
　　Белый рассвет серебрил облака...
Ветер качал освеженные темные вязы,
И утомленной волною плескалась река.

Веяло утром... Зажглася заря золотая;
Сладкою дрожью и сочною влагой дыша,
Лебедь проснулся, — из тощих стеблей камыша
Выплыл он, грудью волну рассекая.

Тени погасли, как бледного месяца грезы...
　　Грезы, как тени, исчезли вдали...
　　Реют, гудя над цветами, шмели,
　　Реют, кружася, стрекозы...

Утро и счастье! И солнце, и гимны Творцу!..
　　Шумно к порогу стучится забота...
　　Думы теснятся, исчезла дремота, —
　　　　Слезы текут по лицу...

246

Уныло рыдала метель на дворе;
Я сетовал горько, я плакал.
И ветер деревья качал в серебре,
И в стекла их ветками звякал.

Свеча догорала, как юность моя,
И тени на стенах шатались,
И молча с портретов смотрели друзья
И грустно мечтам улыбались.

Прошедшие годы — забвенные сны —
Мне сердце больное терзали…
Как будто теперь лишь с поминок весны
Вернулся я, полный печали,

Как будто бы я, в непогожую ночь,
Звучащую сердцу сурово, —
От милых надежд, улетающих прочь,
Услышал прощальное слово.

И было пустынно так в сердце моем,
Без жалоб, без слез, без участья...
А ветер шумел и рыдал за окном —
Чужое оплакивал счастье…

1891 г. Декабрь

247

Дойдешь ли ты, смиренная молитва
Моей души, к безгрешным небесам?
Года страстей и жизненная битва
Нас не влекут к священным словесам.

Но в дни, когда тоска воспоминанья
Напомнит нам о мраке прежних лет,
Нам сладок гимн святого покаянья;
В устах любовь и в сердце тихий свет.

Тогда врагов обиды и гоненья
Прощаем мы, моление творя,
И светят нам былые заблужденья,
Как путнику вечерняя заря.

Обман и ложь, сомненья и утраты,
Как облака, принесшие грозу,

Рассеяны — и дышат ароматы
Увядших дум, — и нежную слезу

На бледные ланиты вызывают...
И тихий вздох, как поздний фимиам,
Молитвенно несется к небесам,
Что теплою лазурью нам сияют.

248

Два сердца бьются в нас мятежно
Одною бурей бытия.
Ты молишься — я плачу нежно,
Заплачешь ты — молюся я.
        Одни томят и жгут нас муки,
        Одна забота нас гнетет.
        Мои молитвенные звуки
        Полны земных твоих забот.
И если жизнь темна грозою, —
То слезы чистые твои
Полны мятежною мольбою
Моей рыдающей любви.

249

Есть час в ночи, когда еще рассвет
Не наступил, а мрак уже уходит, —
Когда земля свой судорожный бред
В небесные виденья переводит, —

Вдруг смолкнет все!.. И станет глубже мрак
Ночных высот; в пустынном отдаленье
Замрет зефир, затихнет лай собак,
И мир уснет на миг в оцепененье…

Тогда цветы, вздыхая от росы,
Пьют сок земли, — рождают пульс из праха,
И звездных сфер колеблются весы
В агонии рождения и страха.

Душа спешит расторгнуть плоть, как склеп,
И память в плоть виденья облекает —
И жизнь за жизнь, и смерть за смерть вступает
В неравный спор с Вершителем судеб.

В тот час к Творцу, глядящему из тьмы,
К премудрости верховного зачатья

Все светочи, все чувства, все умы
Обращены, как любящие братья.

И как мирам к бессмертному теплу,
Как волнам рек к заветному притоку,
Открыта дверь в таинственную мглу
Грядущих лет Всевидящему оку…

250

Не зажигая звезд, плывет по небосводу
Серебряная ночь. Волшебник-соловей
Проснулся в зелени задумчивых ветвей:
Он счастлив, — он поет весны своей свободу!..

Ночь дышит, ночь живет и робкой чередой
Подводит призраков забытых к изголовью, —
И смотрят на меня они с такой любовью,
Как будто жизнь мою хотят умчать с собой.

Наскучило ли им в забвении спокойном
Эфирами блуждать, сливаться в аромат,
Шуметь волной морей, гореть огнем лампад
И в ночь весеннюю мерцать румянцем знойным?

Наскучило! — и вот ко мне они пришли,
Немые призраки, воздушные, как грезы, —
И просят теплых слез, как будто могут слезы
Их приковать к земле, несозданных земли!

И молят мук моих, как будто счастье в муках,
И просят грешных дум, как истины святой,
Чтобы хотя на миг облечься в прах земной, —
Любовью трепетать и рассыпаться в звуках!..

О, нет! Летите прочь, скорей летите прочь!
Не я вас напою дыханьем Прометея, —
Я нищ огнем души, я тростника слабее, —
Летите от меня в заоблачную ночь!

Летите от меня, счастливые, к счастливым!
Рожденные от слез бессильны для борьбы...
Неведенью ль алкать смятения судьбы? —
Нежившие смелей к мучительным порывам!

И я блуждал, как вы, весь — мука, весь — порыв!
И жажда бытия бесплотного томила, —

И только жизнь постиг, как жизнь мне смерть открыла,
И страшен мне ее загадочный призыв!

И слышу: вы пришли, склонились к изголовью...
О, призраки, скорей летите от меня!
Пусть день, ваш вечный день — не от земного дня,
Пусть вы не рождены мятущеюся кровью.

Пусть солнце — сами вы! — а не рабы его, —
Пусть смерть для вас — не смерть, а вечное стремленье!
Желайте, никогда не зная воплощенья,
Блуждайте только сном бессмертья своего!..

1893 г. Май

251

Чем смертоносней влага в чаше,
Тем наслаждение полней;
И чем страшней бессилье наше —
Тем жажда жизни тяжелей.

Наш век больной, — в его безверье
Мы вопли веры узнаем;
И, стоя к новому в преддверье,
Влачим, как пытку, день за днем.

Горды надломленные крылья,
И смел коснеющий язык...
И грустно мне, что в дни усилья
Наш век бессилием велик.

252

Как вздох земных морей в небесную мечту
На небе претворен, рождая облак дымный,
Так претвори, поэт, в свой стих гостеприимный
Всю горечь юности, всей жизни полноту.

И если иногда грозою шумной жизни
В горячее лицо дохнет былая страсть,
Весеннею росой, живая песня, брызни
И сердца услади мучительную власть!

253

Прозрачный вечер тих, но все еще не мог он
Померкнуть и затмить ликующего дня,

И матовым свинцом мерцает в стеклах окон,
Как очи тусклые без мысли и огня.

Померкла молодость, но грезы упованья
Погаснуть не спешат в задумчивой глуши,
И светит бледное мечтам воспоминанье,
Как счастье позднее измученной души.

254

Твоих очей безмолвное признанье
Сказало мне, что любишь ты меня...
Так, я любим! И вновь мое желанье,
И вновь мечта исполнилась огня...
Я верю в жизнь, я верю в состраданье;
Мой светлый путь я вновь благословил, —

Твоих очей безмолвное признанье
Напомнило, что в ревности забыл:
И первых встреч, и первого участья
Задумчивый и нежный разговор, —
Что унесло холодных лет ненастье, —
Что воскресил признательный твой взор!

255

Дай горе выплакать! Дай вынесть одному
        Всю ревность, злость мою и муку!
Ты видишь, я мечусь и окликаю тьму,
        Пытая дерзкую разлуку...

Напрасно сердцу вновь, как легковерный друг,
        Рассудок шепчет утешенье...
Душа моя в огне; в ней пламень и недуг;
        В ней жажда счастья и смятенье!

И холодно в огне, и ропотно в тиши, —
        Как будто я делю страданья
Другой измученной, но любящей души
        Под гнетом долгого изгнанья...

256

Мой друг, мой нежный друг, люблю тебя — зову,
И в сердце у меня, как солнце, ты сияешь...
И если ты со мной — и если ты ласкаешь,
Боюсь, что нежный сон недолог наяву...

Но если ты вдали — стремлюся за тобой,
Печальной памятью черты твои лаская...
Так ива грустная, склоняясь над волной,
Лобзает облака зардевшегося мая...

257

Вечерняя дума — молитва моя;
С вечернею думой свыкаюся я...
        И сердце в печали не дремлет,
И очи раскрылись от слез, как цветы,
И ночь зажигает, как звезды, мечты,
        И слух мой небесному внемлет.

Я счастлив уныньем, как сумраком лес,
И странной игрою волшебных чудес,
        Что ночь совершает незримо.
И, мнится, исчезнет в огне бытия
Вечерняя дума — молитва моя,
        Как ночь, пролетевшая мимо!..

258

На волне колокольного звона
К нам плывет голубая весна, —
И на землю из Божьего лона
Сыплет щедрой рукой семена.

        Проходя по долине, по роще, —
        Ясным солнцем роняет свой взор
        И лесов отогретые мощи
        Одевает в зеленый убор.

Точно после болезни тяжелой,
Воскресает природа от сна,
И дарит всех улыбкой веселой
Золотая, как утро, весна.

        Ах, когда б до небесного лона
        Мог найти очарованный путь,
        На волне колокольного звона
        В голубых небесах потонуть!

259

        Веет сердцу отрадным
        В тихой келье твоей;

Пахнет маслом лампадным
В бледном свете огней.

И унылы, и строги
Смотрят лики икон,
И стою на пороге
Я, душой умилен.

Как бы ни был я грешен, —
Здесь смириться готов,
И опять я утешен
Сладкой силою слов, —

Я молюсь... Я страдаю,
Покаяньем томим,
И тебя я прощаю,
И тобою любим!

260

Всё грустно, всё! — Наш тихий разговор,
И сумерки, и лампы одинокой
Унылый свет... и твой прекрасный взор,
Моя любовь, мой ангел темноокий.

Смотри — и там, за сумрачным окном,
Заглохший сад, желтея, умирает.
И он, как мы, скучает о былом,
И он, как мы, весну воспоминает.

Всё грустно, всё! Ночных теней приход
И робкая звезда на небосводе —
Все тихие мечтания зовет
К забытым снам, к потерянной свободе.

Но вечностью земного торжества
Не усладишь небесное мгновенье, —
И нашу грусть не выразят слова:
Она души бессмертное стремленье!..

261

Есть много навсегда забытых впечатлений,
Никем не понятых, никем не оценимых...
Они исчезли сном прошедших поколений
В волненьях призрачных, в мечтах неуловимых.
Ни разу, никогда не выданные речи,
Ни смелому резцу, ни кисти, ни струне,

Они таилися, как под сосудом свечи, —
И свет их, догорев, померкнул в тишине.
Не радовали взор и слух не услаждали
Те чувства, те мечты, погасшие впотьмах,
И грустно ищем мы в потерянных веках
Развенчанных идей отвергнутой скрижали…

262

Воздушных облаков изменчивая пена
        Затмила розовый закат,
Врывается в окно от высохшего сена
        Медвяный аромат.

Прекрасно и светло спокойствие в природе:
        В ней жизнь и тишина,
Молящейся любви к неведомой свободе
        Проникнута она.

И вся покорная, как жертва для закланья
        Разгневанным богам,
Она встречает свет вечернего сиянья
        И поздний фимиам

С улыбкой ясною, с надеждою во взоре
        И робко отдает
Всю светлую себя тебе, земное горе,
        Во власть земных забот!..

263

Светает; за окном моим
Деревья тощие трепещут
И небеса уныло блещут
Без солнца светом гробовым.
Убого всё в деревне грязной,
И вдоль проселочной земли,
Как след морщины безобразной,
Колеи топкие легли.
Здесь бледен луч скупого солнца
И равнодушного чухонца
Жизнь сиротливая тиха.
Здесь только слышен пастуха
Жестокий бич, мычанье стада,
Да в глине вязнущих колес
Тяжелый скрип. Здесь слез не надо,
Здесь самый смех достоин слез!

И тут же рядом, теша око
Своим стремленьем кочевым,
Несется поезд издалёка
И стелет призрачный свой дым.
И долго длится свист протяжный,
И утомительный, и важный,
Напомнив мрачному в глуши,
Что где-то есть пышней природа,
Что есть полнее жизнь души
И благотворнее свобода!..

1894 г. Июнь

264

Ты помнишь ли, подруга юных дней,
Ты, черных дней звезда любви прекрасной,
Свиданий час — не пел нам сладкогласный,
Не пел влюбленный соловей.
Встречалися с тобой мы в улицах туманных,
Осенним днем иль утром золотым,
Когда над городом из очертаний странных
Ткал город облачный, бегущий к небу дым.
Не музыка лесов широколистным воем
Приветствовала нас, а грузный лязг колес,
И барабанный бой солдат, идущих строем,
И крики торгашей, как шум несметных ос.
Нас в душном городе теплом гостеприимным
Всё грело, всё влекло... И весь нестройный гам
Звучал мелодией, звучал победным гимном
Еще доверчивым сердцам!
И в тесной улице, как в галерее длинной,
Картина пестрая сменялася картиной,
Не ужасая ум бессмертной суетой, —
Всё взоры тешило мечтательностью яркой:
Усталый продавец под рыночною аркой,
Застенчивый бедняк с протянутой рукой,
Салопница, идущая с кухаркой, —
Неторопливая расчетливым умом,
И над рассыпанным желтеющим овсом
Веселых голубей откормленная стая —
Всё радовало нас, восторгом опьяняя,
Как шумно брызжущим вином.

Не проклинали мы волнующийся город:
Моложе ты была, и твой поэт был молод.
От жизни малое просили мы тогда,
А жизни впереди казалося так много.

И вот прошли года... тяжелые года...
К нам постучалася забота — и нужда
Стоит, как сторож, у порога.
Желания растут в измученной груди,
От них в ней тесно стало сердцу,
И жизни кажется всё меньше впереди,
А просьбы больше к Громовержцу.

265

Полумрак в окне открытом;
Ночь весны. Перед окном
Конь заржал, и бьет копытом,
И дрожит под седоком.

За цветущий палисадник
Не въезжая, у окна
Ждет замедлившийся всадник,
Не покажется ль она;

Не раздастся ли звук нежный,
Звук мелодии небрежный...
Но все тихо, все полно
Тишины благоговейной.
И закрылося окно
Занавескою кисейной...

266

Ты спишь или дремлешь,
Мой ангел прелестный, —
Видению внемлешь —
Молитве небесной!

Где райского клира
Волшебные сказки, —
Пророчат для мира
Восторги и ласки…

Проснешься — и знаю,
Что сны рассказали;
Следы замечаю
Безгрешной печали…

И небо во взоре,
Улыбкой раскрытом, —
И райские зори
Зажглись по ланитам!..

267

Хотел бы я уснуть под свежею сиренью,
Под рокот соловья весеннею порой,
Когда всю ночь заря лобзается с зарей
И сумрак озарен оранжевою тенью…

Хотел бы я уснуть, измученный борьбой,
Исчерпавший всю жизнь до горького осадка,
Как роковой бокал… уснуть, забыться сладко
Под шум весенних грез и жизни молодой…

Хотел бы я уснуть без жалобы и муки
И потонуть в лучах негаснущего дня,
Рассыпаться теплом лазурного огня,
Разлиться в аромат, в ласкающие звуки…

Хотел бы я уснуть — и возродиться вновь
Во взорах ласковых, в привете уст румяных
Для жизни молодой, для грез обетованных,
Весь счастье и восторг, весь трепет и любовь…

268

Мечтательно-возвышенный,
Стыдливый и простой
Мотив, когда-то слышанный,
Пронесся надо мной.
Стою я очарованный,
Не плача, не дыша, —
И грезой заколдованной
Наполнилась душа.
Мне снится сад с пахучими
Цветами и прудом;
Луна блестит за тучами
Унылым фонарем.
В аллеях дремлют грации
И боги древних лет;
Зеленые акации
Роняют желтый цвет.
И песнью заколдованной
Звучит моя душа,
И, точно очарованный,
Стою я, не дыша…

269

Как стучит уныло маятник,
Как темно горит свеча;
Как рука твоя дрожащая
Беспокойно горяча!
Очи ясные потуплены,
Грустно никнет голова,
И в устах твоих прощальные
Недомолвлены слова.
Под окном шумят и мечутся
Ветки кленов и берез...
Без улыбок мы встречалися
И расстанемся без слез.
Только что-то не досказано
В наших думах роковых,
Только сердцу несогретому
Жаль до боли дней былых.
Ум ли ищет оправдания,
Сердце ль памятью живет
И за смутное грядущее
Прошлых мук не отдает?
Или две души страдающих,
Озарив любовью даль,
Лучезарным упованием
Могут сделать и печаль?

270. В РЕВНИВУЮ НОЧЬ

Сон благодатный, сойди. Я одиноко страдаю;
Маки на ложе мое, как звезды на небо, раскинь!
Книга любви прочтена, книгу терзаний читаю...
Свеча догорает... Темней и темнее... Аминь...

271

Я сердце свое захотел обмануть!..

Довольно, сказал я, печалиться в мире:
Прекрасен и светел наш жизненный путь.
Цветы на полянах, и струны на лире,
И волны на море, и звезды в эфире —
Всё дышит, чтоб слаще нам было вздохнуть.

Я сердце свое захотел обмануть…

Довольно, сказал я, томиться печалью:
Смотри, как всё ясно за чистою далью, —
Мир счастьем, теплом и весною богат…
Где слышало ты, что друзья лицемерны?..
Любовь озаряет и роскошь палат,
И душные стены веселой таверны...
Довольно ты крепом венчало певца —
Люби и ликуй, как другие сердца!
В недужном бессилье не мудрствуй лукаво,
Цветами алтарь вдохновенья венчай...
Нам жизнью дается великое право
Любить и прощать! И люби, и прощай!
И ясной зарей улыбнется нам слава,
И розы усыплют торжественный путь!..

Я сердце свое захотел обмануть! —

И сердце забилось тревогою знойной,
Исполнилось силы, зажглося огнем
И вывело снова на путь беспокойный,
Где друг перед другом, боец пред бойцом
Сходились с открытым и дерзким лицом,
И кровь проливали, и мерили силы...
С небратской отвагой разили мечом
И с братской тоскою копали могилы...
Любимые очи мне лгали опять,
Венок мой душистый был бурей развеян.
Недолго любил я, чтоб долго страдать,
Немного простил я — и много осмеян!
Цветы отравляли дыханием грудь,
И думы темнило смятенье разгула...

Я сердце свое захотел обмануть,
А сердце — меня обмануло!

272

Вот он, бледный и печальный,
В жалких рубищах своих, —
Встал и кличет всех уснувших
Из-под сводов гробовых.

Он, просящий подаянья, —
Он, проклявший жизнь свою;
Погибающий меж праздных,
Как униженный в бою! —

Он, пророк в толпе живущих, —
И не понятый толпой, —
Вызвал всё, чем жизнь блистала
В мраке вечности скупой!

Всё, чем жизнь пленяла слабых,
Всё проходит перед ним, —
И стоит он, ужасаясь,
Перед сонмом гробовым.

В ожерельях драгоценных
Фараоны из гробниц
Поднялись, века стряхая
С очарованных зениц.

Королевы в диадемах,
А за ними короли,
И в тиарах освященных
Посвященные земли.

Как бледны они и жалки!
Где их поступь? Где их взгляд?
Их сокровища, как слезы,
В пыльных остовах дрожат!

Посиневшими руками
За отрепья нищеты
Ухватились, — и роняют
Жезлы, копья и щиты!

Чтоб хоть луч украсть у света,
Чтоб дышать любовью вновь, —
И согреть в лохмотьях жизни
Смертью спаянную кровь!..

273

Спишь ты бесстрастною, спишь утомленною,
Видишь блаженные сны;
Видишь ты райскую кущу зеленую,
Видишь ты ангелов вечной весны.

Все беззаботные, все легкокрылые —
Манят в иную страну...
Слышишь их арфы, их песни унылые,
Слышишь их сладостных дум глубину.

В лицах младенческих отблески дивные
Чуждого счастья для нас.
Только один на их тени призывные
Взоры потупил заплаканных глаз.

Только один в их толпе очарованной
Места не может найти, —
Точно цепями незримыми скованный,
Встал и грустит на лазурном пути.

Ближе к нему подойди, несравненная, —
Взором его ободри.
Может быть, вспыхнет в нем вспышка мгновенная,
Кроткое пламя небесной зари.

Ты его знаешь, — тобою, пленительной,
Только тобою он полн,
Ангел-хранитель иль демон мучительный,
В мире забывший свой берег и челн!..

274–275. ОСЕННИЕ МЕЛОДИИ

1

Падают желтые листья с ветвей,
Падают грустно, бесшумно они.
Вот уж и вечер... зажглися огни —
Много вечерних огней!

В церкви, под купол, на поздний ночлег
Шумно слетается стая галчат.
Серые тучи по небу скользят,
И безмятежен их бег.

Грустно и тихо в душе у меня,
Грустно в затишье померкших аллей;
Падают желтые листья с ветвей, —
Слезы осеннего дня!

Близкая ночь не пугает грозой,
В небе ни звезд, ни зарницы из туч.
Вечер осенний угрюм и пахуч
Мертвою, желтой листвой...

2

Тускло блещет солнце на закате
Из осенних облаков;

Веет тленьем в крепком аромате
Увядающих цветов.

В темных соснах сумрак молчаливый,
Над водой дымит роса,
Ночь плывет, рукой неторопливой
Застилая небеса.

Ночь плывет, и тени ткет, и дышит,
И душе забвенья нет.
И в осенней ночи сердце слышит
Улетающий привет.

276

Ветер повеял томительным вздохом.
Тени на землю ложатся...
Ступени, покрытые мохом,
И круглая башня, где совы гнездятся
Под шатким навесом, —
Все озарилося розовым светом
Алого вечера. Тихо над лесом;
Дышит все робким приветом
Ночи сходящей,
Ночи плывущей
Над темною чащей
И страстным желанием к небу зовущей…

Сердце, довольно! —
Не рвись к небесам бесполезно
Мечтой богомольной!
Над нами лазурная бездна,
Под нами — могила.
Что нам до смерти, до жизни вселенной!
Все это есть, это будет — и было;
Если ж мы смерть побеждаем любовью нетленной,
Люби — как любило.

277

Не говори, что дни былые
Светлей и чище оттого,
Что там Христос дела святые
Творил — и видели впервые
Там Жизнедавца своего.

Не сожалей, что опоздали
Мы к дням гонений и чудес,

Что мук Христа не облегчали
И что в непонятой печали
Учитель распят — и воскрес.

Он здесь — Христос! Он между нами,
Он в добром сердце и в очах,
Когда правдивыми устами
Ты убеждаешь со слезами
О вечной правде в небесах.

Он здесь, в толпе, к Нему готовой
Придти и вымолить любовь,
Он только снял венец терновый
И обещает жизни новой
Святую веру вновь и вновь.

И, осенен кадильным дымом,
Сияньем радуг и денниц,
Пришел Он к падшим и гонимым
И встал хранителем незримым
У обесславленных темниц!..

ИЛЛЮЗИИ
(1900)

Эту книгу «Иллюзий»
посвящаю
жене моей Лидии —
Автор

278

Ищите новые пути!
Стал тесен мир, его оковы
Неумолимы и суровы, —
Где ж вечным розам зацвести? —
Ищите новые пути!

Мечты исчерпаны до дна, —
Иссяк источник вдохновенья!
Но близко, близко возрожденье,
Иная жизнь, иного сна!..
Мечты исчерпаны до дна!

Но есть любовь, но есть сердца...
Велик и вечен храм искусства, —
Жрецы неведомого чувства
К нему нисходят без конца!..
И есть любовь… и есть сердца...

Мы не в пустыне, не одни,
Дорог неведомых есть много, —
Как звезд на небе, дум у Бога,
Как снов в загадочной тени!..
Мы не в пустыне, не одни!

279. ИЛЛЮЗИИ

Вы знаете ль тот мир иллюзий золотых,
Где всё напоено святым очарованьем,
Где нет докучной лжи и нет цепей земных,
Где даже хищный зверь проникнут состраданьем, —
Вы знаете ль тот мир иллюзий золотых?

Вы знаете ль тех сфер заоблачный чертог,
Где истина живет и счастье процветает, —
Там высятся дворцы, но зависть на порог
Стоглазою змеей туда не подползает…
Вы знаете ль тех сфер заоблачный чертог?

Там небеса без гроз, без бури рокот волн,
В таинственных садах, над благозвучной чащей
Гармонией живой вечерний сумрак полн, —
Весь запахом цветов, весь звездами горящий
И в синей вышине, и в плеске темных волн.

Не дышит красота там холодом сердец,
И вздохи в нежный гимн слагаются счастливо,
Светло начало там, еще светлей конец,
И память прошлое хранит благочестиво, —
Не дышит красота там холодом сердец.

Вы знаете ль тот мир иллюзий золотых?
Проникнулись ли вы святым очарованьем?
И если были там, то мрак степей мирских
Вам будет миражом, родным воспоминаньем
Заоблачной страны иллюзий золотых!

280. СЛОВО

Крылатое слово, лети!
Тебе уготованы в мире пути,
Тебе, вдохновенное слово!
Ты всюду дорогу найдешь!
Ты бурей промчишься — и правдой сожжешь,
В огне возрождаяся снова!

Тебя не догонит стрела;
Тобой, как денницей, развеется мгла
Сомнений и темного горя...
Взлетишь ты за ширь облаков,
Ворвешься в бессмертные сонмы миров,
С их дерзкою вечностью споря.

И, смелое силой своей
И гордое вольною славой, — светлей
Ты мудрого солнца засветишь....
Крылатое слово, лети! —
И в самом хаосе живые пути
Ты новым созвездьям наметишь!..

281. ПЕСНЬ ДУХОВ

Молча мы любим и молча страдаем,
Духи бесплотные, — и ночь нас ласкает...
Облако ль мчится — и розовым краем
К нам прикоснется — и тут же растает.

Пышные травы и тучные злаки
Шорохом сладким нас тайно приветствуют,
Вспышкой мгновенной зарницы во мраке
Нашему бегу и зову ответствуют.

Молится тихо нам небо пустынное,
Точит, как слезы, сердца и созвездия...
Многое — многим печалям возмездие, —
В мире блаженствует только Единое!

282. СЕРЕНАДА

В дни, когда еще я мог
Жить и мыслить без тревог;
В дни сияющей весны
Взял я трепет от волны,
От цветов взял аромат,
От любви — огонь и яд, —
И при холоде луны
В ночь счастливой тишины,
В ночь счастливой тишины
Свил три звонкие струны.

Лишь коснулся первой я —
На волне меня ладья
Понесла, как колыбель,
В мир, за тридевять земель.

Лишь коснулся я второй —
Сад душистою листвой
Зашумел, затрепетал, —
Я твой терем увидал;
Я твой терем увидал, —
В третью звонче заиграл.

Третья звякнула струна —
Дрогнул ставень у окна.
И светлей луча денниц
Просиял из-под ресниц
Мне приветливый твой взор, —
И у ног твоих с тех пор,
У твоих любимых ног
Позабыть уже не мог,
Позабыть уже не мог
Дни смятений и тревог!

1897 г.

283. ИЗ ОСЕННИХ МЕЛОДИЙ

В осеннем холоде мерцающего дня
Сквозят ряды аллей, как колоннады арок;
Багряный их навес так нежен и так ярок,
Как будто соткан он для ветра из огня.

Вот налетит сейчас дыхание зефира —
Задует светочи — развеет в прах листву,
Где осень пышная, подобно божеству,
Вершит и празднует еще поминки мира.

Печальный реквием звучит повсюду мне:
И в шорохе листов, шуршащих под ногами,
И в шуме поздних пчел над поздними цветами,
И в крике журавлей, летящих в вышине!

Прощай до вешних дней, суровая краса
Таинственных лесов! Прощайте, небеса
С улыбкою зари! Прощайте вы, зарницы;
Прощай, раскат громов, — я верю, будет день,
Ты снова прогремишь, чтоб вызвать из гробницы
Развенчанной весны оправданную тень!..

284. СТАНСЫ

В плену у смертных небожитель
Влачит ярмо земных вериг, —

Но в грезах райская обитель,
Но в сердце благость каждый миг!

И меж людей, как меж собратий,
Больных пороками и злом,
Не расточает он проклятий,
Приосеняя их крылом…

И только с горестью невольной
Проникнув в падшие сердца,
Забыв свой плен, он, богомольный,
Ждет милосердия Творца!

19 декабря 1896 г.

285

К тебе, у твоего порога,
Я постучался, ангел мой,
Но ты гостил тогда у Бога,
В Его ложнице голубой.
Ты ткал воздушные одежды
Из радуг, солнца и луны,
Мою любовь, мои надежды,
Мои заоблачные сны!

И, грустью новой опечален,
Вернулся я с твоих высот, —
Бродил среди земных развалин,
Во мраке горя и забот.
И встретил гения иного, —
Он был не ты; угрюм и зол,
Не зная неба золотого,
Сквозь гром и пламень он прошел!

Он завладел душой моею, —
Земного торжища дитя…
И вновь молиться я не смею,
И вновь не смею жить шутя.
Как тень, блуждаю я над бездной
Без упований и мечты...
Но ты покинул мир надзвездный,
Ко мне воззвал из суеты!

С небес принес свои скрижали,
Вещая проповедь добра, —
Но я в борьбе, но я в печали, —
Не мне сияние утра!

Меня слепят твои одежды,
И улетают, смущены,
Моя любовь, мои надежды,
Мои заоблачные сны!

286

Кто я? — мечта или ошибка,
Звезда ль падучая над тьмой,
Зари ль минутная улыбка
Пред дверью вечности немой?

Огонь, блуждающий ли в склепе,
Иль бреда мутного игра,
Иль искра, брошенная в степи
От теплотворного костра?

Бог весть зачем, Бог весть откуда
Мелькнувший между двух ночей, —
Для неразгаданного чуда
Ищу я смысла и очей...

287

В ее душе — разлад,
Печаль — в ее мечтах;
Кому же нежный взгляд,
Улыбка на устах?

Безмолвная, как тень,
Она сидит в саду
И смотрит чрез плетень
В томительном бреду.

Все ждет — и ждет она
Неведомо кого,
И в час, когда грустна, —
Не знает отчего.

Вчера, когда закат,
Алея, догорал
И на больничный сад
Прозрачный саван ткал,

Как лилия, бледна,
Блуждая в полусне,
Запела песнь она
В решетчатом окне.

Та песнь была — не песнь,
А слезы или кровь!
Ужасна, как болезнь,
И знойна, как любовь.

288. ОСЕНЬЮ

Снова крепким ароматом отцветающего лета,
Словно ласкою забытою, пахнуло мне в лицо.
День осенний смотрит отблесками мертвенного света
И осыпал желтым листом, точно трауром, крыльцо.

С тихой жалобой, и лаской, и с мольбою покаянной
Я хотел склонить бы голову на любящую грудь,
Как склоняет ива ветки в пруд холодный и туманный,
Чтоб пред долгою разлукой о себе ему шепнуть.

Как осенний день, окутано туманами грядущее,
Назревающими соками развенчанной весны.
Только совесть — это солнце, это око вездесущее —
Смотрит с грустною улыбкой из сердечной глубины.

1897

289. ТИШИНА

Рыдала тишина беззвучными слезами,
И тишина в душе истерзанной росла.
И тени вечера свивалися с тенями
Угрюмой памяти, роились без числа.

И скоро ночь сошла над спящею природой,
И в душу ночь сошла, — и неба было два:
Одно — манящее огнями и свободой,
Другое — темное, без звезд и божества.

И был прикован я очами к ночи звездной,
Прикован памятью был к ночи без огня,
И бездна светлая баюкала над бездной
        Непроницаемой меня!

290

Был явлен дух ко мне в вечерней тишине,
Прозрачный, как луны воздушное сиянье, —
И тихо он прошел, безмолвный, как желанье
Весенней лилии, склонившейся к волне.

Он сердцу не принес отрадного забвенья
И не обжег меня дыханием грозы,
Лишь вызвал в памяти неясные волненья,
Без гнева и стыда, без песен и слезы!

То был блуждающий вне жизни и вне цели,
Никем не вызванный, забытый всеми дух;
Он гроба не искал, не ведал колыбели, —
Рожденный, как туман, — как искра, он потух.

И между тем как я, в смущении невольном,
Догадкой мучился, — он скрылся вдалеке;
Он ветром бушевал, ложился прахом дольним,
И рвал цветы в саду, и волны гнал в реке...

291

Точно призрак в ризе темной,
Сладко дышит сад огромный;
В синих тучках месяц томный
Прячет бледное лицо.

И в саду, где гуще тени
В очарованной сирени,
Слышно, дрогнули ступени, —
Отворилося крыльцо.

В этот час живых мечтаний,
В ночь видений и свиданий,
Дышит робкий звук лобзаний
Ароматами весны.

И с любовью безмятежной
Вздохом тучки белоснежной
Тихо тают в песне нежной
Отуманенные сны!..

292. ЛЕТО

Июнь. Пронизан мрак полночный
Душистым запахом теплиц,
Спадает яблонь цвет молочный,
Мерцают отблески зарниц.

Над полем жаворонок вьется,
Во ржи синеют васильки
И солнце весело смеется
В прозрачном зеркале реки.

Светло, и радостно, и пышно! —
Повсюду зной, и жизнь, и цвет...
Но соловья уже не слышно,
И гуще ночи полусвет.

Прекрасно в солнечном июне!
Но зноем мы утомлены...
Прекрасней было накануне,
Душистым маем, в дни весны!

Тогда звучней журчали воды,
Перекликаясь с соловьем,
И краски юные природы
Сияли новым торжеством.

Тогда по саду не густому
Бродили сны, восторг и лень, —
Теперь тропинка гуще к дому,
Но там раздумье целый день...

И с первым цветом опадает
Мечта — весны моей звено...
Так все светлей, что обещает,
И всё темней, что свершено!..

293. ПЕСНЯ

Я хотел бы, ненаглядная,
Вновь с тобой еще увидеться:
Горьким словом не обмолвиться,
Дерзким взором не обидеться,

Молодые сны рассказывать,
Песни нежные налаживать;
Ранним утром, поздним вечером
Под окном твоим расхаживать.

Я не знаю, что сулит судьба,
Что сулит еще грядущее,
Предстоит ли счастье краткое
Или горе вездесущее?

Только верю, ненаглядная, —
Только знаю — неизменная, —
Что мала нам жизнь суровая,
Что я пленный, а ты пленная.

Мы в когтях нужды измаяны,
С черной ведьмой-сплетней зналися,
И, любя, друг друга мучили
И друг другу — не признались!

1898 г. Июнь

294

Ветер ласковый при встрече
Розу только поцелует,
Одуванчики ж, как свечи,
Поколеблет — и задует!

Налетит, как ветер, горе,
Сердце юное — чуть тронет;
А в отцветшем сердце вскоре
Всё убьет, всё — похоронит...

295

Еще повсюду в спящем парке
Печально веет зимним сном,
Но ослепительны и ярки
Снега, лежащие ковром.

Их греет солнце; скоро, скоро,
Под лаской девственных лучей,
Стремглав помчится с косогора
Весною созданный ручей.

И, торжествуя счастьем новым,
Любовью новой веселя,
Травой и запахом сосновым
Вздохнет усталая земля.

296

День гаснет зарею, свиваясь с тенями;
В пустынных аллеях глубокая тишь.
И только, как призрак, ширяя крылами,
Порою промчится летучая мышь.

С деревьев, вечерней росой отягченных,
И каплет, и брызжет, как будто они
Заплакали молча, в мечтаниях сонных
Встречая опять теплотворные дни.

Ни звука, ни страсти в душе умиленной,
Глубокая тишь осенила меня;
Как в дали, весеннею мглой осребренной, —
В ней зреют восторги грядущего дня.

297

В знойном сердце гасла сила,
Засыпала в нем гроза, —
Поцелуем ты закрыла
Мне усталые глаза.

И легко, легко мне стало, —
Из лазоревой дали
Что-то пело, и сияло,
И манило от земли!

Был ли то неуловимый
К новой жизни переход,
Где летали серафимы
В блеске радужных высот?..

Или тихий мрак забвенья
Гнал, как тучи, рой теней,
И, как струны, рвались звенья
Жизни, воли и страстей?!

298. NOCTURNO

Что там, за рощей, проснулось?
Что это там засверкало?
Или весна улыбнулась,
Или зима миновала?

Что пронеслося над чащей?
Чьи это вздохи над нами?
Ангел ли мимо летящий
Тихо повеял крылами?

Что это: таянье ль снега,
Сердце ль поверило чуду?..
Чья это робкая нега
В воздухе реет повсюду?..

Сумерки мягче и краше...
Слышатся звуки участья.
Что это — счастие наше
Или предчувствие счастья?!..

299

Воспоминаньем и тоскою
Мне веет в душу… Милый друг,
Еще здесь все полно тобою,
Полно тобою все вокруг.

На туалете бонбоньерки
Твоей разбросаны рукой,
И полка книг на этажерке
Мне дышит, кажется, тобой.

И этих верб пучки сухие
Над образницей в полутьме,
И эти строки роковые
В незапечатанном письме.

Здесь все тобой полно, друг милый, —
Скажи, вернешься ли ты вновь?
Ко мне вернулись с новой силой
И сожаленья, и любовь!

Я жду тебя, — я не разрушу
Тобой согретый уголок...
Приди, согрей же снова душу, —
И в ней затепли огонек...

300

Сковали мне белые руки,
Сдавили горячую грудь,
Уста запаяли, чтоб звуки
Не выдали скорбь как-нибудь.

Но дрема мой взор не закрыла,
Кипит и волнуется ум, —
Лучами сияет могила,
И слышен ликующий шум.

Проходят, как призраки, люди,
И дела им нет до меня, —
Горды их свободные груди,
Им сладко сияние дня.

Идут, улыбаяся, мимо
И шепчут: вот призрак смешной! —
Забывши, что их пантомима
Разыграна также и мной...

301

Деревня скрылася... И нивы
Уже от взора отстают;
Речонки быстрые извивы
К заставе города ведут.

Вот город. Крашеные домы,
Казармы белые… бульвар...
Клочки разбросанной соломы,
В сенях дымящий самовар.

Здесь из пекарен запах хлеба,
Здесь стук колес и гам людской,
И зарумяненное небо
Румянит лужи мостовой.

И снова странное волненье…
И вновь знакомая печаль
От простодушного селенья
Зовет в безжизненную даль...

1899

302

Бездыханная поляна
Белым снегом убрана;
На дорогу из тумана
Светит тусклая луна.

Осребренные ракиты —
Как алмазною парчой —
Снежным инеем покрыты,
Заколдованы зимой.

В этом блеске, в этой шири,
В этой тусклой вышине —
Виден мир в потухшем мире,
Виден сон в глубоком сне...

303. ОСЕННЕЕ РАЗДУМЬЕ

Осенних туч побег неровный
И снег, белеющий в тени,
И сумерки, и звон церковный,
И эти ранние огни, —
И в шири неба голубого

Блеснувший вдруг аэролит —
Все о бесцельности земного
Мечте унылой говорит.

Уязвлена тоскою лени,
Над всеми веет смерть крылом,
И люди движутся кругом,
Как засыпающие тени.
И пусть мир силится до дна
Исчерпать глубь своих стремлений,
Жизнь — сновидение без сна,
А смерть... смерть — сон без сновидений!

1898 г. 29 октября

304

Всю ночь в непогожую пору луна
Сквозь тучи уныло сияла, —
И с тайною грустью сидела *она*
В темнице, за тяжкой решеткой окна,
А волна под окном бушевала.

Всю ночь, не смыкая бессонных ресниц,
Унылою тенью блуждала
Она, — и глядела на башни бойниц,
На шумный поток, где, как лев среди львиц,
Всё волна между волн бушевала.

И песня звучала: на арфе рука
Бессильно отзвучья искала,
А только заря, озлатив облака,
Взошла… Как подрезанный стебель цветка,
Уж волна ее тело качала.

305

Где ты видела, чтоб рыцарь,
Выезжая на турнир,
Мог заслушаться бы лесом
Или звоном струнных лир?
Нет, он едет в тяжком шлеме,
При мече, угрюм и смел,
И коня не остановит,
Как бы звучно лес ни пел!
Если ж рыцарь шлем тяжелый
Снимет с гордой головы,
Щит отбросит и приляжет

В тень душистую листвы,
И начнет глядеть на звезды
Или слушать шум лесной, —
Это значит — он безумный,
Оскорбленный и больной.

306. ВЕЧЕРНИЙ ЧАЙ

Гроза прошла; в обрывках туч
Уже горит вечерний луч
Кудрявым заревом; левкоев
Душистей сладкий аромат.
У дачных сумрачных покоев
Открыты окна в мокрый сад.

Балкон под влажной парусиной
Еще пустынен, хоть на нем
Накрыт для чая стол, кругом
В живых цветах. Меж тем в гостиной
От ранних свечек блеск скользит...
Раскрыт пюпитр, рояль звучит, —
И бурно льется музыкальный
Этюд. В саду же, на песке,
Играют дети в бельбокэ, —
И шар, как маятник печальный,
Вперед качаясь и назад,
Ложится в лузу невпопад.
Темнеет в мягкой сени сада,
А на балконе самовар
Еще всё медлит. Летний жар
Остыл; вечерняя прохлада
Ко сну смежила цвет гвоздик
И листья клевера, — поник
И замер сад. Скрипит калитка, —
Звучат живые голоса;
Раздался визг веселый пса,
Бегущего навстречу прытко
Толпе нарядной... Говор, смех...
Непринужденны все и бойки!..
Фасоны платьев модной кройки
И лица радостны у всех.
Блеснула лампа на балконе,
И самовар внесен... Слыхать,
Как людям стали отвечать
Стаканы в мягком перезвоне...

Свет в сад упал; деревьев сень
Чертит и движет по аллее

Свою обманчивую тень.
Стал разговор еще живее,
Еще наивней юный смех
Среди безоблачных утех.

О, здесь, конечно, есть влюбленный
И есть влюбленная; чете
Смеется даже сад зеленый
В своей неверной темноте!
Здесь дышит все кануном счастья,
И, может быть, когда-нибудь —
Тогда, как черное ненастье
Заворожит счастливцам путь —
Им будет радостным виденьем
Казаться улетевший рай:
Балкон с вечерним освещеньем
И запоздалый этот чай.

1898 г. Июнь

307. ЗАКОЛДОВАННЫЙ ДОМ

Говорят, заколдован
Этот пасмурный дом, —
Он молчит, точно скован
Очарованным сном.
Обветшали ступени,
И толкует народ,
Что, боясь привидений,
Там никто не живет.

И недавно — все помнят —
В ночь крещенскую там
Из таинственных комнат
Долго слышали гам;
Непонятные речи,
И сквозь иней стекла
Колыхалися свечи
Без конца, без числа…

Размыкались затворы,
Слышен скрип был саней,
Но не видели взоры
Невидимок-гостей.
Только тени мелькали
В озаренном снегу;
Чьи-то кости стучали,
Торопясь, на бегу…

И едва лишь скрывались
За пустынный порог, —
Мнится, стены шатались
От невидимых ног.
Длились танцы, и тостам
Счету не было там,
А наутро к погостам
След вился по полям…

308. ПРОШЕДШЕЕ «Я»

Неясной дымкой даль объята;
К закату клонится мой день, —
И я не тот, как был когда-то,
И прежний «я» следит, как тень,
Следит всегда, следит повсюду,
Не отступает ни на шаг,
И говорит мне: «Не забуду
Тебя, мой друг, тебя, мой враг!

Тебя я нянчил в колыбели,
С тобою в детстве я играл, —
С тобой мы вместе песни пели,
Когда во мне ты расцветал!
Ты первый выпил за здоровье
Моих надежд и юных сил,
Твое слезами изголовье
Не я ли первый оросил?

Чем ты старее год от года,
Тем я моложе день от дня.
Твоя любовь, твоя природа
Цветет и зреет для меня.
Союз наш верен и чудесен.
Ты голос мой, и я — твой звук,
И первый я умру без песен,
И ты второй — умрешь от мук.

Недаром мы сжились с тобою,
Недаром вместе рождены,
Ты — дух, творящий под грозою,
Я — дух забытой тишины.
Недаром страсти в нас метались…
И после смерти роковой,
Как в довременности сливались, —
Сольемся в вечности одной...»

309. ВЕСЕННИЙ ГРОМ

Сейчас был гром, и дождь обильный
Смочил засохшие поля,
Омыл листву бузины пыльной
И освежил побег стебля.

С полей несется запах хлеба
В разгоряченное лицо,
И опоясало полнеба
Румяной радуги кольцо.

Цветы полны алмазной влаги,
И фимиамы их свежей,
Гремят весенние овраги
Волною мутною своей.

Шурша листвою прошлогодней,
Лягушки прыгают в лесу…
Благословен ты, гром Господний,
Принесший волю и красу!

310. В РОЩЕ

Раннею весною роща так тиха,
Веет в ней печалью, смутною кручиною,
И сплелися ветками, словно паутиною,
Белая береза, серая ольха.

Дремлет в вязкой тине неподвижный пруд,
Дремлют камни старые, желтым мхом покрытые,
И в тени под соснами, солнцем позабытые,
Перелески синие медленно цветут.

Если на закате вспыхнут небеса, —
Роща оживает под лучами алыми;
И блестит рубинами, и горит опалами
На траве и мохе ранняя роса.

И кружит воронкой мошек черный рой,
И косые тени, пылью осребренные,
Охраняют молча ветки, преклоненные
Над землею, веющей сыростью грибной.

311

Я населил таинственным мечтаньем
          Надзвездные миры,

В них вдунул жизнь, облек очарованьем, —
Принес свои дары.

Я острова цветущие раскинул,
Пустыни и леса,
И в радугах над ними опрокинул
Иные небеса.

Там я возвел причудливые горы
Из льдов и янтаря
И светлых рек текучие узоры
Влил в ясные моря.

Но только что дерзнул воображеньем
Создать бесплотных я —
Мой новый мир наполнился смятеньем
И воплем бытия.

Развеялся туман очарованья:
Постигнуть я не мог
Жизнь без борьбы, и счастье без желанья,
И радость без тревог!..

312. ПЕСНЯ

Я вырос на воле
В кибитке степной,
Забава мне — шашка
И мой конь вороной.

Я с ветром да с полем
Досуг свой делил
И тешился жизнью —
Покуда не любил!

Но встали преградой
На воле моей —
Уста моей милой,
Огонь ее очей.

О ней только думал
И ею я жил,
Но время настало —
И нас враг разлучил.

Я встретился с ними
В вечерней тени, —

Трусливее зайцев
Убежали они.

Как два поцелуя
Прощальные им,
Две пули послал я —
За нею и за ним!

И первая пуля,
Верней чем копье,
Его уложила,
А вторая — ее!

И третью направил
Я в сердце свое.
Да, думаю, кто же
Вновь вспомянет ее?

Кто будет ночами
Рыдать о любви?
И молвил я с плачем:
«Терзайся и живи».

313

Сумерки шире спадали,
Ткали покров для ночлега;
Белые мухи летали —
Белые звездочки снега!

Белым ковром расстилалась
Даль, застывая несмело;
Сердце, как птица, металось,
Сердце надежду не пело.

Чутко и грустно прикован
К снежному сумраку, — снова
Был я на миг очарован,
Только без слез и без слова.

Только мечты погасали,
Словно прощальная нега...
Белые пчелы летали,
Белые звездочки снега...

314. АНГЕЛЫ

Меж белых облаков, скользящих степью синей,
Я видел ангелов, летящих над пустыней.
В одеждах голубых, как призраки, они,
Виясь, кружилися в оранжевой тени
Степного вечера, что алою каймою,
Как уголь, догорал над выжженной землею...
Куда стремилися небесные гонцы?
Их крылья белые, их ясные венцы
Горели звездами во мраке близкой ночи...
И долго я стремил завистливые очи
За их крылатою, воздушною толпой...
И вот уж небеса закрылись синей тьмой,
А хоры ангелов толпились и летели,
Как хлопья золотой, нетающей метели,
К недосягаемым, как счастье, высотам, —
И звезды яркие разбрасывали там...

315. NOTTURNO

Полосы лунного света легли;
Белый туман поднялся от земли.
Тощий кустарник и мшистые пни
Ожили, точно пигмеи, в тени.

Ветка нависла, как темный рукав,
Тянутся корни, как змеи, из трав.
Лунные пятна в вершинах сквозят,
Дремлет, и бредит, и движется сад.

Тайная жизнь, прозябая кругом,
Дышит и сыплет холодным огнем.
Веет и грезит, и мнится: сейчас
Мир, как виденье, умчится из глаз.

316. ПЕРЕД ГРЯДУЩИМ

Быть может, так! — Оно случится,
То, перед чем немеет ум, —
Комета гневная примчится
И в прах размечет жизни шум.

Блуждая в безднах отдаленных,
За тьмой бесчисленных миров
Она плывет, как вздох огромных,
Непостигаемых духов.

То в бурю брошенная буря,
Из тьмы исторгнутый хаос, —
Пред нею солнца, лики хмуря,
Рыдают лавой жгучих слез...

Она идет, как меч разящий,
Смерть всех оплаканных смертей...
Земля, ужели к предстоящей
Ты мчишься гибели своей?

Ужели все, к чему так жадно
Вели пытливые века,
Сметется вихрем беспощадно,
Как пыль летучего песка?

Недовершенное оставить
Ужели мудрости дано,
И Божью славу обесславить
Ужель забвенью суждено?!

Ужель земля в могучей силе
Своих созданий и чудес —
Идет к неведомой могиле
Равниной дремлющих небес?!

И мир, губивший поколенья
И вновь рождавший в свой черед,
Сам, в исступленном наслажденье,
И содрогнется, и умрет!

317

Что наша вечность? —
Остывший лоб,
Под кисеею
Открытый гроб.
В дыму кадильном,
В клубах седых
Свечей мерцанье
И плач родных...
Псалтирь над гробом
И чтец в очках,
В протяжном чтенье
Последний страх...
А дальше — яма...
И день за днем, —
И наша вечность
Уже в другом...

1899 г.

318

Все спокойно во мраке;
Только лают собаки,
Только лают собаки
Лишь одне
В стороне.

Я иду по дороге,
Полный смутной тревоги,
Полный смутной тревоги,
Наобум —
Полный дум.

Как бульвары пустынны!
Молчаливы вершины,
Молчаливо вершины
Из оград
Смотрят в ряд.

О, покой безмятежный!
Лейся в грудь мне, безбрежный,
Лейся в сердце, безбрежный,
О покой
Роковой!

Истомился я страстно,
И еще все напрасно,
И еще все напрасно
Счастья жду
И — иду!..

319. ГРУСТЬ СОСЕН

Шел я весною, в сумерках туманных,
Рощей сосновой, тихою дорогой…
Хмурые сосны в думах неустанных
Вслед мне шептали с тайною тревогой:

«Грустно нам, грустно, соснам молчаливым,
Грустно нам думать думы вековые!
Снежной метелью, вечером тоскливым
Мы одевались в ризы ледяные;
Пели нам, пели зимние метели;
Слаще их птицы майские споют нам!
Вот — из-под снега воды зашумели,
Птицы щебечут в гнездышке уютном.
Долго и долго солнышко нас грело!

Встретили много белых зим и весен,
Долго росли мы, тихо и несмело, —
Много погибло нас, косматых сосен...
Много сорвало бурями сердито...
Плачем смолою, если вечер зноен!
Радостное солнце нами позабыто,
Траур наш темен, ропот наш нестроен».

Так мне шептали сосны-великаны,
Шлемы колебля в воздухе румяном...
Дымно вставали влажные туманы,
Плыли над ними тучи караваном.
В роще сосновой хвоями и мохом
Почва дышала в трепете унылом...
Плакало сердце; с облегченным вздохом
Слезы катились о далеко-милом!..

320

Белый снег мутнеет в блеске;
Всё теплее день от дня, —
И звучней сквозь занавески
Канареек трескотня.

Веет негой воздух сладкий,
И журчит волна снегов
Над поставленною кадкой
Из железных желобов.

За решеткою ограды,
У оттаявших кустов,
Скачут, оттепели рады,
Стаи резвых воробьев.

В мутных сумерках, бульваром
Проходя, я вижу вновь
По очам и юным парам
Пробужденную любовь.

Мне взгрустнулось... Что такое?
Как душа моя полна!..
Здравствуй, солнце молодое!
Здравствуй, юность и весна!

321. ОСЕНЬ

Уж холодом веет осенним,
И, мнится, вершины шумят:
«Мы плащ зеленеющий сменим
На ярко-пурпурный наряд…»

И, мнится, — цветы, увядая,
Друг другу прощальный поклон
Шлют, молча головки склоняя,
Как в день роковых похорон.

И вечер осенний так кроток,
И грусть его сердцу мила,
Как свет из больничных решеток,
Как дыма кадильного мгла.

Природа устала — и скоро
Ко сну ее склонит недуг,
Но жизнь, суетная для взора,
Для сердца всё та же вокруг.

Со стуком проехали дровни,
На улице стало темней, —
И запах кофейной жаровни
Пахнул из открытых сеней.

Там цепь фонарей потонула
В дали, отуманенной сном,
Там ранняя лампа мелькнула
В окне красноватым пятном.

И в темной аллее бульвара
Под вечер разлуки немой
Гуляет унылая пара —
Шумя несметенной листвой.

322. ВЕЧЕР

Заря не растаяла
Румянцем блистающим,
А сумерки белые
Плывут и колышутся,
Мешаяся с пурпуром,
На западе гаснущим.

Две ласточки резвые
Косыми полетами

К ночлегу заветному,
К церковному куполу
Спешат, отягченные
Весеннею дремою.

Вон жук тяжко хлопнулся
С налета, о белую
Березу ударившись.
Сирень замечталася
И сладким дыханием
Блаженство приветствует…

Вон в небе лазоревом
Сребристое облако,
Как ангел мечтательный,
Летит в невозвратное
Из лона минутного…
О вечер… о призраки!..

323

Как будто раннею весною,
В дни поздней осени — светло.
Озер прозрачное стекло
Блестит румяной синевою...

Лучи последние свои
Закат в полях роняет косо,
И вдоль промерзлой колеи
Стучат трескучие колеса...

Последний блеск, последний шум
В дыханье осени так внятен,
Холодный воздух так угрюм
И так спокойно ароматен, —

Что сердце в чуткой тишине
Предсмертным снам природы внемлет
И, очарованное, дремлет,
Весну почуяв в полусне...

324. ПРАЗДНИК МОРОЗА

У дедушки Мороза,
Седого старика, —
Есть три румяных внука
И хмурых два сынка.

Один сынок зовется
У мира Сентябрем,
Он в поле ветром рыщет
И плачет он дождем.

Другой Октябрь — суровый,
Угрюмый нелюдим,
Румяный и дрожащий,
Идет мороз за ним;

Серебряная чаша
В руке его дрожит.
— Ну что, сынок мой милый, —
Он сыну говорит, —

Готова ли постелька,
Мой снежный пуховик?
— Еще пройдет неделька,
Улажу все, старик.

Сложу светелку нашу
Из инея и льда,
Снегами лес украшу, —
Иди, гуляй тогда!

Хлопочет сын, хлопочет,
Обшарил все углы;
Накрыть сугробы хочет —
Что званые столы.

Расплел он космы леса,
Все поле он остриг, —
Одни не тронул елки —
Их любит так старик.

Сидит Мороз под елкой,
Расшитой серебром,
Под белой треуголкой,
С железным костылем.

Сидит, скрипит зубами
И слушает метель;
Над ним, склонясь ветвями,
Сквозь снег темнеет ель.

Сидит и дремлет старче, —
Ждет праздников своих,
Когда пестрей и ярче
Шум улиц городских;

Когда во всех окошках,
Меж лакомств и затей,
Его изображенье
Так радует детей.

Везде старик из папки,
В огромных сапогах,
В остроконечной шапке
И с елкою в руках.

Дед старый, лют и весел,
Взирает на разгул,
А там и нос повесил,
И губы вновь надул.

Грозит ему разлука:
Три резвых шалуна
Бегут к нему навстречу,
Как юная весна.

Один зовется Мартом;
Крутенек он и зол,
Пробрал лучами солнца
Весь дедушкин камзол.

Кряхтит старик, — вдогонку
Бежит за ним Апрель;
Сорвал с него шубенку,
Помял его постель.

Грозит дед внуку палкой,
А третий внучек — Май,

Фиалку за фиалкой
Бросает то и знай!

Дед видит: дело плохо, —
Ушел, махнув рукой.
Вздохнул — и глядь — от вздоха
Растаял над землей!..

1897 г.

325. СУЖЕНЫЙ

Мутен мрак безлунной ночи,
Замер сонный городок.
В полутьме сеней стрекочет
И скрипит ночной сверчок.

Дуня грезит; ей не спится, —
Разогрела самовар.
Он придет — кудряв и статен,
На лице его загар,

На устах его улыбка
И приветливая речь.
Надо ужин приготовить,
Свечи поздние зажечь...

То к окну она подходит,
То выходит на крыльцо;
Расплелась коса густая,
Затуманилось лицо.

Горячо ее лаская,
Был он щедрым на посул...
Что же медлить?.. Или, видно,
Закружил его разгул?

Беден он, а свадьба скоро, —
Надо денег раздобыть,
Не с пустой мошной приехать, —
Вот и думает — как быть!

Дуня грезит... ей не спится...
Грудь трепещет горячо,
Из-под сброшенной косынки
Обнажилося плечо...

Вот и он — спешит, как ветер!
Под ногой скрипит порог, —
Хмур, как ночь, в глазах ни искры,
Голос холоден и строг.

Дуня кинулась навстречу,
Дуня молвит: «Это ты!»
И, как две змеи, вкруг шеи —
Две ручонки обвиты!..

«Что с тобою, мой желанный,
Что так бледен ты с лица?»
— На дороге повстречал я
Захмелевшего купца!

«Что злодей с тобою сделал?
Не обидел ли тебя?» —
Дуня с тайною тревогой
Говорит ему любя.

Он молчит... «Но что с тобою?»
— Ночь вчера была темна,
Словно враг, меня объехал
И опутал сатана!..

«Ты дрожишь!» — О, нет, то ветер
Грозно бил меня в пути...
Если кто придет за мною —
Чур, крестися, — не пусти!

«А кому придти бы, милый?»
— Грех приходит ко греху! —
Он поник; она с улыбкой
Смотрит в очи жениху.

– Рада ль?.. Все теперь посулы
Мне исполнить — нипочем!
И кошель он в угол бросил
С окровавленным ножом.

1898 г. Август

326. ОЧАРОВАННЫЙ ПРИНЦ

(БАЛЛАДА)

1

Жил маленький принц в позлащенном чертоге.
Его осеняла с младенческих дней

Счастливая доля; не знал он тревоги,
Ни строгих упреков, ни робких детей.

2

Без сверстников рос он, не видел он сверстниц,
Его замыкал очарованный круг;
Он видел лишь стражу на мраморе лестниц
И видел поклоны блистающих слуг.

3

Прелестные рощи дворец окружали.
В душистой прохладе тенистых аллей
Из каменных гротов каскады журчали,
И шум их падучий был вихря звучней.

4

Над зеркалом вод, окаймленных цветами,
Мосты выгибали узоры перил;
Из вазы бассейна, сребрясь под лучами,
Фонтан поднимался и брызги дробил.

5

Всё было забавой для юного принца:
Лужайки и гладь серебристых озер,
И кроткие звери под сенью зверинца
Ему услаждали и тешили взор.

6

Где высились пихты, на мягких пригорках,
Бродила кудрявых барашков семья;
Ручные лисицы в искусственных норках
Пугливо дремали, лукавство тая.

7

Под алой попоной ушастый осленок
С веселой газелью неловко играл;
Задумчивый аист, и важен, и тонок,
У плетня резного, как сторож, дремал.

8

Отбившись от рук замечтавшейся няни,
Царевич бежал к бессловесным друзьям.
К нему подбегали покорные лани —
И корм подносил он к их влажным губам.

9

Бежал он к озерам, где стройно темнели
Кусты молодые, теснясь в полукруг,
Где, быстры, как змейки, стекались форели
И крошки ловили из царственных рук.

10

Как весело было малютке теребить
Росою обрызганный куст у пруда,
Где вдруг был разбужен испуганный лебедь, —
И шумно от крыльев вскипала вода.

11

Но только всё чаще, всё больше с годами
Счастливого принца темнили мечты.
Он думал: «Зачем за моими садами
Возвысились стены, как вражьи щиты?»

12

Те стены его ограждали от мира,
От гневной борьбы, от несчастных людей,
А принц жил для счастья: венец и порфира
Должны быть невинней небесных лучей.

13

Со взором ребенка, с душою поэта,
Смиренный наставник ему говорил,
Что там, за стеною, сокрыта от света
Толпа светозарных, таинственных сил.

14

Они ему ткут кружева на подушки,
И шелк для одежды, и ткань на ковры.
И феи оттуда приносят игрушки
Ему с недоступной высокой горы.

15

«А можно их видеть?» — принц спрашивал робко.
«Нельзя, недоступно!» — он слышал ответ.
И детским разбегом пробитая тропка
Всё шире к стене пролагала свой след.

16

Чуть ветер вершины дерев зарумянит,
Ребенок бежит к неприступной стене,
На цоколь статуи задумчиво встанет
И долго мечтает в немой тишине.

17

«Какие счастливцы живут за стеною?
О, если хоть раз заглянуть бы туда!»
И много видений лучистой толпою
В уме проплывают — бегут без следа.

18

И долго сидит у стены он, вздыхая…
Он мнит, что под вечер взойдет за стеной
Луна в небесах, но луна не такая,
Какую он видит всегда над собой.

19

А там, за стеной, суетою и торгом
Жизнь дико шумела, как в море гроза.
Он ждал, он кипел непонятным восторгом,
Уста улыбались, пылали глаза.

20

На пряжках чулок развязалися банты…
Темнело... Туман поднимался с земли...
Вечернюю зорю играли куранты,
И звуки, как слезы, в затишье текли.

21

День снова ушел. Он, как прежде, не знает,
Что скрыл так ревниво стеною чертог?
Когда ж он загадку свою разгадает,
Когда же отпустят за темный порог?

22

И слышит в ответ он: «Увидит, поспеет!»
Увидит, что скрыто за крепкой стеной
Тогда лишь, как пух над губой зачернеет
И ростом он будет с дубок молодой.

23

И вот над губою усы затемнели;
Он строен; он вырос с дубок молодой…
Заздравные кубки в чертоге звенели,
Приветствуя принца с расцветшей душой.

24

Но, чокаясь дружно ответным бокалом,
Улыбкой даря обольщенных гостей,
Принц нежною думой следит не за балом
И ждет не дождется рассветных лучей.

25

Он жаждет увидеть желанное чудо,
Что скрыто стеною, как мраком завес.
Какие он перлы добудет оттуда,
Чем гордость насытит из мира чудес?

26

Он ждет и трепещет огнем лихорадки,
Он кудри пышней разметал по плечу,
Оправил плаща драгоценные складки,
И весь он сияет, подобен лучу.

27

По лестницам звучным принц шествует бодро…
Он рад, что дождался свободного дня,
И треплет коня горделивые бедра...
Вот шпорами брякнул — и сел на коня.

28

Раскрылися стены. Принц едет — и что же
Он видит, свергая тяжелый запрет?
Как мало все это на грезы похоже,
На сны золотые младенческих лет!

29

Сырая дорога чернеет неровно;
У стен заповедных теснятся кругом
Какие-то камни, и щебень, и бревна,
Кирпич, и рогожи, и кучи с песком.

30

В тяжелых одеждах поспешные люди
Снуют с озабоченным мраком лица...
Так вот о каком он загадывал чуде!
Так вот что скрывалось за парком дворца!

31

Он едет в селенье. Как мрачно! Заране,
Приветствуя славного принца приход,
Спешит в драпировки, гирлянды и ткани
Скрыть ветхую бедность тщеславный народ.

32

Но что ж не скрывает он копоть одежды,
Убогие дровни и жалких коней?
Царевич бледнеет, и меркнут надежды
Пред горькою правдой прозревших очей.

33

Так вот эти гномы, кем созданы парки,
Кем создан его величавый чертог…
Так вот эти феи, что слали подарки
К нему, чтоб он счастьем насытиться мог!

34

Задумчиво едет царевич обратно.
И грустно он входит под своды дворца…
Теперь ему стало несчастье понятно,
И нет ему счастья под кровом отца.

35

Он бархат свой роздал, он меч свой забросил, —
Былые забавы постыли ему;
На лодке любимой не слышен плеск весел,
Не будит звук арфы вечернюю тьму.

36

Он чаще, все чаще чертог покидает, —
Он учится жизни в иной стороне,
И радость былая дымится и тает,
Как воск ароматный на ярком огне.

37

Беднее одежда на ласковом принце,
Грустнее мерцанье стыдливых очей,
И перстень не блещет на белом мизинце:
Он голоду брошен в пучину страстей.

38

Принц темные кудри остриг; как невольник,
До ночи глубокой скрывается он, —
Где жизнь и жужжит, и хлопочет, как пчёльник,
Как будто бы ищет умчавшийся сон.

39

И скоро покинут был принцем печальным
Дворец заповедный. Напрасно гонцы
Искали по странам, и ближним, и дальним,
Надменно стучася в чужие дворцы.

40

Принц сгинул! Исчез, как залетная птица,
В рассветном тумане. Как вздох, отошел!
И если погиб он, то где же гробница?
И если живет он, — то где же престол?

СТИХОТВОРЕНИЯ,
НЕ ВКЛЮЧЕННЫЕ В СБОРНИКИ.
НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

327. ИЗ БИБЛЕЙСКИХ МОТИВОВ

ВТОРОЗАКОНИЕ, КН. V, ГЛ. III

Сосуд с целебною водою Иордана
Я, братья, вам принес. Напейтесь из него, —
И кроткая душа, восторгом обуянна,
Забудет черный день злосчастья своего.
Напейтесь из него и исцелитесь, братья:
Замолкнет стон в груди, замрут в устах проклятья —
Я вечный Мир принес!

С Сионской высоты принес я ветвь оливы;
Коснитеся ее, — Бог чудо совершит.
Вы — просветленные — спокойно-горделивы,
Стряхнете с ваших ног прах мщенья и обид;
И будет на земле одно святое братство
Без гибельных измен, без злого святотатства —
Я Истину принес!

Я камень вам принес от древнего Содома,
Пусть он напомнит вам погибель злых людей;
Пускай та весть пройдет от дома и до дома,
Что я пришел карать неправедных судей.
Иное я хочу устроить в мире царство, —
Без лжи смеющейся, без низкого коварства —
Я Правду вам принес!

Пред голосом моим преступник побледнеет
И в страхе убежит, безумствуя, тиран,
И ветер след его с проклятием завеет.
Рассеется в умах бессмысленный туман,
Слепцы увидят свет, сияющий повсюду;
И станет жизнь тепла ликующему люду —
Я Волю вам принес!

328

Влажно, дремотно, прохладно.
Клены шепчутся в бреду…
Нам с тобой одним повадно
В этом ласковом саду.

Пересохшими губами
Ты чуть шепчешь: «Приголубь!..»
И мирами, как очами,
Блещет траурная глубь.

329. БЕЛАЯ РОЗА

Недаром ты мне изменила так скоро,
Недаром ты душу разбила мою —
И с тихим мерцаньем притворного взора
Притворно шептала: «Люблю».
Сегодня мне выдали грезы случайно,
Чт̀о было загадкою в черные дни,
Чт̀о долго от света скрывалося тайно
В таинственной, грустной тени.
Я видел — как ты изваяньем разбилась,
И в страхе душа у меня замерла:
Не теплое сердце в груди твоей билось,
А белая роза цвела.

330

Страстно звездочка немая
В розу алую влюбилась
И, во тьме ночной сверкая,
В лепестки ее скатилась.
Роза веет ароматом,
Сладострастием трепещет,
А на венчике измятом
Звездный луч игриво блещет.
Роза с звездочкой алмазной
В томной неге наклонялась
И сияла в луже грязной,
Что под ними разливалась.

331

Погасли прекрасные звезды,
Волшебные звезды созвучий;
Иссякнул родник вдохновений,
Родник вдохновений кипучий.
Как утром над морем туманы,
Как осенью тучи, угрюмы, —
Встают и ползут, пробуждаясь,
Мои невеселые думы.
И, грустно поникнув главами,
Как гордые липы в ненастье,

Кивают мне с горькой улыбкой
Далекие призраки счастья...

332

Если сердце язвят огорчения,
Если славен твой избранный путь,
Но на нем тебя ждут иглы терния —
Позабудь!

Если жаждешь заветных напутствий,
Если тайные думы твои
Ищут в мире сердечных сочувствий —
Полюби!

Если видишь толпу малодушную
С вечным стоном в иссохшей груди,
К твоей речи святой равнодушную, —
Отойди!

Если молят тебя о пощаде,
Погибая, былые враги, —
То, не мысля о вечной награде, —
Помоги!

333

Ты мне являлася весной,
На утренней заре,
Едва приметная, как дым,
В волнистом серебре.
Ты мне являлась в бурный час
Безмесячных ночей,
Когда злой вихрь срывал листы
С желтеющих аллей.
Не знаю я — кто ты была,
С тобой не говорил,
Но я дышал всегда тобой,
Одну тебя любил…
И вот опять пришла весна,
В румяном полусне
Суля и счастье, и любовь —
И ты явилась мне!
Теперь развеян светлый сон,
Рассеяна мечта:
Теперь ты — плоть, теперь ты — звук,
И жизнь, и красота!

334. ТОРЖЕСТВО ЛЮБВИ

Господь карающий, Бог грозный Иудеи,
Бог в дымной мантии тяжелых облаков,
Бог, шумно мечущий огнистых молний змеи
На избранных сынов;

Бог созидающий, чтобы разрушить снова
Созданье рук своих, как злой самообман;
Бог, славы ищущий у племени людского,
Бог-деспот, Бог-тиран!

Бог, проносившийся грозою над Сионом,
Испепеливший в прах Гоморру и Содом;
Бог, улыбавшийся над кесаревым троном
И тяготевший над рабом!

Бог, проносившийся заразой над пустыней
И забывавший гнев при сладостных псалмах,
В душистом сумраке благоговейных скиний,
На цветоносных алтарях;

Бог, крови жаждущий и слушающий речи
Слепого демона сквозь райские врата, —
Бог, этот грозный Бог неумолимой сечи,
Родил смиренного Христа,

Святого, кроткого, властительного Сына,
Всё возлюбившего бессмертною душой,
Кто умер на кресте, чья мирная кончина
Зажглася вечною звездой;

Зажглась, чтоб озарять мир мрака и печали
И поучать людей смиренью и добру,
Чьи чудные персты недужных исцеляли,
Едва приблизившись к их смертному одру...

И этот мирный Сын властительного Бога
Пришел в мир бедняком, — не царская парча,
Не складки пурпура, не бархатная тога
Спускались с бледного плеча...

О, как блаженно тих, любвеобильно мирен
Был Бог, громовый Бог, когда в дыму кадил,
Под пение молитв, пройдя ряды кумирен,
В ложницу девы он вступил;

И как была чиста безгрешная Мария
В своем счастливом сне на девственном одре,
Как улыбалися уста ее живые
И Богу, и заре!

Все в храмине ее дышало тишиною,
Румяный луч зари струился в полумглу
Сквозь занавес окна — и алой полосою
Ложился на полу;

И на ковре ее разбросанные ризы
Луч солнечный лобзал, скользя по ним змеей;
И шумно под окном на фрески и карнизы
Взлетали ласточки веселою семьей. —

Тогда к ней Бог вошел! Он не тревожил сладкий,
Прекрасный сон ее, исполненный чудес,
Он только колыхнул бесчувственные складки
Малиновых завес.

Он только опахнул стыдливые ланиты,
Он только осенил безгрешное чело, —
И были новые ей помыслы открыты,
И даль грядущего разверзлася светло...

Со смутною тоской проснулася Мария,
С раздумьем на челе пошла в росистый сад,
Где пели хоры птиц, где маслины густые
Струили аромат.

И солнцу ясному, и радостному шуму,
Вокруг звучащему, внимала, — и порой
Невольно думала таинственную думу
О райском, чудном сне, смутившем ей покой.

И плакала она!.. Вдруг голубь белоснежный
Внезапно выпорхнул из синей вышины,
И закружил над ней, воркуя с лаской нежной,
И поняла она пророческие сны.

И поняла она, что пышное убранство
Природа с этих пор кладет к ее ногам
И что под куполом небесного пространства
Весь мир, весь божий мир — ее заветный храм.

Что только ей кадят душистые растенья,
Что только ей — зари волшебный перелив,

И в девственной груди разлился вдохновенья
Задумчивый прилив...

А голубь все кружил! — То был все тот же грозный,
Самодержавный Бог, молниеносный Бог!
Теперь Он не метал стрелу из выси звездной,
Он не хотел, не мог!

Он понял мир земной, погрязший в тьме полночной;
Он стал его отцом, бессмертный и благой,
Теперь очищенный любовью непорочной
И освященный сном невинности земной!..

335. ВЕЧЕР ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Еще вдали порой блестит зарница,
Как оскорбленный взор. —
Но гром затих, и дождь прошел. Дымится
Седым туманом бор.
Меж черных туч, развеянных грозою,
Сверкает месяц, — он
Горит, как шлем над ветхой пеленою
Разорванных знамен.
Звучней гремит по темному оврагу
Серебряный поток,
И аромат, как нежный вздох, за влагу
Шлет небесам цветок.
И все молчит, благословляя Бога,
В задумчивой тиши...
Но не прошла грозы моей тревога —
Гроза моей души!

336

На закате солнца,
Друг мой, не дремли...
Выгляни в оконце,
Посмотри: — вдали
Как блистает жарко
Алая зоря,
Как мерцает ярко
Крест монастыря;
На зеленой пашне
Слышны голоса...
Золотые башни
Чертят небеса.
В огненные горы
Свились облака...

Не смежай ты взоры,
Не дремли, пока
Воды солнцем рдеют,
Зноен бред земли...
Сны еще не реют, —
Друг мой, не дремли!

337

Церковный звон и мрак исповедален, —
Приход весны — тепло душе принес.
И плачу я, раскаяньем печален,
И счастлив тем, что не стыжуся слез.
Живит весна таинственным призывом
И радует молитвенной тоской.
Вновь сумерки с сиреневым отливом,
С помолодевшею луной.
Волнуются в душе моей виденья,
Бегут, теснясь, согласные мечты,
И облекают их живые вдохновенья
В созвучья, краски и цветы,
Но, холодом весну обезоружив,
Грозит зима безжалостным лицом,
И черный лес, как бы из темных кружев,
По утру весь унизан серебром.

338. ВЕСЕННЯЯ МЕЛОДИЯ

В сумраке ночи
Полные жизни, но бурею смяты,
В окна раскрытые льют ароматы —
Плачут в немом упоенье цветы…
Нежные очи,
Полные скорби родные черты,
Смятые жизнью, но злобой не смяты,
Снятся мне в сумраке ночи…
Грустно и нежно…
Тихие взгляды, печальные взгляды.
Звезды, качаясь, зажглись, как лампады,
В небе, бессмертия полном, и темном…

Сердце мятежно,
Вечно тревожась ответом нескромным,
Ловит, как счастье забытое, взгляды,
Прежде сиявшие нежно.
Мир и тревога!
Молится сердце и сетует ум…
С тихой молитвой сливается шум

Бурных волнений, рожденных из праха…
Страстью кипит и трепещет от страха
Жизни минутной тревога…

339

Ночь без грез; в ночной тени
Сердце шепчет: отдохни,
Будут радостные дни
У поэта.
Ночь темна; печаль темней,
И стучатся у дверей
Сонмы вражеских теней
До рассвета.

Робок ночи мерный ход,
Отуманен небосвод,
Сердце плачет, и поет,
И томится.
Тени дрогнули вокруг;
Брезжит свет, бежит испуг.
Белый день, как новый друг,
Сердцу снится.

340

Дохнул сентябрь; багряный лист
Мерцает в зелени древесной;
Темно нахмурен свод небесный,
А лес редеющий огнист.

В садах поломаны куртины,
Цветы пришиблены дождем,
И тянет гарью из долины
Под набежавшим ветерком.

Жалузи выцвели у окон,
И гуще плесень на пруде,
И у заборов кое-где
Уже висит прозрачный кокон.

Спешат покинуть стаи птиц
Свои обветренные гнезда,
Спешат на юг, где ярче звезды,
Где ярче марево денниц.

341

Спокойное чело обвеяно прохладой,
Святыней тихою душа моя полна,
И светит мне в окно, вечернею лампадой,
Небесная луна…

И светит мне звездой вечерняя лампада,
Перед иконою, как жертва, возжена;
В душе смирение и тайная отрада,
На небе — тишина…

Я верю… Я люблю дыханье темной ночи,
Молитву теплую и мирные огни…
И плачут от любви растроганные очи
В мечтательной тени…

Чего еще желать, когда так сладко дышит
Измученная грудь, когда так ясен ум, —
И слышу Бога я, и Бог молитву слышит,
Прощая дерзость дум!

342. В НОЧЬ НА ИВАНА-КУПАЛУ

Едва зарю сменила полутень,
Все выросло в волшебном напряженье.
Уродливым пигмеем смотрит пень
И корчится в немом оцепененье.
Сотканные из месячных лучей,
В лесу дремучем зыблются хоромы —
И там, где мрак причудливо-темней,
Как призраки, белеются изломы
Серебряных ступеней и бойниц...
Проснулися лягушки у болота
И тяжела их звучная зевота...
В сухом дупле, как доски половиц,
Скрипят сверчки; мерцаньем белой ночи
Испугана, захныкала сова,
И, где темней плакучая листва,
Как изумруд, ее сверкнули очи...

И ночь полна невысказанных чар,
Все сторожит таинственная дума...
И в странном сне рождаемый кошмар
Плывет в волне замедленного шума,
Как холодом окованный поток, —
Где папоротник зыблется украдкой
И долго ждет — объятый грезой сладкой —
И тщетно ждет свой огненный цветок.

343–344. ИЗ ДНЕВНИКА

I

Бегут, смутясь, полуночные тени;
С холмов плывет душистый ветерок.
Уходит ночь, уходят грезы лени,
И в зареве пылающий восток.

Гасить ли мне полночную лампаду? —
Навстречу дня идет быстрее труд!
И с темных риз бросает ночь в награду
Мечты и звезды в тихий мой приют!

II

Грустно! Склоняюсь на ложе…
Боже! Всевидящий Боже,
Муки мои исцели, —
Сердца тревогу больную,
Думу мою роковую
В трудных заботах земли!
Светочем вновь освети
Темные жизни пути…
Боже мой, воплю внемли!..

345

В ясный полдень солнце гонит
Зиму бледную;
Оглашает птичий гомон
Чащу бедную.

Сад стоит еще безлиствен,
Но уж слышится,
Что весна идет — и лесу
Легче дышится.

И под вечер, весь зарею
Зарумяненный,
Плачет лес и точит капли,
Будто раненый…

346

Прошла гроза; раската
Последний смолк удар…
На западе — заката
Алеющий пожар.

Цветы благоуханней,
Душистее кусты, —
И вечер стал туманней,
Причудливей мечты.
Погасла позолота, —
Остыли небеса;
Там скрипнули ворота,
Там слышны голоса…
Сквозь ветки заглянула
Печальная звезда,
И холодом пахнуло
От ближнего пруда.
Был день тяжел, и зноен,
И бурен под конец, —
Он гром принес, как воин,
И отдых, как мудрец…

347

Жизнь темна и, как битва, сурова,
Но рука не мечу создана…
Я не знаю могучего слова,
Но душа моя звуков полна,
И звенит, и трепещет она,
Как струна!

И на все откликается нежно:
На мечту, на любовь и недуг…
Счастье греет — поет безмятежно,
Грусть терзает — заплачет от мук,
Смерть придет — зарокочет — и вдруг
Оборвется, как звук…

348

Все кончено! Все кончено, мой друг!
Прости меня! Все кончено! Где прежде
Цвели цветы в пестреющей одежде,
Там холодом повеяло вокруг.
Где звонких птиц звенели голоса —
Там тишина… Лишь над землею влажной
Вершинами шумят еще леса,
И грустен плач и ропот их протяжный.
Они зовут в объятья вечной тьмы,
Зовут уснуть под темною землею, —
Но я боюсь безжизненной зимы, —
И смерть страшит бездушной глубиною…

Утомленного агонией
Злобных дум и горьких снов
Закачай меня гармонией —
Стройным шествием миров! —
Улетай, мечта печальная,
Из-под гнета и руин,
Где горит отчизна дальняя
В глубине родных пучин, —
Там, где вечное течение
Божьих помыслов и грез,
Неземного вдохновения
Огнедышащий хаос! —
Там к началу приобщенное
Сердце искрой кочевой,
Бытием воспламененное,
Станет новою звездой!..

1893

350–352. СЕВЕРНЫЕ НОЧИ

I

Северная ночь ясна и холодна, —
Звезды, как в ознобе, на небе дрожат,
На узорах льдистых белого окна
Тени темных веток вырисовал сад.
Северная ночь! — Безжизненно вокруг. —
Только в жарком сердце, навевая сны,
Зреет страстных песен пламенный недуг,
Дальний отголосок девственной весны!..

II

Блестит луна над кладбищем унылым,
Спят мертвецы в молчанье гробовом.
Проходит ночь неслышно по могилам,
Как смерть в плаще блестяще-ледяном.
Тягучий звон несется с колокольни, —
И полночи вещает он приход, —
И тишина кладбища богомольней
Рождения весны и жизни ждет…

III

В эти лунные ночи, в седые морозы
Я люблю за окном скрип унылой березы.

Что грустишь одиноко о дальней весне,
Вся в блестящем снегу, как в парче, при луне?
Мне не спится, как ей, а мерещатся сны
Отзвучавшей любви, улетевшей весны, —
И не можем пока в ясном мраке зимы
Распугать и распеть грезы поздние мы…

353

Плавучих облаков румяная кайма
　　　　На бледном небе догорела.
Как призрак, сходит ночь — и тихо полутьма
　　　　В саду прозрачном зашумела.

Звенит в кустах ручей, зеленая листва
　　　　Трепещет радостью пугливой...
Во всем неясные, но милые слова,
　　　　Во всем восторг нетерпеливый.

Куда ни погляжу, куда ни брошу взор,
　　　　Все наслаждается, все дышит,
На лепестках цветов таинственный узор,
　　　　Как письмена, зарею вышит.

От розы, сорванной и брошенной в траву,
　　　　Мне веет тихое прощанье.
Я внемлю, я люблю; я плачу и живу,
　　　　Живу мечтою упованья...

Молитва на устах, волнение в уме,
　　　　В очах восторженные слезы...
Молю продлить закат на облачной кайме,
　　　　Молю продлить дыханье розы...

1893 г.

354

Как ночь весны нетерпеливо
У завоеванного дня,
Берет душа для грез стыдливо
Свет негасимого огня!

Как ветер в буйном упоенье
Играет бешеной волной, —
Так ты, мечта, в своем стремленье
Играешь жизнью молодой.

И как цветок в ночи печальной
Благоухает нам нежней, —
Так сердце памятью прощальной
Полно на склоне наших дней.

И все, чем жизнь была богата,
В воспоминаниях тогда
Горит, как в зареве заката
Перворожденная звезда…

355. ГРЁЗЫ ЗАПУСТЕНИЯ

В этом старом замке ночью
Ходят призраки; в тени
Амбразур и темных лестниц
Зажигаются огни.

В звучных залах, как туманом,
Белым саваном шурша,
Бродит с воплем затаенным
Чья-то грешная душа.

И в тени густого сада,
Где умолкший водомет
На растресканные камни
Слез забвению не льет, —

Кто-то медленно вздыхает,
И порывистая речь
Молит жалобно кого-то
Незабвенное беречь.

И под лунными лучами
Перстня брошенного звон, —
Хохот, прерванный рыданьем, —
Поцелуем заглушен!..

Точно все, что здесь свершалось
Бытием ушедших дней, —
Брезжит сном воспоминанья
Мраку ночи и аллей.

356

Сегодня выдался незнойный, тусклый день.
Летучих облаков рассеянная тень
Не дождь несет с собой, а влажную прохладу.
Задумчиво шумят по дремотному саду

Вершины темные деревьев вековых…
Почти осенний день!.. Но листьев золотых
Не видно в зелени густых берез и кленов…
И нивы зыблются… И веет с мягких склонов
Засеянных полей медвяный аромат…
И тускло, и свежо!.. И, дружные, летят
Воспоминания, меняясь чередою,
Как в небе облака, разбитые грозою.

И в бледной памяти такой же тусклый день.
Что грело — то теперь забвенье или тень,
И даль безмолвная повисла дымкой синей,
Где тонет красота сияния и линий…

357. ПЕРЕД НОЧЬЮ

И розовый сумрак, и звон колокольный,
Мерцание поздней лампады в окошке.
Старушка раскрыла с тоской богомольной
Тяжелую книгу на медной застежке.
Склонилось чело, и усталому взгляду
Отрадно на ветхих строках Четь-Минеи.
Последние звуки замолкли в аллее,
И темные тени ложатся по саду.
И ночь подошла, и повеял неслышно
Зефир, точно вздох утомленной надежды…
Но только сомкнутся усталые вежды —
И звезды, и грезы рассыплются пышно.

358

В глуши, на Севере суровом,
Туманен день и ночь бледна,
И жестким сумраком полна
Седая глушь в лесу сосновом.
Мы едем час, мы едем два;
Здесь бледен мох и хвои тощи…
Кричит унылая сова —
Завечерело в темной роще.

И между тонким камышом
Болот дрожащие изгибы,
Как чешуя огромной рыбы,
Мерцают тусклым серебром.
И ночь подкралася без шума,
Пока молчит косматый лес,
И, как таинственная дума, —
Очаровала без чудес.

359. СОВЕРШИЛОСЬ!

Безмолвно главу Он склонил… Совершилось!
Он дух испустил и к Отцу отошел…
И дрогнул смущенно взволнованный дол,
И солнце мгновенно за тучи сокрылось.
И было ужасно смятенье живых,
И трепет прошел над вершинами леса.
И с треском порвалась во храме завеса,
И камни распались пещер гробовых.
Свершилось… Над мрачной Голгофой клубятся
Тяжелые тучи… В багровой дали,
Как будто в кровавой и дымной пыли,
Градские твердыни пугливо теснятся —
Дворцы, синагоги, палаты, суды…
Весь царственный город склонился к подножью
Голгофы, где умер поруганный ложью
Царь света, Царь славы, не знавший вражды…
С великим Страдальцем природа молилась…
Он дух испустил — и к Отцу отошел…
И дрогнул смущенно взволнованный дол,
И небо сказало земле: «Совершилось!..»

360. РОЖДЕНИЕ ВЕСНЫ

(Воздушное пространство; над землей слабый свет утра)

ХОР ДУХОВ

Идет румяная весна,
Сверкая радостною далью.
Берите жизнь, как есть она, —
С ее борьбой, с ее печалью.

ХОР ОБЛАКОВ

Волны растаяли
В синем просторе;
Нас зарумянили
Вешние зори.
Мы, проплывая
Вечной пустыней,
Вздохами мая,
Тучкою синей
Волны взволнуем,
Небо смутим
И поцелуем
Мир обновим!..

БЛУЖДАЮЩАЯ ДУША

Лазурные, куда спешите вы?
Бескрылые, полет остановите!
Мою слезу земле вы отнесите —
Пусть напою живой побег листвы!
Мои слова, которые так тщетно
Пыталася я миру передать, —
В громах весны пусть ропщут безответно,
Как скорбь любви, не смеющей вздыхать…

ГЕНИЙ МИРА

Уже распалося давно
С землей последнее звено —
Мы выше облачной лазури;
Здесь небеса не знают гроз.
Забудь мятущиеся бури
И грусть невыплаканных слез!
Мы возродимся в мире новом
В благоуханьях и лучах…
И первый вздох наш — будет словом
На осчастливленных устах…

ХОР ДУХОВ

Мы туч хороводы
Свиваем лучом;
Воскресшей природы
Мы гимны поем,
Счастливые песни
Во имя любви…
И мертвый воскресни,
И падший живи!..

(Над землей разгорается заря; жаворонок поднимается над полем)

361

От безлиственных деревьев
Веет трепетом весны,
И журчат ручьи под снегом
Из-под мертвой белизны.

Солнце празднует победу —
Светлый праздник бытия, —
И у мшистых пней кружится
Мух пригретая семья.

Плачут ивы, наклоняя
Ветки к мерзлому пруду,
Где лучами солнце пишет
Гимны вешние на льду.

362. ТИШЕ, МУЗА!

Тише, Муза, — мы в потемках,
Между грязи — на обломках
Обесславленной земли.
Вкруг болота… мхи… и елки...
Тише, Муза! Слышишь, волки
Воют жалобно вдали?
Мы озябли, мы устали,
Сердце грезы истерзали,
Путь наш долог и уныл.
Нет огней, знакомых взору,
Лишь вблизи, по косогору,
Ряд темнеющих могил.
Где же край обетованный,
Путь лучистый, путь желанный —
Мир восторженных прикрас?!
Не того с тобой мы ждали,
Как поутру без печали
Повстречались в добрый час!
Ты любить еще умела,
Ты так нежно песни пела,
В даль волшебную влекла.
И пред нашими очами
Вся сквозящая лучами
Золотилась полумгла.
Нам цветы нежней дышали,
И о славе лепетали
Водометы и ключи…
А теперь… теперь в потемках,
На поруганных обломках, —
Муза, плачь или молчи!

1895

363

Чуть сердце отравят
Смятенья — я внемлю
Небесным глаголам,
Созвучьям святым.
И песни вновь славят
И солнце, и землю!

В восторге веселом
Пою я живым!
И только коснутся
Те песни до слуха
Больных и гонимых
Печалью земной —
В отзвучья сольются
Мятежного духа
На струнах незримых
Души им родной…

364

Как пышен вечер! Облака
Горят и рдеют, точно розы, —
Недвижны ветки лозняка,
И над прудом звенят стрекозы.

И как стрела на тетиве,
Упасть готовая, трепещет, —
Последний луч в густой листве
Сквозит и судорожно блещет…

О, сердце, сердце, замолчи,
Не бей безумную тревогу, —
Твои последние лучи
Погаснут также понемногу.

От жгучих стрел твоих кручин,
От ран и мук твоей заботы, —
Когда настанет час дремоты,
Лишь мрак останется один!..

365

Как распелися сегодня
Соловьи в кустах!
Как рассеянна улыбка
На твоих устах!

Как неясны очертанья
Трепетных вершин!
Как тягуч и ароматен
Теплый пар долин!

В сизой дымке улетая,
Гаснет алый день,

И плывет душистой ночи
Золотая тень.

И в душе моей так смутно, —
И в душе моей
Сумрак ночи повстречался
С отблеском лучей!..

366

Ты хочешь знать, когда и как
Я повстречался с ней?
Тогда был душен синий мрак
И звонок соловей.

Томилась ночь тоской любви,
Цветы дыханьем жгли.
Был свет в душе, огонь в крови,
Мечты мои росли.

Но кто была она, — весна ль,
Иль молодость моя? —
В ее речах жила печаль
Иного бытия.

Она склонилася ко мне
Тоскливо на плечо
И в ароматной тишине
Дышала горячо.

Всю ночь, воздушная, она,
И плача, и стоня,
Бледна, как майская луна,
Ждала сиянья дня.

И улетала с ясным днем,
Как легкий пар долин.
И я, томясь о неземном,
К рассвету был один....

367. СИМВОЛИСТУ

Есть тайный смысл в твоих речах,
Непостоянных и кипучих,
Есть дальний отзвук гроз летучих
В твоих пророческих мечтах.

Кому понятен плеск ручья
И вздохи розы молчаливой,
На речь твою, восторг тая,
Преклонит слух благочестивый.

Но те, кто холоден душой,
Кто отдал за земные цепи
Лучи небес — и спит глухой
В толпе немых, как в темном склепе, —

Пучиной зол увлечено,
Тех сердце, без надежды, дремлет;
Тому восторгов не дано,
Тот откровенье не приемлет…

368

Лишь только весной благодатной
Забрезжил февраль золотой, —
Опять этот страх непонятный,
И сердце в тоске роковой.

Лишь только ручьи из-под снега
В овраги сбежали, журча, —
В душе моей смутная нега
И свет неземного луча.

Как будто рождается снова
В душе моей некто другой, —
Он ищет забытого слова
И давнею дышит весной…

И вновь бесконечно глубока
Агония жизни и дум…
И ропщет, исполнен упрека,
Мой гордый, мучительный ум…

369

Там, где-то далеко, — есть незакатный день;
Есть вечная любовь и вечное блаженство.
Здесь, на скупой земле, той жизни только тень,
И не постигнуть нам той жизни совершенства.
Стремленья наших дум, виденья наших грез —
Лишь облако, лишь вздох от волн тех лучезарных!
Нас с ними разделил довременный хаос,
И затемнил тот свет нам гнет страстей угарных.
И только иногда, как слабый лепесток,

Гонимый бурею в незримое пространство,
В нас мечется восторг неведомых тревог,
Но тщетно ловит ум земное постоянство.
Минутной искрою и вспыхнет, и завянет
Ликующий порыв небесного восторга.
И снова та же грусть, и снова тот же гнет
Разлада и вражды, продажности и торга!..

370. МОЛИТВА

О, Боже, загляни в измученную душу, —
И озари ее приветливым лучом!
Войди ко мне, войди! — Я мир Твой не нарушу;
Я пред Тобой склонюсь со страхом и стыдом.

Напрасно я скорблю, напрасно бесполезным
Сомненьям и тоске я думы отдаю…
Отчаянье влечет к разверзнувшимся безднам, —
В смятении к Тебе взываю и пою!

О Ты, блеснувший нам сияньем на Востоке,
Принесший миру весть спасенья и добра, —
Дохни в мой падший дух — и да бегут пороки,
Гонимые Тобой, как тьма в лучах утра!

Да смолкнет вопль души, в борении мятежной,
Да воцарится в ней святыня и любовь, —
И сердце обретет прощенья голос нежный…
В душе воскреснешь Ты — и я воскресну вновь…

371. ПРЕЖНИЕ

Их нет уж давно под землею, —
Они испарились в туман,
И в небе — весенней порою —
Их облачный плыл караван.

Они упадали дождями,
Зарницей мигали в ночи;
Их вздохи дышали цветами,
Восторг их свивался в лучи.

И в тихой, бессмертной печали,
Незримо в вечерней тени —
Загробные думы шептали
И с нами молились они…

372. ЭЛЕГИЯ

Не видно берегов!.. Лишь к морю голубому
Склонились небеса, как жаждущая грудь.
Скорее к берегу! — К тому или другому, —
Безбрежность давит ум! О, если б отдохнуть.
Из утомленных рук весла не выпуская,
Плыву! — И жадный взор глядит на вышину,
Туда, где вольных птиц ликующая стая
Летит к родным лугам отпраздновать весну.
Плыву!.. Не знаю сам, завистливые волны
Где выбросят пловца усталого, меня?
Не раз моих друзей оснастенные челны,
Опередивши мой, скрывались в блеске дня!
Не раз зарю небес туманил сумрак ночи
И в страхе я скользил по черной глубине;
У милых звезд пути выспрашивали очи, —
И новая заря опять сияла мне!
Не раз я трепетал, смущаясь под грозою,
Когда темнела глубь, когда гремела высь…
Но снова даль цвела лучистою дугою, —
И снова к берегам мечты мои неслись!..
А берега все нет!.. И к небу голубому
Мой утлый челн ведет колеблющийся путь.
О, если б к берегу! К тому или другому!..
Безбрежность давит ум!.. О, если б отдохнуть.

373

Исполнен мир живой надеждой и отрадой,
И в звуки, и в огни печаль облечена;
Больничное окно озарено лампадой,
За стенами тюрьмы песнь узника слышна.

Трудолюбивый день сверкающего лета
Дыханием цветов и леса напоен,
И ясной глубиной лазурь небес согрета,
И весел звонких птиц воздушный легион.

Приход вечерней тьмы закатом пышно встречен,
И россыпью миров сверкает ночь сама,
И сердцу говорит, что мир глубок и вечен,
Что кратковременна пугающая тьма…

374

Пусть наш союз язвят невежды,
Ты с каждым годом мне родней

За огорченные надежды,
За веру юности твоей!

За все мучения, что вместе
С тобою мы перенесли,
За слезы выплаканной мести
Назло враждующей земли!

Ты мне родна за ложь святыни,
За правду горя твоего…
Бери же сердце! — и отныне,
Как прежде, разбивай его!..

375. ВЕЧЕРНИЕ ГОСТИ

Оттуда, где померк закат
Багряно-пышными лучами, —
Плывут с вечерними тенями
Ночные призраки. В мой сад
Они пришли, они кивают,
Шумят в обветренных кустах,
Короны звездные сверкают
На их косматых головах.
По их воздушным покрывалам
Струится бледная роса.
Звучат призывом запоздалым
Их неземные голоса.
Из недр земли, из тьмы глубокой,
Мерцая складками одежд,
Они пришли толпой стоокой
Для обольщенья и надежд.
Они пришли — и манят страстно
К глуши неведомой своей,
Где все свершится, что напрасно
Я ждал от жизни и людей.
Они сулят блаженство рая —
Восторг и радости земли.
Но я молю уже, рыдая,
Чтоб гости поздние ушли;
Бегу, смущаясь и тоскуя,
От их объятий гробовых,
От ледяного поцелуя —
В мир равнодушных, но живых…

376

Мутное небо висело над нами;
Грустно качалися темные ели.

Радостный смех ты мешала с речами, —
Только мы их досказать не успели.

Мутное небо спустилось туманом,
Скрыло от глаз светозарные дали.
В облачном дыме видением странным
Темные ели, качаясь, кивали.

Ты прижималась ко мне боязливо,
Ты упрекала меня со слезами,
Бледные руки сжимал я ревниво, —
Мутное небо висело пред нами…

Молча в душе хоронил я упреки,
Очи смотрели без слез, без испуга…
Были от неба мы оба далеки,
Дальше мы были душой друг от друга!..

377. ОСЕНЬЮ

Покосился забор обветшалый,
Желтый лист в паутине дрожит.
В окнах гаснет закат ярко-алый,
Как стыдливый румянец ланит.

На дворе, в непросохнувшей луже,
Ребятишки босые шалят.
В тусклом воздухе нет еще стужи,
И не кончен еще листопад, —

А уж веет осенней дремотой,
Безнадежным уныньем зимы;
Лишь сосна, не пленясь позолотой,
Не меняет своей бахромы.

Где-то колокол дрогнул уныло,
Скрип несмазанных слышен колес…
Это было, не раз это было, —
И щемило мне сердце до слез!..

378. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ НОЧЬ В ЛЕСУ

Недвижно дремлет сонный лес
Под снежной мглой морозной ночи,
И звезд мечтательные очи
Глядят с померкнувших небес.
Ночь бездыханна и сурова,
И жизнь, и счастье гонит прочь.

И горе, кто, лишенный крова,
В снегах блуждает в эту ночь.
Но есть надежда горемыкам,
И есть Заступница земли —
Она, пред Чьим смиренным ликом
Волхвы к Спасителю пришли.
И в эту ночь в пустынных чащах
Белей снега, светлее мгла;
Она, Владычица скорбящих,
В лесу виденьем проплыла.
Лучистый пар сбежал туманом
С ее летучих покрывал;
Счастливый лес затрепетал,
И гул промчался по полянам;
С обледенелых веток снег
Упал весенних капель глуше…
И замедляют зайцы бег,
Насторожив пугливо уши.
И все вокруг в лесу глухом
Святую ночь благословило,
И небо землю осенило
Неизреченным торжеством!

379. ПЕСНЯ

Темнёнька ночь, хоть выколи
Глаза себе — темнёшенька!
Тепло ль тебе, хорошенький?
Мы горюшко размыкали
Ладком, да милым шепотом,
Да пением, да хохотом.
Светло в избе огонь горит,
Светлей в душе любовь моя,
А ночь темна, — как зверь, вопит,
Как зверь, вопит вблизи жилья.
Прижмись ко мне — согрей меня,
Забудемся до нова дня.
Не спится мне — боюся я…
В руке твоей пусть русая
Коса моя, что лён в мотке,
Что лён дрожит в твоей руке.
В щеках моих огонь задуй!
Усни, склонись к плечам моим...
Целуй меня... еще целуй! —
Я здесь одна — с тобой одним!

380

Мороз и снег! Пустынный и просторный,
Безмолвно путь заснул...
Лишь в телеграфа проволоке черной
Дрожит морозный гул.

От белизны, сияющей в просторе,
Усталых глаз не в силах отвести,
Иду один, как в безграничном море,
На снеговом пути.

Немеет слух, в уме немеют думы —
И кажется: с лучистой белизны
Вот-вот вспорхнут неведомые шумы
Разбуженной весны.

381. В КОНЦЕ СЕНТЯБРЯ

Как будто поцелуй горячий
Деревья пламенем обжег;
Один перед пустынной дачей
Дворовый пес, грустя, прилег.

Листва осыпала дорожки,
И позабытая метла
Покорно дремлет у сторожки,
Где в кучу мусор намела.

Всё облетело, всё поблекло,
Поник обветрившийся сад.
Сквозь отуманенные стекла
Билеты бельмами торчат.

Где прежде был в мажорном тоне
Веселый смех и разговор,
Петух горланит на балконе
И жадно разгребает сор.

И лишь, клонясь к цветам увялым,
Глядит вербены алый цвет
В раздумье тихом и усталом,
Как меланхолик юных лет...

382. ПОЗДНЕЙ ОСЕНЬЮ

Растаяло снова; как будто сквозь стекла,
Гляжу я уныло в туманную даль.

Природа озябла, молчит, и поблекла,
И в сне молчаливом лелеет печаль.

Рассвет ли забрезжит — еще спозаранка
На улице иней… А там, сквозь стволы,
За рощею слышатся звуки рубанка
Да мерно-тягучие звуки пилы.

То звуки людские, не звуки природы,
А робкой нужды и тяжелой борьбы…
Но что ж я все жажду любви и свободы,
И тщетно ответа прошу у судьбы?

И тщетно прошу я у неба ответа:
Как много осталось в грядущем потерь?
И будет ли ласкою сердце согрето
Иль в стуже умрет, как природа теперь?

И сколько осталось тоскующих будней
Влачить мне на свете?.. Но медлит ответ.
И память уснула еще непробудней;
И хмур ее вечер, как ранний рассвет.

383. ПЕРВОПУТКА

День был хмур; все дождик капал
С редким снегом пополам.
А под вечер, только смерклось,
Снег белеть стал здесь и там.

Хлопья легкие летели,
Пухом блещущим кружась,
Колыхающейся сеткой
Заволакивая грязь.

В серой дали стало ярче,
Стало в воздухе звучней,
Снег ковром устлал дорогу,
Опушил концы ветвей.

Снег на клумбах, на дорожках,
На блеснувших фонарях;
Мы уехали на дрожках,
А вернулись на санях.

И отраден чем-то взору
Поздней осени привет:
Торжествующих полозьев
Отпечатавшийся след.

384

Вечера всё белей и беззвездней,
И прозрачно, и тихо в лесу,
Только слышен малиновки поздней
Робкий щебет в девятом часу.

Как свежо! Но свежо без тумана.
Вечер дремлет раздумьем в кустах.
Заживает душевная рана,
Сохнут слезы в усталых очах.

О, блаженство бессмертной природы,
Узнаю я дыханье твое,
И твоей безграничной свободы
Осенило меня бытие!

Словно счастья я снова достоин —
И оно улыбнулось вдали...
Я молитвенной грустью спокоен,
Только грустью нездешней земли!..

385. СТАНСЫ

Церковный звон, мерцание лампады
И тусклый день в заплаканном окне;
Твой тихий вздох, рассеянные взгляды —
Знакомо всё, всё так знакомо мне.

В моей душе ни искры нет отрады, —
Там скорбь и грусть осталися одне...
Да тихий вздох, да сумрачные взгляды,
Да мутный день в заплаканном окне.

Грядущему ни света, ни пощады;
Оно глядит в туманном полусне
Сквозь мирный звон, сквозь тихий свет лампады,
Сквозь тусклый день в заплаканном окне...

386. НЕЧИСТАЯ СИЛА

Чур меня, чур! Это ведьмы вокруг
Заколдовали таинственный круг,
Путь замели непогодой — и мне
Дико хохочут в ночной тишине;
Скачут на метлах, бегут и шумят,
С ними, за ними толпы чертенят.
Чур меня, чур! Окаянные, прочь,

И без того непогожая ночь.
Нынче с друзьями я был на пиру;
Пил, и шутил, и плясал не к добру.
Хмельная брага лилася рекой,
Вольные речи сменялись борьбой.
Хвастался этот и хвастался тот,
Хвастался я, охмелев в свой черед…
Чур меня, чур; окаянные, прочь.
И без того непроглядная ночь!..

Вьюга шумит, и крутит, и поет,
С ведьмами вместе ведет хоровод…
Прочь, окаянные, прочь поскорей,
Скоро я буду у милых дверей;
Там она ждет не дождется меня…
Только зачем же не видно огня?
Только зачем же замкнуто крыльцо,
Только зачем же мне вьюга в лицо?
Полно, нечистая сила, смущать,
Полно мне страшные речи шептать!
Чур меня, чур!.. Размахнулась рука —
Грянули тяжко затворы замка!
Отзвука нет — также в окнах темно.
Вдребезги стекла — разбито окно!
Стекла разбиты и — руки в крови…
Чур меня, чур! Никогда не зови…

1900 г.

387. ЯЗЫЧНИК

Язычник я — молюся солнцу,
Молюся ясным высотам,
Молюсь весне благоуханной…
Ищу — и Бога вижу там.

Люблю я солнце огневое
За то, что бедная земля
Идет вослед его и просит
Жизнь для цветов и для стебля.

Жизнь просит каждому созданью,
Жизнь просит зверю и воде…
Земля нас всех уничтожает,
А солнце жизнь дает везде.

И мне ль его не славословить,
И мне ли гимн ему не петь,

Чтоб вечно грело землю нашу
И чтоб земля могла нас греть!

1900 г. Февраль

388

Солнца луч, как гость минутный,
В тусклом облаке блестит.
Все прозрачнее снег мутный,
Все грустней весенний вид.

Ветки темны, ветки голы,
И, как отзвук похорон,
Равномерный и тяжелый
Колокольный льется звон.

Даль сереет мокрой сеткой
В отуманенном окне;
Тихо каплет дождик редкий,
Исчезая в белизне.

Скучно… В сердце отблеск бледный,
Грусть, похожая на сны…
Это утро нашей бедной,
Нашей северной весны…

1900 г. Март

389. ВЕСЕННЯЯ ТУЧА

Весенняя туча по небу плывет,
Весенняя туча темнит небосвод.

Деревья недвижны — и, кажется, ввысь
С молитвой вершиной они вознеслись.

Веселая птичка на голом кусте
Грозу накликает в счастливой мечте.

И вкрадчивым шумом, звеня и журча,
Ручей просит жадно дождя и луча.

И тихо, и кротко, угрюм и не жгуч,
Из тучи сребрится кочующий луч.

Все тихо, все полно надежды живой,
И в воздухе пахнет разрытой землей.

И ветер бежит, наклоняя ковыль,
И треплет кустами, завихривши пыль.

Захлопнулся ставень, сорвалась доска…
Окошко закрыла поспешно рука.

Вот капля упала тяжелым пятном,
И замер вдали прокатившийся гром.

И следом за каплей другая — и вот
Стремительно плещет кругом водомет.

Пузырятся лужи, сверкает гроза…
А в туче, сквозь траур, блестит бирюза.

390

Как бы расплавленный янтарь,
Сквозит заря;
То небеса зажгли алтарь,
Всё озаря.

Недвижны ветки — и оне,
Как их листва,
Стоят узором в вышине,
Что кружева.

И тихо все, и даль ясна…
О, если б мне
Такая ж ширь и глубина,
Как в вышине!

1900 г. Июнь

391. ГОРНИЙ ЗВОН

Я слышу горний звон в обители небесной;
Дрема меня долит. Я слышу горний звон,
И кто-то радостный, и кто-то бестелесный
Склонился надо мной, как ангел, окрылен.

Куда меня влекут небесные глаголы,
Святая благовесть из горней стороны?..
Мне жаль моей земли, мне жаль оставить долы,
Что плугом взрезаны, слезой напоены.

Мне жаль простой очаг, мне жаль своих пенатов, —
Пусть дольше длится бред болезненной земли!

Я жажду мирных дум, весенних ароматов
И полевых цветов, тоскующих в пыли.

Пусть дольше светит взор подруги утомленной
В усталое лицо, пусть дольше слышу я
То ласковый упрек, то леса шум зеленый,
То ветра буйный вой, то песни соловья.

Я грешен. С божеством меня смущает встреча;
Трепещет райских сил в тоске душа моя.
О, мирный, горний звон! Не смерти ль ты предтеча,
Не дальний ли отбой земного бытия?

392. ПОД МУЗЫКУ ОСЕННЕГО ДОЖДЯ

Темно, темно!.. На улице пустынно...
Под музыку осеннего дождя
Иду во тьме... Таинственно и длинно
Путь стелется, к теплу огней ведя.

В уме моем рождаются картины
Одна другой прекрасней и светлей…
На небе тьма, а солнце жжет долины,
И солнце то взошло в душе моей!

Пустынно всё, — но там журчат потоки,
Где я иду незримою тропой;
Они в душе родились одиноки,
И сердца струн в них слышится прибой.

Не сами ль мы своим воображеньем
Жизнь создаем, к бессмертию идя,
И мир зовем волшебным сновиденьем
Под музыку осеннего дождя!..

1900 г. Октябрь

393. ГРЕШНИЦА

Я так расстроена, я так расслаблена...
Ночь вся полна ароматной мечтой.
Смотрит в окно мое белая яблоня,
С ветром целуясь дрожащей листвой.

Будто под белой фатою, несмелые,
Звезды мне с неба мерцают едва...
Руки мои опустилися белые,
В мертвом молчании гаснут слова.

Нет ни молитв, ни слезы покаяния.
Чуждая миру — чужда небесам...
Можешь ли вымолить мне оправдание?
За оправдание сердце отдам!

Гатчина, 1900 г. Октябрь

394

Мне не спится; блеск алмазный
На окне мороз чертит,
Стук часов однообразный,
Не баюкая, томит.

Вспоминается былое...
И во тьму былых времен,
Как в знакомое, родное,
Я мечтой перенесен.

Помню птиц полет звучащий,
Сок по веткам пробегал,
Тихой рощей, темной чащей
Близ селенья я дрожал.

Жил и цвел кустом малины,
Слышал церкви перезвон;
Он гудел во мгле долины
И меня тревожил он.

Аромат кустов соседних
Тайной сказкою дышал...
Помню осень дней последних,
Я поблек — и умирал.

Стал я хворост; с легким дымом
Я исчез в огне костра,
И блуждал неуловимым
Вплоть до скучного утра.

Помню море, помню север;
Мутный плеск свинцовых волн...
Дикий мох и бледный клевер,
На песке рыбачий челн.

Я резвлюсь, босой ребенок;
В опрокинутый челнок
Забегаю, — сух и звонок
В лодку брошенный песок.

Помню, стал седым и старым
И погреться был я рад,
В час, когда пылал пожаром
Заалевшийся закат.

И у хаты я однажды,
Обратив к лучам лицо,
Вдруг ослаб... вздохнул от жажды…
И склонился на крыльцо.

И погас я... И не знаю,
Долго ль в мраке я блуждал;
Говорили: «умираю»,
Я же выше улетал...

Я проснулся в колыбели,
У иконы свет мерцал;
Надо мною песни пели —
Я опять был слаб и мал.

Я опять окреп и вырос...
Помню церковь и налой;
В полумраке ясный клирос,
Под венцом я со свечой...

Плоть, одетая в стремленье,
Мрак, пронизанный лучом...
Я живу, как привиденье,
И опять исчезну сном.

И, быть может, после жизни,
Приобщаяся к лучу,
Я к лазоревой отчизне,
Догорая, улечу.

1900 г. Ноябрь

395. ПЕСНЯ

Не тоскуй, не горюй
От зари до зари;
Не желай, не страдай —
Одиноким умри.
Не тебя полюбя,
Вечерами она
И сидит, и грустит
На крыльце у окна.
Не следи, не ходи

Безнадежно за ней
В эту сень, полутень
Темнолистных аллей.
Есть молва: любят два —
Третий будет грехом.
Две зари, а не три
Солнце водит кругом.

396. ОБИЖЕННЫЙ АНГЕЛ

В тоске последнего усилия
Он дочитал свой приговор, —
И опустил свои воскрылия,
И потупил стыдливый взор.

Померкло все. Природа дивная,
Вокруг лежащая венцом,
Еще недавно столь наивная, —
Теперь смотрела мертвецом.

И вот взошла заря румяная,
Запели птицы; и цветы
Одела риза златотканая, —
А он был полон темноты!

Напрасно вкруг его собратия
Летали с резвостью живой —
Он им не смел открыть объятия,
Объятый смертною грозой.

Его карала власть господняя;
Он низвергался к глубине —
И открывалась преисподняя
В багровом дыме и огне…

1900 г.

397. ПОЭЗИЯ — БОГ

Посвящается памяти А. С. Слуцкого

Когда его судьба не мучила сурово
И в небеса мечты волшебные влекли, —
Как часто повторял он с детства это слово:
«Поэзия есть бог в святых мечтах земли».
Тогда он жизнь любил и веровал так страстно
В поэзию, добро, в свободу и любовь,
Что даже родичи подшучивали властно
И на его восторг нахмуривали бровь.

Он с ранних лет стал петь все больше о небесном:
О вечности, любви, о грезах и цветах;
Он в мире не хотел исчезнуть неизвестным, —
Кончина ранняя вселяла тайный страх.
Наивный юноша, он думал, что со славой
Богатство и почет к нему вернутся в дверь, —
И вот чрез тридцать лет, с мучительной отравой,
С отчаяньем в груди, терзается теперь.

Меж тем как где-нибудь в заброшенном селенье
Счастливый юноша досужим вечерком
Восторженно твердит в его стихотворенье
Созвучья легкие, склоняясь над столом;
Меж тем как стих его, затверженный украдкой,
Девица юная строчит в альбом подруг
И говорит о нем в мечтах с улыбкой сладкой:
«Как счастлив, кто создал такой волшебный звук!
Должно быть, он красив, и смелым взором ясен.
О, если бы его увидеть, хоть вдали!» —
И это потому, что мир мечты прекрасен:
«Поэзия есть бог в святых мечтах земли».

А он, создатель строф, волнующих так нежно,
Певец восторженный любви и красоты, —
Нахмурен, голоден, одет всегда небрежно,
Не может выбиться из бед и нищеты.
Подруга, что, пленясь прекрасными строфами,
С ним разделяла жизнь, насмешливо ушла
И музу прокляла, игравшую сердцами, —
Затем, что бедностью истерзана была.
Ей надоело жить в священных недостатках,
Блестящей прозою с ума ее свели, —
И шепчет вновь она в алмазах и перчатках:
«Поэзия есть бог в святых мечтах земли».

Поэта же язвят то клеветой, то сплетней,
Укоры рвутся с уст и сердце боль щемит.
О, лучше б жизнь пройти глупей и незаметней,
Чем вечно ощущать позорный жар ланит.
Вот и теперь идет он городом огромным…
Вновь скоро Рождество и скоро Новый год.
Морозит. Снег хрустит, и силуэтом темным
Поспешно тень его озябшая идет.

Повсюду суета. Движение на рынках.
Пред конками толпы, разносчики кричат
И машут новыми журналами в картинках.
Весь в белом инее Александринский сад.

Здесь бюстов много есть писателей-собратьев.
Счастливые! Им нет забот земного дня,
И крепко держит их мороз в своих объятьях,
Но крепче их металл без крови и огня.

И, голову склонив, как бы пугаясь дали,
Певец «Светланы» здесь. Остановись, внемли!
Ты видишь письмена на сером пьедестале:
«Поэзия есть бог в святых мечтах земли!»

А дальше в золотом шеломе Исаакий,
Адмиралтейства шпиц вознесся, как стрела.
Мороз крепчает все... Торопится не всякий, —
И медленно толпа на Невский поплыла.
В редакции тепло. Свет льется из камина.
Конторщицы гремят «ренгтонкою». Часы
Уныло тикают. К нему идет мужчина,
Изящен, надушен, закручены усы.
«У нас довольно есть из вашего; к тому же,
Редактор обещал не помещать стихов.
Авансы не даем: дела у нас все хуже!»
Раскланялся, сказал «pardon» — и был таков.
И вот поэт опять на улице холодной…
Движенье, суета. Зажглись огни вдали.
И едут, и идут — и мыслит он голодный:
«Поэзия есть бог в святых мечтах земли».

Толкнулся в новую редакцию. В ней то же.
И подозрительно курносый господин
Смотрел через очки, как будто думал: «Боже,
Уже не сыщик ли от кружковых дружин?»
Зашел к приятелю; тот хмурится — без денег,
Бранит издателей, пальто стащил в ломбард,
Опять схватил бронхит, бродя весь день без кенег,
И не на что побрить проросших бакенбард.
И вот поэт идет к приятелю другому, —
Тот как сапожник пьян и потчует вином.
Напился и поэт, идет, шатаясь, к дому, —
И на ночлег попал он в полицейский дом.
Он бредит, он не спит, он брошен в яму волчью,
Косматые тела вокруг него легли.
И шепчет кто-то злой с иронией и желчью:
«Поэзия есть бог в святых мечтах земли!..»

Сочельник. В окнах свет; повсюду на витринах
Сверкает мишура для елочных прикрас.
Как шумно в улицах, как людно в магазинах!
Трамваи движутся... Уже десятый час!

Нет денег ни гроша у бедного поэта,
Все строго косятся, смущаяся его.
И в озлоблении он думал: «Песня спета!
Не нужен никому, не надо ничего!»
И, грустный, он пришел в холодную каморку,
Насмешливо глядят портреты со стены,
Как будто говорят: «Глодай сухую корку, —
Забудь, забудь свои осмеянные сны!»
И, в бешенстве рукой бессильно потрясая,
Бросает он в огонь тетради прошлых дней.
И говорит, смеясь: «Да, Муза дорогая, —
Поэзия есть зверь, пугающий людей!..»

А ночь уже плыла над городом блестящим,
Спокойно ночь плыла над льдистою рекой,
Плыла над рощами, светила мерзлым чащам,
Светила кладбищу усопшею луной.
И там, на небесах, в созвездиях Медведиц,
В лучистом бисере, в сверкающей пыли
Серебряных миров, услышал песнопевец:
«Поэзия есть бог в святых мечтах земли!»

398. ДЕКАДЕНТАМ

Бледная, с поблекшими чертами,
А в очах огонь безумных грез —
Вот она!.. Вокруг ее хаос
И жрецы с подъятыми власами.

Бьют они в горячечную грудь,
И вопят о чем-то непонятном;
Но не их кадилом — ароматным
Свежим воздухом пора вздохнуть.

Прочь, рабы, и прочь, князья уродства!
Душен ваш бесчувственный огонь...
Прочь, фигляры! Маску донкихотства
Пусть сорвет с вас дерзкая ладонь.

Нет, не гром вас Божий покарает —
Хохот черни злобно вас убьет...
Ваша Муза — как больной урод,
Что себя собою утешает!

Чернь дерзка, но искренна порой...
Ваша Муза — мумия пред нею...
И пророк грядущего метлой
Вас прогонит, с вами вашу фею,
Вашу Музу с гаерской клюкой.

399. МОЯ МУЗА

Лунного света недвижные полосы
    На пол легли,
В лунном сиянье, как в белой пыли, —
    Ты расплела свои темные волосы.

Знаю: ты муза моя белоликая,
    Муза моя!
Солнце и сумрак в тебе бытия,
    Счастье и мука великие…

Низко клоню свою буйную голову;
    Звуков хочу…

Звуков, подобных живому лучу, —
Арфу Эолову!

Что же молчишь, моя муза печальная?..
Сердца ль не тронет ничто?..
В близком нам мире еще разлито
Пламя сияния дальнего…

Только то пламя наш дух обожгло,
В дерзком смятенье сокрылося;
Ранней звездой закатилося,
Смелой волной утекло…

Что же сложила ты руки победные,
Бедная муза моя?..
Плачешь… Заплачу с тобою и я,
Тихая, грустная, бледная…

400. ВЕЧЕР

На сумрачных стенах закат сквозь зелень лета;
Движение теней в пятне янтарном света,
И за окном, в саду, птиц торопливый шум —
Все навевает грусть на усмиренный ум...
Еще не поздно, — нет! Но и не то чтоб рано!..
В вершинах поздний блеск играет как-то странно,
Черты раздумья вновь дерев приемлет сень,
К покою клонится завороженный день...
Там стадо пробрело, взметая пыль шоссе,
Вдали встает туман, и видно — быть росе...
Вечерний жук, гудя, поплыл в сырую мглу
И грузно шлепнулся, приникнувши к стволу.
О, тень вечерняя! О, нисходящий мрак!
Сомкнутый цвет гвоздик, раскрывшийся табак,
Умолкший щебет птиц, воскресший крик совы,
Отвергнутая мысль усталой головы,
И суеверный страх разбуженного сна...
И ночь... ночь близкая, а с нею — тишина!

Июнь. 1901 г.

401. В ПАРКЕ

Вхожу я в темные, печальные аллеи, —
Угрюмых сосен ряд повис передо мной,
Их ветки желтые, как выгнутые змеи,
Сквозят под мрачной бахромой.

Меж ними высятся, как свечи восковые,
Развесистых берез веселые стволы,
И липы бледные, и клены молодые
Свежи и холодно светлы.

Живет забвением, живет печалью мира
Природа кроткая, идущая ко сну;
И падает, шумя, древесная порфира,
И будит тишину!

Аллеи хвойные глядят с улыбкой сонной,
Как будто в трауре мерцающий венец,
И в тихом озере белеет отраженный
Малтийских рыцарей дворец.

Люблю я красоту развенчанной картины,
Искусство, смятое природою живой,
И гроздья спелые алеющей рябины
Над зеленеющей скамьей, —

Извилистых дорог красивые пригорки,
И камни мшистые у лестниц вековых...
Все тихо, все мертво... но сквозь вершины зорки
Просветы пятен голубых.

О, свет, о, небеса в дни осени смущенной!
Не вы ли колыбель готовите весне?
Свой пир готовите, свой праздник благовонный
И птицам, и любви, и мне!

Гатчина.
27 августа 1901 г.

402

Соловья звучали трели,
Вечер розовый не гас...
На скамье они сидели
У калитки в поздний час.

С ароматами черемух
Осыпался белый цвет;
Он искал в чертах знакомых
Неразгаданный ответ.

И бледна, и светлоока
Перед ним была она,

И ответ любви далеко
В сердце прятала весна…

Много лет промчалось мимо,
Много радости ушло,
И судьба неумолимо
Из любви взрастила зло.

После долгого страданья,
В вихре сумрака и бед
Горьким воплем покаянья
Прозвучал любви ответ.

403. НА ПОЛЮСЕ

(ДРАМАТИЧЕСКАЯ ФАНТАЗИЯ)

(Царь снегов.)
(Зима.)
(Льдины.)
(Северное сияние.)
(Мираж.)
(Призраки.)
(Молчание.)

ЦАРЬ СНЕГОВ

Мой трон блестит игрою звездной,
Когда, как кровь, алеет день.
Плывет дыханьем пар морозный
От ледяных его ступень.
Молчанье спит, не слышно эха,
Повсюду блеск и серебро.
И солнца шар, как бы ядро
Окровавленного ореха,
Горит в далекой вышине...
И я живу — и страшно мне!
Исхода нет...

ЗИМА

О, старец-царь!
Сюда от стужи я и скуки...
Меня знобит, трясутся руки...
О, подогрей зари алтарь, —
Дохни!

ЦАРЬ СНЕГОВ

Ах, я над ней не властен,
Она бледней — едва дохну...

ЗИМА

О царь, зажги тогда луну —
Ты к ней так нежен, так пристрастен.

(Заря гаснет. Восходит луна)

ПРИЗРАКИ

Безучастная святыня,
Вдохновенная луна!
Здесь морозы, здесь пустыня, —
Тишина и… тишина!
Мы не молимся, не плачем,
Одиноки и сильны,
Мы пути еще означим
В этот сумрак тишины!

(Зажигается Северное Сияние)

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Родилось, зажглось!
Мгновением живу —
Я светоч из хаоса
И сон я наяву.
Морозами умоюсь,
Растаю в вышине...
Моя отчизна — полюс,
И смерть моя в огне.

(Тает... Идут Льдины)

ЛЬДИНЫ

Нас побеждают!..
Покой наш разрушен.
Тают и тают,
И воздух нам душен!
Ломят нам спины
Парами, железом...
Бедные льдины, —
Трещим под нарезом.
О, горе нам, горе!
Кто-то с востока
Тянет нас в море —
Далёко... далёко...

(Даль озаряется электричеством… Слышно громыхание кораблей, в вышине показываются воздушные шары)

МОЛЧАНИЕ

Кто потревожил меня?!
Кто? — Я дремало от века!
Страшны мне грохоты нового дня,
Страшен напор человека!
Кто там тревожит меня?!..

(Является Мираж в заре забрезжившего утра. Вырисовываются в вышине башни, мачты кораблей, трубы. Проходят силуэты людей, едут повозки, мчатся всадники, проезжают орудия и развеваются знамена.)

МИРАЖ

О, пробудися, Царь снегов, —
Взгляни на вещую картину!
Твою морозную равнину
Шатают полчища врагов!

ЛЬДИНЫ

Мы девственно-чисты,
Мы нежно-светлы!
И белые сфинксы —
Медведи полярные —
В объятиях наших
Лежат целомудренно!
О, что от нас надобно?
Нас рушат, мы падаем,
Теснимся — и в натиске
Впервые озлоблены!
О, дайте Молчание
И мир неподвижности...
О, Призраки, Призраки,
Спасите!.. Мы рушимся!

(Призраки появляются в виде туманов и принимают очертания южных растений и зверей)

ПРИЗРАКИ

Мы ополчаемся,
Призраки властные!
Мы облекаемся
В ткани ужасные!
Где наши лилии звездные,
Тонкие иглы от инея?..
Где наши звездочки синие,
Пальмы на льдинах морозные?..
Мы облекаемся в трепет,

Нет у нас больше молчания!..
В нас пробуждается лепет,
Соки и жажда желания!

ЛЬДИНЫ

Хрусталь наш девственный,
Покров невинности,
Ужель омочите
Вы кровью алою?..

ПРИЗРАКИ

Нет, не мы!.. А те, другие, —
Чье дыханье веет тут, —
Ставят сети роковые,
Гонят, ломят и гнетут!
Ополчайтеся все силы
Наших северных ветров, —
И молчание могилы
Охраните от врагов!
В снежных безднах, в синих глыбах
Возмутите свой хаос —
И на бешеных изгибах
Бросьте вызов в царство гроз!..

(Налетают вихри, вздуваются Льдины, колеблется почва — и Молчание подымает смерч. Клубы волн врываются на полюс, рушатся ледяные горы. Вдали слышны вопли, звуки колоколов и набата. Океаны выступают из берегов.)

1901 г. Октябрь. Гатчина

404. ИЗ ДНЕВНИКА

Еще вчера благословил, —
Сегодня всё уже в раздоре,
И всё мертво, и в падшем взоре
Читаю ужасы могил.

Еще один печальный день
Записан кровью на скрижали,
Чтобы века его умчали
В свою безжизненную тень.

Еще одна в душе струна
Порвалась с грустным содроганьем,
И опечалилась молчаньем
Тревожной жизни глубина.

405. НОВОГОДНЯЯ ЭЛЕГИЯ

Не мир стал стар, не мир стал тесен —
Мечты состарился полет.
Ни новых лет, ни новых песен
Уже душа не признает.

Во дни весны, когда так нежно
Цветы являются очам,
Еще ведем мы счет прилежно
Весенним листьям и цветам.

А в дни блистательного лета,
При зное пышной пестроты
Не пробуждают в нас привета
Ни сень, ни новые цветы.

И осень ждем мы, без печали
Смотря на поздний злак долин,
И опечалит нас едва ли
Лист желтый, брошенный с вершин.

Мы ждем отцвета, бурь и снега...
И в жизни той же чередой
Под осень лет мы ждем ночлега,
Гордяся первой сединой...

406. ОСТРОВ МЕРТВЫХ

Здесь остров мертвых! Здесь навек
Находит пристань человек
В тот час, когда, смежив свой взор,
Земной теряет кругозор.
Здесь молчаливые гробы
Уснувших пасынков судьбы
Везет нахмуренный Харон
Туда, во мрак, где — тишь и сон!

И вот причалила ладья —
От мук земли, от бытия
К волшебной пристани своей,
В эдем неведомых аллей,
Где все — любовь, все — тишина
Нерасторгаемого сна,
Где страх неволен, потому
Что в смерти нет дорог ему.

Безмолвно дремлет пышный сад;
И тихий свет у балюстрад,
И алый отблеск здесь и там —
И в вышине, и по водам —
Скользит чуть зримый, как мираж,
Земных закатов чуткий страж!
И неземная благодать
Готова в лоно восприять.

Прозрачный мрак кругом навис.
За кипарисом кипарис
Пирамидальною стеной
Уходит к дали роковой,
Где, не сгорев, сквозит закат...
И в куще спрятанный каскад
По крутизне меж горных трав
Без шума прядает стремглав.

Цветы узорные кадят
До неги сладкий аромат;
Их белизны, их бирюзы
Не тронут крылья стрекозы,
Пчела не выпьет мертвый мед,
И легкий бабочки полет,
Как пух на бархате плаща,
Вдруг застывает, трепеща.

То край забвенья, край теней!
Без мрака ночь, день без лучей;
Среди безжизненных долин
Слиянье душ в аккорд один;
Очарование без мук,
Свиданья милых без разлук....
Там замыкает смерть без гроз
В стихию скованный хаос!

407. В МАРТЕ

Месяц на ущербе
Холоден и строг,
На веселой вербе
Матовый пушок.

Под корнями елок
Снег еще лежит,
С хвойных их иголок
Тонкий пар бежит.

На пруде подтеки,
Тает синий лед,
Небеса глубоки,
Ждут весны приход.

Звучен капель вешних
Монотонный шум,
И от дум нездешних
Тайно плачет ум.

408. ЭФИРЫ

Я иду тропой безвестною
Мимо облачных руин —
В неземную, занебесную
Область пламенных долин.

Ходят ветры, тучи белые
Тихо зыблются в дали,
Как знамена оробелые
Перед торжищем земли.

Дальше! Дальше, в глубь широкую,
В бездны тайные небес,
Где окутал ночь глубокую
Круг незыблемых чудес!

За звездами — звезды новые,
За мирами вновь миры —
Золотые, бирюзовые,
Негасимые костры!

И сквозь круги звездной млечности,
Сквозь эфирные пути
В сладкой жажде к бесконечности
Мне дорогу не найти.

Глубины лежат бездонные —
И по ним плывут, как мгла, —
В грезах — души нерожденные,
Несотканные тела!

Все они живут предчувствием
Задышать и расцвести;
Очи звезд своим сочувствием
Намечают им пути.

Ближе!.. ближе… вижу ткани я, —
Свет в них брызжет, дух и кровь!
И когда сожгут страдания,
Оправдает их — любовь!

409. ВЕЧЕР В РОЩЕ

Я был в роще. Спокойно дремала она,
Чуть береза шепталась с ольхой,
И, казалось, дышала вокруг тишина
Робкой грустью, могилой сырой.

Кое-где меж кустов, подле белых берез,
Как пигмеи, корявые пни
Не мечтали ль безмолвно, страдая без слез
По своей многолетней тени?

От зари заходящей косые лучи
Полосами легли на траве;
Улетали лениво на отдых грачи,
Остывала заря в синеве.

Слушал я колыхавшийся шорох вершин,
Я смотрел, как склонялись лучи,
И, сливаясь в таинственный голос один,
Все вокруг лепетало: молчи!

Я молчал и, казалось, во храме я был
У друидов, неведомых мне,
Где свершался обряд и от росных кадил
Аромат улетал к вышине.

Словно таинство кто-то в природе свершал,
Провожая алеющий день...
Кто-то страстно любил, кто-то тяжко вздыхал,
Чья-то бледная реяла тень.

И взглянул я на пень оголенно-сухой,
Там сидел притаившийся гном,
Словно тина, серели усы с бородой,
И, как ветки, рога над челом.

Он колени согнул, как влюбленный сатир,
Он в улыбку уста исказил,
И глядел, и глядел на меня, на эфир,
Вея тлением темных могил.

Содрогнулась душа, стало холодно мне...
Я не помню, что думал тогда...
А в далекой, прозрачной небес глубине
Загоралась лампадой звезда...

410. ДЕКАБРЬСКАЯ НОЧЬ

Умерший мир в объятиях зимы.
Горит луна морозною лампадой,
И клочьями растрепанной чалмы
Глубокий снег белеет над оградой.

Вся ночь светла, как нелюдимый день.
Всё — серебро, всё — белизна немая,
И от ветвей переплелася тень,
Волшебных змей и птиц изображая!

Бело, мертво... И дразнит светлота!
Как пух, одел блестящий снег березу,
И замерла ночная красота,
Прислушавшись к скрипучему морозу.

Безжизненна серебряная мгла,
Как зеркала холодного мерцанье...
Куда-то жизнь исчезла — и ушла,
И сам готов застыть, как изваянье!

Готов застыть, сливаясь с тишиной,
Как ризою, облечься лунным светом,
И вновь воспрянуть с первою грозой,
При шуме вод — восторгом и расцветом.

411. ИЗ ОКНА

Все снег и снег! Туманом белым
Покрыта даль. Кругом поля
Лежат гигантом помертвелым,
И бредит вьюгою земля.

Избушки снегом занесены.
Зима свой празднует разгул, —
И в плесках бури слышны звоны,
И завывания, и гул!

Гляжу спокойными очами,
Гляжу сквозь теплое окно, —
И, окрылен ее мечтами,
С холодной бурей заодно.

И, как ответ воздушным думам,
Поправ и вьюгу, и мороз,
Грохочет дерзко встречным шумом
К теплу бегущий паровоз.

412. РИСУНОК

Девочка долго бумажку чертила
И улыбалася кротко и мило, —
Черточки, точки, кривой полукруг...
— Что это значит, мой маленький друг?

Девочка тихо головку склонила.
— После увидишь! — ответила мило
И принесла мне рисунок потом
С ясной душою и с ясным челом.

— Видишь, какие картиночки вышли?
— Не понимаю: собачка ли, мышь ли?
Или лошадка, иль серый коток?
Что написала, скажи мне, дружок!

— Папа, какой непонятный ты, право!
Видишь, здесь ангелы Божьи направо,
Видишь, тут речка и райский цветок.
— Вижу, голубушка, вижу, дружок!

О, золотая невинность моя!
Может быть, так же мечтаю и я,
Может быть, так же прилежный мой труд
Глупые люди, смеяся, поймут.

413. ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Давно любви их ранней
Распалося звено.
Давно они любили
И разошлись давно.

Страдал он одиноко,
Встречая бремя бед;
Она с другим делила
Восторги лучших лет.

И встретилися снова
Раз осенью они;
Пылал закат, как факел,
На прожитые дни.

По роще, в хвоях сосен,
    Скользнули блестки стрел.
Он думал: как увяла!
    Она: как постарел!

Он «вы» сказать смущался,
    Она не смела — «ты».
И оба обрывали
    Последние цветы.

Им многое хотелось
    И вспомнить, и сказать;
По-прежнему смеяться
    Хотелося опять.

В ней сердце трепетало,
    И ныло у него, —
И молча разошлися,
    Не вспомнив ничего...

414. ЛУЧ

Сквозь расшатанные доски,
В щель сарая, в душный мрак
Ярко-огненные блестки
Проскользнули, как маяк.

И ложится желтой змейкой
На стене и на полу,
По доскам и под скамейкой
Луч, прорвавшийся во мглу.

Мимолетной песни звуки,
Жизнь, блеснувшая во тьме,
И от выстраданной муки
Мысль, рожденная в уме, —

Это также только пятна,
Только краткий отблеск в щель
Из природы необъятной,
Где один закон и цель.

415

«Весна, вперед, вперед дружней!» —
Кричит воробушек задорный,
И скачет он на ветке черной,
Встречая ранний блеск лучей.

Под снегом шепоты и звон,
Под снегом жизнь весны точится;
Слезится пруд, и с крыш слезится,
И гонит солнце зимний сон.

Уже малиновый ивняк
В пушок облекся бархатистый, —
То первый снег весны лучистый,
Как траур сосен, первый мрак.

416. В ДЕРЕВНЕ

Полдень солнечный. Всё тает.
Тает здесь и тут.
Петухи поют в деревне,
        Весело поют.

Вот уж близко, вот уж близко
Вешнее тепло.
В луже треснул лед, как будто
        Лопнуло стекло.

Вышли с уткою утята,
Топчутся в воде…
Мох на ветках зеленеет
        Ярче кое-где.

Тихо, ясно — точно в небе
Встретились, шутя,
Дед с улыбкой и с улыбкой
        Нежное дитя.

417. СУМЕРКИ

Синеет даль — вся бирюзовая,
        Из-за стекла;
В прозрачном сумраке столовая, —
        Покой и мгла.

В футляре маятник шатается,
        Он — как весы;
Былое с вечностью сливается —
        И бьют часы.

Деревья за окном скелетами
        Стоят, черны,
За их узорными просветами —
        Огонь весны.

Огонь зари вечерней светится,
И в тишине
К нам подойдет — и не заметится
Ночь в пелене.

И почерневшими тенётами
Всё обовьет...
Гори же дольше позолотами,
Небесный свод!

Не померкай, заря вечерняя!
И ты, весна,
Мои мечтанья суеверные
Испей до дна!

418. НЕЗДОРОВЬЕ

Свечи ль зажгут — лягут тени огромные,
Странные тени в углах.
Свечи погасят — и в комнаты темные
Крадется шепчущий страх.

Клонит ко сну — но дремота тревожная
Черный являет кошмар;
Что-то ужасное, что-то безбожное
Мозг обожгло, что угар.

Встанешь — как плети, лежат непослушные
Руки, и ноги болят.
Воздуха, воздуха! — комната душная…
Мучает жажда, как яд...

Долгая ночь, точно вечность глубокая...
Скоро ли белый рассвет?
Небо всё в звездах — немое, стоокое,
Смотрит мильонами лет.

Тихо узоры обоев сливаются...
Дума язвит, как стрела:
«Люди приходят и люди кончаются!»
Скоро ли кончится мгла?

День всепобедный, скорее!.. Мучительно
Жажду я видеть рассвет...
Что же так маятник ходит медлительно,
Точно движения нет!

419. КРУГОВОРОТ

Чувство, греза каждая,
Каждое желание
Угасает в радостном
Пепле мироздания.

Вспыхнет на мгновение,
Отпадет мгновением,
Насыщая смертного
Радужным видением.

И в пучине, дышащей
Злобой мира тесного,
Вновь погаснет искрою
В лоне Неизвестного.

И, встречаясь с бездною,
Как с былым предтечею,
С искрой зачинаемой
Радуется встречею.

И в текущей вечности
К свету приобщается
И опять мгновенною
Искрой зажигается...

420

Как чист, как ясен небосвод —
В нем облако не бродит.
В сосновой роще гул плывет,
Плывет — и не проходит!
И ветра нет, а смутный гул
Приник к холмистой дали,
И в стройных соснах потонул,
Как вздох чужой печали.

421–423. ВЕСНОЮ

<1>. СВЕЧЕРЕЛО

Свечерело. Диск огромный
Раскрасневшейся луны
Тихо выплыл. Сад нескромный
Принял блеск ее заёмный
В мрак стыдливой тишины.

Реют грёзы,
Реют сны!..
Тайно белые березы
Зыбкой дрожью смущены;
Дышат сладко-сладко розы
Под наитием луны…

Дремлют белые террасы,
И балкон открытый пуст.
И зори узорный куст
Темно-синие кирасы
Устремляет в глубь небес…
Дышит вечер… ждет чудес…
Ждет чудес, исполнен лени,
И зубчатою каймой
Пали тени
На ступени,
Озаренные луной...

<2>. ГРОЗА НОЧЬЮ

Темнеет ночь. Долит ко сну.
Идет гроза — вздымает пыль,
Идет гроза — мутит волну,
Шумят леса, шумит ковыль.
Огонь в избе потух давно;
По небу блеск воздушных стрел.
Тяжелый дождь стучит в окно,
И вихрь в трубе, как волк, взревел.
Уходит сон. Тоска в груди,
На сердце ночь, в очах слеза...
Весь свет, всё счастье позади...
Идет гроза, растет гроза!
Не молкнет буря на дворе,
Грохочет вихрь, рокочет гром...
И, точно крот в глухой норе,
Тоска в душе... Гроза кругом!..

<3>. ПОСЛЕ ДОЖДЯ

На кленах молодых еще слезой сверкает
Роса весеннего дождя...
Еще весенний гром далеко громыхает,
На запад отходя.

Обрызганный цветник стыдлив и ароматен,
Смежил цветы табак,
Между настурций он, как снег меж алых пятен...
И ждет вечерний мрак.

Еще светло... Но тень длиннее и длиннее.
Вечерняя заря
Гоняет косо луч... И длинная аллея
Прияла отблеск янтаря.

Горит вся золотом стеклянная теплица.
Как огненный рубин,
Сверкает дождь в листве... Но засыпает птица,
И сладок сон провеянных вершин.

Привет тебе, о вечер нисходящий!
Привет, прошедшая гроза!
Привет тебе, сверкнувшая над чащей
Небес стыдливых бирюза.

424. ГУЛЯНЬЕ

Ничтожный треск ракет грошовых,
Огни бумажных фонарей —
И это все у стен суровых,
У праха горделивых дней.

Толпа народа у обрыва,
Толпа народа вдоль аллей;
Березы старые красиво
Склонились зеленью ветвей.

И мнится — здесь у каждой ветки
От молчаливого стебля,
Дыша, глядят родные предки
Новогородского Кремля.

И рады — бледному веселью
Своих потомков и друзей,
Как молодому поколенью
Суровый воин прежних дней.

И дорог праздник им мишурный
Иных людей, иных времен, —
Так милы после схватки бурной
Нам лоскутки родных знамен.

425. ЗАКАТ

Серебристая луна взошла на небеса,
Безлюдье дремлет у оврага.
И солнце красное уходит за леса,
Как полный крови щит варяга.

Какой вокруг простор, роскошество и ширь!
Луга теряются в пространстве,
За светлым Волховом белеет монастырь,
В своем молитвенном убранстве.
Здесь Руси великой святая колыбель,
Здесь все объято стариною!
Но дышит юностью Давидова свирель,
Звуча божественной хвалою!

1903 г. 8 июня. Новгород

426

Пыль на улице; травою
Площадь поросла.
Вкруг зеленою толпою
Смотрят купола.

По безлюдным переулкам
Блещут огоньки;
Слышен крик в затишье гулком
С Волхова-реки.

Дремлет Новгород великий,
Дремлет тяжело.
Или грезит волей дикой,
Преклонив чело?

Или быль припоминает, —
Роковую быль?
И, зевая, поднимает
Уличную пыль.

1903 г. Июнь.
Новгород

427. РОМАШКА

Звездный цвет ромашки белый
С детства раннего мне мил.
В пыльном городе я часто
Цвет лучистый находил.
На дворе лесном, где ныла
Острозубая пила,
Меж досок звезда ромашки
Взор младенческий влекла;
Вызывала радость жизни
И улыбку на устах
Эта желтая коронка,

Как в сиянье, в лепестках!
И теперь, когда отцветом
Уже жизнь моя грозит,
Дорог мне ромашки белой
Улыбающийся вид.
На задворках деревенских,
У заброшенной гряды,
Под мостом люблю я встретить
Белый цвет ее звезды.
Вызывает грусть, и радость,
И улыбку на устах —
Эта желтая коронка
В белозвездных лепестках.
Точно пламенем на снеге
Припечатано письмо, —
Где хранится в звучной сказке
Детство милое само!

1903 г. Июнь

428

Гроза смолкает. Гневным треском
Еще рокочет дальний гром;
Еще порой мгновенным блеском
Все озаряется кругом,
И в нашей комнате так бело
В июньский вечер... Здесь и там
Порою молния несмело
Чертит зигзаги по стенам.

Гроза смолкает. Отворили
Окно, — омыто все дождем,
Нет прежней тяжести и пыли,
И пахнет влажным цветником.
И, разбросавшися в причуде,
Ползут сквозные облака, —
Как будто полосы на блюде
Из пены вывела рука.

1903 г. Июнь.
Новгород

429. НА ВОДЕ

Пароход стучит и плещет,
Рассекая муть волны;
Солнце радостное блещет
Из полдневной вышины.

Вдалеке остался город,
Купола одни блестят.
Вечно девственен и молод
Влажный озера наряд.

Видны белые березки
На зеленой крутизне,
И серебряные блестки
Точно иглы — на волне.

Чайки реют и купают
Белоснежное крыло;
Берегов они не знают, —
Им просторно и светло!

О, любимицы свободы!
Чист и тих воздушный путь —
И баюкают вас воды,
Точно любящая грудь!

1903 г. Июль.
Новгород

430. ЗНОЙНЫЙ ПОЛДЕНЬ

Небо землю обвило свинцовым шатром.
Далеко, далеко до грозы.
На траве, раскаленной полдневным лучом,
Металлический звон стрекозы.

Дремлет рожь, наливаяся тучным зерном,
И невинно глядят васильки.
И как будто всё спит утомительным сном,
Изнывая от мирной тоски.

Молчалив и недвижен синеющий лес;
Солнце жжет и томит горячо,
Только парус, белея на склоне небес,
Говорит, что есть бури еще!

431

Вот он, Новгород, где Грозный
Иоанн ломал щиты!
Это Новгород великой,
Безысходной нищеты.

На холмах его отлогих
Спит под солнечным лучом
Много странников убогих
И пропоиц босиком.

Сломан стяг его победный.
Он заброшен и забыт.
В рабстве — гордый, в духе — бедный,
Он смиренный принял вид.

Убаюканный святыней,
Видит призрак божьих снов,
Где звучит из выси синей
Ровный звон колоколов.

30 июля 1903

432

Дорога из плакучих ив, —
Куда ведет дорога эта?
При блеске радостного лета
Угрюмый вид ее красив.
Как будто Дантовского рая
На ней померкшие черты…
Молчат деревья, наклоняя
Свои сребристые листы.
Как будто трепетные пальцы
Миллионов рук, они висят,
Кривые сучья, как страдальцы,
Недвижно корчася, торчат.
Не в царство ль сна дорога эта?
Вон крест сияющей главы…
Кресты и насыпи… Увы,
Здесь только ты, чья песня спета.
Покой здесь мертвых молчалив!
И даль, могилами объята,
Гласит: отсюда нет возврата
Ни в царство снов, ни в сумрак ив!

1903 г. Июль.
Новгород

433. СОФИЙСКИЙ СОБОР

(В НОВГОРОДЕ)

Софийский храм, молчанием объятый,
Таит века, как отзвук дальних гроз.
Там в куполе с десницей веще сжатой

Меж ангелов взирающий Христос.
Там сон царит, но жизни сон победный,
И он, как мать, любовно восприял
Ступени ниш, — их сумрак заповедный,
И светлых рак мерцающий металл.
Здесь места нет для вас, людские слезы!
И с радостью взирают со стены
Архангелы крылатые, как грезы,
Как девичьи, задумчивые сны.
Над сатаною Бог владыкой старшим
Здесь держит мир и правый суд творит,
И балдахин над местом патриаршим
Великое безмолвие хранит.
Кто б ни был ты, войди сюда, — и минет
Твоя печаль… И с горней вышины
Дух снизойдет и в вышину подымет
Святой восторг и ужас старины.

434. ТУМАННЫЙ ДЕНЬ

Туманный день,
Всё — полутень,
Всё мокрый снег
И дождь косой...
Печальный день, —
Тоска и лень,
И ждет ночлег,
Как дар благой.
        На свод небес,
        На черный лес
        Уныло лег
        Тяжелый креп.
        И луч исчез,
        И свод небес
        Поля облек,
        Как мрачный склеп.
Мой милый друг,
Забыв недуг,
Поговорим
У камелька.
И с сердца вдруг,
Мой нежный друг,
Как легкий дым,
Уйдет тоска.
        Весь этот день
        Хандра и лень,
        Тоска… мечты...
        Слова... дела...

Весь этот день —
Мгновенье, тень,
Чад суеты,
В огне зола!..

435. ВЕСЕЛЫЙ ДЕД

(ПАМЯТИ Н. А. НЕКРАСОВА)

Ходит дедушка Мороз
Закоулками,
Леденистыми оброс
Он сосульками.
Поджидает молодиц
Он за хатою,
Отряхая с рукавиц
Снег лопатою.
Молодицы не идут —
В избах греются;
Знают — дедушка-то крут, —
Не надеются.
Шепчет дедушка Мороз:
«Сладко ль в стуже вам?..»
Опушил концы берез
Белым кружевом.
Чертит тонкою иглой
На окошечке
Одуванчик ледяной,
Звезды-крошечки.
Тешит маленьких ребят,
Тешит девушек;
Развевает дым из хат,
Студит хлебушек.
Он не раз в полях людей
Забаюкивал,
Как похаживал смелей
Да постукивал.
Костыли-то у него
Все железные,
Вечера под Рождество —
Все любезные.
Станет бабушек смешить,
Парней радовать,
Брагу ковшиками пить
Да колядовать.
Станет суженым бродить
Под овчиною;
Станет девкам ворожить
За лучиною.

Вспыхнет вечером зарей
        В небе палевом
И угаснет за горой
        Алым заревом.
А едва-едва слетит
        Ночь крещенская,
Вся дорога заблестит
        Деревенская.
Искры по снегу пойдут...
        И — непрошены —
Звезды частые блеснут,
        Что горошины.

436

Нам тяжко в этом мире скорби, —
И ум стремится наш за грань,
Храня, как нищий в бедной торбе,
С небес оброненную дань —
Скупой запас духовной пищи —
И тщетно истину зовет!
Мы так же трепетны и нищи
И недоступны для высот.

И здесь ли радости небесной
Святые крылья развернуть,
Где все проходим путь мы тесный,
Чтоб отыскать просторный путь?
Здесь, где гонимые пророки
Вещали скрежет и позор,
Где вечно будем одиноки,
Какой ни ждал бы нас простор.
Где недомолвленные речи
Казнятся дерзкой клеветой
И гаснут люди, точно свечи
Перед восточною зарей.

437. В ДОРОГЕ

Мой голос слаб, мой факел темен,
Иду неверною ногой.
А ночь глуха, а мир огромен,
И смотрят звезды надо мной.

Где сеять мне? Какое семя?
Кого мне зернами питать?
Господь, пошли иное время,
Чтобы посеять и пожать.

Вокруг безлюдье! Свились тени
Глубокой тьмы, как щит врага.
Слабеет взор, дрожат колени,
Скользит над пропастью нога.

О, Боже мой, внемли страданьям
Души, идущей за Тобой;
Не усыпи ее молчаньем,
Но разбуди ее грозой!

438. ПО ВЕСНЕ

Вновь растаяли снега…
С веток падают сережки;
Виден оттиск сапога
На сыреющей дорожке.

На канавках поутру, —
Где листва, и гниль, и стружки, —
Вновь зеленую икру
Мечут, уркая, лягушки.

И, встречая голубой
Вешний день, как из оконца, —
Подорожник молодой
Робко выглянул на солнце.

И, над грядами кружась,
Вновь капустницы летают…
Побелела в ямах грязь,
Огороды просыхают.

Все поет сиянье дня,
Люди любят и смеются…
Только в сердце у меня
Львы с пантерами дерутся.

1904 г. Май.
Старая Русса

439. САМОМУ СЕБЕ

(АКРОСТИХ)

Флаг жизни я омыл слезами!
О, это лучше во сто крат
Фортуны, избранной друзьями,
А также роскоши палат.

Не всем же жизнью увлекаться,
Обман тщеславия любить,
Волненью сердца отдаваться,
Умом — блаженствовать и жить!

1904 г. Июнь.

440. ПАМЯТИ АНТОНА ЧЕХОВА

Как скоро смерклося! А я не дочитал,
Еще не дочитал последние страницы,
Где жизнь — ничтожество, и смутный идеал
Так не похож на небылицы.

Что было бы в конце... не знаю, не пойму, —
Огонь в кремне иссяк, унесена лампада,
Но только с первых строк, как луч в сырую тьму,
Блеснула тихая услада!

Мне грустно и тепло! Заплакать — нет слезы!
Вздохнуть — но грудь и так разорвалась от вздоха...
Вот повесть бытия без воплей и грозы,
Но и без смеха скомороха.

Я только что хотел вникать в глубокий ум,
И только вызвали мне пестрые страницы
Виденья тихие и рои тайных дум —
Как холод опахнул гробницы!

Стемнело… Мрак вокруг… а дома нет огня.
Не слышно шепота, ласкающего ухо…
И книгу я закрыл... и жду другого дня,
А сердце бьется глухо, глухо!

441. ВЕЧЕРОМ

Затих наш городок в прозрачном покрывале;
В пустынной улице вечерние огни,
Как пятна желтые, из окон засверкали, —
И грезит все, и спит в застенчивой тени.

Дрожащим выскрипом гармоники печальной
Нарушено на миг затишье пустыря,
И полночь пробило на колокольне дальней,
А все горит упрямая заря.

Сквозь ветки темные, — она блестит отсветом,
Как юность нежная в глубь старости седой;

Последний луч еще горит в мерцанье этом,
Последний звук еще царит над тишиной.

Как много горести в вечернем аромате,
Как много свежести в пловучих облаках…
Родится скоро день в немеркнущем закате,
Растает скоро ночь в нетающих лучах.

О, краткий полумрак, вечернее дыханье!
Глухие шорохи, ночные огоньки, —
Исчезнете и вы, как сон очарованья,
Ко дню грядущему для смуты и тоски!

1904 г. Июль.
Старая Русса

442. ПЕСНЯ

Месяц полный светит ясно, —
Благодать!
Но напрасно, —
Я несчастна,
Мне не спать.

Ночь неслышно чуть к порогу
Подойдет;
Слава Богу,
Понемногу
Все уснет.

На крылечко проскользну я, —
И в саду —
Ждать, тоскуя,
Поцелуя
Я пойду.

Пусть дрожат мои колени —
Все равно!
Он в сирени,
В полутени,
Ждет давно.

Поцелует он украдкой
Мне плечо.
«Что, касатка?» —
Скажет сладко,
Горячо.

Обовьется нежно шея —
Я склонюсь…
И, бледнея,
Пламенея,
С ним сольюсь…

443. В АЛЬБОМ

Есть духа два; один, подобно Марфе,
Печется век о суетных делах;
Другой Марией, с блаженством на устах,
Глядит на небеса и внемлет Божьей арфе.

Во власти их мятежный человек, —
Два духа с ним… И счастлив, кто не судит
Того, кто в суете проводит трудный век,
А также и того, кто небу верен будет.

444. ЛАНДШАФТ

На желтизне откоса
Мелеющей реки
Ложатся тени косо
От ив на челноки.

Хромая, чрез ухабы
Идут к воде с утра:
На коромысле бабы
Два плещутся ведра.

И, тяжело ступая,
Лошадка с возом вброд
Чрез речку, как больная,
Едва-едва бредет.

И полог неба ярок…
И выстрел за рекой
Спугнул крикливых галок,
Помчавшихся толпой.

Старая Русса.
1904

445. НЕКОТОРЫМ

Желать и петь, любить и славить
Мы были прежде рождены,

Но что еще хотим прибавить
В свои рассеянные сны?

Мысль, унесенную далеко,
Почти за тридевять земель, —
Где слух молчит, не видит око, —
Где нашей смерти колыбель.

Мы рвем запретного нам древа
Плоды и пестрые цветы.
И стон размеренный напева
Все ищет новой красоты.

А красота — вот здесь, пред нами,
В разливе рек, в тени дубрав,
Под всемогущими лучами
И в аромате вешних трав.

Вот здесь, — в спокойном этом взоре
Глубоко любящей души
И в этом терпеливом горе
Без жалоб гибнущих в глуши.

Здесь красота… Чего же надо,
Еще какую красоту?..
Но сердце чувствует — и радо
Увидеть новую мечту…

1904 г.

446. СВЯТОЧНОЕ

От огня веселого
Да от слова смелого
Растопилось олово
Чище снега белого.

Не ушло ни чуточки,
И из кома смятого
Вылилось на блюдечко
В ангела крылатого.

Все мои страдания
Горше мира тесного —
Вылило гадание
В образ бестелесного!

447

«Тебя поймут, тебя поймут! —
Мне шепчет голос сладкий, —
И тихих дум певучий труд
Тогда глупцы не назовут
Туманною загадкой!»

Меня баюкает тот зов,
Тот зов надежды сладкой…
Я снова свеж, я вновь здоров,
Я верить истине готов,
И плачу я украдкой.

Светло в душе, тепло в уме,
Теплей в природе милой,
И точно луч в сырой тюрьме,
И точно свет в кромешной тьме,
Мне жизнь сияет силой.

Бодрей струится в жилах кровь,
Слезами умиленья
Уже приветствую я вновь
Весну, восторги, и любовь,
И праздник возрожденья!

448. ЛОМКА

Ломка! Новая Россия
Из развалин — старых груд —
Появилась как стихия,
Люди грабят, бьют и жгут.

И померк Восток наш Дальний
С блеском царского венца
Перед новой наковальней
Рокового кузнеца.

И кузнец тот — поколенье,
Народившееся вновь,
Новой мысли откровенье,
Новой жизни плоть и кровь!

Прикоснувшись к старым ранам,
Поколеблет, потрясет,
Пронесется ураганом
Новой жизни смутный ход.

И, сметая пережитки,
Предрассудки старых дней,
Развернет на новом свитке
Торжество иных идей.

И, как феникс величавый,
Из мгновенного костра
Русь воспрянет с новой славой
В час свободы и утра!

449

В мире душно, и позорно,
И обидно жить.
Обрывается покорно
Быстрой Парки нить.

Что цвело — того не станет,
Всё оденет тьма;
И за гробом нас обманет
Даже смерть сама.

Поколения другие
Нашу жизнь сметут;
Кратки помыслы святые,
Жалки мысль и труд.

Всё пройдет и всё обманет...
Жалок, кто живет,
Жалче тот, кого не станет
В омуте забот!

450. ЭЛЕГИЯ

Склонилась жизнь моя к закату;
Я слаб, я чаще нездоров.
Иду по смолкнувшему скату
Завечеревших берегов.
Воспоминаний нет со мною,
Зачем их праздные листки? —
Они полны печальной мглою
Обид, позора и тоски!
Прощаюсь с днем без сожаленья,
Встречаю вечер без слезы.
Молю я сил, молю терпенья
Навстречу будущей грозы.
Иду, погоду замечая,

Потупив грустное чело;
Далёко туча грозовая,
Закатом небо обожгло.
А там, где смерклось на востоке,
Вокруг оплаканных жилищ, —
Я вижу пламенные строки
Пожарищ, битв и пепелищ!

451. НА ЗАРЕ

Все пело, ликовало,
Смеялось и светило;
Мечта моя играла,
И весело мне было.

Под тощею осокой
У трепетной речонки
Русалки белоокой
Мне хлопали ручонки.

В лесу мне сон являлся —
Дриад грозился пальчик,
И в ландыш превращался
Оброненный бокальчик.

Я слышал звон и шелест
В траве, в цветах знакомых,
Дышал мне хрупкий верест
Трудами насекомых.

И много околесиц
Невыразимой были
Мне ткал волшебный месяц
В своей лучистой пыли.

И синие стрекозы,
Как будто бы жар-птицы,
Качалися в час грезы
На усиках пшеницы.

И ты, родная, прежде
Была ведь не такая, —
В лазоревой одежде,
Как фея неземная!

И всё тогда играло,
Всё пело, всё светило, —

Зачем того не стало,
Что прежде в сердце было?

452. ЗИМОЙ

Тишина. Снега в долине.
Месяц в мирной половине
Наклонился над землей.
Редких звезд сверкают глазки,
И хрустальные, как в сказке,
Дерева свои подвязки
Опустили с бахромой.

В белоснежной зимней ночи
Неподвижность видят очи
Да луны полукольцо.
Прохожу немую степь я —
Всё полно великолепья,
И алмазные отрепья
С веток падают в лицо.

Всё в беззвучном бреде дремлет.
Сердце спит. Оно не внемлет
Полумертвой тишине.
Дремлет разум молчаливо,
Но природа боязливо
Притаилась — и ревниво
О забвенье шепчет мне.

453. ВИДЕНИЯ

Прочь от меня, виденья роковые!
Не жгите глаз в бессоннице ночной,
О, знаю я, — вы силы молодые,
Разбитые враждебною грозой,
Как пышный злак тлетворной саранчой.

Но что могу я сделать вам, ничтожный, —
Как вас спасти и как беде помочь?
Молиться ли молитвою тревожной,
Заплакать ли?.. О, нет — летите прочь!
Я изнемог, я трепетал всю ночь.

Прочь от меня, кровавые виденья!
Иль мозг сгорит от вашей суеты,
От этих корч, проклявших Провиденье,
От этих мук мятущейся мечты,
Где только ад, — ни тени красоты.

Я вас люблю, — вы мне давно знакомы!
Я чувствовал, предвидел и скорбел,
И сам в душе я жаждал эти громы.
Они пришли! — я в страхе побледнел,
А сам еще недавно их так пел!

Нет сил, нет слов, и даже слез ненужных,
Когда от крови зарево всю ночь,
Когда так много падших и недужных!
Видения, скорей летите прочь!
Я вас люблю, но нечем вам помочь.

454. В ГОРЕ

И шум, и грусть в родной столице.
Мой младший брат сидит в тюрьме,
Моя жена лежит в больнице,
При этом не в своем уме!

Две дочки сданы по приютам,
А старший сын — совсем дурак —
Мне угрожает или кнутом,
Или под нос сует кулак!

Моя же Муза, в самом деле,
Дрожит, как люди под замком, —
Или в редакторском портфеле,
Или под цензорским ножом!..

Гатчина, 1906 г. 23 сентября

455. «СЕРДЦЕ СПИТ…»

Сердце спит в ночной тени,
Сердце шепчет: «Отдохни, —
Будут радостные дни
　　　　　　　　У поэта!»
Ночь темна, печаль — темней,
И стучатся у дверей
Сонмы вражеских теней
　　　　　　　　До рассвета…

Я хотел бы отдохнуть,
Всё забыть — и ноет грудь,
И туманный виден путь
　　　　　　　　Без привета.
Где найду я свой конец?

Где приму иной венец?..
Но и небо, и Творец —
Без ответа!..

456. СТРАЖ

На грани неба и земли
Стоит в броне воздушный воин.
Он — страж, а мир так беспокоен,
Поруган в крови и в пыли.
Но все ж к нему стремятся тени
С горячей жаждой посмотреть,
Как надо мыслить и терпеть,
Какие перейти ступени.
И каждой тени в мир земной
Дает страж оклик: «Для чего ты
Идешь? Какие ждут заботы?
Какою мучаем душой?»
И все дают ответ несложный:
«Мы жить хотим, пугает тьма,
И в бездыханности ума
Есть ужас горький и тревожный».

И все идут... и много их...
И нет конца движенью к свету,
Идут, тесняся, на планету,
Полны зачатий молодых.
И страж их всех благословляет,
Кладет на груди их печать;
И жизнь не смеет угасать,
Пока тот страж не угасает.

457. НОКТЮРН

Воздушно и пышно,
Подкрались неслышно
Виденья ко мне,
Их много, так много,
Что свет у порога

И пламя в окне!
Но в хоре видений,
Как ласковый гений,
Мне мило одно:

Над бедной кроваткой
С улыбкою сладкой,
Светло и бледно,

Лицо молодое,
Блаженством святое,
Склонилось... и мне

Так больно, так больно!..
Я плачу невольно, —
Ищу в старине
Знакомое что-то...
Мерцает киота

Лампадой святой.
Лицо молодое,
Страданьем больное,
Тоскует со мной.

И тихо мы оба
Склонились у гроба,
И оба молчим...
Напрасны рыданья —
Всё в жизни страданья,
Всё пепел и дым!

458–460. ПЕСНИ ЗАКЛЮЧЕННОГО

I
ВСТРЕЧА

Как в чудном сне арабской сказки,
С тобою встретились мы вновь,
Вновь для разлуки, не для ласки,
Мое блаженство и любовь!

Взглянули мы друг другу в лица,
Благословляя потому —
Ты первый шаг свой из больницы,
Я первый шаг в свою тюрьму.

У нас судьба волны капризней,
Но не робеем мы пред ней.
Есть много также грустных жизней,
Но вряд ли есть еще смешней!

12 января 1907

II
КАМЕРА

На стене рисунок чей-то,
Точки, профили зверей…

Коридор звучит, как флейта,
Из отверстия дверей.

За окном — решетки, точно
Клеть курятника; кругом
Всё высоко, плотно, прочно,
Свод — что грот под потолком.

Только легкие тенета
У окна и по углам, —
Разве мушек здесь без счета,
Что так любо паукам?

Да к тому ж теперь не лето,
Паутина здесь вокруг,
Наспех символ создал этот
Очарованный паук.

III
ИКОНА

В мое окно глядит луна,
Тень от решетки пала резко…
Но тяжелее мне от блеска,
Как в день похмелья — без вина…

Луне готов бы я молиться:
Она, как образ, — и вокруг
Ее чела морозный круг,
Как бы сияние, ложится…

К тому ж, не видно здесь икон, —
А эта светлая икона
Глядит так кротко с небосклона,
Что, право, я в нее влюблен!

1907 г. Январь

461–463. ПЕСНИ УЗНИКА

I

Лежу и слышу голос дальний, —
О милой воле он поет,
Но всё протяжней, всё печальней,
Как только может петь народ.

И мыслю я: зачем стремленья?
Зачем и воля, и борьба,

Когда замки темниц и звенья
Ковать раб должен для раба?

Быть может, голос этот самый
Такую ж песню напевал,
Когда решетчатою рамой
Окно тяжелое скреплял —

Когда непойманною птицей
Он клал кирпич за кирпичом
И над такою же темницей,
И над властительным дворцом.

II

Нет! Это, нет, — не дни — кошмары!
Больные, призрачные сны!
Далекий гром небесной кары
Из недоступной вышины!

Гляжу вокруг с тревогой смутной, —
Что день — то горе иль позор!
Я жизнь свою, как сон минутный,
Прервать хотел бы с этих пор…

Но кто-то, гению подобный,
Поет о новой мне заре,
И, отводя с плиты надгробной,
Жжет фимиам на алтаре.

III
В ЗАКЛЮЧЕНИИ

За решеткой окно...
Сырой, каменный пол
Ты измерил давно,
Много раз обошел.

Вот железная дверь,
Вот с решеткой окно, —
Мерь шагами и мерь.
Хоть измерил давно.

Много раз ты прошел
И не сбился досель...
Хоть отбросить бы стол,
Переставить постель!

Но привинчено всё!
И в окне небосвод,
Как в ходу колесо —
Все плывет и плывет.

Взглянет день — синева,
На закате — пожар,
Ночь — крадется едва,
Тень с углов и от нар.

Тяжело — и легко,
Созерцаешь себя.
Где-то там, далеко,
Уж не ждут ли, любя?

1907 г. Январь

464. ТЕРПЕНИЕ

Коль призван жить — твори и мысли,
И беды все переживи,
И все страдания исчисли
Во имя Бога и любви.

Не умирай от испытаний,
От тяжких будничных забот.
Есть много светлых заклинаний,
Могуч терпения полет!

Терпенье вечности подобно:
Оно и так же холодно,
Спокойно так же и незлобно,
И так же с небом заодно.

465. ДВЕ БУРИ

Отшумела вьюга ночи,
Был широк ее разбег;
Высоко стоят сугробы,
Всюду белый снег.
И вослед морозной буре
Тихо встал морозный день.
Он в тумане, точно в дыме
Догоревших деревень!
То ли дело буря лета! —
Шумный ливень и гроза…
Чуть пройдет — улыбкой вспыхнет
Неба бирюза.

Смолкла… стихла… отшумела.
Смотрит солнце с высоты
На поломанные ветки,
На измятые цветы;
И в лазури, где недавно
        Бегал синих молний хвост, —
Яркой, радужной дугою
        Перекинут мост…

1907 г. Январь

466

Я весла опустил, плыву я по теченью
Всё дальше, дальше — вниз, и недалек к паденью,
Где злой круговорот бесчувственной волны
Всё шире яму вьет из влажной глубины.

Я падаю почти, я изнемог, я стражду!
Но всё не гибели, а жизни больше жажду, —
И перед бездною шумящею пучин,
Как прежде, остаюсь оставлен и — один!

Где силы взять еще для бешенства невзгоды?..
Я знал печальные, мучительные годы,
Но хуже я не знал жестокого мгновенья.
Я весла опустил!.. Паденье — так паденье!

467

Одев наряд пасхальный,
Вся яблоня в цвету,
И чей-то голос дальний
Сквозь небосклон хрустальный
Зовет на высоту.

Просохшие канавки
Травою зацвели;
Летят к зеленой травке
Гудящие шмели.

Все весело, все ясно...
Я вижу: вдалеке
Сияет запад красно,
И с парусом согласно
Трепещет зыбь в реке.

За рощею соседней,
Что облако — луна...
Привет, о луч последний,
Привет тебе, весна!

468

Чудный день сегодня!
Солнце так и брызжет
Золотым потоком
Ласковых лучей.
Речка светлой зыбью
Точно бисер нижет:
Искрится, трепещет
Между камышей.

Дальний лес без тени
Под зеленой дымкой;
На полях желтеют
Первые цветы.
Жаворонок звонкий,
Рея невидимкой,
Рассыпает в поле
Трели с высоты.

Дышит грудь вольнее,
Я иду по полю;
В сердце слышен — точно
Благовест весны!
Зазвените струны,
Про любовь и волю,
О краях, где снятся
Розовые сны!

1907 г. Апрель

469. ЭКСТАЗ

Прощаюсь с миром
И умираю...
Я понемногу
На полпути.
К своим кумирам,
К святому раю,
В обитель Бога
Хочу идти!

Здесь всё обманы
И всё насилья,
Тоска и злоба,
Вражда и кровь.
О, дайте крылья,
Мои тираны,
Лететь до гроба,
Чтоб верить вновь!..

За гробом — счастье,
Конец страданью,
Венец забвенья —
Венец любви…
Творец участья,
Святою дланью,
Господь терпенья,
Благослови!

470

Грустно стучат, похоронную дробь выбивая,
В опустелом покое часы у меня;
Сердце дрожит, всё дрожит и дрожит, не смолкая,
И так больно и странно, и, кажется, ночь вместо дня…

Дождь все шумит, похоронную дробь выбивая;
Часто по крыше шумит, — точно клювы косматых ворон
Силятся кров мой разрушить… О, дерзкая черная стая!
Это — не ты, это — сердца унылого стон…

Сердце стучит, похоронную дробь выбивая, —
Дождь не смолкает, и маятник грустно стучит…
Жизнь, ты уходишь, — уходишь, любовница злая!
Смерть догоняет тебя и так страшно, так страшно молчит!..

1907 г. Май

471

Последних дум, последних лет,
Последних песен переливы,
Капризы, вольны и игривы,
Еще несут душе привет.

Еще порой в блаженстве нежном
Мечта пророчит ясный день,
Хотя сомнением мятежным
Все гуще, гуще жизни тень.

Так в осень дни темней, короче, —
Зато цветы пышней тогда,
И в темноте осенней ночи
Светлей вечерняя звезда!

472. ЮНОЕ УТРО

Под окном кусты сирени,
На дорожках влажный след;
В полусвете, в полутени
Проскрипевшие ступени,
Поцелуи и привет…

Белокурая плутовка,
Щечек розовый огонь,
Гневно сдвинутая бровка
И склоненная головка
На горячую ладонь…

473

Я иду, вокруг — всё избы,
Всё луга, поля вокруг.
Через тощий палисадник
Балалайки слышен звук.

Ночь июньская прозрачна,
Полный месяц без лучей.
Тянет запахами сена,
Сладким клевером полей.

Трели поздние зарянки
Где-то сыплются в кустах;
Веет что-то молодое
В пробудившихся мечтах.

Месяц — точно одуванчик
В степи неба голубой, —
А из трав, в сырой канавке,
На него глядит другой…

474. В САДУ ЛЕТОМ

В полдень, знойный и лучистый,
Или в сумрак, в час зарниц, —
Приходи в мой сад душистый,
В сад акаций и теплиц!

Что ни день, в нем перемена,
Пестрых красок хоровод:
То ползучая вербена
Звездным бисером цветет;

То раскроет пурпур флокус,
Закивает сонный мак,
Где шара зеркальный фокус
Отражает свет и мрак.

Пчелки, резвые шалуньи,
Над куртинами жужжат,
В алых рюмочках петуньи
Собирая аромат.

Плющ обвил балкон стеклянный
И колонны у крылец,
Где тюльпан склонил свой рдяный,
Свой атласистый чепец.

Всё меняются в нем краски,
Ароматы и цветки, —
И всегда таращат глазки
У фиалок лепестки.

В нем теперь и птичий гомон,
И жужжанье… А потом
Будет смят он, будет сломан
Беспощадным сентябрем.

В эти ж дни мой сад изменчив,
Как мечтательная ложь, —
И, как молодость, застенчив,
И, как молодость, хорош!

Гатчина 1907 г. Июль

475. СИМВОЛ

Согрешила много я,
Много, окаянная, —
И за то приснилося
Мне виденье странное.

Вижу, будто в храме я, —
Там народу множество,
А на левом клиросе —
Нищета, убожество.

В язвах прокаженные, —
Все калеки разные:
Хроменькие, тощие,
Видом безобразные.

Бабы в струпьях гнилистых
С синими младенцами, —
И, как цепью, связаны
Вместе полотенцами.

Все кричат, мяукают,
В судорогах корчатся;
То, как парус — пыжатся,
То, как парус — морщатся.

Но как только грянули
Стройным клиром «Верую», —
Увидали в куполе
Птицу белоперую.

Птица все кружилася,
Птица все молилася, —
Я молитву слушала,
Чудесам дивилася.

Вдруг на миг, — как будто бы
Разлился дух падали:
То с больных проказою
Струпья с гноем падали!

И умолкли хохоты,
Крики, вопли дикие.
Вижу — просветленные,
Молодые лики я!

Цепь полотнищ рухнула,
Все запели «Верую»,
И благословили все
Птицу белоперую.

476. САМООБМАНЫ

Рано, еще рано нынче листопаду…
Отчего ж от хмеля вьется лепесток?
Вьется и трепещет по густому саду…
Нет! То вьется тихо белый мотылек.

Что это? Как будто басовая нота
Где-то задрожала? Нет, гудит то шмель…
Как на нем сверкает чудно позолота,
Как его душиста мягкая постель!..

Что̀ это там? Выстрел?!. И какой протяжный!
Нет! То — отдаленный в синей тучке гром.
Отчего же дым там? Не туман ли влажный?
Нет, то стадо веет пылью над селом…

Что это? Как сердце бьется, точно хочет
Разорваться сразу в этот самый миг…
Нет! Кузнечик это звонко так стрекочет…
Боже, как от звуков жизни я отвык!

477–478. В СЕНТЯБРЕ

I

Звучна промерзшая земля;
Лист желтый бьется от стебля.
Гремят тяжелые колеса
Телеги, съехавшей с откоса
На опустевшие поля…

Осенний день… Свежо и хмуро…
Леса, как тусклая гравюра,
Однообразны и темны.
Ручьи замедлили потоки,
И скачут резвые сороки,
Как воробьи во дни весны.

Повсюду — грусть и запустенье,
Но отцветающего тленья
Роскошны запахи еще!
И меж куртин, в туманном блеске,
Еще сверкают горячо
Настурций огненные фески…

II

Вершины пламенны и редки,
Иные — будто бы в крови,
И темень влажная в беседке
Стоит на страже у любви.

Осенний сумрак тих и ясен,
Закат мерцающий огнист;
Скучнее всех прозрачный ясень, —
Еще хранит ревнивый лист…

Как смят весь сад!.. Кусты смородин
Почти совсем обнажены,
И опустевший сад стал сроден
Кладбищу, видевшему сны.

Привет — прощальному закату!
Печальной осени — привет
Дарю, как изгнанному брату —
На лоно снега, вьюг и бед…

1907 г. Сентябрь

479

Осенний, ясный день спокойно догорает,
Вечерняя заря полнеба обожгла,
И веет холодком, — то ветер набегает,
То влагой из кустов тихонько дышит мгла.

Деревья голые молчат, хотя в соблазне
Над ними пламенно еще сияет твердь…
Так молится порой преступник, близкий к казни,
Но в тишине души уже лелеет смерть, —

И, полный горечи и безотчетных страхов,
Не верит словесам, сложенным для чудес…
И сад не верит в свой, уже предсмертный, запах,
И солнцу, и заре не верит больше лес.

Рассыпан под ногой сухих листов багрянец,
И кровью в небесах вдали закат разлит…
Так мертвенных ланит чахоточный румянец
О близкой смерти говорит…

12 октября 1907 г.

480

Бело. Восходит зимний день,
Румяно и морозно,
Встают на труд нужда и лень,
Разгул заснул безгрезно.
Движенье в окнах. Дым печей,
Смотрящие фасады,
И зимних утренних лучей
Веселые лампады.
Люблю я зимнего утра
И шум, и трепетанье,

И тризну мертвого вчера,
И завтра ожиданье.

31 декабря <1907 г.>

481

Догорает мой светильник.
Все стучит, стучит будильник,
Отбивая дробь минут…
Точно капли упадают
В бездну вечности — и тают, —
И опять, опять живут.

Ночь морозна; небо звездно, —
Из него мерцает грозно
Вечность мудрая сама…
Сад в снегу… беседка тоже, —
И горит в алмазной дрожи
Темных елок бахрома...

482

Даль туманна, даль темна, —
Бледных звезд, робких звезд, —
Слышен лепет, слышен шум,
Как из райских, светлых гнезд,

Чуть заметный, чуть приметный,
Весь незримая волна,
Как волна безмолвных дум!

Сердце, звуки карауль!
Видишь — руль
Тянет в Божье лоно даль
Мирозданья, где страданья,
Где и радость, и печаль!

Дух, воспрянь! — и воззри, —
Видишь, ткани мирозданья —
Все и пурпур, и сиянья
Нескончаемой зари!

В будни мрака и огня
Мчится челн круговращенья,
В безграничности стремленья
Накреняясь и стеня!..

Кормчий верно держит руль —
От нуля забвенья к жизни,
И от жизни снова в нуль —
От изгнания к отчизне!

И скользим из мрака мы
Над пучиной лучезарной, —
И в безумье просит тьмы
Человек неблагодарный!

483

Весна! Расцветает шиповник.
Смеркается вечер сырой, —
И месяц, как бледный любовник,
Ревниво плывет над землей.

Печальные стоны кукушки
Всё громче и к ночи смелей...
Не дрогнут на елях верхушки,
Не смеет звенеть соловей.

Печально и смутно повсюду,
Нет нужды зажечься огню.
Нет чуда — но верится чуду,
Нет ночи — но верится дню!

1908 г. Май

484

Спи, Господь с тобой, малютка!
Ночь темна, как мрачный склеп;
Выплыл месяц — стало жутко,
Он за тучами ослеп.

Воет жалобно собака
На пороге, у крыльца;
Видно, ходят гости мрака —
Привиденья без лица.

Бойся их, и я боюся!
Если можешь, то усни, —
Я проклятием сражуся,
Ты молитвой их гони!

Спи, Господь с тобой! Я знаю,
Ты проснешься поутру.

Я же сна давно не знаю:
Не умею спать — умру!

1908 г.

485

Какая грусть могильная
В селении немом!
Грязна дорога пыльная,
Омытая дождем.

Прошли стада мычащие,
Проехал сонный воз.
Вдали огни блестящие
Роняет паровоз.

Порою глухо слышится
Далекий лай собак.
Вершины чуть колышутся,
Встречая тихий мрак.

Даль серая туманнее;
В окошках кое-где
Огни зажглися ранние;
Туман встал на пруде.

И вон звезда далекая
Зажглась, как мудрый глаз,-
Святыня светлоокая,
Тебе ль увидеть нас —

Нас бедных, нас осмеянных,
Жестоких и больных,
Разбросанных, развеянных
На всех путях земных!

486

В глубине морские перлы,
В выси — солнце и простор,
На земле холодных гор
Огнедышащие жерлы. —
Все влечет наш жадный взор,
Все волнует и пленяет,
Только ум не разгадает
Эту роскошь и простор.

Человек ходил и плавал,
Ползал в недрах и летал, —
Но еще не разгадал —
Кто над нами: Бог иль дьявол?

1908 г.

487

Все тот же сон! Все те ж мечты,
Опять одно и то же,
Я счастлив, радостна и ты,
Но только ты моложе.

Твоя рука дрожит в моей,
Твой взор во взоре тонет.
А сердце стонет всё нежней,
Как майский голубь стонет.

И я прильнул к твоим устам,
Твой стан обнял руками.
Мы душу делим пополам,
Сливаяся телами.

В твоих ресницах темь и дрожь,
В устах твоих — улыбка...
Но, милый друг, всё это — ложь,
Всё сон — и всё ошибка.

Один я снова пробужден,
Впотьмах один тоскую,
А сердце ищет милый сон,
Уста льнут к поцелую.

Скажи, красавица моя,
На одиноком ложе, —
Тебе приснился ль также я,
Но краше и моложе?

488. ПОБЕЖДЕННЫЙ САТИР

С улыбкой бледной и бескровной,
Блуждая по лесу, как тень,
Сатир услышал звон церковный
И был печален целый день.

«Что значит? — думал он. Впервые
Слезой затмился томный взгляд. —

Не колокольчики ж лесные
Так покорительно звенят?»

И он в раздумье погрузился
И, опечаленный, заснул…
И новый век, как день затмился, —
В лесу пронесся новый гул.

То мчался поезд, окрыленный
Туманным паром и теплом…
И с новой грустью пробужденный
Сатир поник своим челом.

«Что так гремит? Что это мчится
В тумане с искрами огня?» —
Сатир дрожит, сатир боится
Молниеносного коня.

И вновь сатир заснул в печали…
Проснулся — леса больше нет.
И корабли в воздушной дали,
Как птицы, намечают след.

И, полный ужаса и гнева,
Как дикий зверь, он дышит злом.
Но все венчает так же дева
Его рога живым плющом.

1908 г. Август.

489

Пробудился спящий город,
Слышен фабрики гудок.
Все встают — и стар, и молод,
Спит богатый лежебок.

Затопили люди печки,
Засветили огоньки,
И забились их сердечки
Для заботы и тоски.

Кто несет тяжелый молот,
Кто везет сырой кирпич —
Слышны звуки! Это город
Поднял свой суровый клич.

Зазвенели бойки конки,
И трамваи, как жуки,
Зажужжали вперегонки,
Заглушая их звонки.

Небо мутно, камни сыры, —
И смеются, без ума, —
Эти норы, эти дыры —
Эти окна и дома!

1908 г. 24 сентября

490

Порвалися путы, я встал из пелён,
Раскованы ноги и руки;
В душе раздается серебряный звон,
Родились блаженные звуки.

В отверстое небо я смело гляжу,
К свободе людей призываю;
Забытое слово в устах нахожу,
Надеюсь, люблю и прощаю.

Не страшно, не больно — легко и светло,
Как будто бы веет весною, —
Вот-вот отрастет молодое крыло
И ввысь унесет за собою!

491

Она больна, она не знает
Своей болезни роковой,
Она и любит, и ласкает,
И праздной тешится мечтой.

Она не ждет своей кончины,
Но часто грусть ее томит, —
И на челе ее морщины,
И хладен воск ее ланит.

Но вдруг смеется… Вдруг воспрянет,
Вдруг щеки пламенем горят.
Так в мае небеса румянит
У ночи вспыхнувший закат.

492

Ты не пой соловьем
В непогоду.
Не отплачивай злом
За свободу.

Ты сковала меня
В свои цепи,
Отучила от дня
В темном склепе.

Скрежет сердца велик
В мраке ночи,
И немеет язык,
Плачут очи.

Я поник, трепещу
От насилья!..
Разверну-распущу
Свои крылья.

Улечу в вышину
В утре тихом.
И тебя вспомяну
Черным лихом.

493

Папироса... Еще и еще папироса!
Я курю — и в окошко смотрю.
Над водою все ласточки кружатся косо...
Покурил… закурил и курю.

Мысли злы, для мучений больного вопроса
Нет ответа, иль бледен ответ.
Папироса еще, и еще папироса...
А забвения думам мучительным нет.

Пепел стол весь усыпал... С откоса
В пруд сбегают утята толпой…
Папироса еще, и еще папироса!
Как все глупо, старо, боже мой!..

494. ПОД НОШЕЙ КРЕСТА

Он шел под ношею креста,
Его к Голгофе торопили,

Глумились дерзкие уста
И длани мерзостные били.

Но кроток, ласков и уныл,
Он шел спокойно и покорно, —
Он знал, что чуждым миру был,
Но что Его прозреют зерна.

С чела катилась с потом кровь
И рдела розами меж терний,
Но все росла Его любовь,
И Он любил еще безмерней.

Ему кричали: «Торопись!»
«Умри!» — кричало племя злое,
А светом дышащая высь
Ему пророчила иное.

Там славил Божий легион
Кровь, заалевшую по терныю,
Но был землей не слышен он
И заглушаем буйной чернью.

1909 г. Март

495

Я здесь один! Пустынных комнат
Ненарушима тишина.
Меня друзья, быть может, помнят,
И помнит, может быть, она.

Сквозь окна тихо мгла немая,
Мгла зимнего, седого дня,
Глядит, лица не замечая,
Как очи мертвых, на меня!

Вдали туман, под снегом крыши...
Как капли к мраморному дну,
Текут минуты... Тише!.. Тише!..
Но всё равно, я не усну.

496

Кругом прозрачный, кругом полночный
        Стеклянный свет.
Спадает с яблони молочной
        Весенний цвет.

Как ясен запад, как все лилово
Там — от зари!
Молчи, ни звука! Молчи — ни слова…
Не говори!
И что за запах! Цветут сирени,
И цвет их нежен, как аромат.
Вкруг полукраски, вкруг полутени,
Ты целовала б — но я не рад!
Но я боюся твоих лобзаний,
В них жало смерти и яд — огонь!
Уйди, не надо!.. И от страданий
Избавь! Не надо! Уйди — не тронь.

497–502. ПОЭТИЧЕСКИЕ ПОПРИЩИНЫ

I
ВЕЧЕР

Зеленые трупы взывали к небу
И кверху руки свои обращали;
Жницы ходили по колосистому хлебу,
Дикие звери выли и стонали.

В ту пору, у ветхой избушки
Стоял нищий, прося подаянье, —
Ему вынесли две горбушки,
И он послал благие пожеланья.

Закат уже бледнел, и тихие свечки
Зажигались в окнах так приятно.
«Ах, зачем у курков есть осечки!» —
Сердце прошептало мне внятно.

II
УЛИЧНЫЙ МАЛЬЧИШКА

Играл шарманщик, и он был бледен,
Лишь только нос имел багровый…
Пятак полезен, а спирт ему вреден,
Но он играл мотив суровый.

И вдруг мальчишка, взяв камень в руки,
Как бы монету, — и метко бросил…
Попал он в нос, замолкли звуки —
И руки пали, как пара вёсел.

III
ЦАРЕВНА КУКА

Гуляла царевна, гуляла Кука,
По бережку морскому она гуляла;
За нею бежала левретка-сука
И радостно, и громко визжала.
Царевна Кука унимала собачку,
Собачка прыгала и визжала, —
Царевна дала ей подачку:
Конфекту сладкую сначала,
А после мягкую бисквитку…
Царевна шла, точно пава, —
У ней была мантилья внакидку,
И шляпа с пером в виде удава.
Собачку ее звали Милка,
Она была шоколадного цвета,
Ленточка алела с затылка,
А у царевны алели цветы букета.
Царевна бросила щепку в море, —
Собачка прыгнула и поплыла…
Думала, выплывет она вскоре —
А не тут-то было…
Черный рак ущипнул ее за ногу
И собачка пошла ко дну…
Царевна долго молилась Богу,
А после видели ее одну!

IV
ПРИЗРАЧНОЕ

Некто безликий
У окна моего,
У окна моего —
Страшно мне!
Беззубые десны
Оскалил он
И склонил плешивую голову —
Страшно мне!
Это смерть
Или я в старости?
Это ты в старости
Или он? —
Непонятно мне!
Я гляжу на него
Все пристальней…
Боже мой, это — никто,
Это осадок вчерашнего сна! —
Похмелье вечера!

V
ДИЛИЖАНС
(ИЗ ЛАМАРТИНА)

Клик, Клякс! — Вот дилижанс…
Вот старый стиль и новый станс.
Кто там? Кто там
Есть из мужчин и дам? —
Увы, там никаких персон.
Один кондуктор, — и тот сон…

VI
МАСКАРАД
(ИЗ ПОЛЯ ВЕРЛЕНА)

Скачет Пьеро —
И прячет перо,
А блоха, вроде Рудич,
Скачет сквозь обруч…
Впрочем, я вру дичь!
Где порука и поруч?!

Пока достаточно полдюжины таких стихотворений, чтобы убедились читатели в возможности написать их в день больше дюжины.

Фома Верный

503. 18 МАЯ 1909 г.

Уж более полжизни пройдено...
Иду, согбен под ношею терпенья...
В глазах зияет черной смерти дно,
В лицо пахнуло веянием тленья.

Все кончено, чем наша жизнь красна,
Любовь, мечты, надежды улетели.
И даже в дни, когда цветет весна,
В моей душе суровые метели.

Склонив чело, одна, полубольна,
Порой ко мне заглянет Муза в угол.
Святым огнем наполнится душа,
И улетит чудовищный рой пугал.

Но не пою я нежную любовь
И не зову живых страстей соблазны.
Тускнеет страсть, хладеет в сердце кровь,
И дни мои, как степь, однообразны.

Но я хочу еще на свете жить, —
И все молю, чтоб не прорвала Парка
Сеть дней моих, как спутанную нить,
И небесам еще молюся жарко!

День Святого Духа. 1909 г. 18 мая

504

Бледный гость ко мне вошел
В ясный сумрак лунной ночи
И со мною сел за стол,
На меня вперяя очи.

Лампы свет, — на потолке
Полумесяцы из тени,
И перо в моей руке
Опустилося от лени.

В сердце робость, стыд и злость,
Мысли ветреные шатки...
И глядит угрюмый гость,
И молчу я, полн загадки.

— Что ты хочешь?.. Гость молчит.
— Кто ты? — «Я твое — второе!»
Слезы капают с ланит, —
Вдруг я вижу, что нас трое.

Час прошел — и много нас!
Нам тесна каморка наша...
По полуночи бьет час,
Круговая ходит чаша!..

Что такое?.. В мире тьмы
Совершилось чудо света:
Это я, — и это — мы!..
Искры... вихри без ответа!

505

Солнце ясное,
Солнце зимнее
Закатилося
Ранним вечером.
Огоньки в домах
Желтым бисером

Порассыпались —
И глядят на нас.

Я уныл и хмур, —
Сердце старится,
Умирает в нем
Вдохновение!
Без любви душа,
Точно схимница,
Сходит в темный склеп
И дрожит в тоске.

506

Хорошо теперь в деревне,
Хорошо теперь в полях.
Небо смотрит задушевней,
Лес в зеленых кружевах.

И малиновая ива
Наклонилась у плетня,
Так мечтательно красива
В золотом сиянье дня.

На ущербе месяц ясный,
Как серебряный челнок,
За зарей волною красной
Выплывает, одинок.

Сердце грезит, сердце бредит:
Так и кажется, что там
Херувим небесный едет, —
В рай по синим небесам.

Все молчит и прозябает
Тайной жизнью и мечтой…
Сердце внемлет и не знает,
Что любить ему весной…

1910 г. 20 апреля

507. ГРОБ

Фу, гроб какой скверный! Проникли сквозь щели
И небо, и солнце с сияньем лучей;
Навозные мухи в него залетели,
От воздуха труп мой гноится сильней.

Фу, гроб какой скверный! Должно быть, с похмелья
Его гробовщик натощак сколотил;
Житейского шума больное веселье
Мой слух раздраженный опять уловил.

Сквозь щели все видно, все слышно сквозь щели:
Моление певчих и хохот гуляк,
И даже рыданья вдали прозвенели...
Ах, если б скорее забвенье и мрак!

508. ПРОРОК ИЛЬЯ

(ПОСВЯЩАЕТСЯ ИГОРЮ-СЕВЕРЯНИНУ)

Пророки шли дубравой темной;
Один Илья, чья речь как гром...
Другой — его преемник скромный,
Босой, с лысеющим челом.

И говорит Илья: «Довольно
Мне в мире быть среди людей...
Гряди и властвуй речью вольно!
Греми, преемник Елисей!

Я ухожу! Земного хлеба
Не надо мне — бессильна плоть!
Я ухожу к Творцу на небо...
Пора, пора! Зовет Господь!»

И вышли старцы из дубравы...
Смеркалось; засыпала степь;
Вдали теснился град суровый,
И огоньков далеких цепь

Вдали рассеянно блестела;
И сон пустыни был глубок...
И за Ильею шел несмело
Другой, обиженный пророк.

Вдруг шум раздался из дубровы,
В пустыне был нарушен сон...
И был по воле Иеговы
Илья на небо вознесен.

И в страхе, падший на колени,
Воззрел на небо Елисей,
Где мчались кони — рвали тени —
Среди молниеносных змей.

И роковая колесница
Гремела тяжко меж огней,
И мчалась, легкая, как птица,
Четверка пламенных коней.

И между тем, как, пламенея,
Гремел и плакал небосклон,
К ногам скатился Елисея
Ильи разодранный хитон.

509. ВОЗРОЖДЕНИЕ

Как будто в первый день признанья
Любви взаимной и святой, —
В душе легко, и покаянья
Звучат наивною мольбой.

Кругом все вдруг помолодело;
Светло очам, легко уму,
Как маска сброшенная, — тело
Предстало духу моему.

Я не ропщу, не негодую,
Иду — куда не знаю сам, —
От поцелуя к поцелую,
От неба к новым небесам.

Обломки свергнутых кумирен
Я собираю не спеша, —
Мой путь далек, мой путь эфирен —
И крылья чувствует душа.

1910 г.

510

В городке небольшом, в переулке глухом
Тянет влажною тиной с болота,
Между старых берез пятна алых полос, —
Догоревшего дня позолота.

Там, в саду у плетня, притаясь, не звеня,
Колокольчик лиловый склонился,
И на тусклом стекле, на балконе, во мгле,
Перламутром закат отразился.

Летний вечер хорош. Дальше нивы и рожь,
И синеет лесок на просторе;

Я до леса дойду, в море ржи пропаду —
И созвучья подслушаю в море.

511. НА ВЗМОРЬЕ

Все необозримыми далями белеется,
Тонет взор в безбрежности, и отрадно дышится.
Там заря вечерняя, точно уголь, тлеется,
Море, как ребенок, в небесах колышется.
Тихо челны движутся, чуть белея парусом,
Вод крылом касается чайка белоснежная.
Облака, что кружева — ярус встал за ярусом —
Но зефир развеет очертанья нежные.
Встанут горы серые вместо башен города,
Львы сереброгривые поползут, потянутся...
Взморье, ты и вечером хорошо и молодо,
И тобой утешатся, и тобой обманутся!
Солнце, ты спустилося тихо в ширь подводную, —
И она румянится под твоим лобзанием…
Утолись, горячее, влагою холодною, —
И согрей поутру нас вновь очарованием!

512–513. БАЛТИЙСКИЕ НОЧИ

I. В СЕЛЕНИИ

Уже закрыты лавочки,
На небе серп луны.
Ночные реют бабочки,
Как сказочные сны.
Повеяло прохладою,
Дорога не пылит;
Хрустальною лампадою
Ночь майская сквозит.
Все небо, точно козними
И тайнами полно,
Но звездочками поздними
Не искрится оно.
И не о них ли пламенно,
Один в тоске своей,
Там, за стеною каменной,
Рыдает соловей?

II. В ПАРКЕ

Воздух сладко дышит липами,
Веет влагой от ручья;

Дальний поезд дерзко хрипами
Заглушает соловья.

Ночь грустит и словно мается,
Спят заглохшие пруды;
Небо вешнее купается
В мутном холоде воды.

Вид печальный, вид пленительный,
Грезит былью старый сад,
И с тоскою усыпительной
Ропщет быстрый водопад.

514

Так полно, так полно
Любил я в мечтах быстрокрылых, —
И долго, безмолвно
Томиться в мечтах был не в силах.

Так свято и страстно
Я веровал в песни и в звуки.
Но верил напрасно —
От слова рождалися муки.

Душа отстрадала
В безмолвии тяжком и гордом, —
Но жалко ей стало
Расстаться с последним аккордом.

И стоны, и слезы
Вдруг хлынули дерзко наружу...
И с сердцем, как розы,
Увяла в осеннюю стужу.

515

Как много в жизни скучной прозы,
Как мало ясных дней любви!
Уже давно померкли грезы,
Уже давно не льются слезы
И веет холодом в крови.

Иду в раздумье, а за мною
Могилы ранние друзей, —
Что было светом — стало тьмою,

И опечалился душою
Я на заре закатных дней.

Вы, верно, осенью встречали
Такие дни: светло кругом,
Но лес в багрянце и в печали,
И вся дорога, как из стали,
Звучит под тяжким колесом.

И, как в теплице разоренной,
Прозрачно в ясной пустоте,
И лишь на грядке засоренной
Подсолнух, солнцем озаренный,
Корону тянет к высоте.

1910 г. Октябрь

516. ЧУДИЩЕ

Идет по свету чудище,
Идет, бредет, шатается,
На нем дерьмо и рубище,
И чудище-то, чудище
Идет и улыбается…
    Идет, не хочет кланяться.
    «Левей!» — кричит богатому.
    В руке-то зелья скляница.
    Идет, бредет, растянется —
    И хоть бы что косматому…
Ой, чудище, ой, пьяница,
Тебе ли не кобяниться,
Тебе ли не кричать
И конному, и пешему:
«Да ну вас, черти, к лешему —
На всех мне наплевать!»

517. ОПЯТЬ

Опять? Опять! Все это было,
Когда-то было и прошло:
И так же солнце нам светило,
И так же было мне светло.

Ложилась тень от лип и кленов…
И мрамор белых балюстрад,
И пышный плющ у павильонов
Нам веселил и тешил взгляд.

Мы были юны, точно боги,
Едва создавшие миры,
И после дум и мук тревоги
Свои нашедшие дары.

И ничего мы не хотели,
Довольны ясной лаской дня...
Сияло солнце, птицы пели,
И пело сердце у меня.

518. РОМАНС

Ночь наступает неслышная, длинная...
Месяц глядит сквозь окно очарованный.
Ожила, дышит гравюра старинная:
Бледная дева и пленник закованный.

Я пред тобою клонюсь суевернее...
Очи твои, о моя темноокая,
То загорятся, как небо вечернее,
То потемнеют, как бездна глубокая!

Руки холодные, сердце горячее,
Стук неуёмный его монотонного
Слышит и ухо, и духи незрячие —
Те, что из мрака выходят бессонного.

Милая, что с тобой? Что, молчаливая?
Молишься, плачешь иль грезишь, желанная?
Полно!.. вкруг ночь, да какая счастливая! —
Точно заря ей знакома румяная.

519. NOCTURNO

Тихая ночь над обителью мирною;
В желтом сиянии ходит луна,
Ходит, как странник, дорогой эфирною,
        Ходит, как инок, бледна.

Кротко лампада мигающим пламенем
Блещет в притворе, как в склепе немом.
Вздохом молитвенным, крестным ли знаменьем
        Веет незримо кругом!

Грезы мучительно ждут наслаждения,
Грезы стучатся, а стены молчат...

Молча, незримо идут привидения
В мраком окутанный сад.

Сердце, смирись и учися терпению!
Сердце, остынь и былое не тронь...
Холоден путь к неземному селению,
Жарок небесный огонь.

Тихо на небе и тихо в обители.
Робки огни и молитва земли, —
Только их слышат небесные жители,
А не рожденный в пыли!

1911 г.

520. МИРОНОСИЦЫ

Поутру жены-мироносицы
Пришли в пещеру, где Христос
Лежал — и видят гроб отверзнутый —
И опечалились до слез.

Снят камень. Пелена могильная
Вокруг разбросана… Ужель
Осквернена Его последняя,
Его кровавая постель?

Смутились жены — и заплакали.
И вдруг предстал Архистратиг,
Он был с мечом, окутан латами,
Сиял, как солнце, нежный лик.

И он вещал с улыбкой ласковой:
«Кого вы ищете — воскрес!»
И жены пали преклоненные...
И вестник радостный исчез!..

И вышли в сад перед пещерою...
И видят: бледный и худой,
Идет садовник в ветхом рубище,
Благословляя их рукой,

И говорит: «Кого вы ищете —
Тот будет с вами навсегда!
Скажите всем: приходят новые,
Благословенные года!»

И смолк… и жены оживилися,
И Он растроган был до слез...

И весть прошла благословенная:
«Христос воскрес! Воскрес Христос!»

521. В ЮРЬЕВ ДЕНЬ

Весна веселые объятья
Открыла сохнущим лугам, —
При сладких песнях водосвятья
Мычанье стада слышно там.

Как арестантов из темницы,
Скотов согнали из клетей
На лоно воли, где им птицы
Пророчат много ясных дней.

Сияет солнце в небосклоне,
Как глаз прозревший наяву,
Коровы тощие и кони
Жуют весеннюю траву.

С какой надеждой и любовью
Они глядят на свежий корм…
Как дышит жизнью все и кровью,
Какая смесь мастей и форм!

И, днем весенним умиленны,
Сложили в знаменье персты
Мужья рогатые и жены,
И молча молятся скоты.

23 Апреля 1911 г.

522

Мелькают, как птицы, моторы
И пыль на дороге кружат,
И слепнут прохожего взоры,
И, кажется, камни дрожат.

Под бешеный ритм завыванья, —
Во тьме исчезают густой
То милые в шляпках созданья,
То с важною миной герой.

Горды молньепышущим лётом,
Напыщенны блеском своим,
Жизнь, чуждую горьким заботам,
Они расточают, как дым.

И хочется крикнуть: «Куда вы?
В погоню ль безумных страстей?
В погоню ль безумной забавы
Иль к плахе позорной своей?..»

1911 г. 1 мая

523. СОЗВЕЗДЬЯ ЛИРЫ

Созвездья Лиры, созвездья Лиры,
Благословите мой трудный путь!
Разбиты бурей мои кумиры,
Их тяжкий камень мне давит грудь.

Я пел веселье, я пел страданье,
Я юность с песней, с вином мешал.
Настало время — час испытанья;
Увяла роза, разбит бокал!

Созвездья Лиры, созвездья Лиры,
Мечите искры, мечите гром! —
Бегут, проснулись мои вампиры,
И жгут, и жалят, и бьют мечом.

Я пел вас, звезды, в невинность мая,
Рыдал от муки в стихах весны,
Когда сходили, меня венчая,
Созвездья Лиры, — не ваши ль сны?

Природа та же; с ее порфиры
Не смели годы убранство сдуть!
Созвездья Лиры, созвездья Лиры, —
Разбейте лиру — разбейте грудь!

1911

524. ЗАВЕЩАНИЕ

В дни, когда меня не будет,
Завещаю вам, друзья:
Пусть металл меня разбудит,
Пусть из меди буду я.
Пусть вокруг играют дети,
И цветет сирени куст,
Пусть услышит звуки эти,
Как при жизни, медный бюст.
Хоть без чувства, хоть без слов он,
Но по-прежнему живой, —

Это Фофан, бедный Фофан,
Это друг наш дорогой!

525. ИЮЛЬСКИЙ ВЕЧЕР

Июльский вечер тих и ясен,
Из рощи выплыла луна;
Сон наяву теперь прекрасен,
И цветом лип вся ночь пьяна.
Лазурь вечерняя наводит
На речку палевый огонь;
Цыган коня в табун уводит,
И сладкой негой дышит конь.
Вдали, скосившися, избушка
Тихонько дремлет, как старушка,
На полусгнивших костылях.
Из огородов запах тмина,
И, мнится, молится долина,
Как при безлюдии монах, —
И в ней нам дышится привольней,
И все молитвенно окрест,
И под луной сверкает крест
Над молчаливой колокольней.

526

Иссушили скорби лютые,
Извела меня нужда,
И покоя ни минуты я
Не ведал никогда!
Жизнь, как бледное видение,
Докучала и лгала,
Прояснялась на мгновение
Удушливая мгла.
И тогда живой пустынею
Мир являлся предо мной,
Далью темной, далью синею,
Спаленною грозой.
Я страдал... и вопль страдания
Долгой песнею звучал...
И, как звучный вал, в тумане я
Бессильно замирал.
Жизнь, скорей в края полночные,
К смерти мне открой пути —
И все помыслы порочные
С грехами отпусти!

527. ИЗ ДНЕВНИКА

Безгрешна ты, как небо рая,
Как солнце мира, хороша.
К тебе несется, замирая,
Моя греховная душа.

Опять встревожен мозг усталый,
Шумят и вихрятся мечты:
Так стелет осень над могилой
Порой помятые листы.

528

К тебе, источник живого слова,
Свидетель правды, творец земли, —
Я прибегаю! Душа готова
Тебе молиться — и ей внемли!

Душа готова, душа раскрыта,
И в страхе жаждет твоих чудес.
Горит обидой моя ланита,
А грудь пылает огнем небес.

Земля ничтожна, земля минутна,
И крест Голгофы — ее маяк...
Но сердце любит и верит смутно,
Что жизнь бессмертна и смерть — не мрак.

Тебе молюсь, источник света —
Защитник мудрых и любви —
Благослови мечты поэта
И струны арфы благослови!

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

6

Черновой автограф

Стремясь порою в мир любви
Из мира мрака и неволи,
Забыв <прилив?> душевной боли,
Я говорю себе: «Живи!»

Но обескрыленной мечты
Недолги кроткие порывы, —
Смиряют гордо их призывы
Неугомонной суеты.

Так в храм святынь, где скорбь души
Смягчают теплые моленья,
С дарами жертвоприношенья
Стучатся дерзко торгаши!..

9

Черновой автограф 1

Безотчетные порывы,
Безымянные стремленья,
Что вы? — Темные ли дивы,
Или райские виденья!..

Если — гений непорочный,
То зачем, тоской тревожа
<Дух?> [1 сл. нрзб.], в час полночный
Сны вы гоните от ложа…

Если дивы, то порою
Отчего вы так прекрасны…
Иль, согласные с землею,
С небесами вы согласны?!

12

Черновой автограф 1

10–11 Пожав друг другу руку. — Нет!
Исчезнет мрак, пройдут печали
13–19 Расстались мы с тобой согласно;
И я спустился на крыльцо;
Вдали белел туман ненастно
Пахнуло холодом в лицо…
Немая тишь вокруг стояла,
На небе не было огней…
Но мне тогда заря сияла

15

Новь. 1886. № 13

1 Бледный полог небес и задумчив, и тих
3 Грустно в окна глядит… и рождается стих
5 Что-то томно душе… Что-то сердцу больней!
9 Там, за душной толпою столичных громад
20 Мир страстей и любви обнимая

20

Черновой автограф

1 С упреком злым и гневом смутным.
После 8 Но если ты изранен сердцем,
Но если ты с мечтой своей
Перед людьми и громовержцем
Разбит, как дерзостный пигмей, —
Печаль души своей смущенной
Таи ты кладом от людей,
И ядом мести окрыленный
Лети в грядущее смелей.
Так спугнут хищною стрелою
Могуч, величественен, зол,
Купаться ширью голубою
Из темных скал летит орел.

22

Черновой автограф 2

5–16 *Отсутствуют (вместо них — отточия)*
После 28 *а* Во всем, всегда он как загадка,
Непостижимая уму…
Ему довериться бы сладко,
Но как довериться ему!
б Везде со мной гость перелетный,

Загадкой сердцу и уму…
Как отлучить его охотно!..
И как довериться ему?!

23

Черновой автограф 2

Загл. **ВЕСНОЙ**

5–12
Я в дом вошел. Меж грустною семьею
В толпе детей испуганных, и там
Ткал бледный май с задумчивой весною
И гимн слагал лазоревым цветам

Я завернул на кладбище, к могилам, —
Где сон людей и мирен, и глубок.
И там был май [1 сл. нрзб.], но унылый
Из вешних грез плетя гробам венок.

26

Черновой автограф 2

Загл. *Без заглавия*
9–21
Не приведет она к победам,
Она лишь светлый ложный сон. —
Но человек за нею следом
Спешит, красою ослеплен!
Следя за призраком роскошным, —
Его ловя, любуясь им —
[Тупеет он] в довольстве пошлом,
Довольный вымыслом своим!..
а Беспечный резвостью сияет
б [Безумец, он не замечает,]
Что перед ним [в тоске немой]
В лохмотьях истина блуждает
И дикой ревностью пылает,
И мстит до двери гробовой!

28

Авторизованный список

1–4
Он младенцем милым
В блеске, шуме бальном
Задремал спокойно
Утром на заре…

36

Черновой автограф 1

В эмалевом небе дрожит одиноко,
Играя лучами ночная звезда,
[Не гаснет] Осока
Склонилась и дремлет над гладью пруда.
Все тихо… Пленен я таинственным видом,
Красавицей-ночью, лазоревой мглой…
В душе зреют думы…, но их я не выдам
Ни песне заветной, ни Музе родной.
Словами ль их выдать?! Светлы, бесконечны,
Как небо ночное! Как ветер легки;
Для неба святого они скоротечны,
Для мира земного они велики!

40

ВИ. 1886. № 910

3 То теперь свершилося воочью
7 И, резвясь под звездным небосклоном
11 Молча плыл рой ангелов небесных
13–16 И потом в игре и тени лунной
Раздались вдруг трепетные звуки
Точно стоны арфы многострунной,
Точно вздохи сладостной разлуки.
17 Точно ветер вздул волну седую
28 И кропил все влагою священной…
30 Стал весь мир святыми полон снами..
31–32 *Отсутствуют*

Черновой автограф

между 4 и 5 Ты подумал б: тучи кочевые
То плывут, пленяясь небосводом.
Нет, то плыли ангелы святые
Легким роем, белым хороводом.
Нимфы стекались и т. д. и т. д.
20 Сферы неба с гордою землею
22 И волна затихла голубая
28 И кропил все ризою нетленной
29–32 *Как набросок вынесены в отдельное место черновика*

42

Черновой автограф

между 24 и 25 Оденьте нагого, голодному кусок
Подайте, сирого утешьте; приютите

Бездомного. — Когда ж придет пророк,
Его из царства не гоните.

43

Восход. 1886. № 2.

Строфа 1, 5–6 Мы башню созиждем на славу времен,
На память и диво грядущих племен!
Строфа 3, 6 Влечет их и манит торжественный труд
Строфа 11, 5–6 И каждый не может другого понять,
И чужды друг другу, все стали роптать
Между 10 и 11 строфами дополнительная строфа:

[11]
И, видя гордыню ничтожных людей,
Гнев пышет в небесном Владыке, —
И чудо свершил Он, чудес всех страшней:
Смешались народов языки!
Один просит камень, — другой подает
Просящему спелой смоковницы плод.
Строфа 12 *Отсутствует*

Черновой автограф 3

Строфы 11–12 *Отсутствуют*
Между строфами 16–17 две дополнительные строфы:

[15]
Безмолвной гробницей печально стоит
Она на равнине пустынной,
И мхами порос одичалый гранит,
И самый союз стал былиной —
Союз неразрывный святого труда —
И к башне не видно следа.

[16]
Не волны ль размыли соседней реки
Тропу к ней набегом могучим,
Иль скрыли ее кочевые пески,
Гонимые ветром горючим,
Но только враждующим людям опять
К той башне дорогу не сыскать.

44

РБ. 1884. № 11.

1 В холодном сумраке, в пространствах без предела
4 И светят нам таинственно-несмело
13 Без мысли и без чувств, незримый и немой…
19 Под игом тайных дум — забытое искать

27 Теряемся мы в их безбрежной глубине
34 То дух наш, быстрый дух, прошедший все ступени
38 И жаждет слиться он опять с природой вечной

66

Черновой автограф 1

Я знал тебя, поэт!.. Не знаю сам, когда
Я познакомился с тобою — ты являлся, —
Как яркий метеор, как первая звезда —
Соседка Бога и небес,
С которой ты никогда не расставался

67

Черновой автограф

1 Свои первые, чуткие песни свои
15 И отверзла мне небо пурпурным перстом
16 И слезами омыла [намеченный] обманчивый путь
После 16 И с тех пор вслед за мной и горда, и смела
Неразлучна как тень с благодатным лучом, —
Она бродит со мной по гнездилищам зла, —
С грустным взором, потупленным долу челом

71

Черновой автограф 2

15 И ночь седая Рождества
25 Лесов синеющий шатер
30 Вокруг громады белых льдин.
Вместо 34–39 И в жадный час со всех сторон,
Покинув льдистые уступы,
К нему летит толпа ворон
На замерзающие трупы.

Черновой автограф 3

Загл. *Без заглавия*
Вместо 26–39 Но вот опять проснулся он,
В снегах стоящий одиноко,
В алмазных звездах небосклон
Над ним раскинулся широко, —
Вокруг все льды, да белый снег,
Да плач ветров, да стоны волка, —
Здесь жить не сможет человек,
И он как сказочная елка
Стоит, меж глыб и сонных льдин,
На серебристых снастях,

Как на расписанных ветвях,
Мерцает отблеск изумруда, —
И трупы бледные пловцов
Лежат как лакомые блюда
На белой скатерти снегов…

84

Черновой автограф 1

Вместо 33–38 *а* Смотрю я в небеса, в их синюю окраску, —
А ночь вослед меня, пугая, шепчет сказку, —
Ту сказку старую, которую теперь
Я понял в годы зла, сомнений и потерь.
б Так первая заря мне подарила много:
Всю прелесть тайную небесного чертога
Все чары явные мятущейся земли, —
Все [что вблизи меня и что] вдали…
39–42 *Отсутствуют*

Черновой автограф 2

13 Дрожала серою чуть видною струной
16 Я с нянею бродил, — эдемом первобытным
19 Я слышал робкий шум задумчивых берез
25 И даль туманная сквозь просветы берез
27–28 И в дымном облаке сверкающим алмазом
Зажглась звезда и мне мигает умным глазом,
Между 28–29 Как бы приветствуя сознание мое,
Мое младенчество, весь мир и бытие.
29–30 Как гостья скучная печальных похорон,
К ночлегу, каркая, летит семья ворон
Между 32 и 33 Любуюсь темною, звездистой вышиною, —
И долго с трепетом смотрю на небеса…
А ночь вослед меня бормочет чудеса
И тайным призраком крадется вслед за мной…
Мне жутко, я дрожу… Пора, пора домой!..
33–42 *Отсутствуют*

87

Черновой автограф 1

Вот темные старинные часы…
Они стояли в старом барском доме
И хриплым боем чутко оглашали
Безмолвные иль шумные покои…
Они не раз в час алого рассвета
Веселый пир внезапно прерывали,
Напомнивши гулякам запоздалым
Что их постель давно охолодела

От ожиданья, что домой пора…
Они с лукавым временем бывало
Судьбу решали всех владельцев…
Под мерное, сухое стрекотанье
Блестящего их маятника часто
Тоскующие вздохи раздавались
Унылого и сумрачного старца,
Когда он сидя в кресле пред камином
О молодости вспоминал и глядя
Как угли гасли о кончине скорой
Таинственно мечтал, но иногда
Иные вздохи уловляло время —
То были вздохи девушки влюбленной
Когда она, полураздевшись на ночь,
Засматривалась в зеркало и долго
С мечтательной улыбкой любовалась
Своей косой и белыми плечами.
По этому немому циферблату
Две стрелки роковые, как два мага
Разящие седую дряхлость мира
Ползли, ползли — но цели не достигли.
И бедные теперь они, как прежде
На циферблате пыльного футляра
Часов старинных медленно ползут, —
Но никого не занимают больше.
Теперь часы в лавчонке у еврея
Стоят осиротело, между темных
Заплесневшихся канделябр,
Меж выцветших портретов в грязных рамах, —
Тяжелых ваз — и кажутся они
Разрушенным и жалким мавзолеем
На кладбище, которому названье
Всепожирающего тленья… Эти
Убогие, печальные часы
Смеялися над жизнями людскими
В бесстрастии своем — и ныне жизнь,
Людская жизнь, смеясь, трунит над ними…

88

Черновой автограф 1

Вместо 1–8 Мой друг, тебе рано досуг посвящать
Молитвам и чтенью божественных книг.
Твой разум все в жизни еще не постиг,
И сердце еще не умело страдать…

Черновой автограф 3

2–3 К чему тебе внимать божественное пенье
И в людной храмине, вдыхая дым кадил

5–6	Теперь ты черпай жизнь! В душе своей буди Мечты и радости вольнолюбивой страстью
13	Тихонько складывай с задумчивой мольбою
19	Где столько чудных грез подозреваем мы
Между 22 и 23	А молодость, смеясь, глядит из-за угла, Веселая своим забрезжившимся днем, И ты задумалась о вечере своем…
23–27	*Отсутствуют*

92

Черновой автограф 1

Набросок I

Как легкий кокон раннею весною
Спешит покинуть пестрый мотылек —
Чтоб понестись воздушною стезею,
Так я прорвал плоть тесную свою, —
И дух мой, дух бессмертный и бескрылый
Навстречу вечности поплыл…
Передо мной открылся мир иной;
Там красок не было и не было предметов
И только звуки, только ароматы
Неслись незримо… Я летел
Над нашею землею — и она
Звучала подо мною, точно арфа.
Я слышал плеск могучий океана —
И вечную рапсодию бессмертья

Я слышал в музыкальном теченье планет, и с каждой планеты, с каждой звезды неслись новые ароматы… И вот наконец я достиг страны, где проносил на крыльях ветер дыхание земли, пропитанное запахом ельника и мхов, — это мой дух проносился в родном севере. И вот я услышал тихую симфонию, едва уловимую, такой нежный звук должны иметь цветы, называемые колокольчиками, когда они дрожат в воздухе рассекаемом мелодичными волнами соловьиных трелей… По этой нежной симфонии и запаху тонкому, как запах черемухи, охватившему меня — я узнал тебя… Я узнал что ты около меня, моя незабвенная подруга…

Набросок II

Дрожащею огромными мирами
И солнцами тогда услышал твердь я,
Она звучала <чудными?> струнами
Великую рапсодию бессмертья
Тот мир без красок, без теней, без света
Чарующими звуками стенал
И весь дрожал и весь благоухал

———

Как мотылек навстречу вешних дней
Ткань кокона порвав стремится к небу,

Так дух мой плоть ничтожную порвал —
И бросил мир ——— поплыл

98

Черновой автограф

Мне снилося: с тобой [мы темною порою]
Рука с рукою шли, седой туман вдали,
Как белый призрак полз… На небе необъятном
Горели зерна звезд — [и ветер обвивал]
Нам лица жаркие дыханьем ароматным
И тайной музыкой вкруг сумрак наполнял…
И чувствовали мы, что с нами кто-то рядом
[Незримый], молодой таинственно идет…
Он не блистал красой и не блистал нарядом,
[Но он прекрасен был], как месяц в лоне вод.
Он тихо исчезал с вечерними тенями, —
Он в небо улетал, в лазоревое дно,
И там где он исчез, как светлое вино,
Разлилася заря янтарными струями…
И стало грустно мне. И в страхе пробужденный
Я жадно стал искать разгадки тайной сна…
И вот увидел я, печальный и смущенный
Что у тебя в косе — мерцает седина...
То нашу молодость я видел, то она
Как призрак в небеса мгновенно улетела
И долго светит нам как тихая заря.
——
Нам было хорошо со спутником [незримым]
Казалось, он сердца восторгом обжигал
Но вот шатнулся мрак [туманной тенью]
Вияся коршуном по кругам дальних скал.
И спутник наш исчез с неверными тенями…
Он к небу улетел… Не к вечности ль на дно?
Я разгадал свой сон, то юность улетела!
То призрак юность был о друг мой дорогой
Она покинуть нас совсем еще не смела
И светит издали нам тихою зарей.

99

Черновой автограф 1

Загл. *Без заглавия*
Бывало все в душе моей будило
Святые звуки: синий дым кадил,
Лампады блеск, задумчивый, как сон,
И в пятнах розовый вечерний небосклон
И луч луны проникнувший, как тайна
Через окно, раскрытое случайно, —

А ныне? Все безмолвно-холодно
Луна ль, заря ль на небе — все равно.
Душа молчит не требуя созвучий
Как жрец пресыщенный дарами алтарей…
Вчера свечу я погасил — и свет
Ночной луны проник в мой кабинет.
Как я любил вечернее светило
Когда оно сквозь дымку облаков
В мое окно задумчиво глядело
И призраком
От рам оконных на пол… О, тогда
а Я счастлив был, — я рисовал в уме
Волшебные картины; по лучу
Сияющему скудно мне, я строил
Хрустальные хоромы, населяя
Их бледными прекрасными тенями
Без солнца теплыми и ясными без света
б Исполненный восторженной истомы
Я создавал хрустальные хоромы
Из синих льдин, в них звезды заключал,
И радугой светился их кристалл, —
Я населял их нежными тенями
Без солнца теплыми и ясными без света,
Как скорбь влюбленных, как мечта поэта
Рожденная весенними ночами…
Довольно было мне луча луны
Чтобы в уме завихрились невольно
Прекрасные пленительные сны.
Так старому ботанику довольно
Засохшего и бледного стебля
Чтоб по нему его воображенье
Нарисовало небо и поля, —
Где расцвело усопшее растенье
в И свет луны случайно уловив
Исполненный восторженной истомы,
Я создавал хрустальные хоромы
Из синих льдин — и чудный их извив,
И звонкого кристалла их изломы
Я поясами радуг обвивал
И наполнял их лучезарный зал
Прекрасными и бледными тенями

Черновой автограф 2

Загл. **ЛУЧ ЛУНЫ**

8–9 Квадраты окон, сумрак пронизая,
Как паутина, светозарным дымом
12–13 И как покойник, белый свет луны
Моей душе нашептывал невольно
16 Засохшего и бледного стебля
23 Из синих льдин и чудный их извив

27 Я наполнял чертогов белый зал
38 Как призрак бледный, как немая тайна

107

Автограф

Загл. *Без заглавия*
Вместо 7–11 Еще верста, еще!.. и нет уже селенья
Лазурью сонною сверкает отдаленье
И синий небосклон бесстрастной пеленой
13–16 Как версты пестрые мелькают перед нами
И смотрим мы назад тоскливыми очами.
Но мрак прошедшего как сонный небосклон
Хоронит дней былых невозмутимый сон
19–20 Сверкают дольше всех внимательному оку,
Подсказывая путь грядущему далеку.

113

ВИ. 1888. № 994

Загл. **ФИНН**

8 Где веют долы мертвенностью трупа.
14–15 Или вели задумчиво беседы
У очага, смущая тишину…
16–20 В часы ночной озлобленной метели,
Когда она гудела по полям
И хлопья снежные с небес седых летели,
Закутаны в меха, они сидели,
Вверяяся таинственным мечтам…
26–27 В моем уме, под песни назревая,
Великих дум ложатся семена
33 И бьется он, и плачет в злобе вечной

116

Черновой автограф 1

3–4 И за окном ее теплицы
Не смела трогать их зима.
5 И полной грудью в час мечтаний
9–10 И вот, когда в дыму кадильном
И неподвижна и бледна
13 Цветы, лелеемые ею

118

Черновой автограф

Долго я Бога искал в городах и пустынях безгласных,
Долго на небо глядел — не увижу ли Бога?
Только, однажды, почуяв к людям состраданье,
Бога провидел я в сердце смягченном любовью.

119

Черновой автограф

Загл. *Без заглавия*

4–11 И сердце тихо дремлет; о былом
Ни вздоха, ни слезы. Как мрак унылы
<Былые?> грезы, не страшат утраты,
И не пугает душный мрак могилы,
Воспоминаний яркие заплаты
На рубище души пестреют ярко, —
Но бледные не трогают они
Уснувших чувств и ничего не жалко

120

Черновой автограф 1

Загл. **ИЗ БУКОЛИЧЕСКИХ**

Вместо 7–18 И слышу как с небес сверкающих лепечет
Незримый мир… в лазурной вышине
Трель жаворонок льет… в траве как окликает
Веселой стрекотней кузнечика кузнечик…
И мнится: музыкой бесчисленных сердечек
Трепещет радостно согретая трава,
Под светлой ризою небес и божества…

Черновой автограф 2

1 От мошек и слепней закрыв лицо платком
8–10 Звучит мне нежно так, как бы звучали слезы
На камни мрамора упавшие с небес
И тихо я дремлю — мой прежний мир исчез
11 *Отсутствует*
Вместо 12–18 [Но слышит чуткий слух, как поле окликает]
Веселой стрекотней кузнечика кузнечик
И мнится — музыкой бесчисленных сердечек
Трепещет радостно согретая трава
Под светлой ризою небес и божества.

121

Автограф

Между 16–17	Проникал он в раннем детстве Через полог в колыбель И на брачные простыни Он рассыпал резвый хмель.
17–20	*Отсутствуют*
21	И зачем теперь он бродит
25	И зачем листвою желтой.

122

ЖО. 1887. № 48

3	И вечер ткет лазоревую тень
4	Угасший день в душе моей сияет
9–12	Пройдут года — и в мгле печальных лет В дни черные ненастья и сомнений Он будет мне бросать свой ясный свет На темный путь, как благодатный гений.

123

РМ. 1888. № 9

16	Там прах шута лежит на ложе жестком.
22	Питая душу жизнию суровой.
29	Заступника и друга находили.
31	Защитником несчастных — и о нем.
Вместо 33–34	Презревший жизнь, теперь спокоен он: С его лица сбежала тень улыбки; Он позабыл комический свой сон, — Мирских тревог обиды и ошибки…
36	Белеется истрепанный колпак
45	На бледный труп смотрел прилежным оком
51–53	Небесная мила тебе мечта, Но был смешон наш мир безумно-тленный», — И приказал усопшего шута

Черновой автограф 1

Вместо 16–34	Там труп шута лежит на ложе жестком. В его чертах спокойных и [серьезных] Торжественная важность разлита С запекших губ сбежала тень улыбки, И страшен он бесчувственный мертвец Он сбросивший в [день горького конца] Как ветхий плащ житейские ошибки

После ст. 40 прозаический набросок финала:

Король угрюм, —

Он входит в опочивальню шута и смотрит на труп. Слуги спрашивают короля, в каком платье хоронить шута? Король всматривается в спокойные черты трупа — и не может решить. Наконец объявляет, чтобы шута хоронили в королевском платье. Но потом изменяет свое решение; для такого строгого лица трупа и его королевское платье будет казаться ничтожным, а нарядить труп шутом кажется королю кощунственным. Он теряется в догадках и хотел бы слышать, что скажет сам шут, — но шут молчит, — и король первый раз сознает свое ничтожество; он говорит....

Мой верный шут; мой ласковый слуга
В какой наряд облечь тебя достойно?

136

Черновой автограф

После ст. 24 и отточия:

Сквозь окна мастерской художника в час ночи
Глядела мертвая луна
На шлемы яркие, на мстительные очи,
На дышащую гладь живого полотна…
И мнилося луне, что сон, когда-то зримый
[Вновь видела она с небесной высоты]
И этих палачей, и бой неукротимый,
И эту бледную, склоненную главу
Над плахой роковой…
Все это видела когда-то наяву —
За темью лет былых, светя над миром тленным…
И вновь то вызвано, и вновь оживлено
И снова перед ней величием сверкает…
Так иногда мираж небесный повторяет
Все то, что на земле случайно свершено…

140

Черновой автограф

Дрожащий свет звезды вечерней
И бледный цвет душистых лип
В былые годы суеверней
Разжечь мечты мои могли б.
А нынче сумрак этот белый
И этих звезд огонь несмелый,
И благовонных яблонь цвет, —
И шелест, брезжущий по саду —
Всё будит кроткую отраду, —
Воспоминанье прежних лет.
И в эту ночь при полусвете
Ночной застенчивой зари —

О чем-то хочется молиться,
Кого-то хочется любить;
<Ненасладимым?> насладиться
И незабвенное забыть.

143

Черновой автограф 1

И у этого поэта
Всё любовь, весна да грезы? —
Как все пошло и старо,
Ты сказала мне с гримасой
Книгу выпустив из рук.
— Что же делать, милый друг,
Погляди на эту книгу —
И при этом я на небо
Указал тебе, — ты видишь
Уж на что мудра она!
А и в ней мы век из века
Об одних читаем звездах,
Да о том как мы ничтожны
Перед бездною вселенной!

145

Черновой автограф 1

Загл. **СОН В ЦАРСКОМ СЕЛЕ**

I

Душистый сад дремал объятый зноем;
Аллеи лип, теряяся вдали,
Задумчивым —— строем
Ряды статуй —— земли
Объятые торжественным покоем
Подслушать бы —— могли, —
И меж кустов, клубяся и сверкая
Бежал ручей —— мая.

II

И задремал ясень
Склоняясь вел
басен
произвол
прекрасен
От зол
И мертвые, безгласные [1 сл. нрзб.]
душа во тьме

III

Казалось мне вдруг ожил старый сад;
Былая жизнь воскресла в нем; казалось
Деревья, что ———— аромат
— — — пробуждалась
———————— палаты
—— — шепталась
Мелькнули фижмы, локоны, чулки
И ——————— башмаки…

Черновой автограф 2

IX

О, время, время!.. Вечность родила
Тебя из мглы бесчувственного лона…
Пока живем, ты конь: есть удила,
Поводья есть… Не смеешь вне закона
Опередить нас; но едва стрела
Холодной смерти поразит — препона
Вмиг рушится… Твой бешеный прыжок
Неизмерим и страшен, и высок…

149

Черновой автограф

Загл. **ПЕРЕД ДОЖДЕМ**

Между 4 и 5
Туча тихо наводит прохладную тень
Воздух пахнет сильней резедою…
Оробелый петух вдруг взлетел на плетень
И поет, поводя головою

150

Черновой автограф 1

Загл. **ИЗ ФАНТАЗИЙ**

После 4
Мчался я — но не знаю куда и зачем
И к волшебному острову скоро доплыл
Возвышался на том златоверхий гарем
И фонтан ароматные брызги струил
На ступенях крыльца старый евнух-колдун
По <полу?> золотому чертил костылем
И под робкие звуки трепещущих струн
Голос нежный и пел, и рыдал о былом
В этом голосе я

155

Автограф 2

Загл. **ДАЧНАЯ КАРТИНКА**

Промчалася гроза… Все блещет и поет,
В алмазных каплях сад душистый.
И опоясала лазурный небосвод
Гирлянда радуги лучистой.

Чуть хлопает крыло сырого жалюзи
Под освежительной прохладой…
Лягушка быстрая подпрыгнула в грязи
И снова скрылась за оградой…

По мокрому шоссе в мерцающем платке
Прошла усталая цыганка…
Кричат разносчики, и где-то вдалеке
Визжит гнусливая шарманка…

158

Черновой автограф 1

Вместо 42–43 Со мной гулять невесело…
Что мост мостить — ни есть, ни пить,
Что морем плыть — огонь тушить.
Иди-ка, добрый молодец,
Один путем-дорогою.

161

Черновой автограф

13–20 И Дух у синего Евфрата
В святом восторге райских сил
Себе из глины вызвал брата
И в сердце брата опочил…
И, окрыленный страстью новой,
Зажегся в пламенных сердцах
Досоздавать свой мир суровый
В прекрасных образах и снах!

168

Черновой автограф

Между 12–13 И над ней вспорхнет мерцая
В искрах синий огонек
Точно огненного края
Сизокрылый голубок…

171

Автограф

После 16

Так и в душе моей; еще в ней смутно тлеет
Светильник тихих грез; еще не спит она
И юность ясная в ней благотворно веет,
Как алая весна.
Еще не спит душа, — но песнь звучит в ней реже
И шепот странных дум сменяет радость снов;
Еще в ней тот же свет, но звуки уж не те же:
В ней умерла любовь!

175

Черновой автограф 1

Под пологом ночи осенней
Задумчиво город заснул,
Лишь поздние светят лампады
И бредет усталый разгул.
Люблю подмечать я сиянья
Огней запоздалых в окне —
Отгадывать кто одинокий
Не дремлет в ночной тишине
Быть может то пишет влюбленный
Посланье влюбленное «К ней»,
Иль жизнь догорает страдальца
При слабом мерцанье свечей.
Быть может то бледный мечтатель,
Что ночи сидит напролет
И пишет о тайнах свиданья
О шепоте дремлющих вод.
О том, как в лесу ароматном
Рыдает ночной соловей…
Как месяц заслушавшись ночи
Горит все ясней и ясней.
А в улице сонно и глухо
Далеко до алой зари
Никто не пройдет, не проедет,
Тоскливо горят фонари —
И дремлют немые громады
Осенние окна темны.
И жизнь утомленно вкушает
Мучительный сон тишины…

Черновой автограф 2

Между 16–17

Но грустно нарушенным встретить
Мечтой очарованный мрак, —
И взору отрадно заметить
Спокойный огонь, как маяк.

21 До света, меж стен бездыханных
23 О ласках, о зорях румяных
Между 24–25 И призраки славы он ловит…
А слава стоит у дверей
И с бледной нуждою злословит
О кратком восторге людей

179

Черновой автограф

Мы любим, кажется, друг друга, —
Но отчего же иногда —
От ласк бежим как от недуга, —
Любви боимся как огня.
Зачем томяся скучной ловлей
Былых ошибок [1 сл. нрзб.]
Как будто под одною кровлей, —
Должны два сердца враждовать.

182

Черновой автограф 2

1–4 *а* [Не пойму я этой ночи
Утомленной и больной,
Даль небес под сизой дымкой
С поволокой голубой]
б Не пойму я этой ночи
Белоликой и больной.
Даль небес под сизой дымкой
Светит бледною зарей
13–16 *Отсутствуют*

184

Черновой автограф

2–4 Сошедшие с гаснущим днем
И синие гроздья сирени
Под нашим раскрытым окном?..
7 И скоро ревнивые свечи
14 И грустно смотрел я в окно
16 То было не очень давно!

190

Черновой автограф 2

Вместо 19–27 Мне снилось — вдруг весна настала, —
Все пышно зацвело;

Вода ручьями побежала
Душа восторгом задрожала
— Мой паж! Не хмурь чело!..
Твой сон отраду обещает, —
Твой сон вещает мир

192

Черновой автограф 5

I, вместо 13–16 В новобрачную светлицу
Белый гроб несли рабыни,
Новобрачного рядили
В погребальные простыни!
II, после 12 Навестит детей он завтра
И увидит: бледный Товий
Недвижим, в устах сомкнутых
Запеклися капли крови;
Темны жилы голубые
На висках его и шее, —
И подобен лоб бесстрастный
Холодеющей лилее…
III, 8 Тканью легкой занавески
IV, между 4 и 5 Тайно крадутся сатрапы
Из домов своих любовниц
И росой душистой каплят
Ветки тучные смоковниц
IV, 10 Боязливой и небрежной
IV, 13 И к устам ее склоняясь
V, 17 Рагуил седой, как прежде
V, 19 И с рабынями в испуге

Автограф

[I]

Семь раз пиршество шумело
В пышных парках Рагуила;
Семь раз дочь его родная
Тщетно замуж выходила.
Только звуки обрывали
Гармоничные кимвалы,
Только гости расходились
Полусонны и усталы,
Молодых вели в ложницу…
И едва всходило утро,
Брызнув в тучки кочевые
Блеск огня и перламутра,
В новобрачную светлицу
Белый гроб несли рабыни,
Новобрачного рядили
В погребальные простыни!

И — вчера венок венчальный —
Был сегодня похоронным,
И — вчера жених влюбленный —
Был сегодня трупом сонным!
И вчерашняя невеста
Горемычною вдовою,
К жизни мужа призывая,
Орошала труп слезою.

II

Но печаль любви не вечна,
Позабудутся утраты, —
И опять у Рагуила
Блещут парки и палаты,
И опять его дочь Сара
В ткани легкой и прозрачной
На заздравном пире смотрит
Возрожденной — новобрачной.
Нынче юный отрок Товий
С ней сидит на видном месте;
Он — жених, она — невеста
И ликуют оба вместе!
Хмур седой родитель Сары, —
С женихом сидит он рядом
И тревожно озирает
Жениха орлиным взглядом;
Мнится сумрачному тестю —
Этот отрок, полный силы,
Смуглолицый и прекрасный
Будет жертвою могилы;
Завтра он придет к ним в спальню
И увидит: бледный Товий
Недвижим, в устах сомкнутых
Запеклася пена крови;
Вздуты жилы голубые
На висках его и шее
И подобен лоб бесстрастный
Бледно-матовой лилее…

III

Оттрапезовали гости,
Погасилися лампады…
Парк умолк; одни рокочут
Белопенные каскады…
В благовонную ложницу
Товий с Сарою приходят;
Там, под пологом атласным
Ложе брачное находят;
Там, на мраморные плиты
Водомет певучий плещет
И в окно луна ночная

Фосфоричным светом блещет…
И таинственно, и строго
Спальня смотрит в томном блеске;
Чуть пролетный ветер треплет
Ткань оконной занавески.
И несет он к новобрачным
Влажных трав благоуханья;
На лобзаниях влюбленных
И его горят лобзанья…

IV

Между тем, в сыром подвале,
Под ложницею богатой,
Белый саван шьют поспешно,
Обивают гроб дощатый, —
Слышен шепот осторожный
Похоронных причитаний, —
Все торжественно и полно
Беспокойных ожиданий.
Все уверены, что только
Солнце луч янтарный бросит,
Озарив вершины маслин, —
Жениха уж смерть подкосит.
Облечется в траур Сара,
Проклиная бремя жизни,
Соберутся снова гости
Не на свадьбе, а на тризне…

V

Яркий месяц уплывает,
Раскрасневшись на заходе,
Но зари еще не видно
В бледно-синем небосводе,
Хоть спешат уже сатрапы
Из домов своих наложниц,
И росой душистой каплят
Ветви трепетных смоковниц…
Во дворце у Рагуила,
Словно глаз налитый кровью,
Блещет алая лампада, —
И скользит по изголовью
Новобрачных луч бесстрастный, —
Там, усталой и небрежной,
Утомившись дремлет Сара
На подушке белоснежной…
Грудь ее высоко дышит,
Бледны знойные ланиты,
Нервно вздрагивают ноздри
И уста полураскрыты,
А, на грудь ее припавши,
С нею рядом дремлет Товий;

Увлажнился лоб высокий,
Ближе сдвинулися брови…
Он ей шепчет что-то страстно,
Но она уже не слышит
Ни мольбы его, ни стонов…
Только смотрит, только дышит,
Только дышит, только смотрит
Взором счастья и недуга,
И лицо свое отводит
От горячих уст супруга…

VI

Протянулась на востоке
Лучезарная полоска;
Пробудился голубь, спящий
Под навесами киоска,
Пробудился и воркует,
Точно шлет привет деннице;
По дороге, пыль вздымая,
Шумно мчатся колесницы;
Все длинней ложатся тени
От чертогов и киосков,
И в сквозной листве мелькают
Мириады ярких блестков…
Жидким золотом трепещет
Пруд, зарею позлащенный,
Горделивей к небу смотрит
Зонтик пальмы освеженный…
Веет жизнью, веет утром,
Небеса светлы и сини, —
В этот час в ложницу Сары
Постучалися рабыни…
Рагуил седой в испуге
Ожидает вновь потери,
И с рабынями он также
Поспешает к милой дщери,
И в резную дверь ложницы
Костылем стучит дубовым,
Вызывает дочь любовно
Задушевным, кротким словом;
Вызывает громко зятя,
Но в покоях новобрачных
Нет ответа, там разлита
Тишина, как в склепах мрачных…
И колени задрожали
У седого Рагуила
И в предчувствии тяжелом
Вся душа его застыла…
....
И к замку резному двери
Он склонил прилежней ухо:

Чей-то лепет, чей-то шепот
Долетел тогда до слуха;
Это Сара так лепечет,
Это Товий шепчет нежно…
С облегченным сердцем снова
Он напряг свой слух прилежно:
«Утомил меня…довольно…
Ты и так прожег уста мне…»
И потом фонтан забрызгал,
Шумно прядая, на камни…

194

НВ. 1893. 9 мая.

I, 23	Созданье дум Твоих прекрасно
II, 10	И жизнь в таинственной ночи
13	И вздох волны звучал полней
23	Хотел разлиться в отблеск лунный
25	Томить смертельною отравой
30–31	И он боялся тьмы прозрачной
	Любя безжизненную тьму
35–37	С цветущей лаской бытия…
	Напряг безумное вниманье,
	И видит он — из пышных трав
39	Прильнув к земле, дыша землею
III, 1	И мрачный дух сказал, с отрадой приникая
5	И дал он жизнь тебе, холодное созданье!
7	Отныне отдаю тебе…скорей… скорей.

196

Черновой автограф 1

I

Оно не раз преследовало смутно
И наяву, и в тихом сне меня.
Оно везде, во всем, ежеминутно, —
И в тьме ночей, и в ясном блеске дня…
Но что оно? Названья нет ему…
Как рождено, когда и почему —
О том никто не знает, и когда бы
Всех мудрецов из всех подлунных стран
Перечитать, — их мыслей караваны,
Их вымыслы пред ним бледны и слабы,
Как перед днем колеблемый туман.

Счастливые душою не поймут
Чем мучает и чем оно волнует.
Довольный жизнь победой именует
И любит жизнь как свой заветный труд.

Не для него ужасное оно!
Ужасное печальным рождено
И счастие не знает надо мною

Черновой автограф 2

I

Бессмертное бессмертью посвящают,
Но уже нет бессмертия с тех пор,
Как города громады вознесли
И родилося смертное оно…
Но что оно? — названья нет ему…
Оно не раз преследовало смутно
И наяву и в беспокойном сне, —
Оно [гналось] шептало поминутно
[О] в безвременно утраченной весне…
Оно живет, тоскует нашей болью, —
Не отогнать земному богомолью, —
Ни знаменьем распятого Христа, —
Ужасный призрак, — резких очертаний
В нем нет почти; холодное лицо, —
И тусклые глаза

И если б захотели дать имя на языке безгрешном даже злых то не нашли бы

Черновой автограф 3

Загл. **ЧУДОВИЩЕ**

(ФАНТАЗИЯ В ТРЕХ ПЕСНЯХ)

Песнь I

Оно не раз гналось уже за мною,
Оно не раз преследовало смутно
И наяву и в тихих грезах сна
Меня, меня безумца и пигмея.
Но что оно? — Названья нет ему —
И если бы цветы земные, мирно
При свете звездном робкую беседу
Ведущие, хотели б нашептать
Название ему — то не нашли бы
В своем безгрешном языке то имя,
Которое присвоено ему!
И если бы моря и океаны,
Омывшие всю суетную сушу —
И жадно поглотившие не раз
Земли слепой греховные дары, —
Хотели бы сказать волнами имя —
Которое достойно для него —
То не нашли б — То призрак вечно алчный, —
Как та геенна страшная и злая
Клокочущая вечными огнями,

Которою Евангелие пугает!
И самый ад в сравненье с ним ничто.
Чудовищем его могу назвать я
Но это имя — будет для него
Таким же светлым, благовонным звуком, —
Такою же чарующею лаской, —
Как для всегда осмеянного имя
Правдивого — и вечного святого!

Впервые он, ужасный призрак этот,
Явился мне в том возрасте, когда
Беседует душа с небесным миром, —
И чувствуя дыхание земли,
Еще ее отраву не вкушает!

Автограф

Оно не раз гналось уже за мною,
Оно не раз преследовало смутно
И наяву, и в тихом полусне
Меня, меня — безумца и пигмея!
Но что оно? Названья нет ему.
И если бы цветы сказать хотели
О нем зефиру, дышащему сладко, —
То не нашли бы в языке своем,
Безгрешном и прекрасном, злое имя,
Которое присвоено ему!
И если бы моря и океаны,
Омывшие всю суетную сушу
И жадно поглотившие не раз
Слепой земли греховные дары,
Хотели бы в час бури разразиться
Тем именем — то не нашли б его!
То страшный призрак — плоть его воздушна,
Как сам эфир, и если эту плоть
Возможно было б осязать — она
Предстала б нам холодною и склизкой,
Как мокрая лягушка

Черновой автограф 4

Загл. *Без заглавия*
После II строфы Бледней известки выбеленных стен
[Оно стоит под сводами больничных коридоров
Оно не смерть, не призрак, не болезнь

Оно блуждает с бледным челом][1], со скорбным листком в руке, — все белое, влажное. Оно лежит белее своих простынь, окуренное пряным запахом лекарств оно ходит осторожно в белом колпаке и слушает как уныло струится из ярко блестящих кранов вода, напол-

[1] Приблизительное чтение, отражающее верхний слой обильной правки.

няя чаны и ванны… или тихо мерцает в бледном огоньке сияющей лампады в притворе больничной часовни…

Оно за решетками тюрьмы проходит гулко звеня сталью по каменному полу, — оно сидит у окна и слушает унылую зорю…Я слышал его песнь однообразную, как заточение, — оно смотрело из мрака черного окна в белую майскую ночь.

Оно в стенах постоялого двора, при тусклом свете сального огарка, за стойкою плачется на свою жизнь и рыдает; между тем как унылое время однообразно уводит минуты с каждым колебанием медного маятника.

Оно дрожит в лохмотьях на соломе
Печальных тюрем, — и в ночлежном доме

197

Черновой автограф 1

Кто костлявою рукою
В двери хижины стучит?
Кто увядшею травою,
Кто соломой шелестит?
То не осень с нив и пашен
Возвращается хмельна…
Этот призрак зол и страшен
Как мертвец лишенный сна.
Он идет без хмеля бледен,
В жалком рубище своем, —
Словно крысами объеден
И котомка за плечом, —
Да и сам, как зверь, загрыз бы,
Кто б ни встретился ему…
Он заглядывает в избы
Словно в душную тюрьму.
Все метет он из амбара —
До последнего зерна, —
Коли нет добра <и дара?> —
То скотина убрана.
Смотришь, там исчезла телка,
Здесь пустует огород…
Тяжела его метелка
Да легко зато метет.
Проходи-ка стороною
Гость докучной, посмотри —
Сеют щедрою весною
От зари и до зари
И весной страдой измаян
Не отворит дверь свою, —
Добродетельный хозяин
В работящую семью.
И стучится с лютым гневом, —
По амбарам, по дворам, —

По   хлевам
Разоряя здесь и там…
        Тащит сено и солому, —
                    шелестит
        И с унылым плачем к дому
        Резать телку он спешит.
Хлеб на нивах солнцем выжжен, —
Поздним градом смят овес
И стоит дрожа у хижин
Разрумяненный мороз…

203

Черновой автограф

Между 6–7 Шарманщик, шарманщик, сыграй что-нибудь
Чтоб сразу от вздохов [1 сл. нрзб.] грудь, —
Кто счастлив судьбою тебя не поймет…
Я беден! Я грустен! — шарманка поет

204

Черновой автограф

1–2 Исполнена безмолвного смущенья
По коридорам двигалась толпа
7–8 Был страшен смех улыбок костяных
Над бытием забвенным и случайным.
11 Тех облики кто дорог был молве

206

Черновой автограф

III

И зной, и лень!.. Иду в аллее стройной
Меж двух сторон теснящихся садов
а И злобная мне шепчет мысль упрямо:
Вся эта жизнь — ликующая драма
С затверженной любовью и борьбой,
Лишь в душный день разыгранная гамма
Ленивою, скучающей рукой…
б Из-за гардин опущенных
Там слышен звук рояли
И будит мысль, и ропщет мысль упрямо:
Не вся ли жизнь с любовью и борьбой
Лишь в душный зной разыгранная гамма
Ленивою, скучающей рукой!..

207

Черновой автограф

Между 10 и 11 На миг затмив мерцанье вечных
Неугасаемых светил, —
Что тонут в безднах бесконечных.
И между тем как в бурной пляске
Кружат мгновение огни

15–18 Им не затмить огонь прекрасный
Луча небесной высоты
Как не затмят любви могучей
Земли безумные мечты.

211

Черновой автограф 1

после 12 Кумир бесчувственный разбит…
И что ж в его бездушном прахе, —
Под бледным мрамором нашел?
Я в нем нашел свое сердце.

Я надышал в него теплом
Весной и жизнью и любовью
И холод камня, как лучом,
Согрел мятущеюся кровью…

А мой кумир окаменил
Мое рыдающее сердце
И пламень дум, и пламень сил
Задул в мятежном громовержце.

И я развенчанный, как бог,
Узнал в ожившем истукане
И жар оплаканных тревог,
И мысль угасшую в тумане.

212

Черновой автограф

Вместо1–5 В агонии до белого утра
Я не смыкал очей своих тревожных, —
Рой призраков, то злых, то осторожных
Не отступал от знойного одра.
Метался я; так в бурю челн дощатый
Кидается в объятье дерзких волн, —
Весь ужасом и трепетом объятый, —
Живых пловцов лишенный мертвый челн.

После 24 и отточия:

И запахом оттаянной земли
На облаке таинственных курений
Я как мечта, как вздох, погас вдали…

219

Черновой автограф 2

Загл. **I. В СОСНОВОЙ РОЩЕ**

Тихо в роще — жар несносен,
Неподвижен длинный ряд, —
Желтостволых колоннад —
Опаленных зноем сосен.
Обессиленная мгла
Тучи ждет и небу внемлет
Туча холодом объемлет
Ветер сумрак колыхнул
И в вершинах полутемных
Точно ропот дум смущенных
Все слышней тревожный гул
И сквозь хвои тощих игол —
Орошая бледный мох, —
Град запрядал и запрыгал
Как серебряный горох…

224

Черновой автограф

Он выглянул на свет: в лесу еще валежник
В сребристом инее сверкает до утра…
Подснежнику мила весна, ее игра…
И за весну умрет подснежник!

226

Черновой автограф

[Угрюмый лавр, земных побед
И славы тайная услада
Ему цветов земных не надо,
Он строг, как вечности завет
И дружба верная несет
Его на гроб своих страданий, —
Как будто там он расцветет,
Где нет тоски и воздыханий!..]
И если нежною рукою
Его нам юность подарит
Я изумляюся тобою,
И не могу тебя любить

227

Черновой автограф

Загл. **VIII. ЛАНДЫШ**

Как скромен ты, питомец мая,
Не нагляжуся я тобой…
Как юность, весь благоухая
Ты тихо молишься со мной —
Склоняя чепчик свой измятый, —
Не от грозы — от нежных чар…
Ты дремлешь грезами объятый
Впивая первый неги жар
Когда твой вздох уединенный, —
В лесу сосновом слышу я…
Уже восторгами смущенный
Встречаю солнце бытия
[Как я лю]
Своей тоской не отравлю!..
Не знаешь, как ты песней даришь
И как давно тебя люблю.

229

Черновой автограф

Загл. **VII. ОСИНА**

«Опасность близится о, помоги, мой друг»
И листья робкие трепещут у осины.
На небе тишина, безветрие вокруг,
Но бледную листву склонил немой испуг
Среди живых цветов пестреющей долины…

И если вдруг гроза сгустилась душной мглой,
И дубы мрачные вершиной сотрясали,
Осина бледная, в кокетливой печали
По-прежнему дрожа застенчивой листвой,
И тихо сетует в задумчивой печали:
«Опасность близится о, помоги, мой друг!»

244

Черновой автограф

1 Страждет ли сердце о мире тоской непонятной
4 Стройные строфы читай — вещие думы поэта
5–8 Мир бесконечно велик, жизнь в проявленьях бессменна
Жажде пытливых умов [ветхая] мудрость [бледна]
Песнь создается, как мир; три единства неизменно
Нам вдохновенье дарит: свет, [божество], красоту, глубину!..

247

Черновой автограф

14–16 Как милые, таинственные сны
Исчезнут вдруг смятением объяты
Мы ловим миг безгрешной тишины.
17–20 *Отсутствуют*

249

Черновой автограф

5–6 Вдруг смолкнет все!.. И глубже синий мрак
Ночных небес. В пустынном отдаленье
10 Почти живут, рождают пульс из праха
14 И память в снах прошедшее читает
18 К источнику [нетленного] премудрого зачатья

256

Черновой автограф

I

Мой друг, мой нежный друг, люблю тебя; зову —
И в сердце у меня как солнце ты сияешь
Но чем печальней сон, тем слаще наяву
Веселую зарю с отрадою встречаешь…

Душа моя скорбит, что нет тебя со мной,
Поникнул я челом, в молчании страдая.
а Так ива скорбная склоняясь над водой
Лобзает облака пленительного мая…
б Но тьма души моей уж брезжит солнцем мая
Любуется зарей

258

Черновой автограф

6 Всюду ясный роняет свой взгляд
8 Одеваются в новый наряд
Между 8 и 9 [И земле возрождающей снится
Что-то светлое в яркой дали, —
Сердце хочет любить и молиться
Сердце верит]
10–12 [Встрепенувшись ликует земля
И встречая праздник веселый]
Но печально глядит на меня
15–16 И волной колокольного звона
В беспредельный простор упорхнуть

268

Черновой автограф

Вместо 5–8 И вновь былыми годами
Обвеяна душа
И грезы хороводами
В ней реют не спеша

Между 16 и 17 Молчат бассейны праздные —
Фонтаны не шумят, —
И капельки алмазные
Ночной росы блестят

За дальним отдалением
Чертоги, терема
Белеются видением
Счастливого ума…

Ах, если не устала бы
Душа в тоске сует, —
Мой колос, полный жалобы, —
Не стал бы мучить свет.

269

Черновой автограф 1

3 Как рука твоя в руке моей
5 Прослезились очи нежные
9–10 Под окном уныло мечутся
Ветки шумные берез
14 В наших встречах роковых
17–20 *Отсутствуют*
21–24 Ждет ли, ждет ли сердце <праздника?>
Иль страдания мне жаль…
Или два несчастных — радостью
Могут сделать и печаль.

Черновой автограф 2

21–24 Или две души страдающих
Озарив любовью [мир], —
Даже скучный день несчастия
Превращают в светлый пир.

274

Черновой автограф

Загл. **ЖЕЛТЫЕ ЛИСТЬЯ**

5 Под колокольню, на поздний ночлег
15 Вечер осенний уныл и пахуч

После 16 Влагою дышит сырая земля,
Желтые листья кружат и кружат…
Поздние думы уныло молчат
С листьями скуку деля.

277

Черновой автограф 1

1–5 *а* Не говори, что в дни былые,
Когда на муки шел Христос, —
Народ счастливым был, впервые
Услыша речи неземные
Того, Кто Истину принес.
б Не говори, что Галилея
Была счастливой оттого,
Что там Христос во дни былые
Учил — и видели впервые
Они пророка своего.

279

Черновой автограф 1

Загл. **ИЛЛЮЗИЯ**

Вы знаете ль в скитаниях земных
Тот светлый мир иллюзий роковых,
Где мертвый прах мгновенно заключен,
Как в роскошь риз животворящий сон…

Где красота победу торжествуя
Живет одна без муки поцелуя —
Где все восторг, все прелесть, все обман
Чарующий мучительной загадкой…
И чем светлей сияющий туман,
Тем ночь тускней, — тем четче сумрак сладкий…

Черновой автограф 2

Загл. *Без заглавия*
2 Где все полно, как рай, святым очарованьем
6–10 Там высятся дворцы, но зависть на порог
Стоглазою змеей туда не подползает;
Вы знаете тех сфер заоблачный чертог
Где истина живет и счастье процветает.
Переступали вы за чудный тот порог?
11 В [1 сл. нрзб.] цветов и в плеске синих волн
21 Вступали ль вы в тот мир иллюзий золотых
24 Вам будет миражом, мирским воспоминаньем

316

Черновой автограф

4	Смутит [1 сл. нрзб.] житейский шум
8	Никем не видимых духов
15–16	Земля, — ужель ты к предстоящей Близка погибели своей
19–20	Умрет, исчезнет беспощадно, Ужель агония близка!
Вместо 21–32	Ужели мир, как в сновиденье За родом свой менявший род, — Сам в исступленном наслажденье И содрогнется, и умрет! Недовершенное оставить Ужели мудрости дано, — И славу Бога обесславить Ужель забвенью суждено…
25–28	*Отсутствуют*

319

Черновой автограф

1	Шел я весною в сумерках румяных
19	Радость и солнце нами позабыто!..
22–28	Шлемы купая в воздухе румяном И за них цеплялись влажные туманы, И над ними плыли тучи караваном. Вся земля над ними хвоями и мохом Так дышала крепко в забытьи унылом… Что невольно слезы с облегченным вздохом Вырывались… о чем-то невозвратно-милом!..

327

Черновой автограф 1

3–4	И заживет сердец болящих долго рана, Несчастных станет жизнь и свет, и торжество
8–14	С Сионской высоты оливу вам принес — Коснитеся ее — и совершится чудо: Исполнится душа благочестивых грез, Отрекшись от обид, от мщения и блуда, И будет на земле одно святое братство Без власти, без оков, без рабства — Я вам любовь принес!
21	Я Истину принес

334

Черновой автограф

Загл **БОГ ИУДЕИ**

6–8 Бог мщенья и обиды
Бог славы жаждущий от племени людского
Бог [смерти] деспот, бог-тиран
14 И забывавший гнев при лести и псалмах
19 Бог этот, страшный Бог неукротимой сечи
33 О, как должно быть, тих, благочестив и мирен
38 В своем спокойном сне на девственном одре
49 [Он не будил ее] Но тихо Бог вошел.
Он не тревожил сладкий
53 Он только опахнул румяные ланиты
55–56 И были новые виденья ей открыты
И стало перед ней грядущее светло
70–71 Природы создано для ней
И голубой хрусталь небесного пространства
72–76 *Отсутствуют*
78 [Великий, страшный] Самодержавный Бог,
молниеносный Бог
81–82 Он понял мир земной, блудящий в тьме полночной
Он Бог властительный с бессмертною душой

336

Черновой автограф

5–8 Как блестит прекрасно
Теплая заря
Как сверкает ясно
Крест монастыря.
17–18 Воды ярко рдеют
Жарок бред земли

338

Черновой автограф

19–22 Тихо в пустыне небесной, и шум
Бурной печали рожденной от грез.
Вымысел Бога
Вечною тайной питает наш ум.
Страстью клокочет, трепещет от страха
Жизни тревога.

340

Черновой автограф 1

Дохнул сентябрь; как луч, огнист
Мерцает в зелени древесной
Багряный лист, осенний лист
И хмур и мрачен свод небесный.
В отяжелевшем сне своем
Головки клонят георгины
И тянет гарью из долины
Под набежавшим ветерком.
Жалюзи выцвели у окон
И гуще тина у пруда
И у заборов кое-где
Уже висит прозрачный кокон.
Пора из вольных деревень,
Пора приют покинуть дачный
Пора приехать в город мрачный
Забыв рассеянную лень…
Природы хмурое ненастье
Пора покинуть для него…
И панцирь каменный его
Радушно примет в вас участье…

Черновой автограф 2

6 Кусты пришиблены дождем
7 И пахнет гарью из долины
11 И на заборах кое-где
15 Спешат на юг, где глубже звезды
После 16 И люди снова в город мрачный
Забыв рассеянье [летних] деревень
Спешат приют покинуть дачный
И только пестрые цветы,
Питомцы лета золотого —
Дрожат от <утренников?> белых,
Дрожат от стужи и ветров…
Цветы роскошные [1 сл. нрзб]
Цветы полей, цветы плебеи
[Они покинув сад туманный]
Хранят прозрачный блеск теплиц стеклянных.
И стены тюрем золотых

342

Черновой автограф 2

Загл. *Без заглавия*
11 Заквакали, как резкий звук фагота
13–14 Скрипят сверчки. Во мраке летней ночи
Вдруг зрячею проснулася сова

20–24 Плывет в волне медлительного шума,
Как холодом обвеянный поток, —
Где папортник качается украдкой
И тщетно ждет объятый дремой сладкой,
Когда ж его раскроется цветок…

350

Черновой автограф

I

5–8 Северная ночь — безжизненно вокруг, —
Только тайно зреют семена весны,
Только в робком сердце пламенный недуг, —
Тихо шепчет сказки, навевая сны.

357

Черновой автограф

7–12 Румянец заката мерцает в аллее
И длинные тени ложатся по саду…
Спокойная ночь надвигаясь неслышно
Трепещет, как вздох утомленной надежды, —
И только смежатся усталые вежды
И звезды, и грезы затеплятся пышно…

360

Черновой автограф

Начальная ремарка *Воздушное пространство.*

ГЕНИЙ МИРА

а Ты сетуешь еще, блуждающая? Много
Страдала ты, непонятая, злобой, —
Зачем же ты эфирную дорогу
Смущаешь воплем? Тихо и прекрасно
Там, в небесах, подъемлющих миры
На сильных мышцах божеских рамен.
б Уже распалося давно
Земли последнее звено
Мы в царстве света и лазури
Где небеса не знают гроз…
Забудь отраву прежних слез,
Забудь мятущиеся бури…

ХОР ДУХОВ

Воскресшей природе
Мы гимны поем…

И волн хороводы
Свиваем лучом
Раздайтеся песни
Во имя любви…
И мертвый воскресни!
И падший живи!..

Заключительная ремарка *На земле слышны песня жаворонка и звон колоколов.*

375

Черновой автограф 1

3 Плывут несметными толпами
6 Шумят в задумчивых кустах
13 Из недр земли, из бездн далеких
Вместо 15–28 *а* [Откуда вы] толпа стооких
Толпа рыдающих духов
Они манят — но я тоскуя
[Бегу от них в круг лиц живых]
От ледяного поцелуя
От их объятий гробовых.
б Они пришли — сулят участья, —
Все блага лучшие земли,
Все то, что долго и напрасно
[Просил] Молил от гордых [равнодушных] и живых

406

Черновой автограф 1

19–24 И алый отблеск на волне
Как будто брезжущий извне,
Все полно кротостью святой,
И сенью, сенью гробовой.
И неземная благодать, —
Нам будет душу услаждать.
45 Святая грусть — и вечный сон…
46–48 *Отсутствуют*

415

Черновой автограф

После 12 Ах, эти шутки на себя
Природы так милы и зыбки
Она не прочь и от улыбки,
Все созидая и любя!

435

Черновой автограф

Между 20–21 Шалунам он щиплет нос
За снегурочку
Снегом Жучкину занес
Всю конурочку.

После 52 И от баней там и тут
Ночью яркою
Тени по снегу мелькнут
С перевалкою.

469

ИлПНВ. 1907. 30 июня

ЭКСТАЗ

Прощаюсь с миром —
И умираю...
Я понемногу
На полпути!

К своим кумирам,
К святому раю,
В обитель к Богу
Хочу идти!

За гробом счастье,
Конец страданья,
Венец забвенья —
Венец любви!

Творец спасенья,
Святою дланью,
Господь терпенья,
Благослови!

481

Черновой автограф

После 12 Догорает мой светильник…
Все стучит, стучит будильник,
Сердце вторит в свой черед
Механическому стуку, —
И твердит, свивая скуку —
Скоро, скоро новый год!

Новый год идет на смену,
Старых дней забыв измену —

Точно отрок без забот
Полн надеждой, взор сверкает,
И [1 сл. нрзб.] и обещает
К лучшей жизни переход

520

Черновой автограф 2

Под датой вариант окончания:

Они узнали в нем Христа,
И пали ниц, и от волнения
Дрожали руки и уста

И он вещал им о спасении
А сам растроган был до слез —
И.................

521

Черновой автограф 2

3–4 Мычанье стад и водосвятья,
И гимн молебнов слышен там.
9–12 При ободряющей иконе
Жуют весеннюю траву
Коровы тощие и кони,
Природу видя наяву.
18 Сложили в символ два перста
20 В толпе рогатого скота

ПРИМЕЧАНИЯ

Не считая небольшой брошюры под редакцией Г. Д. Деева-Хомяковского, вышедшей в 1918 г.[1], поэзия К. М. Фофанова в новейшее время дважды удостаивалась внимания составителей и оба раза — в серии «Библиотека поэта». Первое издание, подготовленное М. К. Клеманом (вступительная статья, составление, подготовка текстов и примечания), вышло в малой серии в 1939 г. В нем тексты произведений Фофанова располагались по авторским сборникам и прижизненному собранию стихотворений 1896 г.; небольшой раздел включал 20 стихотворений 1900–1911 гг., когда поэт не издавал сборников. По традиции, сложившейся в Малой серии, тексты были снабжены минимальным справочным и комментаторским аппаратом. В 1962 г. вышло издание поэзии К. М. Фофанова в Большой серии, подготовленное Г. М. Цуриковой (вступительная статья) и В. В. Смиренским (составление, подготовка текстов и примечания). Состав второго издания был существенно расширен, в основном — за счет пополнения раздела 1900–1911 гг. стихотворениями, распыленными по разнообразной периодике, а также неопубликованными автографами, обнаруженными в архиве поэта. Обновленный состав существенно обогащал представление о тематическом и жанровом диапазоне поэзии Фофанова, особенно позднего периода творчества. Полноту издания (разумеется, относительную, максимально допустимую в условиях идеологической цензуры того времени), пожалуй, можно считать главным достижением составителей сборника, стремившихся в подборе стихотворений дать репрезентативный срез творчества поэта. Однако принцип расположения текстов был принят иной — не структурный, а хронологический, что, воссоздавая внешне эволюционную картину творчества, одновременно приводило к нарушению композиционной целостности сборников и некоторых программных циклов. К сожалению, в датировке текстов в целом ряде случаев был допущен неоправданный волюнтаризм (за дату написания окончательного текста стихотворения нередко принималась дата создания чернового автографа), а выявление первых публикаций в периодике грешило многочисленными пропусками, ошибками, а подчас и ложными отсылками к источникам, что в значительной степени подрывает эффективность принятого за основу хронологического принципа публикации и ставит под сомнение аутентичность некоторых опубликованных текстов («Песня» («Заперты ворота...»); «Не отходи от меня!», «Святочная ночь» и др.). Слабой, в целом, оказалась текстологическая база издания. Ряд текстов был опубликован с искажениями (особенно в части строфики) и пропусками, сверка вариантов и редакций в примечаниях не проводилась, раздел «Другие редакции и варианты» отсутствовал. Историко-литературный комментарий, за редкими исключениями, отличался предельной лапидарностью и в целом, как важнейший компонент примечаний, был редуцирован.

[1] Константин Михайлович Фофанов. 1862–1911. Избранные стихотворения с биографией. М.: Журнал «Доброе утро», 1918. 27 с.

За время, прошедшее с момента выхода последнего издания поэзии К. М. Фофанова в серии «Библиотека поэта», творчество поэта не раз становилось предметом внимания историков литературы, занимавшихся периодом русской поэзии 1880–1890-х годов. По мере того, как обогащались и конкретизировались знания об этом важнейшем этапе историко-литературного развития, непосредственно подготовившем художественные открытия отечественного модернизма, все более становилась ясной неполнота состава уже вышедших сборников поэзии Фофанова. Осознавая это, исследователи в отборе необходимого круга текстов все чаще стали обращаться непосредственно к прижизненным изданиям поэта. Особенно ощущалась нехватка публикаций стихотворений религиозно-философской тематики, текстов мистико-символического содержания и лирики, ориентированной на откровенно экспериментальную стилистику и технику стиха. К ним относятся, в частности, тексты из разделов «Фантазии», «Думы» и «Библейские мотивы» в «Стихотворениях» 1887 г., а также такие, причисленные прижизненной критикой к разряду «декадентских», стихотворения, как «Елка вечных льдов», «Фантазия», «Весеннею ночью бродил королевич...» (из «Стихотворений» 1889 г.); «Тени и тайны», «В хаосе девственной природы...», «Кровь. Из песен о мироздании», «Белая женщина» (из сборника «Тени и тайны»); «Дофин», «Игра теней», «Кукольный город», «Не зажигая звезд, плывет по небосводу...» (из «Стихотворений» 1896 г.); «Песнь духов», «Тишина», «Сковали мне белые руки...», «Песня» («Я вырос на воле...»), «Что наша вечность?..» (из сборника «Иллюзии») и многие другие. Не всегда совершенные в художественном отношении, эти произведения, тем не менее, являются неотъемлемой частью творческого наследия поэта, без них представление о сложном и противоречивом характере идейно-стилевых поисков отечественной поэзии рубежа веков неизбежно будет обречено на неполноту. Не попавшие по понятным причинам как идеологического, так и чисто эстетического свойства в состав изданий 1939-го и 1962 гг. эти тексты сегодня нуждаются в тщательном осмыслении и комментировании. То же замечание относится к громадному пласту текстов Фофанова, разбросанных по журналам и коллективным сборникам и оставшихся по причине отсутствия научной библиографии произведений поэта недоступными для большинства исследователей. Правда, Е. З. Тарланов в приложениях к своей монографии «Между золотым и серебряным веком» (Петрозаводск, 2001) привел «Библиографию прижизненных изданий и публикаций К. М. Фофанова» (С. 349–364). Однако этот список (366 наименований), представляющий собой не сверенную с журнальными и газетными источниками копию данных из рукописной картотеки А. Д. Алексеева (ИРЛИ), изобилует пропусками в выходных данных, ошибками, а подчас и просто ложными отсылками к первоисточникам и потому может служить лишь в качестве самого приблизительного ориентира в поиске текстов.

Поэтическое наследие К. М. Фофанова исключительно велико. По уточненным данным, оно насчитывает порядка 1000 текстов, включенных автором в прижизненные сборники и пятитомное собрание стихотворений. Примерно такое же количество текстов, опубликованное в периодике и коллективных сборниках, не вошло в авторские книги стихов. С учетом же неопубликованного и хранящегося в архиве общая цифра смело может быть увеличена в полтора раза. Естественно, каждый раз перед составит-

телем нового сборника неизбежно возникает непростая проблема отбора текстов. Настоящее издание поэзии К. М. Фофанова является третьей за все время существования серии «Библиотека поэта» попыткой систематизации и верификации его обширного творческого наследия. Оно призвано, по возможности, ликвидировать описанные выше текстовые лакуны, характерные для предыдущих сборников поэзии Фофанова; естественно, при этом пришлось пожертвовать определенной частью ранее опубликованных текстов. Состав настоящего изборника задумывался и оформлялся не как конфронтационный по отношению к предыдущим изданиям, а как органично дополняющий и развивающий присущие им ценностные приоритеты творческого наследия поэта. Размышляя об удивительной «природности» поэтического дара К. Фофанова, В. В. Розанов писал: «Что такое природа в противоположность не искусству, а искусственному? Природа — полнота — без исключений. Начали исключать — и получилось искусственное; начали подбирать одно хорошее в самой природе — и получилось искусство. И вот в видах этой полноты мы не можем подойти с упреком ни к одной его строчке» (Новое время. Иллюстрированное приложение. 1901. 14 февраля. С. 10). Руководствуясь этими соображениями, составитель настоящего издания стремился не только отобрать исключительно высокохудожественные тексты Фофанова, но и представить его творчество без хрестоматийного глянца, с максимально возможной полнотой, во всей «нескладности» обаяния его поэтического облика — пусть даже иногда в ущерб собственно эстетическому критерию, хотя последний, разумеется, всемерно принимался во внимание и безусловно учитывался.

Только из состава прижизненных сборников и пяти томов собрания в настоящее издание вошло 171 стихотворение, ранее обойденное вниманием составителей. Восстановлен полный состав целого ряда поэтических циклов, произвольно разбитых на разрозненные тексты, в соответствии с принятым в издании 1962 г. хронологическим принципом публикации. Все тексты заново сверены по автографам, в результате удалось устранить многочисленные опечатки, скорректировать пунктуацию. В отдельных случаях удалось выявить и устранить пропуски объемных кусков текста, допущенные по небрежности или невнимательности составителей и редакторов. Значительно по сравнению с предшественниками расширен раздел стихотворений, не включенных поэтом в прижизненные издания. Фронтальное обследование отечественной периодики 1881–1911 гг., в том числе провинциальной, а также богатейшего рукописного собрания автографов поэта в РГАЛИ позволило составителю настоящего издания кардинально пополнить и уточнить известную на сегодняшний день библиографию несобранных текстов Фофанова. Из обнаруженных в периодике около 900 стихотворений в книгу включено 202 текста (в это число входят и впервые опубликованные неизданные автографы). Существенно по сравнению с предшествующими изданиями «Библиотеки поэта» расширен и обновлен состав раздела стихотворений, написанных Фофановым в последнее десятилетие жизни (1901–1911). Этот период «стихийного» творчества, когда поэт не издавал сборников, вел кочевой образ жизни, скитаясь по российской глубинке и печатая тексты часто в случайных, малотиражных провинциальных газетах и журналах, до сих пор остается неизвестным даже специалистам, не говоря уже о широком круге любителей поэзии, и позволяет судить, насколько чуток оказался он к

новым поэтическим веяниям, как в непростом диалоге с ними пытался проложить свой путь в культуре Серебряного века.

В настоящей подборке текстов Фофанова решено отказаться от сплошного хронологического расположения стихотворений и вернуться к уже опробованному М. Клеманом принципу публикации их в составе прижизненных авторских сборников и соответствующих томов собрания стихотворений 1896 года. Такой, ставший уже традиционным для серии «Новая библиотека поэта» принцип издания позволит более цельно и системно представить творческий путь поэта, основными вехами которого был выход в свет сборников с ярко выраженной творческой концепцией.

При жизни поэта появилось четыре сборника стихотворений, изданных в Санкт-Петербурге: «Стихотворения» (1887); «Стихотворения» (1889); «Тени и тайны» (1892); «Иллюзии» (1900), а также «Стихотворения» в 5 частях (1896). Все они, кроме сборника 1887 г. и книги стихов «Тени и тайны», были изданы в типографии А. С. Суворина, при его непосредственной финансовой поддержке и, вполне вероятно, — составительском участии. В настоящем издании тексты печатаются по прижизненным авторским сборникам и собранию стихотворений, при сохранении их общей структуры, в том порядке и в редакции того сборника или тома собрания, в котором они впервые увидели свет. Если текст впоследствии перепечатывался автором, то за основную принимается редакция его первой публикации в сборнике. Это правило не противоречит принципу «последней авторской воли», потому что авторская перепечатка носила, как правило, формальный характер и распространялась только на «Стихотворения» 1889 г., изменения, вносимые автором в текст, были минимальны, а чаще отсутствовали вовсе. Что же касается текстов, не вошедших в авторские сборники и собрание стихотворений, а также не опубликованных при жизни Фофанова автографов, то они приводятся в заключительном разделе настоящего издания в хронологическом порядке с отсылкой в примечаниях к первоисточнику.

Проработка большого массива периодики и рукописей поэта позволила сформировать текстологическую базу, по сути отсутствовавшую в предыдущих изданиях Фофанова в серии «Библиотека поэта». Во-первых, удалось установить, а в ряде случаев и существенно уточнить «прописку» первых публикаций в периодике для большинства стихотворений Фофанова, ранее такой «прописки» не имевших или имевших ее со значительными ошибками. В результате появились новые возможности для установления более точной датировки значительного корпуса текстов (с этой целью, когда стихотворение не имеет проставленной авторской даты, в выходных данных первой публикации указываются не только даты выхода газет, но и еженедельников). Во-вторых, изучение автографов позволило включить в настоящее издание раздел «Другие редакции», а в примечания к текстам — их подробную текстологическую характеристику, отражающую движение от замысла к воплощению.

Основной фонд материалов о жизни и творчестве Фофанова сосредоточен в РГАЛИ (Ф. 525; всего 906 ед. хр.). Переданный сюда дочерью поэта Е. К. Фофановой-Устиновой, этот фонд ныне тщательно систематизирован, описан и содержится в образцовом порядке. По своей полноте и значимости он далеко превосходит другие фонды (ГЛМ, ИРЛИ, РНБ, РГБ), хранящие, в основном, единичные и случай-

ные автографы поэта. В фонде содержатся документы членов семьи поэта (отца, жены, старшего сына, дочерей и т. п.), обладающие первостепенной биографической ценностью. Важным дополнением к ним являются материалы из фонда К. К. Олимпова, младшего сына поэта (Ф. 1718. Оп. 3), содержащие черновые варианты биографии Фофанова. Рукописный фонд поэта в РГАЛИ обширен: не считая писем, он охватывает 438 ед. хр. (поэзия, проза, критические статьи и рецензии, воспоминания). Имеются в наличии как объемные рукописные тетради, так и отдельные листы с автографами стихотворений (беловые и черновые, наброски, копии), много текстов представлено в нескольких редакциях, более ранних и поздних, большинство автографов датировано автором и заверено его подписью. Копии, написанные чужой рукой (чаще всего — членов семьи), как правило, авторизованы, хранят следы авторской правки. Все это создает идеальные условия для публикации аутентичных текстов, их датировки и воссоздания творческой истории. В фонде наличествуют также рабочие планы, оглавления стихотворных сборников Фофанова, помогающие восстановить историю их формирования, а также дневник и переписка поэта с редакторами, книгоиздателями, писателями-современниками, содержащая интересные факты его творческой биографии. Что касается архивных материалов, обнаруженных за пределами РГАЛИ, то хотелось бы в первую очередь отметить исключительную ценность дневника А. В. Жиркевича (1857–1927) и писем Фофанова к нему, хранящихся в фонде А. В. Жиркевича Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве. В этих материалах, отражающих почти 25-летнюю историю дружбы и творческого союза двух современников, можно найти богатый автобиографический и историко-литературный комментарий ко многим произведениям Фофанова, интересные подробности, проливающие свет на замысел и историю публикации прижизненных сборников поэта.

Текстологическая часть настоящего издания выполнена в соответствии с канонами и традициями, сложившимися за многие десятилетия существования «Библиотеки поэта». Примечания открываются библиографическими сведениями о первой публикации стихотворения или поэмы. Затем следуют отсылки к публикациям во всех авторских прижизненных сборниках с фиксацией разночтений. Завершает эту часть комментария сводка перепечаток произведения в дореволюционных неавторских сборниках и антологиях. Далее в примечаниях приводятся сведения о найденных автографах или списках, с указанием разночтений относительно публикуемой редакции, сообщаются факты цензурной и творческой истории произведения.

Следует, однако, подчеркнуть, что с возможной полнотой варианты текста приводятся только по его печатным редакциям. Что же касается беловых и черновых автографов, а также авторизованных списков, то в каждом случае последовательно отслеживаются только изменения в структурообразующих позициях текста (заглавие, подзаголовки, посвящения, эпиграфы, дата написания, строфическая организация), а также объемные разночтения — на уровне строфы (строф) или произведения в целом, когда автограф представляет собой его редакцию, существенно отличающуюся от принятой за основную. Варианты отдельных строк в автографах и авторизованных списках фиксируются в тех случаях, когда они заметно влияют на изменение общего смысла текста и не дублируются в его печатных редакциях. Причем, как пра-

вило, принимался во внимание верхний (последний) слой правки. Вся промежуточная правка фиксируется в порядке исключения, когда она существенна для понимания истории текста. В таком случае она заключалась в квадратные скобки. Все крупные разночтения выносятся в раздел «Другие редакции». Об их наличии свидетельствует поставленная перед номером комментария звездочка (*). Остальные разночтения приводятся непосредственно в тексте примечаний. Пунктуационные варианты не описываются. Пунктуация в текстах, помещенных в разделе «Другие редакции», идентична публикуемому автографу. Авторская датировка фиксируется во всех печатных вариантах стихотворения и его автографах, причем за окончательную принимается дата, проставленная поэтом в основной печатной редакции текста или в оглавлении к сборнику. Только она и фигурирует в конце публикуемого текста; все остальное движение дат решено не выносить за рамки примечаний.

Реальный, а также историко-культурный комментарий к тексту включает толкование только тех мест, понимание которых невозможно без специальных разысканий. Все общезначимые реалии (имена персонажей из классического пантеона античной мифологии, фамилии русских и зарубежных писателей-классиков, художников, известных исторических деятелей, названия хрестоматийных произведений литературы и искусства и т. п.) решено не объяснять, учитывая наличие широкого выбора популярной справочной литературы. Сведения о музыкальных произведениях, созданных на тексты К. М. Фофанова, приводятся в порядке исключения, т. к. большинство из них содержится в справочнике Г. К. Иванова «Русская поэзия в отечественной музыке до 1917 г. » (Вып. 1. М., 1966).

Пунктуация за исключением случаев, отражающих закономерности сугубо авторского синтаксиса, приближена к современной. Орфография переводится на современную, если при этом не меняется произношение, имевшее для автора отчетливо осознаваемый историко-культурный или эстетически значимый колорит. Например: жалузи, конфекта и т. д.

В заключение составитель выражает искреннюю благодарность А. Е. Барзаху, В. Г. Зусману, Е. В. Егоровой, Т. И. Кондратовой, взявшим на себя труд просмотреть эту книгу в рукописи и высказавшим ряд ценных советов и замечаний.

Список условных сокращений, принятых в примечаниях и в разделе «Другие редакции»

АСП-12 — Антология современной поэзии: Америка, Англия, Франция, Бельгия, Германия, Италия, Скандинавия, Польша, Россия. 2-е изд. Киев, 1912.

БВед — газета «Биржевые ведомости».

БП 1962 — Фофанов К. М. Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1962.

ВЕ — журнал «Вестник Европы».

ВИ — еженедельник «Всемирная иллюстрация».

ГЛМ — Государственный литературный музей.

ГМТ — Государственный музей Л. Н. Толстого.

ДЖ — Дневник А. В. Жиркевича (ГМТ, фонд А. В. Жиркевича).

Дом-музей Щербова — Историко-литературный дом-музей П. Е. Щербова в Гатчине. Фонд К. М. Фофанова.

ЕС — журнал «Ежемесячные сочинения».
Ежов и Шамурин — Ежов И. С. и Шамурин Е. И. Русская поэзия XX века: Антология русской лирики от символизма до наших дней. М., 1925.
Ждв — «Журнал для всех».
ЖО — еженедельник «Живописное обозрение».
Завьялова 2006 — Завьялова Е. Е. Жанровые модификации в русской лирике 1880–1890-х годов. Астрахань, 2006.
ИВ — журнал «Исторический вестник».
Иванова Е. — Иванова Е. В. Литературная жизнь Новгорода на страницах местной периодики 1838–1917 гг. Дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук. Тверь, 2004.
Ил — Фофанов К. М. Иллюзии. СПб., 1900.
ИлПНВ — «Иллюстрированные приложения к газете "Новое время"».
ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН.
ИСРП-3 — Избранные стихи русских поэтов: Серия сборников по периодам. Период 3. СПб., 1914.
ИСРП (темы) — Избранные стихи русских поэтов: Серия сборников по темам. Россия. СПб., 1914.
КН — журнал «Книжки "Недели"».
ЛН — Литературное Наследство.
ЛПН — «Ежемесячное литературно-художественное приложение к журналу "Нива"».
ЛПТПГ — «Литературное приложение к "Торгово-промышленной газете"».
Мережковский 1994 — Мережковский Д. С. Эстетика и критика: В 2 т. Т. 1 / Вступ. статья, сост. и примеч. Е. А. Андрущенко и Л. Г. Фризмана. М.; Харьков, 1994.
МИ — журнал «Мир искусства».
МП — Молодая поэзия: Сборник избранных стихотворений молодых русских поэтов / Собрали П. и В. Перцовы. СПб., 1895.
Н — журнал «Наблюдатель».
НВ — газета «Новое время».
НИ — еженедельник «Новая иллюстрация».
НП — журнал «Новый путь».
Оглавление С-87 — Фофанов К. М. Оглавление стихотворений, вошедших в первую книжку моих стихов, изданную книгоиздательством Германа Гоппе в январе 1887 года // РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 4.
Оглавление С-89 — Фофанов К. М. Оглавление стихотворений, помещенных во второй моей книжке, изданной А. С. Сувориным в январе 1889 года // РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 4.
Оглавление Избранного — Фофанов К. М. Оглавление для тома «Избранных стихотворений» // РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 426.
Перцов 2002 — Перцов П. П. Литературные воспоминания: 1890–1902 / Вступ. статья, сост., подг. текста и коммент. А. В. Лаврова. М., 2002.
Письма Брюсова — Письма В. Я. Брюсова к П. П. Перцову: 1894–1896. К истории раннего символизма. М., 1927.
РБ — журнал «Русское богатство».
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.
РМ — журнал «Русская мысль».
РГБ — Рукописный отдел Российской государственной библиотеки.
РНБ — Рукописный отдел Российской национальной библиотеки.

Русская поэзия — Русская поэзия. Избранные стихотворения русских поэтов с биографическими и пояснительными примечаниями / Составил Аркадий Сосницкий. Второе издание, значительно дополненное. М., 1902.
С-87 — Фофанов К. М. Стихотворения. СПб., 1887.
С-89 — Фофанов К. М. Стихотворения. СПб., 1889.
С-96 — Фофанов К. М. Стихотворения: В 5 ч. СПб., 1896.
С-96 (1) — Фофанов К. М. Стихотворения: В 5 ч. Ч. 1: Маленькие поэмы. СПб., 1896.
С-96 (2) — Фофанов К. М. Стихотворения: В 5 ч. Ч. 2: Этюды в рифмах. СПб., 1896.
С-96 (3) — Фофанов К. М. Стихотворения: В 5 ч. Ч. 3: Снегурка. СПб., 1896.
С-96 (4) — Фофанов К. М. Стихотворения: В 5 ч. Ч. 4: Майский шум. СПб., 1896.
С-96 (5) — Фофанов К. М. Стихотворения: В 5 ч. Ч. 5: Монологи. СПб., 1896.
СВ — журнал «Северный вестник».
СЦ — альманах «Северные цветы» (М., 1901, 1902).
Тарланов 2001 — Тарланов Е. З. Между золотым и серебряным веком. Петрозаводск, 2001.
ТТ — Фофанов К. М. Тени и тайны. СПб., 1892.
Фидлер 1916 — Фидлер Ф. Черты из жизни Фофанова (По моим литературным дневникам) К V-летию со дня кончины поэта. // *БВед*, утренний выпуск. 1916. 18 мая.
Фидлер 2008 — Фидлер Ф. Ф. Из мира литераторов: характеры и суждения / Изд. подготовил К. Азадовский. М., 2008.
Ханзен-Лёве 1999 — Ханзен-Лёве А. Русский символизм: Система поэтических мотивов. Ранний символизм. СПб., 1999.

СТИХОТВОРЕНИЯ (1887)

В архиве поэта сохранилось достаточное количество материалов, позволяющих детально восстановить ход подготовительной работы над *С-87*. В заметке «Несколько слов о плане издания своих стихотв<орений>» поэт отчетливо прописывает его структуру и саму стратегию издания: «Всю книгу подразделить на 4 отдела: 1) Лирические песни; 2) Фантазии; 3) Библейские мотивы; 4) Сказки и поэмы.

Первое издание выпустить в количеств<е> 600 или много 1000 экземпляров.

Под крупными стихотворениями подписать год и месяц их издания.

Выговорить издателю, чтобы по выходе в свет издания он опубликовал его в газетах (вероятно, имеются в виду рекламное объявление — *С. С.*), издающихся в главных городах России.

Чтобы мне дал 12 экземпляров тотчас по выходе книги. Чтобы цена книги в продаже не превышала 2 руб. или 2 р. 50 к.

Книгу по усмотрению издателя пустить с общим заглавием или без заглавия — это безразлично. Если с заглавием, то предложить следующие названия на выбор: *Зарницы. Зори и Росы. Метеоры. Гирлянды. Венки и струны. Майская Арфа. Нервы и думы. Алмазные дожди. Цветы и Брызги.* И т. д., и т. д.» (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 2–3). Эта заметка предположительно датируется не ранее мая 1886 г.

Среди подготовительных материалов сохранился черновой отрывок авторского предисловия к сборнику (оно не вошло в печатный текст): «Я посвящаю эту книгу всему доброму, честному, не изменяющемуся нигде, посвящаю ее великим и мелким, скажу больше — я посвящаю ее Богу. 1886 г. Октябрь. К. Фофанов» (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 398). Продумывалось и полиграфическое оформление сборника. Его планировалось «издать на веленевой бумаге с виньеткой <Кородина?>, где бы расцвеченные гирлянды цветов при внимательном рассмотрении переходили в фигуры призраков. Можно приложить портрет» (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 426. Л. 3об.).

Согласно черновым планам оглавления сборника, его первоначальный состав отличался от печатной версии. В частности, в сборник планировалось включить юношеские, вполне дилетантские стихотворения: «Тост», «Червь», «Апостолы святого братства», «Философы», «Фарисеям», «Умирающий», «Удалая головушка», «На смерть И. С. Тургенева», «Узник», «Она — работница…», «Пристань» и др. (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 426. Л. 4–7). Все они не вошли в окончательный текст книги, что позволяет несколько скорректировать возобладавшее среди рецензентов мнение о нетребовательности вкуса начинающего поэта, якобы включившего в состав дебютной книги почти все, написанное им на гимназической скамье. Причем, первоначально композиция сборника мыслилась двухчастной, без названия частей. Так, первую часть составили «Ночь на Днепре», «Грядущее — безмолвная пещера…», «Потуши свечу, занавесь окно…», «Я и ты», «Вглядися в эту ночь — она сулит нам что-то…», «Как дева грустная в наряде подвенечном…», «Что ни день, то новые желанья…» и др. Во вторую часть попали «Фантазия», «Призрак», «Дума», «Памяти бабушки», «Триолет», «В захолустье», «Мраморная дева», «Каменотес» и др. (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 426. Л. 4–5).

Как явствует из дневника Фофанова, основной состав сборника был им представлен в издательство Г. Гоппе уже в сентябре 1886 г. Так, в записи от 10 сентября поэт фиксирует финансовую сторону договора с издателем, согласно которому поэт продает Гоппе сразу и первое, и второе издания сборника тиражом 2000 экземпляров каждое, за общую сумму 200 рублей. Половину этой суммы Гоппе в тот же день выплатил автору в качестве аванса (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 109).

И все же несмотря на, казалось бы, очевидную тщательность, с какой поэт подходил к изданию своей первой книги, оно не обошлось без досадных опечаток и грубых типографских накладок в составлении текстов. В частности, два стихотворения напечатаны в нем, почти без всяких изменений, по два раза, в двух различных местах: «Как дева грустная в наряде подвенечном…» — стр. 9 и 58; «Богиня вечности во глубине эфира…» — стр. 27 и 95.

Согласно дневнику, 17 января 1887 г. Фофанов уже читал последний лист корректуры сборника, а «дней через пять» ему обещали дать первые экземпляры из типографии (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 122об. — 123). Наконец, 29 января совершилось долгожданное событие, о чем Фофанов оставил выразительную запись в дневнике: «Сегодня исполнилось ровно 50 лет с того дня, когда наш великий поэт Александр Сергеевич Пушкин пал под рукою Дантеса. Этот день теперь для меня замечателен тем, что вышла I-я книжка моих стихов. И вот как я провел настоящий день. Буду краток: завернул к Горбунову, вместе с

ним отправился в Казанский Собор на панихиду по незабвенному А. С. Пушкину. Там было очень много народу, много знакомых, много литераторов. После панихиды пошел в контору Гоппе. Узнал, что моя книжка выпущена из цензуры; разослана книгоиздателям в редакции газет и журн<алов>, издающихся в Москве. Получил несколько экземпляров рецензионных, дабы разнести лично их по редакциям, и пять авторских. Был во многих редакциях. Первый экземпляр снес в "Нов<ое> Вр<емя>" Буренину, но его не застал и оставил книгу Федорову. Был у Шеллера (редактора-издателя «Живописного обозрения» — *С. С.*); ему и [2 слова нрзб.] оставил тоже по экземпляру. Был у Скворцова (редактора журнала «Еженедельное обозрение» — *С. С.*) — и тому тоже оставил экземпляр. Завернул в "Петербургский Л<исток>" — гляжу: вся редакция отправляется [1 слово нрзб.] на место дуэли Пушкина. Отдал экземпляр Коссовскому — пусть читают на здоровье мои стихи на пути к столь важному месту. <…> Встретил на дороге Лемана, тот приглашал к себе; был у него и виделся с Бибиковым и Ясинским. Был в редакции "Новостей" и в редакции "Восхода", в первой оставил книгу на имя Скабичевского, во второй на имя Ландау. <…> В общем весь день 29 янв<аря> нынешнего [года] мне кажется праздничным» (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 123об. — 125об.). Фофанов пофамильно перечисляет тех, кому он вручил в этот знаменательный день дарственные экземпляры сборника. Кроме уже перечисленных, в дневнике за этот и последующие дни фигурируют фамилии К. С. Баранцевича, А. Н. Сальникова, П. В. Быкова, Ф. Бычкова, Н. М. Минского, В. С. Лихачева, А. И. Введенского, А. Н. Плещеева, К. Н. Льдова а также Я. К. Грота — «для соискания пушкинской премии» (Там же. Л. 125).

Действительно, первый сборник Фофанова, представленный в Академию наук на соискание Пушкинской премии, получил положительный отзыв Я. П. Полонского, не поддержанный, однако, остальными академиками. «Но <…>, рассказывал впоследствии Полонский П. П. Перцову, — другие академики восстали, указывая многочисленные неправильные обороты и слишком смелые "поэтические вольности" в стихах Фофанова, и премия не была присуждена, так как было решено, что Академия не может покрывать своим авторитетом подобные погрешности». (*Перцов 2002*. С. 113). Как бы там ни было, но дебютный сборник «Стихотворений» Фофанова, действительно, стал главной литературной новостью сезона. Его читательский рейтинг, как показывают современные социологические исследования, на равных соперничал с такими книжными новинками 1887 года, как «Мелочи жизни» М. Е. Салтыкова-Щедрина, «Власть тьмы» Л. Н. Толстого, сборник А. П. Чехова «В сумерках» (см.: Рейтблат А. От Бовы к Бальмонту. М., 1991. С. 196).

Практически все рецензенты отмечали недостаток общей культуры поэта, при наличии несомненного природного таланта, включение в сборник значительного количества невыдержанных и даже откровенно неряшливых в художественном отношении стихотворений, изобилующих ультраромантическими штампами в духе Марлинского и Бенедиктова. Вот наудачу несколько примеров, взятых из разных, в том числе и положительных по тону рецензий: «ты будешь безмолвна, как сумрак темниц, я буду как буря мятежен»; «из глаз сомкнутых мертвецов смотрела темь былых веков, их пастью вечность хохотала»; «дух певца, мятежный и кипучий, являет радугу восторженных созвучий,

пройдя сквозь пламенник страстей»; и т. п. Как о серьезном недостатке писали рецензенты о приверженности поэта к натянутым сравнениям, вычурным эпитетам, нелепым метафорам: «будто бы чары испуганной грезы, гасились один за другим фонари»; волшебное мгновенье «улетает без следа, как отстрадавшая звезда»; «кажет луна окровавленный кончик»; стрелка часов «тихо ползет без мышлений и слов на белом лице циферблата»; «часы ползут невозмутимыми червями»; звезда «мигает земле, не удостаивая ее словом», любовь «отпархивает в глубь лазоревого рая» и т. п.

Целиком в отрицательном тоне выдержана рецензия Е. Гаршина. (*БВед*. 1887. 13 февраля. С. 1). Стихи Фофанова, ссылаясь на метафору самого же поэта, он называет плодами музы, которая «с толпой вступила в брак». «Его *я*, фигурирующее во всех стихотворениях, сосредоточивается на впечатлениях безусловно недостойных». В качестве примера он ссылается на стихотворения «Из стен, где холодные ласки блудница...» и «Дачная прогулка». Критик обвиняет поэта в недостатке «художественного образования или заменяющего его эстетического чутья». По мнению критика, Фофанов — «чрезвычайно талантливый человек», «его фантазия переполнена образами самыми прихотливыми, его язык самобытен», но это талант «невоспитанный», которому явно недостает «более осмысленного отношения к действительности и красоте» и «хоть какого-нибудь мировоззрения». Встретив как-то Е. Гаршина на одном из «четвергов» Репина, Фофанов признался в письме к А. В. Жиркевичу от 25 сентября 1888 г.: «<…> Страшно хотелось дать щелчки по носу за все его гнусные рецензии обо мне, но воздержался ради милого хозяина» (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича). Впрочем, Е. Гаршин был далеко не единственным критиком, чей приговор *С-87* оказался выдержан в суровом духе. Суть его обвинений (часто совпадая даже в примерах) повторили рецензенты «Русской мысли» (1887. № 5. С. 275–277), и «Северного вестника» (1887. № 4. С. 105–106). Последний (вероятно, Н. К. Михайловский), в частности, характеризовал автора-дебютанта как «пловца без руля и без ветрила, — без определенного и сколько-нибудь зрелого и широкого миросозерцания, без традиций, без школы и даже, представьте себе, без основательного знания правил версификации» (*СВ*. 1887. № 4. С. 105). Отсутствие «способности к поэтическим концепциям» инкриминировал поэтическому дару Фофанова и А. Волынский в статье «Библейские песни русского поэта: Стихотворения Константина Фофанова (1880–1887. СПб.)» (Восход. 1887. № 3. С. 11–15). Рассматривая исключительно раздел «Библейские мотивы», начинающий критик заявлял: «Вообще говоря, библия не нуждается ни в каком поэтическом пересказе. Вполне плодотворным можно считать только такое воспроизведение ее, которое делается под углом известного философского обобщения» (Там же. С. 15). За немногими исключениями, такого «философского обобщения» рецензент и не находит в библейских переложениях Фофанова.

По-иному и более объективно взглянул на те же мировоззренческие и стилевые изъяны юношеской поэзии Фофанова В. Буренин (*НВ*. 1887. 6 марта. С. 2). Соглашаясь с «quasi-либеральной критикой» во многих упреках таланту Фофанова и присовокупляя к ним новые (наличие неточных рифм, в роде «шорох-укоров», «долго-торга», неправильных ударений), критик, однако, взял под защиту «наивный талант» поэта, который искренностью лирического чувства решительно превосходит

так называемых «скорбных» поэтов «надсоновской школы» (Минского, Фруга и др.), склонных, по его мнению, к «фразистой рутине». В заслугу поэту Буренин ставит именно неподдельность его лиризма («он не вымучен, как у его собратьев, насильственно, а выливается свободно») и более всего в сборнике ценит раздел «мелких стихотворений», в которых «мысль всегда соединена с непосредственным жизненным впечатлением и вытекает из него естественно, без натяжки». Именно короткие, сжатые лирические миниатюры Буренин считает наиболее органичными для дарования поэта, справедливо полагая, что лиро-эпические и собственно эпические стихотворения сборника (разделы «Фантазии», «Библейски мотивы», «Сказки и поэмы»), «где недостаточно одного чувства и поэтического настроения, но требуется историческое изучение или наблюдение действительности», удаются Фофанову гораздо хуже и значительно проигрывают в художественном отношении «мелким стихотворениям».

С этой характеристикой поэтического дарования Фофанова как лирического по преимуществу солидаризировался и ведущий критик «Вестника Европы» К. К. Арсеньев в статье «О современных русских поэтах» (*ВЕ*. 1887. № 5. С. 321–329), при этом подчеркнув, что «лучшими своими сторонами г. Фофанов соприкасается отчасти с г. Полонским, отчасти с г. Фетом, едва ли в чем-нибудь уступая здесь тому или другому». Пожалуй, единственный из рецензентов, Арсеньев отдельно выделил и решительно поддержал эксперименты молодого Фофанова в области стиха и строфики («Триолет», белый стих в «Невесте» и «Каменотесе»).

Обширной положительной, в целом, рецензией (Стихотворения К. М. Фофанова // Еженедельное обозрение. 1888. № 206. Стлб. 2441–2448; № 207. Стлб. 2467–2473) откликнулся на *С-87* и К. П. Медведский (Говоров). Поэтическую индивидуальность Фофанова критик усматривает в «причудливой, капризной фантастичности — и подчас очень свежей, привлекательной форме» его стихов (1888. № 207. Стлб. 2442). В чем-то предвосхищая позднейшие оценки модернистской критики, Медведский, в частности, пишет о молодом таланте: «Его образы подчас неуклюжие или смелые до невозможности, порою достигают чрезвычайной грации» (Там же. Стлб. 2443).

Несмотря на значительный разброс критических оценок Фофанов, в целом, остался доволен своим поэтическим дебютом. Уже спустя много лет он будет хлопотать о переиздании *С-87*, избрав в качестве посредника В. Я. Брюсова. Свои предложения Фофанов изложит в письме к нему 27 октября 1901 г.: «Не издаст ли книгоиздательство “Скорпион” вторым изданием мою первую книгу (издание Гоппе). Поговорите об этом с Поляковым. Условия мои таковы. Издать книгу в 2000 экземплярах. Разогнать книгу потолще. Цену назначьте по Вашему усмотрению. Мне же авторских прошу выдать всего *пятьсот* рублей. Если сподручно все вышесказанное, то для условий личных могу приехать в Москву. <…> Можно издание исправить, добавить, сделать предисловие — это уже детали. Ответьте возможно скорее» (РГБ. Ф. 386. Карт. 106. Ед. хр. 41. Л. 2об. – 3). Ответное письмо Брюсова не сохранилось, но если ответ и последовал, то, скорее всего, он был отрицательным.

1. *РБ*. 1886. № 1. С. 74. С разбивкой на четверостишия. Варианты строк: *10:* Убираяся тканью зеленою; *14.* В эти черные ночи ненастные.

С-87. С. 2. Без даты. Датируется по *Оглавлению С-87* (Л. 2).

Перепечатано: *МП*; Русская поэзия; Чтец-декламатор. Киев, 1910; Ученик. 1911. № 39; Чтец-декламатор. Киев, 1912.

Авторизованный список: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 28.

С журнальной публикации этого стихотворения имя Фофанова становится популярным в широких читательских кругах: «В литературных кружках вдруг заговорили о новом поэте. Несколько дней подряд встречали друг друга вопросом: «Читали “Звезды ясные, звезды прекрасные”? Какая прелесть!» И каждый декламировал легко запоминающееся, как бы просившееся в песню знаменитое стихотворение». (Меньшиков М. Поэт нашего поколенья // *НВ*. 1911. 22 мая. С. 4) При жизни поэта стихотворение включалось в сборники чтецов-декламаторов, музыку к нему писали И. Дунаевский. Д. Калинников, Н. Соколов, Н. Черепнин.

А. Плетнев полагал, что «самый мотив, очевидно, взят из Гейне. Кто читал биографию Гейне, тот, вероятно, помнит, как однажды Гейне, слушая какой-то ноктюрн, игранный Шопеном, заметил ему: “Скажите, как вы могли так чудно подслушать тайный шепот звезд, переговаривающихся с цветами в лунную ночь?”». (Плетнев А. Эпоха преувеличений // Одесский листок. 1911. 1 июня. С. 2). Этот мотив нередко можно встретить и в поэзии самого Гейне, например, в стихотворении «Куда тебя гонит весенняя ночь…» из цикла «Новая весна» (сб. «Новые стихотворения», 1844):

О Месяц! Правы святоши-цветы
……………………………………..
Подслушал синклит этих чопорных дев
Тот бред, что, от жгучей любви обалдев,
Я выболтал звездам небесным.

(Гейне Г. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М., 1980. С. 224. Пер. А. Штейнберга).

В критике «Звезды ясные…» получили неоднозначный отклик. В рецензии на *С-87* Н. К. Михайловский, признав программное значение этого текста, интерпретировал его романтическую мистику в пародийном ключе: «Это очень красивое стихотворение и, как эпиграф, очень многозначительное. Но, “презренной прозой говоря”, оно напоминает ответ одного не очень мудрого человека на вопрос о причине сквозного ветра: “Сверху небо, снизу земля, — ну и продувает”. Сверху небо, снизу земля, а в середине г. Фофанов песни поет в качестве передаточной инстанции между звездами и цветами, а больше-то ничего и нет» (*СВ*. 1888. № 3. С. 151). Эта саркастическая оценка вторит язвительному отзыву о стихотворении рецензента «Наблюдателя», сетовавшего на «странное пристрастие поэта к звездам» (Н. 1887. № 3). Не менее иронически отнесся к поэтическому шлягеру Фофанова Л. Мельшин (П. Ф. Якубович): «Музыка превосходная <…>. Но отнесемся беспристрастно к идее и форме этого стихотворения. Какая, прежде всего, вычурность содержания! Звезды, через посредство цветов, ветра и проч., нашептывают свои сказки безумно-влюбленному (в кого? во что?) поэту, а поэт “отдает” эти сказки опять тем же звездам (хотя бы людям!). А как вам нравится определение сказок — “задумчиво-чудные”? Не все ли это равно, что, например, сказать: “твердо-грустные” или “желто-холодные”?» (Мельшин Л. Очерки русской поэзии. СПБ., 1904. С. 307).

Более благосклонный прием нашло стихотворение в предсимволистской и символистской критике. Восторженную оценку ему дал

А. Волынский в рецензии на сборник Фофанова *ТТ*: «Неопределенность рисунка на манер чисто музыкальных образов. Незаконченность причудливого узора в соответствии с тем восторженным душевным настроением, которое, не будучи направлено на определенный предмет, любовно простирается на всю природу, на цветы, на еле различимые капельки дрожащей росы, на небо, на звезды. Мелодичные звуки, извлеченные из тонких, слабо натянутых струн… Таковы трудно передаваемые словами впечатления от этого небольшого стихотворения. Среди наших молодых поэтов никто, кроме г. Фофанова, этого стихотворения написать не мог бы. Музыкальность и задушевность свойственны этому писателю по преимуществу» (*СВ*. 1892. № 1. С. 184) Однако характерно, что эта оценка дается задним числом и призвана противопоставить не приемлемое критиком «декадентское» творчество автора *ТТ* его ранним, «светлым» стихам. В дальнейшем символистская критика обошла молчанием этот текст Фофанова (о нем промолчал и Д. С. Мережковский, хотя в брошюре «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» отвел значительное место характеристике поэзии Фофанова), и лишь В. В. Розанов дал в своих воспоминаниях о поэте развернутый анализ этого текста (см. вступительную статью). Пожалуй, последним из современников и почитателей Фофанова, кто вспомнил об этом стихотворном шлягере поэта, был В. Я. Брюсов. В очерке о поэзии Фофанова он ностальгически вспоминал: «…Читатели никогда не забудут <…> его бессмертное признание, как “звезды ясные, звезды прекрасные нашептали цветам сказки чудные”» (Брюсов В. Я. К. М. Фофанов // История русской литературы XIX в. / Под ред. Д. Н. Овсянико-Куликовского. Т. 5. М., 1917. С. 274).

Мелкие стихотворения

2. *ВИ*. 1886. № 900 С. 310. Под заглавием: «В Христову заутреню». С пробелом между ст. 8 и 9.

С-87. С. 3. Без даты. Датируется по *Оглавлению С-87* (Л. 2).

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 160. Л. 4. Набросок первых 8 строк.

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 162. Л. 7. Набросок строк 5–9. С примечанием (карандашом): «[1 апреля 1883 г.] Гоппе стр. 3».

Авторизованный список: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 24. Под заглавием: «В Христову Заутреню».

Редела туч воздушная гряда — почти дословная цитата из элегии А. С. Пушкина «Редеет облаков летучая гряда…». Последующие строки — тоже прозрачная аллюзия на сюжет этого пушкинского стихотворения.

3. *ВИ*. 1886. № 897. С. 254. Под заглавием: «Л. К. Т-вой». С разбивкой на восьмистишия. Варианты строк: *8*. Запахнет душистой сиренью.

С-87. С. 4. Без даты. Датируется по *Оглавлению С-87* (Л. 2).

Перепечатано: *МП*.

Авторизованный список: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 54об. — 55об. Без разбивки на строфы.

Стихотворение адресовано Лидии Константиновне Тупыловой (1867–1918) — возлюбленной и в будущем — жене К. Фофанова (даты жизни уточнены по биографическим материалам в фонде К. К. Олимпова: РГАЛИ. Ф. 1718. Оп. 3. Ед. хр. 23. Л. 1). О религиозной настроенности девушки и ее желании уйти в монастырь см. в статье:

Измайлов А. Принц и нищий. (Из воспоминаний о К. М. Фофанове) // *ИВ*. 1916. № 5. С. 464-465. На ту же тему в *С-87* написано адресованное Л. К. Тупыловой стихотворение «О келье мрачной и печальной...» С. Я. Надсон в обозрении журнальной поэтической продукции особо выделил это стихотворение Фофанова: оно «...не без недостатков, но романс из него вышел бы прелестный, певучий, грациозный...» (Заря. 1886. 22 мая. С. 2; перепечатано: Надсон С. Я. Литературные очерки. СПб., 1887. С. 43).

Финал стихотворения («Не дрогнут ресницы, не вспыхнет щека...» и т. д.) — возможно, переосмысленный вариант эпилога «Дворянского гнезда» И. С. Тургенева (последняя встреча Лаврецкого и Лизы в монастыре): «Перебираясь с клироса на клирос, она прошла близко мимо него, прошла ровной, торопливо-смиренной походкой монахини — и не взглянула на него; только ресницы обращенного к нему глаза чуть-чуть дрогнули, только еще ниже наклонила она свое исхудалое лицо — и пальцы сжатых рук, перевитые четками, еще крепче прижались друг к другу. Что подумали, что почувствовали оба? Кто узнает? Кто скажет? Есть такие мгновения в жизни, такие чувства... На них можно только указать — и пройти мимо» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 6. М., 1981. С. 158).

4. *С-87*. С. 5.

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 49. С датой под текстом: «1882».

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 7–7об. С датой под текстом: «1882 г. Февраль».

5. *ЖО*. 1884. № 40. С. 210.

С-87. С. 8.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 3об. С датой под текстом: «1881 г. 1 октября». С разбивкой на четверостишия.

Авторизованный список: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 11.

***6.** *ЖО*. 1884. № 2. С. 23.

С-87. С. 8–9.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 160. Л. 8.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 44об. С датой под текстом: «5 октября 1882 г.». Ранняя редакция.

Авторизованный список: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 11об.

Так в храм, где слышатся моленья... — отсылка к евангельскому эпизоду изгнания Христом торгующих из храма (Лк. 19, 46–47). Стихотворение перекликается с мотивами стихотворения С. Я. Надсона «Завеса сброшена: ни новых увлечений...». Ср.: «На грозный бой со злом мечтал я встать сурово / Огнем и правдою карающих речей, — / И в храме истины — в священном храме слова / Я слышу оргию крикливых торгашей!..» (Надсон С. Я. Полн. собр. стихотворений. СПб., 2001. С. 145).

7. *ЖО*. 1884. № 13. С. 198.

С-87. С. 9.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 14. С датой под текстом: «1882 г. Март». С разбивкой на четверостишия.

Авторизованный список: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 12.

Стихотворение было резко отрицательно встречено демократической критикой. Е. Гаршин отнес его к числу таких творений, которые «производят впечатление безусловной пародии на поэзию» (*БВед*. 1887.

13 февраля. С. 1). Критик готов допустить его уместность разве только в виде «поэтической шутки» «вполне прозаического характера», адресованной близким друзьям, но, опубликованное в книге стихов и адресованное широкой публике, оно производит впечатление «незаконнорожденного создания» «беззастенчивого творчества». (Там же. С. 1). «Дачный вечер, дачная луна, стакан чаю и булка, свежая булка, — сокрушался по поводу “Дачной прогулки” В. Г. Короленко в письме к Н. К. Михайловскому от 2 января 1888 г. — Как это близко, как это понятно петербургскому гомункулу. И он желал бы, чтобы писатели ограничивали все свои фантазии улицей, извозчиком, дачей, а в качестве идиллии — чай ароматный и свежая булка. Это *реально*. А то, что есть сотни людей, целая часть русского общества, которую не менее реальные условия русской жизни поставили в необходимость считаться с обстоятельствами <…> — это они считают только романтическими бреднями». (Короленко В. Г. Избранные письма. Т. 3. М., 1936. С. 28).

Не менее скептически отнеслась к «Дачной прогулке» и символистская критика. «Это истинно по-интеллигентски, — иронизировал по поводу поэзии Фофанова А. Блок, — написать шесть книг стихов и под конец на каждую посадить досадную кляксу; то пошлость вроде незабвенных “дачки” и “балкончика”, то просто непростительную орфографическую ошибку “для размера”. Такова, видно, нововременская культура. Соседство с М. Ивановыми, Кравченками и Вильде даром не проходит» (Литературный разговор // Речь. 1910. 12 апреля. С. 3).

8. *С-87*. С. 9. Без даты. Датируется по *Оглавлению С-87* (Л. 2об.).

Авторизованный список: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 12об.

***9.** Век. 1882. № 6. С. 414.

С-87. С. 11. Без даты. Датируется по *Оглавлению С-87* (Л. 2об.).

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 10. С датой под текстом: «1881 г. Октябрь 29». Ранняя редакция.

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 2об. С датой под текстом: «1882 г.».

Авторизованный список: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 14об.

10. *С-87*. С. 17.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 98об. С датой под текстом: «1882 г. Сентябрь».

Авторизованный список: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 19об.

Это стихотворение показательно для рецепции Фофанова в прижизненной критике как мастера, преимущественно малой лирической формы, так называемой «лирической миниатюры». В качестве примера можно привести оценку В. П. Буренина: «…Для меня эта маленькая поэтическая картинка представляется интереснее и выразительнее многих пространных, мнимо-гражданских завываний с казенными фразами о погибших борцах, павших в борьбе с силой зла и т. д. Мысль пьески отнюдь не лишена “гражданской” закваски, но как хорошо слита эта внутренняя мысль с образом! Вот в этом-то и виден настоящий, искренний поэт, у которого мысль всегда соединена с непосредственным жизненным впечатлением и вытекает из него естественно, без натяжки». (*НВ*. 1887. 6 марта. С. 2).

11. *С-87*. С. 18. Без даты. Датируется по *Оглавлению С-87* (Л. 2об.).

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 17. С датой под текстом: «Август. 1883 г.»

Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 162. Л. 9. С примечанием под текстом (карандашом): «[1883 г. Январь]. Гоппе стр. 18»

Авторизованный список: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 20об.

***12.** *С-87*. С. 19–20. Без даты. Датируется по *Оглавлению С-87* (Л. 3).

Перепечатано: Русская поэзия.

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 12–12об. С датой под текстом: «1883 г. 6 мая». Варианты строк.

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 11–11об.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 13–13об.

Авторизованный список: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 22.

Обращено к другу поэта, врачу Савелию Ариановичу (после крещения — Адольфу Федоровичу) Корнгольду (1864–1933). В 1885 г. за пропаганду народнических идей был арестован в Харькове, в 1886 г. — выслан в Вятскую губернию. Около 1890 г. эмигрировал во Францию, где прожил до конца жизни. Впрочем, как следует из переписки между друзьями, их тесные отношения прервались еще летом 1883 г. В письме от 1 июля Корнгольд укорял друга в том, что тот «слишком переменился»: «...Ты раньше очень мало вдавался в глубь жизни, очень мало думал о самой жизни — а думал большей частью о самом себе. Когда имя твое появилось в литературе — ты предался решительно самому себе, увлеченный славою появления своего в печати и решительно забывая о других. Ты даже, насколько я заметил, перестал интересоваться всем окружающим. <...> Я приписываю все это одному отсутствию серьезных людей вокруг тебя, отсутствию искренних друзей, которые одни только способны поддерживать нас. <...> А, на мой взгляд, у тебя нет ни одного *искреннего* друга и товарища — и потому ты только о себе и знаешь — забывая обо всем остальном мире. <...> Ты раньше рвался к жизни, кипел этим рвением, ты стремился — и имел, думаю, цель жизни — не говоря о цели жизни единственно для себя — но целью *своей* жизни для других. И вот ты все больше и больше отдалялся от подобных светлых стремлений. После “Мне ненавистен ты, булат...” ты не написал ни одного стихотворения (не говоря о лирических), подобного ему по силе чувства в соединении с мыслью» (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 578. Л. 50–51об.). Из переписки также выясняется, что у Корнгольда хранились многие рукописи юношеских произведений Фофанова, до нас не дошедших. Весь юношеский архив поэта Корнгольд увез во Францию.

Стихотворение и по лексике, и по тону, и по сюжету напоминает известные тексты С. Я. Надсона: «На заре», «Кругом легли ночные тени», «Во мгле», «Мы спорили долго — до слез напряженья...» и др. Ср. с концовкой последнего стихотворения: «И крепче друг другу мы руки пожали, / С зарей возвращаясь к обычным трудам». Финальный пейзаж с итоговой строкой «Я солнце нес в душе моей» ассоциируется со стихотворением А. Н. Плещеева «Бурлила мутная река...».

13. *С-87*. С. 23.

Авторизованный список: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 26.

14. *С-87*. С. 26.

Авторизованный список: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 46.

***15.** Новь. 1886. № 13 (1 мая). С. 39. С разбивкой на восьмистишия. Варианты строк.

С-87. С. 26–27.

Перепечатано: Чтец-декламатор. Киев, 1907; Чтец-декламатор. Киев, 1916; Чтец-декламатор. Одесса, 1918

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 14–14об. С пометой автора: «Наброски».

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 15–15об. С датой под текстом: «1885 г. 1 мая». Отсутствуют строки 9–16.

Авторизованный список: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 48–49.

Фигурируя в рецензиях на *С-87* в списке лучших стихотворений сборника, «Май» быстро завоевал популярность на читательской эстраде. Стихотворение неизменно входило в состав многочисленных «Чтецов-декламаторов». Декламаторская риторика способствовала тому, что «Май» с течением времени снискал «славу» манерного, слащавого стихотворения, обличающего в его поклоннике отсутствие сколько-нибудь воспитанного художественного вкуса. Так, в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» (18 глава) рефрен «Мая» цитирует Лизе Ипполит Матвеевич, при этом собеседница комично приписывает авторство стихотворения известному комсомольскому поэту 1920-х гг. А. А. Жарову, будущему автору знаменитого гимна советской пионерии «Взвейтесь кострами, синие ночи!»

16. *РБ*. 1885. № 7. С. 34. Варианты строк: *2.* Уснули и — «чудному» внемлют; *13.* И бродят во мгле серебристой; *15.* Роняя на сад наш душистый; *17–20.* Отсутствуют.

С-87. С. 30. Без даты. Датируется по *Оглавлению С-87* (Л. 3об.).

Авторизованный список: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 52.

17. *РБ*. 1884. № 12. С. 501. Подпись под текстом: «К. Ф.» Варианты строк: *11.* И мчались вдаль заветные мечты.

С-87. С. 31–32.

Авторизованный список: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 41об.

Д. С. Мережковский в лекции «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» приводил это стихотворение в качестве самого яркого примера, подтверждающего тезис о недвусмысленно выраженной «петербургской прописке» всей поэзии Фофанова: «Это где-нибудь на углу Большой Садовой, это — самые прозаические магазины гостиного двора. Вообразите себе в будничной толпе что-то вроде средневекового миннезингера — поэта с бледным, изможденным и страстно-мечтательным лицом» (*Мережковский 1994*. С. 213). Сюжет стихотворения по смыслу перекликается с некрасовским «В столицах шум, гремят витии…» (1857–1858).

18. *РБ*. 1885. № 7. С. 12.

С-87. С. 33. Без даты. Датируется по *Оглавлению С-87* (Л. 3об.).

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 24–24об. С датой: «1885. Июнь».

Авторизованный список: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 56.

Основная тема и заключительные строки перекликаются с центральным образом стихотворения А. Н. Плещеева «Зимнее катанье»: «Будем думать, что в хрустальный / Ты дворец заключена, / Что тебя я похищаю / От седого колдуна…» (Плещеев А. Н. Полн. собрание стихотворений. М.; Л., 1964. С. 106).

19. *С-87*. С. 35–36.

Авторизованный список: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 58об.

***20.** *РБ*. 1885. № 11. С. 76. С разбивкой на четверостишия. Варианты строк: *1.* С упреком злым и гневом смутным.

С-87. С. 36. Без даты. Датируется по *Оглавлению С-87* (Л. 3об.).

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 81. Л. 18–18об. С датой под текстом: «1885 г. Октябрь». Варианты строк.

Авторизованный список: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 59. С продолжением после 8 ст., как в черновом автографе.

21. Звезда. 1886. № 17. С. 398.

С-87. С. 45. Без даты. Датируется по *Оглавлению С-87* (Л. 4).

Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 64–64об.

Стихотворение — поэтический парафраз элегии Н. А. Некрасова «О письма женщины, нам милой…». Ср.: «А кончишь злобою ревнивой / Или мучительной тоской…» И далее: «Подчас на них гляжу я строго, / Но бросить в печку не могу…» (Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений: В 3 т. Т. 1. Л., 1967. С. 157).

***22.** Век. 1882. № 3. С. 659.

С-87. С. 46–47. Без даты. Датируется по *Оглавлению С-87* (Л. 4).

Черновой автограф 1 (первые 15 строк): РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 162. Л. 5. Варианты строк: *7*. И богохульными речами.

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 10–10об. С датой под текстом: «1880 г.» Варианты строк.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 12–12об. С датой под текстом: «1880 г.» С разбивкой на четверостишия.

Авторизованный список: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 80об. — 81.

Кто ты, мой друг, мой гость незваный… — реминисценция из стихотворения В. А. Жуковского «Славянка». Ср.: «О! кто ты, тайный вождь? Душа тебе вослед! / Скажи: бессмертный ли пределов сих хранитель / Иль гость минутный их? Скажи: земной ли свет / Иль небеса твоя обитель?» (Жуковский В. А. Стихотворения. Л., 1956. С. 189). Ср. также с похожими образами в таких стихотворениях Жуковского, как «К мимопролетевшему знакомому гению», «Таинственный посетитель» и др.

***23.** *ЖО*. 1886. № 21. С. 323. Варианты строк: *11*. И там был май, — небес прозрачных чище.

С-87. С. 51. Без даты. Датируется по *Оглавлению С-87* (Л. 4).

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 46. Под заглавием: «Весной». С датой под текстом: «1885 г. Май». Варианты строк: *12*. Чем в доме и в саду — он мертвым плел венок…

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 17–17об. Под заглавием: «Весной». С датой под текстом: «1885 г. Мая 12». Варианты строк.

24. *С-87*. С. 53. Без даты. Датируется по *Оглавлению С-87* (Л. 4об.). В *Оглавлении Избранного* (Л. 16) Фофанов отнес это стихотворение к 1879 г.

Вселенная во мне и я в душе Вселенной — реминисценция из стихотворения Ф. И. Тютчева «Тени сизые смесились…». Ср.: «Все во мне и я во всем!..» (Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. и письма: В 6 т. Т.1. М., 2002. С.159).

Стихотворение получило диаметрально противоположные оценки в прижизненной критике. Так, Е. М. Гаршин, придерживавшийся традиционалистских взглядов, резко осудил интерпретацию поэтом этой философской максимы: «Вселенная непрестанно теряла и теряет “славных, благородных, сильных любящей душой” и потерять или не потерять г. Фофанова для природы более чем безразлично. Это “равнодушие природы” понимал великий Пушкин и не понимает великий Фофанов» (*Бвед*. 1887. 13 февраля. С. 1). По иному оценил «наивность» философской мысли этого текста Д. С. Мережковский в лекции «О при-

чинах упадка и о новых течениях современной русской литературы»: «Попробуйте не согласиться с поэтом или осмеять его. Вполне безоружен и вполне неуязвим, он даже не поймет вашего смеха, и в том его красота и цельность, что он не понимает возможности сомнения или комизма. Он говорит как наивный ребенок и "как власть имеющий", как человек не от мира сего. Я согласен, что это неровные, если хотите, парадоксальные стихи. Но они выстраданы, в них есть трепет жизни. Это не идеально совершенная, тонкая филигранная работа лирика-эпикурейца, дилетанта-помещика Фета. За каждый стих, за каждое, может быть, неумелое слово поэт заплатит всей своей кровью, нищетой и слезами, жизнью и смертью. Разве вы не чувствуете, что это человек искренний? Вот что пленительно!» (*Мережковский 1994*. С. 213–214).

Мотивы «Вселенная во мне и я в душе вселенной…» найдут своеобразное преломление в стихотворении Ф. Сологуба «Все во всем» (1896). Е. Е. Завьялова отнесла эти тексты к произведениям, «в которых индивидуалистический культ личности соединяется с пантеистическими идеями» (см.: *Завьялова 2006*. С. 159).

25. *С-87*. С. 53–54.

***26.** *С-87*. С. 54–55. Без даты. Датируется по *Оглавлению С-87* (Л. 4об.)

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 294. Л. 4. Без заключительных 9 строк. В составе рукописной тетради «Стихотворения Константина Фофанова» 1878 года.

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 1–1об. Без заглавия. С датой под текстом: «1880 г. 2 января». Варианты строк.

Возможный источник сюжета стихотворения — басня В. А. Жуковского «Истина и басня», представляющая собой вольный перевод басни Ж. П. Флориана «Басня и Истина».

27. Литературный журнал. 1881. № 8. Стлб. 812.

С-87. С. 59.

***28.** *ЖО*. 1884. № 26. (30 июня). С. 402. Варианты строк: *1–2*. Он младенцем милым, / При сиянье бальном.

С-87. С. 60.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 162. Л. 18.

Авторизованный список: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 4об. Варианты строк.

«Жизнь — сон» — топос, восходящий к драме П. Кальдерона «Жизнь есть сон» (1673), чрезвычайно популярный в поэзии отечественного предсимволизма и символизма, ср.: «Lux aeterna» К. Случевского, «Познанье» А. Добролюбова, «Индийский мотив» К. Бальмонта, «Сны» З. Гиппиус, «Я страшною мечтой томительно встревожен…» Ф. Сологуба и мн. др. Фофанов отдал этому мотиву щедрую дань: см. № 117, 119, 201, 303, 339, 426, 430, 431, 441 и др.

Стихотворение получило резко уничижительную оценку Н. К. Михайловского: «…Я долго бился над этими восемью строчками, ища в них какого-нибудь смысла, и так и не нашел. <…> Я пробовал искать тут какую-нибудь аллегорию и тоже не нашел. Секрет открылся для меня только тогда, когда я обратил внимание на не совсем обычный порядок расположения чрезвычайно богатых рифм: строчки рифмуют через три на четвертую. И, по-видимому, только для этого фокуса и написано все стихотворение» (*СВ*. 1888. № 3. С. 137). Критика особенно раздражает, что стихотворные «фокусы» поэт «проделывает» «с мрачною серьезностью», а не как раньше, «просто на смех, с целью показать,

что стихотворная форма сама по себе, независимо от содержания, есть не только не "язык богов", а просто пустяки» (Там же. С. 137).

29. *С-87*. С. 64. Без даты. Датируется по *Оглавлению С-87* (Л. 5).

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 1. С датой под текстом: «1881 г. Сентябрь 26». С разбивкой каждой строки на два цезурных полустишия и удвоением количества строк (20 вместо 10).

Обращено к А. Ф. Корнгольду (см. примеч. 12).

30. Луч. 1883. № 8. С. 150. Варианты строк: *2*. Все соткано лазурное, ясное.

С-87. С. 67. Без даты. Датируется по *Оглавлению С-87* (Л. 5).

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 5.

31. Луч. 1883. № 1. (2 января). С. 11.

С-87. С. 70.

Тема и сюжет этого стихотворения в виде прямых цитат и аллюзий отразились в пародии В. П. Буренина «Из альбома пессимиста. Из былого» («Посмотри, мой друг, как чудно…»). Вошло в кн.: Буренин В. П. Песни и шаржи. СПб., 1892. С. 8.

32. *С-87*. С. 71.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 10. Под заглавием: «Две песни». С датой под текстом: «Декабрь 1882 г.». С пробелом между ст. 4–5.

Стихотворение представляет вольный перепев мотивов лермонтовского «Соседа» (1837). В дальнейшем образную семантику «тюремного» пейзажа Фофанова творчески наследует Ф. Сологуб в стихотворении «Тень решетки прочной…» (1893).

33. *ЖО*. 1882. № 26. С. 405. Без разбивки на четверостишия.

С-87. С. 73–74.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 1. С датой под текстом: «5 марта 1882 г.» Без разбивки на четверостишия.

34. *ЖО*. 1884. № 31. С. 66.

С-87. С. 74–75. Без даты. Датируется по *Оглавлению С-87* (Л. 5об.).

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 20об. С датой под текстом: «Январь, 1882 г.»

Близкую к Фофанову интерпретацию жизни как «хаоса» даст С. Я. Надсон в стихотворении «Жизнь».

35. *С-87*. С. 77.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 63. С датой под текстом: «1882 г. Август». С разбивкой на два четверостишия.

***36.** *С-87*. С. 80. Без даты. Датируется по *Оглавлению С-87* (Л. 6).

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 6об. С датой под текстом: «1880 г. 25 июль». Другая редакция.

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 23. С датой под текстом: «1880 г. 25 июля». С разбивкой на четверостишия. Варианты строк: *9–11*. Их речью простой передать невозможно, / Их чувствовать надо струнами души — / Для неба святого грустны и ничтожны.

Авторизованный список: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 17. С датой под текстом: «1880 г.». С разбивкой на четверостишия. Варианты строк: *2*. Играя лучами ночная звезда; *6*. Красавицей-ночью, лазоревой мглой…; *8*. Ни песне заветной, ни Музе родной!..; *10–11*. Они вдохновенны, ясны и легки; / Для неба святого их счастье ничтожно.

Не исключено, что финальная сентенция подсказана поэту общим смыслом стихотворения Е. А. Баратынского «Недоносок». Ср.:

«Обращусь ли к небесам, / Оглянуся ли на землю: / Грозно, черно тут и там; / Вопль унылый я подъемлю» (Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений. СПб., 2000. С. 255). В домашней библиотеке Фофанова хранился сборник стихов Баратынского, о чем он сообщал в письме к Жиркевичу 14 августа 1888 г. (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича). Поэтическим отзвуком заключительных строк стихотворения Фофанова можно также считать финал стихотворения В. Я. Брюсова «Мучительный дар» (1895) из сборника «Me eum esse». Ср.: «Мои упованья пред миром преступны, / Мои вдохновенья пред небом ничтожны!» (Брюсов В. Я. Стихотворения и поэмы. Л., 1961. С. 96).

37. *С-87*. С. 80.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 10об. С датой под текстом: «1881 г. Август».

Цветами сказанные сказки — автоцитата из программного стихотворения «Звезды ясные, звезды прекрасные…» (№ 1), открывающего *С-87*. Таким образом, стихотворение «закольцовывает» композицию всего раздела «Мелкие стихотворения».

Фантазии

38. *ЖО*. 1882. № 42. С. 662. С подзаголовком: «Отрывок из фантазии». С отточиями перед первой строкой. Без разбивки на восьмистишия. Варианты строк: *3*. Там, как встарь, под вечернею дымкой; *9*. Здесь, как прежде, горела лампадка.

С-87. С. 84. С датой под текстом: «1882». В *Оглавлении С-87* (Л. 6) датировано: «1882 г. Сентябрь».

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 136–135об. Без разбивки на строфы.

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 64. Л. 13–13об. Под заглавием «Из фантазий». С датой под текстом: «1882 г. 10 сентября».

Сюжет «Он покинул свой склеп невидимкой…» можно считать начальным подступом к разработке темы стихотворения «Торжество любви» (№ 334).

39. *ЖО*. 1882. № 41. С. 646. Варианты строк: *5*. Я не заметил там сияющих огней; *6*. Но взор ласкал всегда какой-то блеск прозрачный.

С-87. С. 85.

Черновой автограф 1 (первые 8 строк): РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 162. Л. 6. Варианты строк: *5*. Я не заметил в нем мерцающих огней.

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 173об. — 174. С датой под текстом: «1882 г. 13 сентября».

Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 64. Л. 14–14об.

***40.** *ВИ*. 1886. № 910. С. 491. С подзаголовком: «Из фантазий». Без даты. С разбивкой на четверостишия. Варианты строк.

С-87. С. 92–93. С датой под текстом: «1886 г. Апрель».

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 83. Л. 22–22об. С примечанием над текстом: «Наброски». С датой под текстом: «1886 г. Апрель». Варианты строк.

Библейские мотивы

41. *С-87*. С. 101.

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1 Ед. хр. 54. Л. 26–26об. Под заглавием «Из библейских мотивов». С датой под текстом: «1881 г. 6 февраля».

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 27–27об. Под заглавием «Из библейских мотивов». Без даты. Без последнего четверостишия.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 5об. — 6. С датой под текстом: «1881 г. 6 февраля».

Образная ткань и поэтическая лексика стихотворения выдержаны в жанровой традиции переложения псалмов, популярной в «гражданском» течении отечественного романтизма, от декабристов до народников. Вероятно, именно следование этой традиции и не устроило А. Волынского, отозвавшегося о нем подчеркнуто недоуменным тоном в статье «Библейские песни русского поэта»: «Какие собственно места библии вдохновили г. Фофанова написать это небольшое стихотворение, мы не беремся определить, да и вообще невозможно объяснить, почему это стихотвореньице названо библейским. Всегда звучная и тонкая речь молодого поэта в этом стихотворении сменилась довольно-таки жестким, почти грубым стихом. Сделайте милость, объясните нам, к кому обращены первые два стиха…» (Восход. 1887. № 3. С. 12).

***42.** Восход. 1885. № 2. С. 158–159. Под заглавием «Из библейских мотивов». С пометой: «Исаия, гл. I». Варианты строк: 6. Не надо ваших жертв, ни кровных, ни бескровных.

С-87. С. 105–106.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 29–30. С датой под текстом: «1882 г. Август 16». Без разбивки на четверостишия. Варианты строк.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 10–11. С датой под текстом: «1882 года, 16 августа».

Источник сюжета: Ис. I, 11–18. Весьма вольное следование оригиналу, вероятно, побудило поэта при публикации текста в *С-87* снять помету с указанием на конкретную книгу Ветхого завета. Переложение Фофанова удостоилось восторженной оценки в статье А. Волынского «Библейские песни русского поэта»: «Полнота образов и законченность исполнения слились здесь в одном сильном, не лишенном страсти, аккорде» (Восход. 1887. № 3. С. 14).

***43.** Восход. 1886. № 2. С. 104–108. Варианты строф.

С-87. С. 107–111.

Черновой автограф 1 (набросок первых 8 строф): РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 6–7об. Без разбивки на строфы.

Черновой автограф 2 (набросок первых 13 строф): РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 16–17об. С названием раздела перед заглавием: «Из библейских мотивов». Варианты строф: *11–12*. Отсутствуют.

Черновой автограф 3: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 12–13об. С авторским примечанием перед заглавием: «Первая вариация». С датой под текстом: «1882 г. Декабрь». Варианты строф.

Черновой автограф 4: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 14–15об. С примечанием редактора: «Обратите внимание автора на сделанные пометы». После 10 строфы помета редактора: «Слабо. Метаморфоза — смешение языков, здесь не ясна». С авторской пометой о необходимости вставки дополнительных строф: 11, 12, 13.

Источник сюжета: Быт. 11, 1–9. Не исключено, что сама идея вольного переложения известного библейского эпизода была подсказана Фофанову следующим пассажем из второй речи Вл. Соловьева памяти Ф. Достоевского, прочитанной 1 февраля 1882 г.: «Всечеловеческое дело потому и есть

всечеловеческое, что оно может все совместить и ничего не исключает, кроме злобы и греха. От нас только требуется, чтобы мы своей маленькой части не ставили на место великого целого, чтобы мы не обособлялись в своем частном деле, а старались связать его с делом всечеловеческим <…>. Не в нашей власти решить, когда и как совершится великое дело всечеловеческого единения. Но поставить его себе как высшую задачу и служить ему во всех делах своих — это в нашей власти». (Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М., 1991. С. 246–247). Недаром А. Волынский в статье «Библейские песни русского поэта» соотнес это стихотворение Фофанова с «Вавилонским столпотворением» Минского как образцовым переложением Библии, «которое делается под углом известного философского обобщения» (Восход. 1887. № 3. С. 15). Здесь же критик высоко оценил ритмику стиха этого текста поэта: «Нам редко попадался такой сильный, мощный амфибрахий. Язык и размер не оставляют желать лучшего. Особенно размер. Каждый удар топором естественно разлагается на три момента: *два* взмаха в воздухе как бы обнимают самое прикосновение острия топора к предмету. Значение *ударения* в среднем моменте. Не правы ли мы, в виду этого, сказать, что размер «Вавилонской башни» очень счастливый? Амфибрахий тоже состоит из *трех* слогов с ударением на среднем» (Там же. С. 15). В традиции русского стиха за подобным размером (чередование строк четырехстопного и трехстопного амфибрахия с мужской и женской клаузулой соответственно) прочно закрепился семантический ореол «русского эпоса» (А. С. Пушкин, А. К. Толстой). Фофанов переносит этот размер в сферу библейской тематики.

Думы

***44.** *РБ*. 1884. № 11. С. 288. Подписано: «К. Ф.» С датой под текстом: «1884 г. Сентябрь». С пробелами между ст. 21-22; 33-34. Варианты строк.

С-87. С. 117–118. С датой под текстом: «1883 г. Сентябрь» (вероятно, описка в годе).

Сказки и поэмы

45. *С-87*. С. 133–136.

Черновой автограф 1 (первые 12 строф): РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 11–12. С датой под текстом: «1881 г. 30 октября».

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 13–14.

Автограф 1 (ст. 41–48): РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 18. С авторским примечанием: «Строфа из сказки “Триолет”».

Автограф 2 (первые 3 строфы): РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 16–17. С подзаголовком: «Зимняя фантазия». С нумерацией строф. Варианты — *I, 2,8*. Расцвел в краях душистых Юга; *II, 2–3*. Мороз, Царь полюса седого / Послал раз кумушку-Зиму; *II, 8*: Пришел Царь полюса седого; *III, 3*. Боясь покинуть Юг и свет.

О популярности стихотворения свидетельствует поэтическое прозвище Фофанова, «Царевич Триолет», которым его звали в дружеских литературных кругах. Так, после посещения Киева в мае–июне 1888 г., где поэт гостил в доме И. Ясинского, он получил от гостеприимного хозяина письмо от 18 июня 1888 г., в котором содержалось послание «Царевичу Триолету», выдержанное в стиле и строфике стихотворения Фофанова и воссоздающее заметно эстетизированный образ молодого поэта. (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 680. Л. 2–2об.). Что же касается строгости соблюде-

ния твердой строфической формы, к которой относится триолет, то у Фофанова она выдержана крайне небрежно, что хорошо прокомментировал В. Я. Брюсов: «...Особенность и красота триолета состоит в том, что повторения стихов органически входят в стихотворение и притом при каждом повторении те же слова получают новый смысл. Поэтому и "Царевич пылкий..." Фофанова не триолеты». (*Письма Брюсова*. С. 52). Тем не менее, именно Фофанов, как полагают историки русского стиха, дал импульс возрождению этой твердой формы в поэзии Серебряного века. В частности, «сказки-триолеты» И. Северянина «Белая лилия», «Принцесса Мимоза» явно стилизованы под «Царевича Триолета» Фофанова.

Отрывки

46–65. *С-87*. С. 161–165. Без даты. Датируется по *Оглавлению С-87* (Л. 7).

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 4об. — 12. Наброски стихотворений 1–7; 9–11.

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 234. Л. 1–2об. Наброски стихотворений 12, 13 (под № 14), 14 (под № 13), 15, 16, 17 (под № 19), 18, 19 (под № 20), 20 (под № 21). С дополнительными двумя, не вошедшими, в основной состав цикла, стихотворениями.

Цикл «Восточные брызги» привлек внимание А. Н. Веселовского, автора «Исторической поэтики». В разделе «Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля», приведя в качестве примера текст 16 главки, ученый сделал характерное примечание: «Это почти антропоморфизм Голубиной книги: "Наши помыслы от облац небесных", но с содержанием личного сознания» (Веселовский А. Н. Избранное: Историческая поэтика. М., 2006. С. 491). Чуть ниже ученый, имея в виду все тот же пример, ставит Фофанова в один ряд с поэтами-романтиками и делает вывод о *бессознательном* воскрешении в их творчестве мифа о солнечном или световом дереве, замечая: «Это такая же образная апперцепция явлений внешнего мира, какая создала старые мифы» (Там же. С. 492).

***66.** *ВИ*. 1887. № 941. С. 86. С датой под текстом: «1887 г. 9-го января». Эта дата написания также зафиксирована Фофановым в дневнике. (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 121об.)

С-87. С. 181–182.

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 145. Наброски начала стихотворения. Ранняя редакция.

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 145об. — 146. Наброски редакции *С-87*.

Черновой автограф 3: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 2–3. С датой под текстом: «1887 года. 9 января. Ночь». Редакция *С-87*.

Сохранились претенциозные воспоминания сына поэта, Константина Константиновича Фофанова (Олимпова), об истории создания стихотворения:

«Снится отцу, будто сидит он в пивной. Пьет пиво. Раскрываются двери, входит энергичной походкой человек низенького роста, курчавый, с черными губами, в черном сюртуке, в цилиндре, смуглый, подходит, и в нем отец узнает Пушкина. Пушкин начинает читать свое стихотворение "Пока не требует поэта / К священной жертве Аполлон" и т. д., таким вдохновенным чтением, какого отец ни от кого в жизни

не слыхал. По прочтении стихотворения Пушкин зарыдал и склонился на колени перед отцом.

На этом отец проснулся, пораженный виденным.

Будучи мнителен и веря в сны, отец написал стихотворение "Тени А. С. Пушкина" и просил издателя внести это стихотворение в сборник, несмотря на то, что сборник стихотворений был приготовлен к выходу.

Об этом сне мне приходилось слышать неоднократно в последние годы жизни отца». (Неизданные экспромты К. М. Фофанова // *БВед.* 1911. 17 ноября. С. 3).

Несмотря на очевидную гротесковость описанной Фофановым-младшим ситуации, само по себе видение (сон), послужившее толчком к написанию стихотворения, весьма показательно для творческой психологии Фофанова. Знаменательно, что «Тени А. С. Пушкина» действительно было написано, когда сборник уже находился в типографии, и было включено в его состав в самый последний момент, практически перед выходом, совпавшим с годовщиной дня трагической гибели А. С. Пушкина (см. преамбулу к примечаниям к *С-87*).

СТИХОТВОРЕНИЯ (1889)

История подготовки *С-89* начинается с письма Фофанова к А. В. Жиркевичу от 22 февраля 1888 г., в котором поэт сообщал, что ведет переговоры с В. П. Бурениным и А. С. Сувориным об издании нового сборника стихотворений — «как можно опрятнее» и «как можно дешевле» (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича). Из письма от 2 ноября 1888 г. становится ясно, что работа над составлением сборника к этому времени подходит к концу: «Материал я уже отдал Суворину» (Там же). А из письма к тому же корреспонденту от 1 декабря 1888 г. следует, что процесс издания сборника вступил в завершающую стадию: «Сборник моих стихов начал печататься. Прокорректировал уже четыре листа, — это все стихи последних двух лет, большая часть написана мною после женитьбы, но мне многие из них нравятся лучше моих юношеских, холостых. Они изящнее, зрелее, обдуманнее и потому ближе к сердцу...» (Там же). В письме от 23 декабря 1888 г. Жиркевич спешит разделить радость своего друга и собрата по перу: «Приветствую начало издания 2-го тома Ваших стихотворений...» (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 556. Л. 70об.). А уже 21 января 1889 г. Фофанов высылает Жиркевичу дарственный экземпляр сборника, выразив в сопроводительной записке удовлетворение качеством корректуры: «Во всей книге пять незначительных опечаток, в которых Вы догадаетесь восстановить истинный смысл» (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича). Аутентичность текстов стихотворений *С-89* подтверждается и письмом от 3 апреля 1889 г., в котором Фофанов уверяет своего корреспондента, что «последнюю корректуру просматривал сам» и что типографские расходы обошлись ему в 500 рублей (Там же). Из переписки друзей также выясняется, что сборнику предполагалось дать название «Новые стихотворения» (письмо к Жиркевичу от 13 января 1889 г.), в последний момент измененное на привычное «Стихотворения». Удовлетворенный исправностью опубликованных текстов, поэт, однако, был явно удручен полиграфическим оформлением новой книжки, неприятно контрастировавшим с изяществом типографского исполнения дебютного сборника. Об этом — выразительный постскриптум (датированный 21 января) к

письму от 19 января 1889 г.: «Как грязно издана она! Внешность ее, особенно бледно-сиреневая обложка с мраморным оттенком, напоминает собою “Райский молитвенник”, если таковые имеются в раю…» (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича).

От Жиркевича исходят и первые, по горячим следам, оценки сборника. Главное достоинство его в том, пишет он Фофанову 2 января 1889 г., «что <…> “я” и природа сливаются замечательно тесно друг с другом, не исключая друг друга, а дополняя». (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 556. Л. 84об.). О пессимистических мотивах сборника он высказался так: это «не тоска отчаявшегося, захиревшего, поющего бесцельно существа, а грусть человека, сознающего свои силы, верующего в них, но которому [1 слово нрзб.] мешают сказать открыто миру все, что он думает, и что созрело в его душе» (Там же. Л. 85). «Сборник Ваш можно смело назвать “сборником сравнений”! — Удивляешься Вашей плодовитости <…>: кажется, мир так сер вокруг нас, а Вы и тут находите краски, звуки, образы, перед которыми следует преклоняться с святым благоговением» (Там же. Л. 85).

Сразу же после выхода сборника Фофанов выступил с публичными чтениями на одном из февральских заседаний Русского литературного общества. Особенно новые, не попавшие в *С-89* сцены из драматической сказки «Смерть Кощея», делится поэт своими впечатлениями в письме к Жиркевичу от 14 февраля 1889 г., «…вызвали град дружеских рукоплесканий. Я не ожидал, что прочту так громко, внятно и заслужу такое единодушное одобрение. Меня просили прочесть в тот же вечер из новой книжки; читал “Я родом финн” и “Нет, не зови меня”. И эти же стихи были встречены так же шумно, с таким же энтузиазмом. Это порадовало меня тем более, что тогда присутствовало членов более обыкновенного; в том числе Суворин, Майков, Полонский, Буренин, Репин и другие, мнением которых я сильно дорожу…» (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича).

Далеко не столь восторженной оказалась реакция на новый сборник в критической прессе, где *С-89* получили еще более неоднозначную оценку, чем дебютный сборник Фофанова, правда, превосходя его количеством печатных откликов. Большинство рецензентов отмечают значительно выросший по сравнению с юношеским сборником уровень художественного мастерства поэта: «То был самородок, со всеми достоинствами и недостатками самородка. Теперь же перед нами золотые вещи, обработанные уж опытной рукой художника-ювелира…» (В. В. [Величко В]. Стихотворения Фофанова // Свет. 1889. 21 февраля. С. 2). Доминантой многих рецензий стала попытка поставить вопрос о «парадоксальной» природе поэтического дарования Фофанова. Критик «Недели» писал: «Г. Фофанов отличается от остальных молодых поэтов непосредственностью своего творчества, чистосердечностью своей поэзии, ее субъективной правдой». По его мнению, сборник 1889 г. выгодно отличается от дебютного сборника выдержанностью художественной формы. «Но замечательно, — продолжает критик, — что вместе с излишеством фантазии и вычурными выражениями, нарушающими естественную меру поэтической свободы, из этой книжки исчезли и произведения, достигающие высшей ступени доступного автору искусства» (Неделя. 1889. 26 февраля. Стлб. 297). «Кажется, — рассуждает критик, — как будто автору доступны не цельные чувства во всей их законченности, а только их отрывки, по большей части, только

их начало. Словно пробуждения чувства или настроения не хватает на все время творчества, и поэт, не успев еще выразить их, уже остается с остывшей душой, с холодными слезами погасших впечатлений» (Там же. Стлб. 298).

По сути, о парадоксальной природе поэтического дара Фофанова размышляет и В. Буренин (*НВ*. 1889. 10 февраля. С. 2). Возвращаясь к своей излюбленной мысли об органичности для таланта Фофанова именно лирического рода творчества, не требующего «ни глубокого изучения жизни, ни выдержанного и всестороннего развития мысли», а «только искреннего чувства, склонности к сильному и короткому душевному возбуждению», критик полагает, что «скорей можно простить лирическому певцу некоторую неопределенность, туманность чувств и мысли, чем холодную расчетливость в их возбуждении; точно так же скорей можно ему простить туманность и неясность картин и образов, чем недостаток грации и красивости в воспроизведении тех и других». С этой точки зрения, Фофанов, при всех срывах и неровностях его стиля, «с гораздо большим правом может считаться настоящим лириком», чем те же Надсон, Мережковский и Минский, эти, как полагает Буренин, поэты-«самозванцы», поэты «по недоразумению», «риторические нытики и фразеры “с заученными напевами”».

То, «как иногда грациозна бывает <…> полурастерянная лирическая созерцательность» Фофанова, демонстрирует на конкретных примерах из сборника 1889 г. рецензент «Дня» К. П. Медведский (Говоров). (День. 1889. 17 марта. С. 2–3; перепечатано: Говоров К. Современные поэты: Критические очерки. СПб., 1889. С. 1–25.). Отсутствие в стихах «положительного знания человека и природы» — результат мещанского воспитания и недостатка образованности поэта — с лихвой компенсируется, по мнению рецензента, прихотливостью его фантазии и богатством внутреннего мира: «По причудливости и фантастичности трактования обыденных мотивов жизни и природы он стоит совершенно особняком, занимает *собственное* место и навсегда останется в истории русской поэзии». Самому Фофанову, однако, не всегда была по душе подобная апология «наивности» его поэтического дара, о чем он со всей прямотой и заявил в письме к Медведскому от 17 марта 1889 г. В нем Фофанов счел намеки рецензента на «среду» и «необразованность» автора сборника в высшей степени неэтичными, а критику отдельных стихотворений — субъективной: вся она, считает поэт, свелась «к выхватыванию неудачных слов и выражений» (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 449. Л. 2–2об.).

С разгромной рецензией на сборник 1889 г выступил критик «Русского богатства» Л. Е. Оболенский (*РБ*. 1889. № 3. С. 245–251). По его мнению, внешнее совершенство формы во втором сборнике говорит вовсе не в пользу дарования Фофанова; напротив, оно свидетельствует о его стагнации. Воображение поэта критик сравнивает с «калейдоскопом одних и тех же цветных камушков, принимающих только новые сочетания, за неимением действительных, живых впечатлений» (С. 248). Рецензент на конкретных примерах пытается доказать, что поэзия Фофанова живет часто бездумным варьированием одних и тех же лирических сюжетов, мотивов, поэтических тропов, питаясь не столько реальными, сколько книжными, искусственными впечатлениями. Особое раздражение у Оболенского вызывают сравнения и олицетворения Фофанова, часто подменяющие собой тему целого стихотворения, служащие предметом самодовлеющего лирического развертывания. Вывод критика неутеши-

телен: вследствие своей «крайней односторонности» (С. 249) поэтический талант Фофанова грозит выродиться в «пустоцвет, бледное, чахлое, гнилое дитя гнилой, чахлой и каменистой почвы» (С. 251). Причем вину за это Оболенский возлагает на окружение поэта, прозрачно намекая на некий «гнилой кружок гнилых любителей гнилой петербургской поэзии, в которой все шаблон, все искусственно, все вычурно, безжизненно, бездушно, чахло, золотушно-мечтательно...» (С. 250). В частном разговоре с поэтом Оболенский не скрывал «партийную» направленность своей рецензии, которая, по его словам, была написана для того, чтобы Фофанов «бросил знакомства "с разными Ясинскими"» и «отказался от сотрудничества в "Нов<ом> Врем<ени> и стал бы бесплатно помещать стихи в его бедном "Богатстве"» (Письмо Фофанова к Жиркевичу от 29 марта 1889 г. // ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича). О самой же рецензии критика «Русского богатства» Фофанов высказался резко негативно: «Она не более как залежалый товар заплесневевшего черепа Оболенского; слабый отголосок писаревских идей 60-х годов» (Там же).

А. М. Скабичевский, предъявляющий к подлинно «правдивой» поэзии требования «непроизвольной естественности», «ясности» и «общедоступности», в рецензии на сборник Фофанова (Новости и Биржевая газета. 1889. 30 марта. С. 2) принял только те стихотворения, в которых поэт «умеет быть простым и чуждым всяких вычур», где «он имеет дело с истинным поэтическим настроением, навеваемым самою жизнью» («За городом», «Старый сад», «Первая заря» и т. п.). Одновременно он резко осудил и высмеял романтические тенденции лирической образности и стиля Фофанова, усматривая в претензиях поэта «открывать... путем поэтических ясновидений какие-нибудь новые поэтические миры» — проявления «мании величия», крайней взвинченности и «болезненности» вдохновения, свойственные «разве что эпохам падения и вырождения, когда все передумано, перечувствовано, пережито, все осталось назади, все родники живой поэзии исчерпаны до дна, и людям только и остается, что разными искусственными средствами вроде гашиша или опиума утешаться горячечным бредом больного воображения». Эти упреки Скабичевского, особо акцентировавшего внимание на «психиатрических стихотворениях» Фофанова («Грезится мне, что я птицей качаюсь на ветке...»; «Агония мотылька», «Двойник»), предвосхищают аналогичные обвинения рецензентов по адресу первых опытов символистской поэзии в России начала 1890-х гг. и могут считаться, таким образом, одним из первых образцов «антидекадентской» отечественной критики. В передаче Ф. Ф. Фидлера сохранилась эпиграмма Фофанова, возмущенного рецензией Скабичевского:

Мутна вода столицы невской;
Но та, которой Скабичевский
Разводит чушь своих статей —
Еще безвкусней и мутней.

«Очевидно, под впечатлением этой рецензии, — вспоминает Фидлер, — Фофанов выстроился перед своей дачей (он жил тогда в Царском Селе), размахивал палкой и кричал проходящим: "Ни один подписчик "Новостей" не подходи к этому дому!" (Имеется в виду газета, в которой сотрудничал Скабичевский — *С. С.*)... Сообщаю это из слов, заслуживающих полное доверие, покойного писателя Н. И. Познякова» (*Фидлер 1916*. С. 2; см. также: *Фидлер 2008*. С. 67; Измайлов А. А. Принц и нищий: Из воспоминаний о К. М. Фофанове // *ИВ*. 1916. № 5. С. 469).

***67.** *Н.* 1887. № 2. С. 38. Варианты строк: *1.* Свои первые, чуткие песни свои.

С-89. С. 1.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 164. Л. 10–10об. С датой под текстом: «1885 г. ». Варианты строк.

Сюжет стихотворения варьирует мотивы «Музы» (1851) Н. А. Некрасова.

68. *С-89.* С. 2. Без даты. Датируется по *Оглавлению С-89* (Л. 7об.).

69. *РБ.* 1887. № 1. С. 22.

С-89. С. 3.

С-96 (3). С. 80.

Перепечатано: *ИСРП-3.*

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 163. Л. 17. С датой под текстом: «1886 г. 24 Сентября». Без разбивки на четверостишия.

70. *РБ.* 1887. № 1. С. 58.

С-89. С. 4. Без даты. Датируется по *Оглавлению С-89* (Л. 7об.).

С-96 (3). С. 78.

***71.** *ВИ.* 1886. № 936. С. 498. С датой под текстом: «1886. Декабрь». С пробелом между ст. 12 и 13; 25 и 26.

С-89. С. 11–12.

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 85. Л. 16–16об. Под заглавием: «Вечная елка».

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 85. Л. 17–17об. С подзаголовком: «Фантазия». С датой под текстом: «1886 г. 6 декабря». С пробелом между ст. 12 и 13; 25 и 26. Варианты строк.

Черновой автограф 3: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 85. Л. 18–19. Дополнение к предыдущему автографу. Без заглавия. Варианты строк.

«Декадентская» образность этого стихотворения не всем пришлась по душе. «Образчиком уродливого сравнения» назвал три последние строчки стихотворения В. Л. Величко (Свет. 1889. 22 февраля. С. 3). Л. Е. Оболенский заострил эту оценку: «Черт знает что такое! Для кого они “лакомы”? Почему это сравнение их непременно с блюдами, да еще с “лакомыми”»? (*РБ.* 1889. № 3. С. 246). «Натуралистические краски вполне в духе бодлеровских “Цветов зла” усматривает в этом стихотворении и современный исследователь Е. З. Тарланов (*Тарланов 2001.* С. 75). Отражение основных мотивов «Ёлки вечных льдов» можно заметить в поэмах К. Д. Бальмонта «Мертвые корабли» и Н. М. Минского «Холодные слова».

72. *РБ.* 1887. № 8. С. 20. Варианты строк: *21–24.* Отсутствуют. Готовя текст к публикации в *С-89*, Фофанов от руки вписал эти строки (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 13).

С-89. С. 14. Без даты. Датируется по *Оглавлению С-89* (Л. 7об.).

С-96 (3). С. 68–69.

По мнению В. П. Буренина, «сюжет стихотворения навеян известным переводом известного стихотворения Гейне “Я зовусь принцессой Ильзой, в Изольштейне замок мой”» (*НВ.* 1889. 10 февраля. С. 2) Имеется в виду стихотворение из цикла «Путевые картины» (ч. I, «Путешествие по Гарцу»). Оно отражает именно майские настроения путешественника.

73. *Н.* 1887. № 6. С. 44–45.

С-89. С. 24.

С-96 (5). С. 146.

По поводу этого стихотворения В. Л. Величко в рецензии на сборник, отводя от Фофанова упреки критики в пессимизме, высказался следующим образом: «Но это скорее даже не больной пессимизм, а тихая грусть нравственно-здорового человека, покорность пред вечными, незыблемыми мировыми законами...» (Свет. 1889. 22 февраля. С. 2). Сюжет стихотворения вписывается в устойчивый для поэтического мира Фофанова миф о «вечном круговороте» и типологически родствен таким текстам, как «Дума» (*С-87*), «Кто я? — Мечта или ошибка...» (*Ил*), «Мне не спится; блеск алмазный...» и мн. др.

74. *Н.* 1887. № 8. С. 126. Без разбивки на четверостишия.

С-89. С. 25.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 7. С датой под текстом: «1887 г. 24 февраля». Варианты строк: *1–2* и *5–6* читаются в обратной последовательности.

75. *С-89.* С. 27–28.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 89. Л. 5–5об. Без заглавия. С датой под текстом: «1887 г. Август».

Синтаксические обороты «Еще..., но...» и «Ты скажешь...» свидетельствуют о полемической по отношению к первоисточнику цитации в этом тексте таких стихотворений Ф. И. Тютчева, как «Весенняя гроза», «Еще земли печален вид...», «Весенние воды» и др. (см. вступ. статью).

76. *РБ.* 1887. № 9. С. 70. Без разбивки на четверостишия.

С-89. С. 29.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 9–9об. С датой под текстом: «1887 г. Июль». Варианты строк: *14–15.* Я сонет слагаю однозвучный... / Мир исполнен сумрачных элегий.

77. *ВИ.* 1887. № 980. С. 335.

С-89. С. 31. Без даты. Датируется по *Оглавлению С-89* (Л. 8).

С-96 (4). С. 74. Варианты строк: *1.* Прекрасна эта ночь с ее красой печальной.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 87. Л. 1об. — 2.

78. *ВИ.* 1887. № 984. (21 ноября). С. 414. Варианты строк: *12.* Песня радости былой.

С-89. С. 32. Без даты. Датируется по *Оглавлению С-89* (Л. 8).

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 157об. С датой под текстом: «1887 г. Ноябрь».

79. *РБ.* 1887. № 11. С. 106. Варианты строк: *22.* Все шире, все смелей ложится полутьма.

С-89. С. 33–34. Без даты.

С-96 (2). С. 65–66. С датой под текстом: «1888 г., 15 мая. Гатчино».

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 5–6об. С датой под текстом: «1887 г. Июль». Варианты строк: *17–18.* И месяц между их ленивою толпою / Серебряным серпом яснеет, а вокруг; *23.* Навстречу робких звезд печально замигали; *26.* Таинственно ведут безмолвный разговор; *28.* Но светлой радостью мерцает звездный взор.

80. *С-89.* С. 37–38.

С-96 (2). С. 57–58.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 24–24об. С датой над текстом: «1887. Май».

81. *Н.* 1887. № 11. С. 234.

ЖО. 1888. № 49. (27 ноября). С. 354. Без заглавия. С разбивкой на четверостишия. Варианты строк: *1.* Там белых снов живые хороводы;

5. Там свет небес торжественен и мирен; *12.* Здесь мир певцов борьбы и нищеты!

С-89. С. 39.

С-96 (3). С. 76.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 83. Л. 18. Без заглавия. С разбивкой на четверостишия. С датой под текстом: «1886 г. 7 апреля». Редакция текста, как в *ЖО*.

82. *РБ*. 1887. № 12. С. 82.

С-89. С. 41–42. Без даты. Датируется по *Оглавлению С-89* (Л. 8).

С-96 (2). С. 61–62.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 163. Л. 14–15об. Варианты строк. *18.* Как жизнь с кипучими страстями.

Автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 2–3. С датой под текстом: «1887 г. Июля 28. Гатчино». Без пробела между ст. *24-25*.

Автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 163. Л. 13–13об. С датой под текстом: «1887 г. Июль. Гатчина». Варианты строк: *18.* Как мысль с изменчивыми снами; *30.* И только горе — спутник вечный.

Отмечено Я. П. Полонским в отзыве, рекомендующем Фофанова на соискание Пушкинской премии: «Хорошее стихотворение, но последние восемь строк — не нужны» (цит. по изд.: *БП 1962*. С. 298. Коммент. В. В. Смиренского).

83. *С-89*. С. 45.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 150об. — 151. В составе цикла «Зимнее» под цифрой II. С подзаголовком: «Из старых бумаг». Первое стихотворение цикла «Зима жестокая белеет за окном», по-видимому, так и не было опубликовано поэтом. Оно датировано 1 ноября 1887 г.

Это стихотворение, а также не менее популярное «Под напев молитв пасхальных» (№ 93) вызвали следующий комментарий В. Л. Величко: «Нам кажется, этих образцов достаточно, чтобы показать, какими музыкальными стихами г. Фофанов описывает природу, как он ее любит и понимает или, вернее, угадывает. Здесь уместно слово *угадывает*, потому что г. Фофанов, почти безвыездно живший зимой в Петербурге, а летом в его окрестностях, не имел случая *наблюдать* природу более пышную и притом во все времена года» (Свет. 1889. 22 февраля. С. 3). Впоследствии мысль об «искусственности» образов природы в поэзии Фофанова сделается общим местом критических статей и рецензий (И. Ясинский, Д. Мережковский, В. Розанов и др.; см. вступительную статью).

***84.** *НВ*. 1888. 24 января. С. 2. Варианты строк: *25.* И даль туманная, сквозь сень густых берез.

С-89. С. 48–49. Без даты. Датируется по *Оглавлению С-89* (Л. 8).

С-96 (2). С. 37–38.

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 58об. — 60. С датой под текстом: «1887 г. 5 августа». Варианты строк.

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 89. Л. 6–6об. С датой под текстом: «1887 г. Август». С пробелами между ст. 14 и 15; 22 и 23. Варианты строк.

В стихотворении описан сад в домике отца на 16-й линии Васильевского острова, с которым были связаны первые впечатления детства будущего поэта. Биографический комментарий стихотворения Фофанов дал в письме к А. А. Коринфскому от 2 октября 1892 г. (черновик):

«Уцелел ли тот деревянный домик, с садом и яблонями? Ей-богу, он был чудесен, или так мне казался мой младенческий рай. Я воспел его в стихах. Ты, верно, читал во втором томе стихов моих “Первую зарю”? У меня там схвачено одно из первых моих впечатлений…» (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 461. Л. 1.). Няня, о которой речь идет в стихотворении, — это София Алексеевна Нехтур, сначала кормилица, а затем няня поэта в течение первых пяти лет его жизни. В неопубликованном очерке дочери поэта Е. К. Фофановой-Устиновой «Из детства и отрочества поэта К. М. Фофанова» о няне сохранился следующий рассказ, записанный со слов отца: «Я ее очень любил в детстве. Я часто слышал песенки Я. П. Полонского “Ночью в колыбель младенца” и потом “В одной знакомой улице” (“Затворница”), которые певала над моей колыбелью нянюшка-кормилица моя. <…> День ее ухода казался для меня роковым. Я рыдал весь день, не пускал ее и умолял родителей оставить ее у нас» (*Дом-музей Щербова*. Папка Д-7. Л. 5, 8). В черновом варианте письма к С. А. Венгерову от 8 ноября 1887 г. поэт добавил несколько выразительных штрихов в описание своих прогулок с няней: «Из мрака первых дней детства мое воспоминание выхватывает впечатление незначительное само по себе, но, тем не менее, яркое. Я с нянею и с братьями гулял в сосновой роще; было сумеречно. Я увидел на земле, покрытый мхом и опавшими иглами сосен, еловую шишку; она очень поразила меня своей чешуйчатой, темно-коричневой пирамидой, и я вскрикнул от изумления, воображая, что я нашел что-то небывалое. Эта находка едва ли не первое впечатление моей жизни. Она вспоминается мне, как сон, да и всё тогда окружавшее меня застилается какой-то таинственной мглою, какая обыкновенно окружает каждый сон <…>. Впоследствии я узнал, что это было в 1865 году, летом, когда мы жили на даче по Петергофской дороге» (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 445. Л. 2–2об.).

По трагическому и пророческому совпадению свою «последнюю зарю» поэт встретил в местах своего счастливого детства, проведя последние, самые тяжелые десять месяцев жизни в Сергиевской пустыни, в доме по Петергофскому шоссе, откуда его увезли уже смертельно больным.

85. *С-89*. С. 53.

С-96 (4). С. 69.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 24об.

Стихотворение своими мотивами напоминает сюжет «Он покинул свой склеп невидимкой…» (№ 38).

86. *НВ*. 1888. 14 февраля. С. 2. С датой под текстом: «1888 г. » Варианты строк: *35*. Он ярче, пламенней, смелей. В письме к А. В. Жиркевичу от 22 февраля 1888 г. Фофанов выразил желание отредактировать текст газетной публикации: «В стихах “Памяти Байрона” я тоже недоволен некоторыми строками и уже сделал изменения» (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича).

С-89. С. 54–55.

С-96 (2). С. 52–53.

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 163. Л. 11. Под заглавием: «К портрету Байрона». С вариантом заглавия: «Памяти Байрона». С датой под текстом: «1888 г. Февраль».

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 163. Л. 12–12об. С датой под текстом: «1888 г. 10 февраля». Варианты строк: *Перед 1*. Наперсник Муз, пловцов — кумир, / Ему отчизна — целый мир!; *22*. Ревнивый, злобный иль больной; *35*. Он ярче, злобней и смелей.

***87.** *НВ*. 1888. 28 февраля. С. 2. С датой под текстом: «1888 г. Февраль». С пробелом между ст. 44 и 45; 50 и 51. Датировку стихотворения можно уточнить, приняв во внимание письмо Фофанова к А. В. Жиркевичу от 22 февраля 1888 г., в котором поэт сообщает о том, что «набросал довольно длинную элегию “Старые часы”» (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича).

С-89. С. 60–62.

С-96 (2). С. 28–30. С датой под текстом: «1888 г. Февраль». Варианты строк: *3*. Где между пыльных ваз и старомодных ламп; *15*. И старые часы прадедовских палат.

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 172–173. С датой под текстом: «1888 г. 21 января». Ранняя редакция.

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 164. Л. 11–12. С датой под текстом: «1888 г. Февраль». Варианты строк: *7*. Смеется весело своей же наготе; *8*. И плесень синяя на бронзовом листе; *13–16*. Отсутствуют.

Черновой автограф 3: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 164. Л. 13. Редакция ст. 1–21, близкая к окончательной. Текст не дописан.

Трагическое решение темы времени в этом стихотворении Е. З. Тарланов сопоставляет с сонетом Бодлера «Часы» (см.: *Тарланов 2001*. С. 77). Возможно, тема и некоторые мотивы автору «Старых часов» подсказаны стихотворением К. К. Случевского «Часы с курантами».

***88.** Еженедельное обозрение. 1888. № 213. Стлб. 2655.

С-89. С. 63–64. Без даты. Датируется по *Оглавлению С-89* (Л. 8об.).

С-96 (2). С. 31–32.

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 53–53об. Варианты строк.

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 55об.

Черновой автограф 3: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 89. Л. 9–9об. С датой под текстом: «1887 г. Октябрь». С пробелом между ст. 8 и 9; 13 и 14. Варианты строк.

Стихотворение посвящено жене поэта — Л. К. Фофановой, отличавшейся крайней набожностью. Поэт, который не мог похвастаться крепостью веры, ставил в пример религиозную одержимость жены. Так, в письме к А. В. Жиркевичу от 16 апреля 1894 г. он писал: «…Я жажду, я хочу верить — и странно сказать — вместе с этим едкое чувство досады поднимается во мне на заблуждения многих веков. Я это даже высказал духовнику на исповеди. Духовник, насколько мог, вразумил меня — и… ничего не мог сказать нового, убедительного… Зато жена моя вся пронизана верою в загробную жизнь; обложилась житиями св<ятых>отцов; не пропускает ни одной страстной службы» (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича).

89. *НВ*. 1888. 13 марта. С. 2. С датой под текстом: «1888 г. Март». На публикацию стихотворения в «Новом времени» откликнулся А. В. Жиркевич. В письме к Фофанову от 18 марта 1888 г. он недоумевал: «Почему Вы написали “Последние (?) искры (?) во храме”? — В середине стихотворения — вероятно, опечатка в прилагательных и в точке» (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 556. Л. 25). Поэт никак не отреагировал на эти замечания.

С-89. С. 67–68.

С-96 (2). С. 35–36. С датой под текстом: «1888 г. Март».

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 90. Л. 11–11об. Под заглавием: «Стансы». С датой под текстом: «1888 г. Март».

90. *НВ*. 1888. 3 апреля. С. 2.
С-89. С. 70–71.
С-96 (2). С. 45–46.
Перепечатано: *МП*; Чтец-декламатор. Киев, 1916.
Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 163. Л. 3–3об. С датой под текстом: «1888 г. Март 27».
Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 163. Л. 4–4об.
91. *С-89*. С. 72.
Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 85. Л. 15–15об. С датой над текстом: «18 декабря 1886 г. ». Варианты строк: рифмованные пары ст. *10* и *12*, *13* и *15* читаются в обратной последовательности.
***92.** *НВ*. 1888. 10 апреля. С. 2. С датой под текстом: «1888 г. »
С-89. С. 74–75.
Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 143об.–144об. С примечанием над текстом: «Наброски». С датой под первым наброском: «1887 г. Октябрь». Наброски ранней редакции.
Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 90. Л. 19–19об. Под заглавием: «Из фантазий». С датой под текстом: «1888 г. Апрель».
93. *С-89*. С. 78. Без даты. Датируется по *Оглавлению С-89* (Л. 8об.).
С-96 (4). С. 70.
Перепечатано: *МП*; Модный свет и модный магазин, 1902, № 4; *ИСРП-3*; Чтец-декламатор. Одесса, 1918.
Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 168. Л. 9–10. Под заглавием: «Из пасхальных песен». Первоначально в составе первого, второго и четвертого четверостиший. Третье четверостишие дописано позднее, после авторской подписи под текстом. Варианты строк: *1–3*. Под пасхальные напевы, / Под весенний перезвон / Родилася в царстве снега.
А. В. Жиркевич в дневнике так описывает процесс рождения замысла этого стихотворения: «…Я ему читал мои стихи “Христос воскрес!” (опубликовано: Жиркевич А. В. Друзьям: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 1899. С. 58 — *С. С.*). Он мне признался, что их идея навела его на мысль написать такие же стихи, но в которых бы все в мире христосовалось: небеса с землей, белый ландыш с белым мотыльком и т. д. Он тут же даже набросал на память один миленький куплет» (*ДЖ*. Т. 6. 24.10.1887).
94. *НВ*. 1888. 1 мая. С. 2.
С-89. С. 79. Без даты. Датируется по *Оглавлению С-89* (Л. 8об.).
Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 61об.–62. С датой под текстом: «1887 г. Ав<густ>».
Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 164. Л. 1. За подписью: «Барон Клякс».
95. *НВ*. 1888. 22 мая. С. 2. С датой под текстом: «1888 г. 12 мая. Гатчина».
С-89. С. 85–86.
С-96 (3). С. 91–92. С датой под текстом: «1888 г., 12 мая. Гатчино».
Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 164. Л. 2–3. С датой под текстом: «1888 г. Май». Варианты строк: *14*. Когда нальется колос нив; *16*. Ковер лугов так прихотлив.
Как ходят тучи в высоте — цитата второй строки из скандально известного стихотворения К. К. Случевского «На кладбище» (1860). Мотивы «Одуванчика» Фофанова впоследствии будут подхвачены и творчески переосмыслены К. Бальмонтом в стихотворениях «Седой одуванчик», «Изменчивость», «Одуванчик», вошедших в книгу «Фейные сказки» (1905).

96. *С-89*. С. 90. Без даты. Датируется по *Оглавлению С-89* (Л. 9).

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 192об. С датой под текстом: «1888 г. Июль». Без разбивки на четверостишия.

97. *ВИ*. 1888. № 1015 (1 июля). С. 3. Варианты строк: *5*. И дремлет она, как больная.

С-89. С. 91. Без даты. Датируется по *Оглавлению С-89* (Л. 9).

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 188об. Варианты строк: *5*. [И дремлет она, как больная]; *8*. Прозрачным и бледным свинцом; *12*. Недвижно синеют леса; *16*. В сиянье ночного огня.

***98.** *НВ*. 1888. 14 августа. С. 2.

С-89. С. 98–99.

С-96 (3). С. 74–75. Без пробела между ст. 16 и 17.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 21–22. Ранняя редакция.

Перепечатано: *ИСРП-3*.

И. Е. Репин в письме к Фофанову от 14 августа 1888 г. восторженно отозвался о стихотворении: «Всякому, кто пережил в своем душевном мире нечто подобное, это шевельнет сердце чем-то дорогим, невозвратным, но очень близким сердцу и много напоминающим, таинственным ароматом». (Репин И. Избранные письма: В 2 т. Т. 1: Письма 1867–1892. М., 1969. С. 54).

***99.** *ВИ*. 1888. № 1022. С. 134. С пробелами между ст. 19 и 20; 35 и 36; 49 и 50.

С-89. С. 102–104. Без даты. Датируется по *Оглавлению С-89* (Л. 9).

С-96 (3). С. 54–56.

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 89. Л. 15–15об. Без заглавия. Ранняя редакция.

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 89. Л. 14–14об. Под заглавием: «Луч луны». С датой под текстом: «1887 г. Декабрь». С пробелами между ст. 19 и 20; 31 и 32; 35 и 36. Варианты строк.

Черновой автограф 3: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 89. Л. 13–13об. С пробелами между ст. 19 и 20; 35 и 36; 49 и 50.

Бывало, все в душе моей будило… — Начало стихотворения отсылает к реальным фактам биографии Фофанова. Так, в письме Ф. Ф. Фидлеру от 3 апреля 1888 г. поэт вспоминал: «В детстве я со своим покойным братом (Александром, подававшим надежды юным художником — *С. С.*) лелеял нелепую мысль уехать на луну, — и она казалась мне осуществимой… Из наук всегда предпочитал и предпочту — ботанику и астрономию…» (Пробуждение. 1916. № 17. С. 524). Эти автобиографические признания впоследствии отразились в стихотворении «Луна детства» (*ЛПН*. 1902. № 8). Тяготение Фофанова к «лунной» образности коренится и в особенностях психического склада его личности (склонность к визионерству), и в мистических интенциях его поэтического мироощущения (см. об этом подробно во вступительной статье). Жиркевич в дневнике рассказывает о неоднозначной реакции слушателей на чтение «Лунного света» Фофановым, состоявшееся на квартире у А. И. Лемана: «Александров (редактор-издатель “Всемирной иллюстрации” — *С. С.*) предложил заменить слово “ботаник” на “ученый”, Бердяев (С. А. Бердяев, поэт, старший брат Н. А. Бердяева— *С. С.*) поддержал Александрова. Однако Введенский (А. И. Введенский, критик — *С. С.*) высказался за “ботаника”, а Репин заявил, что Фофанову бесполезно давать советы, и что он так сам чуток к своим сравнениям, что ни за что не изменяет их по чужим

указаниям» (*ДЖ*. Т. 7. 30.12.1887). «Лунная» поэтическая метафизика Фофанова также раскрывается в стихотворениях «Скряга и звезды» (*С-87*), «Лунатик» (*С-96*), в черновом наброске «Кто был он, грустный человек…» (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 144).

Общее смысловое движение мотивов «Лунного света» К. М. Фофанова, построенное на контрасте «тогда — теперь», типологически сходно с сюжетом одноименного стихотворения Я. П. Полонского (1844) и «Лунной ночью» А. Н. Плещеева (1859). Одновременно лунная образность Фофанова органически включается в «лунную мифологию» поэзии раннего символизма — Вл. Соловьева, Д. Мережковского, Н. Минского, К. Бальмонта. Об этом см. подробнее: *Ханзен-Лёве 1999*. С. 201.

100. *ВИ*. 1886. № 902. С. 350.

С-89. С. 106. Без даты. Датируется по *Оглавлению С-89* (Л. 9).

С-96 (3). С. 71.

С образом Природы-«могилы» соотносится следующий отрывок из дилетантского эссе Фофанова «Краткие наброски новой теории мироздания»: «Природа только в раздробленных атомах может самопознавать, мыслить и чувствовать. В целом же она настолько огромна, что жизнь ее граничит с тем понятием, которое мы называем небытием» (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 396. Л. 9). Эти же идеи Фофанов будет развивать и в письмах к А. В. Жиркевичу. Например, от 7 ноября 1890 г.: «Когда видишь вокруг себя только пустынный, хотя и цветущий уголок с девственными лесами, горами, не вмещающий в себя никого из родных, никого из друзей, не связывающий нас ни с какими воспоминаниями, — поневоле в таком уголке природы наполняешься сам “пустынностью”, если так можно выразиться. <…> В пустынности хотя и великолепной природы мы теряем уразумение той простоты и сердечности, какое испытываем в сообществе близких и любимых нами людей, смутно сознавая, что эта колоссальная, бесчувственная природа совершенно равнодушна к нам» (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича). Показателен для подобной «натурфилософии», напоминающей известные «шопенгауэровские» пассажи повестей и романов И. С. Тургенева (часто с отсылкой к заключительной строфе пушкинской элегии «Брожу ли я вдоль улиц шумных…»), и экспромт, сочиненный поэтом на сюжет одной из картин Репина (влюбленная пара на морском берегу):

В холодной буре тонет взор;
Разбеги волн вокруг жестоки…
О, Боже мой, какой простор! —
И как мы страшно одиноки!

(ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича. Письмо от 26 апреля 1903 г.).

101. *ВИ*. 1887. № 947. С. 214.

С-89. С. 107. Без даты. Датируется по *Оглавлению С-89* (Л. 9). В ст. 18 — опечатка: И *отстрани* от соблазна лукавого. Исправлено по автографу на: И *отврати* от соблазна лукавого

С-96 (3). С. 72.

Пробуждение. 1907. № 34. С. 497. Под заглавием: «Отче наш!».

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 83. Л. 3–3об. С датой под текстом: «1886 г. 26 января».

Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 164. Л. 6–7. С датой под текстом: «1886 г. Январь». С разбивкой на четверостишия. Варианты строк: *16*. Всех [изнемогших под честною] битвою.

Первоисточник стихотворения — известная молитва из «Нагорной проповеди» Христа (Мф. 6, 9–13), которая в тексте Фофанова вольно контаминируется с другими местами Евангелия (Мф. 9, 13; 27, 40) и др. Подробнее о характере евангельской цитации в этом стихотворении см.: *Завьялова 2006*. С. 128–129.

Всех сохрани за любовь погибающих — Реминисценция из стихотворения Н. А. Некрасова «Рыцарь на час» (1860—1862). Ср.: «Уведи меня в стан погибающих / За великое дело любви!» (Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений: В 3 т. Т. 2. Л., 1967. С. 64). Очевидно также ритмическое совпадение с «Молитвой» М. Ю. Лермонтова (1837).

102. *ВИ*. 1888. № 1024. (3 сентября). С. 175. Варианты строк: *7.* Лучезарные грезы плывут, как волна за волной.

С-89. С. 108.

С-96 (3). С. 73.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 24–24об. Без заглавия. С датой под текстом: «1888 г. »

103. *РБ*. 1888. № 9. С. 36.

С-89. С. 116. Без даты. Датируется по *Оглавлению С-89* (Л. 9об.).

С-96 (5). С. 136.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 1. С датой под текстом: «1888 г. 10 мая». Варианты строк: *1.* Яснее месяц златорогий; *5.* Чуть дышит горький вздох измены.

104. *НВ*. 1888. 9 октября. С. 2.

С-89. С. 117.

С-96 (5). С. 137.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 238. С датой под текстом: «1888 г. 20 октября». Без разбивки на четверостишия.

Психологическим автокомментарием этого стихотворения может служить письмо Фофанова к А. В. Жиркевичу от 14 марта 1888 г.: «Я перед Вами немного виноват в том, что не тотчас ответил на Ваше последнее письмо <…> Обломовская лень, граничащая с апатией, скверная и тяжкая болезнь, за которую я глубоко упрекаю себя.

Она все чаще с каждым днем
Свои накладывает путы…
Бывают странные минуты,
Ум непонятным дремлет сном,
Молчит душа, слабеют мысли,
И вижу в дреме я своей,
Как паруса судьбы повисли
В немом безветрии страстей.

Простите за этот маленький экспромт. Ей богу, бывают такие минуты, когда даже радуешься тучке, омрачившей мимолетно ослепительно неподвижный небосклон. Мерное колыхание жизненного челна, право, иногда очень утомляет… Жизни больше надо, жизни! А где ее взять? Все кругом уснуло тихим, грустным сном; лишь порою в нем слышен бред загула, безобразный бред… И все потому, что жить люди не умеют. Наука жизни самая трудная из наук и самая древнейшая. До сих пор уже не одно тысячелетие люди учились жить — и все не научились. Так и эдак приспособляются — а все ничего не выходит, кроме монотонной тоски, тоски, тоски…» (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича). Последние четыре фразы письма впоследствии «эхом» откликнутся в заключительной строке стихотворения «Отошедшим» (№ 146).

105. *С-89*. С. 118.
С-96 (5). С. 138.
106. *ВИ*. 1888. № 1027 (24 сентября). С. 238.
С-89. С. 121.
С-96 (5). С. 143.
***107.** Север. 1888. № 46. С. 10.
С-89. С. 125. Без даты. Датируется по *Оглавлению С-89* (Л. 9об.)
С-96 (3). С. 61.
Перепечатано: Чтец-декламатор. Киев, 1912.
Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 172. Л. 3. Без заглавия. Набросок начальных четырех строк.
Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 172. Л. 4. Без заглавия. Набросок начальных восьми строк. Варианты строк. *3–4.* Лишь церкви дальний крест мерцает в высоте / Да космы чучела [желтеют] темнеют на шесте; *8.* Лазурью знойною сверкает высота.
Черновой автограф 3: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 9–10. С датой под текстом: «1888 г. 25 июля. Сивер<ская?>».
Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 163. Л. 2. Без заглавия. Варианты строк.
108. *НВ*. 1888. 13 ноября. С. 2.
С-89. С. 126–127.
С-96 (3). С. 62.
Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 18об. С датой под текстом: «1888 г. Ноябрь». Варианты строк: *1.* Сидели весеннею ночью под ивой.
109. *С-89*. С. 129. Без даты. Датируется по *Оглавлению С-89* (Л. 9об.).
С-96 (5). С. 140.
Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 161об. С датой под текстом: «1887 г. 6 декабря».
Композиция и ритмика стихотворения отсылают к «Приметам» А. С. Пушкина («Я ехал к вам: живые сны…»)
110. *НВ*. 1888. 3 января. С. 4–5. Без посвящения. С датой под текстом: «1887 г. Декабрь». Варианты строф. *VI, 5.* Обозначена отточиями. *VII, 10.* Ходит, в воздухе гремя. *VII, 12.* Мчится голову сломя.
С-89. С. 138–143. С датой под текстом: «1887 г. Декабрь». В *Оглавлении С-89* (Л. 9об.) датировано: «1887 г. 15 декабря».
С-96 (1). С. 63–67. С датой под текстом: «1887 г. Декабрь». Варианты — *строфа III, 11:* Что ты брехаешь за полночь!; *строфа IX, 6:* Кабака мелькают елки.
Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 163об. — 166об. С примечанием: «Наброски». Без посвящения. С датой под текстом: «1887 г. Декабрь 15».
Александр Владимирович Ж<иркеви>ч (1857–1927) — литератор, военный правозащитник, коллекционер. Фофанов познакомился с ним в октябре 1887 г. в Петербурге. Знакомство переросло в тесную дружбу, с перерывами и размолвками длившуюся вплоть до кончины Фофанова. Подробнее о роли Жиркевича в жизни поэта см. вступительную статью.

Посвятив «рождественский рассказ» Жиркевичу, Фофанов косвенно признал заслуги друга, которому он был обязан как замыслом, так и фабулой произведения. Творческая история написания «Волков» подробно описана в дневнике Жиркевича. В ответ на просьбу поэта подсказать тему и сюжет для заказанной ему рождественской сказки

Жиркевич рассказал историю о том, «...как на попа, возвращавшегося домой с требы, с попадьей и ребенком, напали волки, и попадья, желая спастись, выбросила ребенка, а потом выпихнула мужа, и как все они остались живы» (*ДЖ*. Т. 7. 13.12.1887). «Фофанов, — далее вспоминает Жиркевич, — пришел в восторг от этого рассказа и изменил его тем, что поп возвращается с требы в санях, нагруженных разными подачками, взятыми у крестьян при объезде хат; нападают волки, и поп с попадьей начинают выбрасывать им всю провизию <...> и таким образом приезжают с пустыми руками домой, и все мечты их об угощении станового, соседа попа, разлетелись. Мы с Фофановым нарисовали для этого рассказа целый ряд зимних пейзажей, разговоров, мечтаний попа и попадьи...» (Там же). А в записи от 18 декабря мемуарист отмечал, что «в эту среду» у себя дома Фофанов уже читал, впрочем, без всякого упоминания о соавторстве Жиркевича (что его «неприятно <...> поразило, не из чувства зависти, а ввиду явной неделикатности») присутствующим гостям «рождественский рассказ "Волки", написанный очень мило на тему, мной ему рассказанную и даже отчасти по моей программе» (Там же). Впрочем, не всё в стиле рассказа устроило друзей поэта: «Так, <...> Репин нашел неудачным то место, где волки сидят и хвостами разметают снег полей, а я другое — где кнут "гремит". Но Фофанов так и не переделал этих мест» (*ДЖ*. Т. 7. 10.01.1888). Жиркевич ошибся: к последнему замечанию поэт прислушался (см. изменения в строфе VII).

111. *НВ*. 1888. 22 мая. С. 2. С датой под текстом: «1888 г. 15 мая. Гатчино».

С-89. С. 144–146.

С-96 (2). С. 54–56.

Перепечатано: Чтец-декламатор. Одесса, 1918.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 177об. — 179об. Без посвящения. С датой под текстом: «1888 г. 15 мая».

Михаил Петрович Фофанов (1832–1885) — отец поэта, купец третьей гильдии. Об отце и о своих предках по отцовской линии Фофанов подробно рассказал в письме к С. А. Венгерову от 8 ноября 1887 г.: «Воспитание мой отец получил начальное [школы], но свое образование старался дополнить чтением. Он был очень любознателен, из всех наук его более всего интересовала медицина. Шестнадцати лет он потерял отца, Петра Фомича, который скончался от холеры в 1842 г. По рассказам моего отца, Петр Фомич был человеком необыкновенной силы. Отец же, в противоположность ему, был очень слаб, нервен и мнителен. В ранней године в нем признали чахотку. После Петра Фомича осталась семья, состоящая из вдовы-матери, двух сестер и брата, на руках Михаила Петровича. Имея лесной двор, он поддерживал как мог оставшуюся семью своего отца; выдал замуж своих сестер. Сам он женился на двадцать втором году на купеческой дочери Екатерине Афанасьевне Трюхиной (ошибка поэта; девичья фамилия матери — Брюханова — *С. С.*), которая и стала моей матерью». (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 445. Л. 1об.–2).

Вероятно, эти воспоминания об отце впоследствии послужили основой очерка «Из детства и отрочества поэта К. М. Фофанова», написанного его дочерью Е. К. Фофановой-Устиновой. В очерке приводится подробная психологическая характеристика М. П. Фофанова, поданная от лица поэта: «Мой отец, старший сын в семье, остался после отца (деда поэта, Петра Фомича — *С. С.*) шестнадцати лет и своими заботами поддерживал мать (бабушку, Екатерину Егоровну — *С. С.*) и малюток-сестер, ибо средства дед оставил осиротевшей семье более чем скромные.

Отец мой имел лесной двор и все время с рождения до смерти жил в Петербурге. Только два раза отлучался в Москву да на водопад Иматру, и больше никуда. В Москве он был дня три и долго сохранял воспоминания о путешествии, как о чем-то трудносвершимом. Женился он на 22 году на моей матери, уроженке Ярославской губернии, Екатерине Афанасьевне Брюхановой. <…> Он был беспечен по натуре, называл себя человеком не от мира сего, был очень слаб в молодости. С ним на 25 году случился глубокий обморок, едва не кончившийся смертью. Слабость его вызывалась малокровием, которое развивалось, по его словам, от частых изнурительных постов, которых придерживались родители. По своей скромности или небрежности отец мой никогда не решался подавать прошения куда бы то ни было; поэтому никто из нас не воспитывался в казенных заведениях. Отец никогда не вступал ни с кем ни в какие тяжбы, ни с кого не взыскивал никаких долгов. Он очень желал, чтобы у него были дети, как можно больше детей, и желал их видеть образованными; но дальше его искренних желаний воля не шла. Всё шло в семье по течению случайностей. Он говорил, что в молодости готов был пойти в монахи. Склонность его к созерцательной и несообщительной жизни изумительна. Чтение трогательных книг легко вызывало на его глазах слезы. <…> К отцу моему незадолго до его смерти возвратилась почти детская робость; он не выходил из дома почти полгода, и нужно было больших усилий, чтобы убедить его выйти разговаривать с человеком, пришедшим по делу. В последние годы дела его окончательно пришли в упадок. Он умер, не дожив до 53 лет полтора месяца» (*Дом-музей Щербова*. Папка Д-7. Л. 3–5).

В кончине отца для Фофанова всегда заключалось какая-то страшная тайна, поглощавшая буквально его целиком, лишавшая душевного равновесия. Отголоски этого внутреннего смятения отчетливо слышны, например, в дневниковой записи от 13 октября 1886 г.: «Годовщина смерти отца (отец поэта скончался 13 октября 1885 г. в Петербурге — *С. С.*). Вернулся с кладбища и после поминок, скромных и трогательных, такой страшный прилив чувств в моей душе, что я даже не в силах их сейчас передать бумаге. Я задыхаюсь над впечатлениями, думами и грустью» (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 116).

Лексика, образы, ритмика «Кончается!.. » отсылают к переводу А. Н. Майковым стихотворения Г. Лонгфелло «Excelsior». Известен также перевод О. Чюминой (*СВ*. 1888. № 3. С. 31–32).

112. *РМ*. 1887. № 12. С. 288. Варианты строк: *7*. Вон в кустах мелькнула белая накидка.

С-89. С. 163. Без даты. Датируется по *Оглавлению С-89* (Л. 10).

Перепечатано: *МП*; *АСП-12*.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 164. Л. 4–5об. Варианты строк: *5*. Где-то торопливо щелкнула калитка; *8*. В озаренной чаще бродит чья-то тень; *10*. [Музыка мечтаний звучных в тишине]; *12*. [Что тихонько вянет на окне].

Шепчутся о тайнах неба и земли — Реминисценция из поэмы М. Ю. Лермонтова «Мцыри». Ср. «Они <голоса — *С. С.*> шептались по кустам, / Как будто речь свою вели / О тайнах неба и земли». (Лермонтов М. Ю. Соч.: В 6 т. Т. 4. М.; Л.,1955. С. 157).

Брюсов, рассуждая в письме к Перцову от 2 мая 1896 г. о художественной природе «философской поэзии», в качестве примера приводил первую строчку этого стихотворения Фофанова — «От луны

небесной...»: «Вы думали об этом эпитете? — вопрошал он своего адресата. — В гармонии стиха, в эпитетах, в образах — гораздо больше философии, чем в жиденьких стихотворных рассуждениях» (*Письма Брюсова*. С. 74).

***113.** *ВИ*. 1888. № 994. С. 107. Под заглавием: «Финн». Варианты строк. Большинство изменений в тексте вызваны прямым вмешательством редактора журнала Н. А. Александрова. По свидетельству А. В. Жиркевича, самоуправство редактора «Всемирной иллюстрации», изуродовавшего текст стихотворения, вызвало резкий протест со стороны Фофанова. Поэт даже хотел в какой-либо газете поместить исправную редакцию и порвать все отношения с журналом (см.: *ДЖ*. Т. 7. 6.02.1888). Ни того, ни другого он не сделал. Впоследствии Фофанов еще не раз будет жаловаться в письмах к друзьям на редакторский произвол Александрова (см., например, письмо к И. И. Ясинскому от 15 июля 1888 г — РГАЛИ. Ф. 581. Оп. 2. Ед. хр. 155. Л. 2–2об.). Вот показательный отрывок из письма Фофанова к А. В. Жиркевичу от 16 февраля 1888 г.: «Скажу только, что у Александрова свои взгляды на редакторство, довольно странные и курьезные, которые доставили бы честь любому гутентоту или журналисту королевства папуасов». (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича)

С-89. С. 164–165. Без даты. Датируется по *Оглавлению С-89* (Л. 10).

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 45–46об. С датой под текстом: «1887 г. 12 сентября». Как первое стихотворение задуманного, но не осуществленного цикла под общим названием «Из автобиографических».

Поэт неоднократно пытался восстановить свою родословную. В бумагах Фофанова имеется несколько черновых набросков автобиографии, в которой предкам по отцовской линии отводится традиционно почетное место. Самый показательный отрывок содержится в черновом письме к С. А. Венгерову от 8 ноября 1887 г.: «Мои предки принадлежали к великой семье, называемой “человечеством”. Они жили на севере России, в Олонецкой губернии, занимались, вероятно, как все жители названной местности, рыбной ловлею, хлебопашеством, скотоводством и т<ому подобным> и сходили со сцены жизни никем не замеченными, как сходят тысячи, миллионы людей. Их прах не покоится в фамильных склепах, охраняемых фамильными гербами. <...> Первое имя, известное мне по восходящей линии со стороны отца, — это имя моего прадеда. Его звали Фома Иванович. Он был государственным крестьянином Олонецкой губернии, жил приблизительно в царствование Петра II и, что было редкостью в то время, — знал грамоту. <...>

Дед мой Петр Фомич был привезен в Петербург двенадцати лет от роду и отдан в извоз. Не был ли он тем чухонцем-“вейкой”, которые обыкновенно наезжают в столицу к масленице со своими меланхолическими лошаденками, так весело гремя бубенцами? — этого я не могу утверждать. После извозного промысла он был мыльщиком в бане. Женился мой дед рано; первая его жена была тринадцати лет и по выходе замуж еще играла в куклы, но, овдовев в сорок лет, он скоро женился на другой, Екатерине Егоровне, урожденной Карелиной; от нее-то и родился мой отец Михаил Петрович. Он родился в ту пору, когда дед мой жил уже более самостоятельно и занимался кожевенной торговлей. <...> По рассказам моего отца, Петр Фомич был человеком необыкновенной силы». И т. д. (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 445. Л. 1–1об.).

Эта автобиография постепенно обрастала легендарными мотивами, что хорошо заметно уже из черновика незаконченной повести, которая представляет собой своеобразный «конспект» стихотворения «Я родом финн…»: «Я родился в стране суровых скифов. В шатре, при пламене костра, я слышал над своей колыбелью печальные песни о кровавых боях; по вечерам я прислушивался к седой метели и сам жаждал подвигов. Я подрос и вместе с отцом, закутанный шкурой оленя, мчался на коне в стан своих соседей и грабил их; признаюсь, мне было любо видеть ужас и страх на лицах опешивших врагов. Я чувствовал свою силу; мои мышцы казались сотканы из стали, моя грудь изваянной. Я выезжал на ловитву за дикими зверями, и когда острие моего копья пронзало медведя — я был доволен и счастлив — как часто свои озябшие руки я согревал теплой кровью смертельно раненого зверя…». И т. д. (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 235).

114. *НВ*. 1888. 29 мая. С. 2. Без разбивки на четверостишия. Варианты строк: *2.* Лучами алыми тепло румянится; *4.* Как лента пестрая, широко тянется; *5.* Усталый взор глядит вокруг рассеянно.

С-89. С. 168.

Перепечатано: *АСП-12*.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 2. С датой под текстом: «1888 г. 17 мая». Варианты строк: *2.* По небу синему едва румянится; *4.* Как нитка пестрая, верстами тянется; *5.* Мечтаю пламенно, гляжу рассеянно; *7.* Как алый дым вдали заря развеяна.

115. *НВ*. 1888. 29 мая. С. 2. Без заглавия. С датой под текстом: «Москва. 26-го мая 1888 г. »

С-89. С. 169.

Стихотворение было написано в Москве, где Фофанов с 23 по 27 мая находился проездом в Киев по приглашению И. И. Ясинского. Столь долгое и дальнее путешествие поэт предпринял первый и последний раз в жизни. Свои московские и дорожные впечатления Фофанов описал в письмах к жене от 23, 24, 25, 26, 27, 28 и 29 мая 1888 г. (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 492. Л. 13–31об.). Особенно показательно последнее письмо, в котором Фофанов восторженно описывает дорожные картины: «Ехал мимо многих городов: мимо Подольска, Серпухова, Тулы, Орла, Курска, Конотопа, Нежина. По внешности издали лучший из них — Курск. Но с внешностью Киева ни Москва, ни Курск не могут соперничать. Киев положительно превзошел мои ожидания. Когда поезд идет по Днепровскому мосту, то Киев из-за зелени своих холмистых насыпей так очарователен, что сразу не находишь слов для выражения своего восторга.

Я рад, как счастью новоселья,
Я горд взволнованной душой,
Что Днепр широкий предо мною
Сверкает чистою купелью,
Что со скалистых берегов
Ласкает взор мне давней славой
Наш Киев — пращур городов,
Глядясь из зелени кудрявой…

Но, душа моя, это все бледно высказано для Киева. Перед Киевом тянулись малороссийские деревни и степи. Я любовался, как закатывалось солнце в степи. Это ты после прочтешь в стихах. Юг дает себя знать; погода здесь теплая и сухая. Воздух пахнет чем-то незнакомым,

но до того обаятельным, что я, кажется, ни одного часа не буду сидеть в комнате» (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 492. Л. 30–30об.).

***116.** *С-89*. С. 170.

С-96 (4). С. 71.

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 17. С датой под текстом: «1887 г. Май». Варианты строк.

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 19. С датой под текстом: «1887 г. Май». Редакция *С-89*.

117. *С-89*. С. 177–178. Без даты. Датируется по *Оглавлению С-89* (Л. 10).

С-96 (3). С. 79.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 187об.—188. С датой под текстом: «14 июня 1888 г. Гатчино». Без разбивки на четверостишия.

***118.** *С-89*. С. 179.

С-96 (5). С. 145. Варианты строк: *3*. Что искал я в деяньях природы разумных (опечатка); *7*. Долго я Бога искал — провидел его я однажды (опечатка).

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 2. В составе цикла «Искры». С общей датой в конце цикла: «4 января 1882 г.». Ранняя редакция.

Автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 1об. В составе цикла «Искры». Без даты. Редакция *С-89*.

Автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 169. Л. 10. Редакция *С-89*. Варианты строк: *5*. Долго я Бога искал, преисполненный жажды.

Автограф 3 (карандашом): РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 169. Л. 8–8об. Редакция *С-89*.

***119.** *С-89*. С. 180.

С-96 (5). С. 105. Без заглавия.

Перепечатано: *ИСРП-3*.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 23. Без заглавия. С датой под текстом: «1888 г.». Варианты строк.

***120.** *НВ*. 1888. 27 ноября. С. 2.

С-89. С. 181.

С-96 (3). С. 89.

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 20. Под заглавием: «Из буколических». Варианты строк.

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 172. Л. 6. Под заглавием: «В поле». С примечанием над заглавием: «Из буколических». Варианты строк.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 163. Л. 5. Варианты строк: *12*. Но слышит чуткий слух, как в поле окликает; *17*. Трепещет радостно согретая трава.

***121.** *С-89*. С. 182–183. Без даты. Датируется по *Оглавлению С-89* (Л. 10).

С-96 (3). С. 81–82.

Перепечатано: Чтец-декламатор. Киев, 1910; Чтец-декламатор. Киев, 1912.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 163. Л. 7–7об. С датой под текстом: «1887 г.». Варианты строк.

А. М. Скабичевский отнес стихотворение к разряду «психиатрических стихотворений», «упаднических» по своему пафосу, напоминающих болезненные создания Достоевского: «Разве не является в этом стихотворении г. Фофанов как есть подлинным Голядкиным? Что же

после этого г. Фофанов, как не графоман, страдающий манией величия и стремящийся вывернуться наизнанку и встать головою вниз, чтобы поразить вас каким-нибудь небывалым, невозможным коленцем и тем самым доказать вам, что он не робкий чирикающий на заре чиж, а орел, гордо парящий в облаках» (Новости и Биржевая газета. 1889. 30 марта. С. 2).

Мотивы и образный строй стихотворения Фофанова впоследствии отразятся в «Двойнике» А. Блока (1909), что отмечает и А. Ханзен-Лёве: «Оценка двойника как "друга души", часто встречающаяся у Фофанова, впоследствии появляется в юношеских романтических стихотворениях Блока (*alter ego*, как таинственный друг, даже как визионерский образ, аналог женственной *anima*)...» (*Ханзен-Лёве 1999*. С. 78).

***122.** *ЖО*. 1887. № 48. С. 368. Варианты строк.

С-89. С. 184.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 10–10об. В составе трех первых четверостиший. С датой под текстом: «1887 г. Июль». Последнее четверостишие дописано позднее, после проставленной даты. Редакция *ЖО*.

***123.** *РМ*. 1888. № 9. С. 199–200. Без пробелов. Варианты строк.

С-89. С. 185–187. Дата написания более точно устанавливается из письма поэта к жене от 25 мая 1888 г., когда он находился проездом в Москве. В письме Фофанов сообщает: «Дописал свое начатое стихотворение "Смерть шута" — и отнес его в "Русскую мысль". Я был очень любезно принят в редакции и услышал много для себя лестного» (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 492. Л. 20). Это — одно из немногих стихотворений поэта, опубликованное в московской периодике.

С-96 (2). С. 47–49. С датой под текстом: «1888 г., май».

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 38об.–39об. Варианты строк.

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 4–5об. С датой под текстом: «1888 г. Май».

124. *ЖО*. 1887. № 8. С. 115.

С-89. С. 194.

Стихотворение представляет собой вольное переложение псалма 132 (Пс. 132, 1–3).

125. *С-89*. С. 195–196.

С-96 (3). С. 83–84. С датой под текстом: «1888 г. Апрель».

Перепечатано: *ИСРП-3*; *АСП-12*.

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 90. Л. 18. Под заглавием: «Вечер на Неве». Варианты строк: *6–12*. Отсутствуют.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 90. Л. 17. Под заглавием: «Вечер на Неве». С датой под текстом: «Апрель, 1888 г.».

Заключительное сравнение Петербурга с растаявшим в тумане городом-призраком навеяно романом Ф. М. Достоевского «Подросток», в частности, следующими городскими впечатлениями Аркадия Долгорукова: «Мне сто раз, среди этого тумана, задавалась странная, но навязчивая греза: "А что, как разлетится этот туман и уйдет кверху, не уйдет ли с ним вместе и весь этот гнилой, склизлый город, подымется с туманом и исчезнет как дым, и останется прежнее финское болото, а посреди его, пожалуй, для красы, бронзовый всадник на жарко дышащем, загнанном коне"?» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 13. Л., 1975. С. 113). Этот фантастический образ, скорее всего, был подсказан

автору стихотворения И. Ясинским, который в докладе на заседании Санкт-Петербургского литературно-драматического кружка в феврале 1888 г. впервые обстоятельно заговорил о типично «петербургском» колорите поэзии Фофанова: «Он истый сын Петербурга, и содержание его поэтических песен дал Петербург, искусственный и нервический, Петербург, который сам похож на туман и, по словам Достоевского, того и гляди, покачнется вместе с своими каменными многочисленными колоссами и испарится и исчезнет в воздухе, как сон» (ИРЛИ. Ф. 352. Оп. 1. Ед. хр. 825. Л. 13). Фофанов хорошо знал содержание этого доклада, о чем свидетельствует его письмо к А. В. Жиркевичу от 25 февраля 1888 г. (ГМТ, фонд А. В. Жиркевича). Сам Жиркевич, в свою очередь, в дневнике отметил, что Фофанов показывал ему текст доклада Ясинского и тогда же познакомил с только что написанным стихотворением «На Неве»: «Фофанов много читал мне из своих новых произведений, и одно из них прекрасное по форме и чувству, но где прямо из Достоевского взято сравнение Петербурга с туманом, который “вот-вот покачнется и разлетится”. — Я ему это сказал и выразил мой взгляд вообще на подражание, которого придерживался всегда, т. е. что подражание — не порок, если облечено в форму, вылившуюся самостоятельно из творческого мира поэта; боязнь подражания, как я твердо убежден, сгубила в России много дарований. Откуда брать новизну? И великий Пушкин, если вдуматься в его стихотворения, был в большинстве лишь гениальным подражателем, а не самобытным творцом». (*ДЖ*. Т. 7. 17.04.1888).

ТЕНИ И ТАЙНЫ (1892)

Издание третьего сборника стихотворений было задумано Фофановым в кризисный момент его жизненной и творческой судьбы. После перенесенного тяжкого психического заболевания (в марте–октябре 1890 г.) поэту пришлось, по сути, заново завоевывать внимание издателей и читателей. 27 марта 1891 г. он жалуется в письме к Жиркевичу на равнодушие публики и книгоиздателей к поэзии: «Оба моих сборника далеко еще не раскуплены. Третий том моих стихов (где будет более 200 новых пиес, уже напечатанных) Суворин отказался издать, ибо еще тот не разошелся. О втором издании прежних нельзя и думать» (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича). В письме от 7 ноября 1891 г. он приоткрыл житейские обстоятельства, послужившие толчком для издания сборника: «В одно ненастное утро, когда грозила опись движимого имущества, я запродал издание своей третьей книги книгопродавцу Попову, что у Пассажа, за двести рублей 2000 экземпляров, по десять рублей с печатного листа; всего будет 20 листов печат<ных>» (Там же).

Первые сигналы о том, что сборник поступил в типографское производство, содержатся в письме А. А. Коринфского к Фофанову от 20 сентября 1891 г.; здесь же высказано предположение о том, что книжка выйдет из печати к концу октября (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 577. Л. 9). Однако, как выясняется из вышеупомянутого письма поэта к Жиркевичу от 7 ноября 1891 г., весь октябрь и ноябрь сборник еще находился в производстве: «А книга, уже она печатается довольно изящно в типографии Бегельм<ана>. Эта книга, в отличие от предыдущих, будет носить название “Тени и тайны”...» (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича). Наконец, 14 декабря 1891 г. Фофанов получил из типографии сигнальный экземпляр сборника (см.: *Фидлер 2008*. С. 91).

Прочитав сборник, Жиркевич в письме к поэту от 30 декабря 1891 г., с похвалой отозвавшись о «силе чувства» и «законченности в содержании» многих стихотворений, в то же время попенял автору на общую их пессимистическую тональность: «Но зачем у Вас многие стихотворения кончаются мыслью о гробе, похоронах, смерти? — Этот прием немного расхолаживает, когда его встречаешь на каждом шагу» (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 556. Л. 165об.). В ответном письме от 1 января 1892 г. Фофанов пытался оправдаться: «<…> Что касается моей книги, то я сам чувствую, что включил в нее много несовершенного. Если настроения души моей нерадостны — то поневоле монотонность скажется в стихах. Впрочем, эти мимолетные настроения, собранные в “Тени и тайны”, — только цветочки моих чувств, горьких и глубоких, какие испытывать приходилось и приходится мне» (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича). Впрочем, в дневнике Жиркевич отозвался о *ТТ* гораздо жестче: «Сколько попало туда слабых вещей, новизны содержания — никакой! Неужели же бедный друг мой спел свою песню, и нового, а тем более замечательного, он уже более не напишет?!» (*ДЖ*. Т. 13. 15.12.1891).

Отрицательная оценка Жиркевича была вызвана, вероятно, обилием «философских» стихов, включенных автором в *ТТ*, которые, по мнению друга, были неорганичны для дарования Фофанова. Многие из этих стихов относятся к раннему периоду творчества. Написанные в 1887 и 1888 гг., они в свое время были «забракованы» Сувориным и не попали в *С-89*. Теперь, освободясь от опеки Суворина, Фофанов получил возможность поместить их в *ТТ*.

В отличие от других сборников, *ТТ* прошел в прижизненной критике почти незамеченным, что свидетельствует о временном падении читательского интереса к поэзии Фофанова. Не считая мелких аннотаций, удалось выявить только две развернутые рецензии. И обе как доминирующую тенденцию творчества зафиксировали усиление трагизма мировосприятия поэта.

Так, анонимный рецензент «Недели» (1892. 26 января. Стлб. 133–134) отмечал: «Поэзия г. Фофанова проникнута меланхолическим настроением. <…> Это — тоска доверчивой души, обманувшейся в своих ожиданиях. Ей так хотелось верить, что мир прекрасен, что люди добры и нежны, правда всесильна, красота неувядаема, молодость беспредельна — но действительность разбила эту веру. И неудовлетворенный жизнью поэт слышит в каждом дыхании природы тоску о потерянном рае, ищет в фантастическом мире того, чего не дает ему мир действительный, задумывается над вечной загадкой таинственного будущего <…>, прислушивается к носящимся в современном обществе веяниям пессимизма и пантеизма, жадно ловит намеки на что-то похожее на веру, хотя бы и низведенную на степень философской гипотезы…» (Стлб. 133–134).

Далеко не столь благодушно отнесся к этим же «веяниям» А. Волынский. В целом высоко оценив в рецензии (*СВ*. 1892. № 1. С. 182–186) первые две книги стихов Фофанова за «мечтательность с перебегающими яркими красками», «артистически капризный язык», «трепетно-нервный стих», а также «вечно взбудораженную фантазию» поэта, «цепляющуюся за легенду, за библейские сказания, за простонародную сказку» (С. 182–183), критик в то же время поспешил противопоставить им третью книгу стихов, обнаружив в ней «опасные симптомы» (С. 185) упадка таланта. По его мнению, в последнем сборнике сильнее дают о себе знать случаи «внезапного поэтического паралича», разрывы логических связей и на-

рушения «психологического единства» (С. 182–183), которые настораживали чутких читателей уже в раннем творчестве поэта. Критик склонен видеть в этих стилевых сбоях следствие какого-то глубинного душевного нездоровья, не столько психического даже, сколько мировоззренческого свойства. Рецензента неприятно настораживает общий мистический пафос сборника, выраженный в его названии: «Что это значит? Какая связь между тенями и тайнами? <…> Увы! Тут ничего нельзя понять…» (С. 185). Волынского не на шутку встревожила возможность поворота поэзии Фофанова в сторону модных декадентских настроений.

В дальнейшем эти предположения Волынского только укрепятся.

126. Труд. 1889. № 3 (1 февраля). С. 285.

ТТ. С. 1.

Перепечатано: Чтец-декламатор. Киев, 1916.

История создания этого эпиграфа отражена в газетной заметке Ф. Ф. Фидлера: «В январе 1889 года Фофанов, сидя у меня, обратил внимание на стоящий тогда на моем письменном столе фотографический снимок мраморной группы Градлера “Idealismus”: муза, с венком в руке, увлекает ввысь прикованного к земле юношу, — несомненно, Шиллера. Я предложил: “Напишите-ка на эту тему стихотворение!” Фофанов сейчас же сел к самому краешку стола и начал писать. — Ведь так сидеть вам неудобно, — заметил я. “Тем лучше пишется”, — возразил он и продолжал писать: рукой он отбивал такт, вычеркивал и вставлял слова, все время теребя волосы на подбородке. Через час стихотворение, состоявшее всего из четырех строк, было готово. Но я указал на невыдержанность размера: муза говорит пентаметром, а поэт — гекзаметром. Фофанов вставил слова “свободный” и “вечно бессмертное” (вместо “вечное”), и тогда только была окончательно поставлена точка» (*Фидлер 1916*. С. 2). На тавтологию эпитета «вечно бессмертное» Фидлер указывал Фофанову в недатированном письме к нему, посланном, вероятно, уже после выхода в свет *ТТ*: «Что вечно, то бессмертно, что бессмертно, то вечно. Поэтому нельзя сказать: “Вечно бессмертное небо тебя…”» (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 646. Л. 9об.).

127. *НВ*. 1888. 11 декабря. С. 2. С датой под текстом: «1888 г. Декабрь».

ТТ. С. 3.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 248. Без разбивки на четверостишия.

Возможно, тема и некоторые образы стихотворения послужили толчком для написания двух известных стихотворений: «Я мечтою ловил уходящие тени…» (1895) К. Бальмонта и «Свиваются бледные тени…» (1895) В. Брюсова. С ними соотносится и стихотворение Ф. Сологуба «Живи и верь обманам…» (1894) с явно полемической по отношению к рецензии Волынского на *ТТ* (см. преамбулу) строчкой: «Вещают тайну тени / Для смелого ума…» (Сологуб Ф. Стихотворения. СПб., 2000. С. 143).

128. *НВ*. 1889. 15 января. С. 2.

ТТ. С. 4.

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 165. Л. 8. Варианты строк: *7*. Счастливая! Напев ее исторг; *9*. Еще к земле прикован [чуткий] робкий слух; *12*. И новый мир объемлет жадный дух!..

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 239об. С датой под текстом: «1888 г. 2 июля».

Еще к земле прикован чуткий слух, / Но к небесам уже подъяты крылья — своеобразный парафраз посвящения-эпиграфа к ТТ (№ 126).

129. *НВ*. 1888. 4 декабря. С. 2.

ТТ. С. 5.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 36–36об. Варианты строк: *18.* И жар стихов сжигал мои уста.

130. *ТТ*. С. 7.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 167. Л. 24.

Стихотворение представляет собой вольную контаминацию мотивов пушкинского «Демона». Ср.: «Тогда какой-то злобный гений / Стал часто навещать меня. <…> / Он звал прекрасное мечтою…» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 2. М.; Л., 1947. С. 299).

131. *ТТ*. С. 9.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 92. Л. 1. С датой под текстом: « 1 января 1889 г.». Варианты строк: *13–14.* И в загробный сумрак очи / Грустно смотрят и трепещут.

132. *НВ*, 1889, 22 января. С. 2.

ТТ. С. 17.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 184об. Под заглавием: «Л. Н. Т.». Без разбивки на четверостишия.

Развернутую оценку стихотворения Фофанова дал Н. С. Лесков, целиком выписав его в письме к И. Е. Репину от 22 января 1889 г.: «Стихотворение это прекрасно, но в нем есть одно *ужасное слово*, которое совсем не идет к тону и противно тому настроению, которого должна держаться муза поэта-христианина, в истинном, а не приходском смысле этого слова. Это слово "горжусь"…

Л. Н. будет смущен и огорчен, что он внушил кому-то самое противное его духу чувство "гордости". Это несоответственное слово употребляют попы, газетчики, славянофилы и патриоты-националисты, но оно не должно исходить из уст поэта-человеколюбца, тронутого горящим углем любви христианской» (Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. Т. 11. М., 1958. С. 413). В этом же письме Лесков просил Репина деликатно, чтобы не обидеть Фофанова, указать ему на эту досадную, по его мнению, оплошность. Неизвестно, выполнил ли Репин дружеское поручение Лескова, однако Фофанов при перепечатке стихотворения в *ТТ* оставил фразу неизменной. Судя по дневникам Толстого, стихотворение Фофанова прошло мимо его внимания.

Однако в сентябре 1892 г. в личной беседе с Жиркевичем во время посещения им Ясной Поляны Толстой впервые выделил имя Фофанова, поставив его рядом с именами Минского, Фета и Полонского, «людей с талантами», при этом, однако оговорившись: «Но и у Фофанова, и у Фета, Полонского чувствуется какая-то незаконченность, порою деланность!» (*ЛН*. Т. 37–38. М., 1954. С. 435). Когда Жиркевич сообщил другу об этом отзыве Толстого в одном из писем (не сохранилось), Фофанов в письме от 26 ноября 1892 г. с гордостью ответил, что он «несказанно <…> был обрадован вниманием такого огромного гения, как Л<ев>. Н<иколаевич>. <…>» (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича).

Фофанов неизменно высоко оценивал творчество Толстого, ему были близки многие религиозно-этические аспекты учения автора «Исповеди». Он горячо высказывался в поддержку даже тех произведений, в которых нашли выражение самые спорные положения доктрины Толстого и чей выход в свет сопровождался громким общественным

скандалом: «Крейцеровой сонаты» (письмо к Жиркевичу от 31 января 1890 г.), «Воскресения» (письмо к Жиркевичу от 21 апреля 1899 г.). В письме от 11 февраля 1890 г. Фофанов называет Толстого «главным Пророком» современного общества, по контрасту сопоставляя его роль с миссией «Вельзевула»-Минского (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича). Так называемое «отлучение» Толстого вызвало гневную отповедь в письме к Жиркевичу от 6 марта 1901 г.: «<…> Я просто потрясен мальчишеством Св <ятейшего> Синода. Подписавшиеся под безграмотной грамотой иереи церкви напоминают ту гоголевскую унтер-офицершу, которая сама себя высекла… Я много уже беседовал кое с кем об этом казусе, невиданном по своей дерзости и нелогичности…» (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича). В сентябре 1901 г. он пишет в стихах «Просьбу К. М. Фофанова к о. Иоанну Ильичу Кронштадтскому о ниспослании благодати на Льва Николаевича Толстого» (опубликована в: *Фидлер 1916*. С. 2). Когда же адресат послания не внял «просьбе», Фофанов ответил экспромтом:

Толстой бранит Шекспира,
Толстого — Иоанн…
К чему же разум мира,
И для чего он дан?
(Там же)

«В 1909 г., — вспоминает Фидлер, — художник И. К. Пархоменко показал нам свой портрет Толстого. Фофанов восторженно воскликнул: “А, Толстой-Саваоф!”, и благоговейно поднес к губам рукав фланелевой бледно-голубой блузы Толстого (данной художнику Софьей Андреевной, так как на картине она была только набросана). Когда было высказано предположение, что Толстой проживет еще лет двадцать, — Фофанов молитвенно воскликнул: “Дай Бог!”, и осенил себя широким крестом» (Там же. С. 3). Наконец, известно письмо Л. Толстого к Фофанову от 11 сентября 1902 г., содержащее положительную оценку поэзии его не в меру экзальтированного почитателя: «Я знаю и читал вас. И хотя, как вы, вероятно, знаете, не имею особенного пристрастия к стихам, думаю, что могу различить стихи естественные, вытекающие из особенного поэтического дарования, и стихи, нарочно сочиняемые, и считаю Ваши стихи принадлежащими к первому разряду…» (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 90 т. Т. 73. М., 1954. С. 290–291).

Однако пиетет, испытываемый Фофановым перед своим кумиром, не помешал ему выразить резкое несогласие с эстетикой Толстого, в частности, с его критикой «искусственности» стиха: «Мне кажется, что в Толстом еще слишком много гордыни, — писал он Жиркевичу 5 мая 1893 г. — Если он сам не умеет владеть стихом, то из этого не значит, что самую важную область в литературе, квинтэссенцию словесности — стихотворную поэзию, нужно похерить. Его сравнение поэта-стихотворца с человеком, топчущимся на одном месте, — ниже критики. Скажите: разве можно выразить прозою, например, хоть бы Лермонтова “И скучно, и грустно”, “Ангел” и др. Иной раз в стихах, в восьми строках, больше содержания и красоты, чем в quasi-народных брошюрках, слащавых и сантиментальных, как лакрица» (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича).

О восприятии Фофановым творчества Л. Толстого также см.: Черемисин Б. Е. К. М. Фофанов о Толстом // Яснополянский сборник. 1980: Статьи, материалы, публикации. Тула, 1981. С. 146–154.

133. *НВ*. 1889. 29 января. С. 2. Под заглавием «Грусть и песнь». *ТТ*. С. 20.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 167. Л. 25. Варианты строк: *8*. Но каждый раз [звучит она мне] ново…; *После 8*. Я знаю жизнь.

134. *ТТ*. С. 21.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 198. С датой под текстом: «1889 г. Февраль». Варианты строк: *18*. И тихо к востоку ночь устремляет полет…

135. *НВ*. 1889. 2 февраля. С. 2. С датой под текстом: «1889 г. Январь». *ТТ*. С. 24.

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 92. Л. 7.

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 92. Л. 5. С датой под текстом: «1889 г. Январь».

Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 167. Л. 22–22об. С датой под текстом: «1889 г. Январь». Варианты строк: *17*. И пока сквозит мерцанье.

Стихотворение было написано в качестве поэтического приветствия к юбилейному вечеру А. А. Фета 28 января 1889 г.

Шепот, робкое дыханье, / Трели соловья — начальные строки знаменитого «безглагольного» стихотворения А. А. Фета.

***136.** *ТТ*. С. 27.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 108–109об. С датой под текстом: «1887 г. Сентябрь». Варианты строк.

О роли И. Е. Репина в жизни и творческой судьбе Фофанова см. вступительную статью. В стихотворении поэт упоминает сюжеты картин Репина, многие из которых ему довелось видеть еще на стадии работы над ними художника, в его мастерской.

Цари, томимые раскаяньем невольным <…> *Пред нами умирал царевич молодой* — картина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года»; *Пророки бледные, склонившиеся ниц* — вероятно, ранняя картина художника «Иов и его друзья»; *Мы казни видели* <…> *Мы видели в цепях смиренных христиан* — картина «Николай Марликийский...»; *В затишье шумных битв зажженные костры* — картина «Запорожцы, сочиняющие письмо к турецкому султану»; *Мы видели певца над звучными волнами* — картина «Прощай, свободная стихия…» (иллюстрация к стихотворению А. С. Пушкина «К морю»). Следует подчеркнуть, что сюжеты этих картин переданы Фофановым весьма приблизительно. Перед читателем не столько каталог известных картин Репина (к примеру, упомянутый в стихотворении сюжет с Дон Жуаном вообще отсутствует в искусствоведческих справочниках), сколько вольная фантазия «по мотивам» репинского творчества. Причем, Фофанов — вразрез с общепринятой тогда, да и гораздо позже, трактовкой — полностью игнорирует «социальные» темы творчества художника, в частности, народническую серию его картин, превращая Репина в религиозного художника. Сохранился следующий отзыв Фофанова на картину «Искушение Христа» в письме к Жиркевичу от 7 ноября 1891 г., по времени совпавшем с печатанием *ТТ*: «Это что-то необычайное, подавляющее, неожиданное! Обычно искушение Христа представляют по Мею (“На горе первозданной стояли они и над ними кругом разлились океаном лазурные выси…” и т. д.). Но Мей с блестящей импровизацией бледнеет перед подавляющим реализмом и силою гениальной кисти Репина. Спокойно и строго и вместе с тем страшно все в этой чудной картине. Христос сидит на камне пустыни. Утро раннее; сквозь туман

вырисовывается образ искусителя; строгое, демоническое лицо с огромным лбом, дышащим торжествующей силой. А Христос, истомленный постом, терзаемый сомнениями, — с лихорадочным румянцем на впалых щеках, с полузакрытыми от бдения и бессонницы очами, умоляюще взывает к небу, чтобы оно разрешило его сомнения и отогнало торжествующего, манящего соблазнами мира искусителя, который есть не что иное, как его же, Христа, одухотворенная мечта, воплощенная в видении, почти осязаемой галлюцинации… Картина еще далеко не закончена, по словам Ильи Ефимовича…» (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича).

137. *ТТ*. С. 28.

138. День. 1889. 12 марта. С. 2.

ТТ. С. 29.

Перепечатано: *МП*.

Тема и мотивы этого стихотворения сходны с лирическим сюжетом стихотворения Я. П. Полонского «Не мои ли страсти…» (1850). Ср.:

Не мои ли страсти
Поднимают бурю?
С бурями бороться
Не в моей ли власти?
<…>
Боже! На листочках
Облетевшей розы
Как алмазы блещут
Не мои ли слезы?
И т. д.
(Полонский Я. П. Стихотворения. Л., 1954. С. 131).

139. *ТТ*. С. 39–41.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 167об.–169. С посвящением: «А. В. Колмакову». С датой под текстом: «1887 г. 10 декабря». Первоначальное, впоследствии зачеркнутое заглавие — «Нино», с последовательной заменой имени героини на «Жано» во всем тексте. Варианты строк: *58–63*. Отсутствуют. Из черновиков известно и первоначальное имя героя — «Коко», и его светская репутация: «дуэлист».

Перепечатано: *МП*.

А. В. Колмаков — приятель поэта; точных сведений о нем установить не удалось.

***140.** *НВ*. 1889. 9 апреля. С. 2.

ТТ. С. 46.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 17об. Без даты. В черновиках непосредственно примыкает к автографу стихотворения «Она цветы свои любила…» (1887 г., май). Ранняя редакция.

141. *НВ*. 1889. 9 апреля. С. 2.

ТТ. С. 48.

142. *ТТ*. С. 58.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 67. Под заглавием «Сонет», впоследствии зачеркнутым. С датой под текстом: «1889 г.»

***143.** *НВ*. 1889. 21 мая. С. 2. С датой под текстом: «1889 г. Май».

ТТ. С. 59–60.

В издании 1962 г. напечатано без трех заключительных катренов (*БП 1962*. С. 114).

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 22–23. Без даты. Ранняя редакция.

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 93. Л. 5–5об. С датой под текстом: «Май 1889 г. Царское Село». Редакция *ТТ*.

144. *НВ*. 1889. 11 июня. С. 2.

ТТ. С. 61.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 2. С датой под текстом: «1889 г. Июнь».

***145.** *НВ*. 1889. 9 июля. С. 2. С датой под текстом: «Царское Село, 1889 г.» Варианты строф: *I, 7*. Где веет все каким-то давним сном; *X, 7*. И жизнь текла, как шумный караван; *XV, 4*. Один, *весной при кликах лебединых* (курсив автора); *XVI, 3*. Задумчивостью кроткой омрачен; *XVI, 8*. Послушный станс, доверившись мечте.

ТТ. С. 77–83. С датой под текстом: «Царское Село, 1889 г.». Уточненная дата содержится в *Оглавлении Избранного* (Л. 17): «1889, июль».

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 241. Л. 1–12об. В составе 23 строф. Под заглавием: «Сон в Царском Селе». С авторской пометой над заглавием: «Наброски». С датой под текстом: «Царское село. 1889 г. Июнь — июль». Варианты строк.

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 94. Л. 18–19об. В составе первых 9 строф. С подзаголовком: «Октавы». Без даты. Другая редакция IX строфы.

Замысел стихотворения сложился под впечатлением пребывания семьи Фофановых на даче в окрестностях Царского Села в течение весны–лета 1889 г. Первоначально поэт хотел дать стихотворению другое название — «Сон в Царском Селе» (*ДЖ*. Т. 9. 26.05.1889). В письме к А. В. Жиркевичу от 19 июня 1889 г. поэт делится своими планами: «<…> Подвигаю понемножку “Самозванца” (не дошедшая до нас драма Фофанова — *С. С.*) и пишу “Думу в Царском Селе”» (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича).

Сад, как вино, чем старше, тем милей — парафраз известных строк из «Элегии» А. С. Пушкина 1830 г.: «Но, как вино — печаль минувших дней / В моей душе чем старе, тем сильней» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 3. М.; Л., 1948. С. 228). Далее, в описании Царскосельского парка Фофанов, в соответствии со своими романтическими пристрастиями, полностью сосредотачивается на его пейзажной части, оставляя практически без внимания часть регулярную. *Стена и вал искусственной руины* — вероятно, «Башня-руина», арх. Ю. М. Фельтен. *Печальный лик склонившейся красотки* — имеется в виду бронзовая статуя-фонтан «Молочница» скульптора П. П. Соколова, изображающая девушку с разбитым кувшином, из которого льется неиссякаемый источник. *И скорбь ее давно воспел поэт* — А. С. Пушкин в стихотворной надписи («анфологической эпиграмме») «Царскосельская статуя». *У женственного трона* — в строфах IX–XII речь идет о царскосельских увеселениях двора Екатерины II. *Не каждым все земное свершено* — возможно, отзвук стихотворения Е. А. Баратынского «На смерть Гёте»: «…Почил безмятежно, зане совершил / В пределе земном все земное!» (Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений. СПб., 2000. С. 153). *Один, весной, при кликах лебединых* — цитата из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина: «В те дни в таинственных долинах, / Весной, при кликах лебединых <…> / Являться муза стала мне» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 6. М.; Л., 1937. С. 165). Здесь и далее, в строфах XVI–XVII, портрет А. С. Пушкина-лицеиста подчеркнуто стилизован в духе его известных элегий «Воспоминания в Царском Селе» и «Царское Село». *Здесь мальчиком*

когда-то брат мой милый — в заключительных строфах речь идет об Александре Фофанове, младшем брате поэта, скончавшемся 18 декабря 1888 г. в возрасте 25 лет (запись в дневнике от 18 декабря. — РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 131). Из всех братьев поэт более всего был привязан именно к Александру. «Он был отчасти художником, отчасти литератором. <…> — писал поэт Жиркевичу 26 декабря 1888 г. — Ах, какая прекрасная, чистая личность был мой добрый брат Саша» (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича). В черновиках Фофанова сохранилось несколько стихотворений посвященных его памяти, из которых опубликовано только одно — «Луна детства» (*ЛПН*. 1902. № 8).

146. *НВ*. 1889. 20 августа. С. 2. С датой под текстом: «1889 г. Август» *ТТ*. С. 88.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 166. Л. 18. С датой под текстом: «1889 г. 10 Авг<уста>». Варианты строк: *20*. И мир, нам внемлющий, так холоден и душен.

Побудительным поводом к написанию стихотворения стала кончина М. Е. Салтыкова-Щедрина (28 апреля 1889 г.) и А. А. Краевского (8 августа 1889 г.), известного журналиста, издателя журнала «Отечественные записки» (1839–1867) и ряда авторитетных газет («Русский инвалид», «Санкт-Петербургские ведомости», «Голос» и др.). Н. С. Лесков в письме к В. А. Гольцеву от 12 октября 1889 г. подчеркивал, что стихотворение Фофанова «написано не одному Салтыкову, а вообще “отошедшим”, и появилось в печати после смерти Андрея Алекс<андровича> Краевского». (Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. Т. 11. М., 1958. С. 439). И все же есть основания полагать, что пафос и основные мотивы «Отошедшим» восходят к историософской полемике между Фофановым и А. В. Жиркевичем, вызванной именно смертью М. Е. Салтыкова-Щедрина. Так, в письме к Жиркевичу от 2 мая 1889 г. Фофанов, со свойственной ему запальчивостью и максимализмом, утверждал: «Для меня Щедрин не так дорог как художник, потому что он стоит в этом отношении ниже Л. Толстого, ниже Тургенева и, пожалуй, даже Григоровича, но дорог как смельчак, несший свое знамя высоко, независимо и открыто в ту пору, когда даже его читатели трусили и прятались по своим щелям, дрожа в лихорадке от страха. <…> Как жалки мы, певцы луны и фиалки, перед титанами мысли!» (ГМТ, фонд А. В. Жиркевича). Желая охладить романтический пыл своего друга, Жиркевич в ответном письме от 13 мая 1889 г. пытался вразумить его: «К чему брать на себя гигантские, титанические замыслы! Будем делать немного, но спокойно, беспристрастно! Ведь одинаково принесли пользу человечеству на пути исторического развития и великий Христос, и ничего не значивший человечек, впервые напечатавший и выпустивший в свет неказистую книгу. <…> Бросьте политику, не делайтесь отступником от идеалов русской истории, “сейте разумное, прочное (sic! — *С. С.*), вечное” — и верьте, что будущее придет само, без нас, и не спрашивая нашего мнения!» (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 556. Л. 113–113об.). Эту проповедь теории «малых дел» и призыв «все простить и все благословить» Фофанов в ответном письме от 24 мая 1889 г. отождествит с боязливой психологией современного «интеллигента»: «Только благодаря тому, что интеллигент знает историю, знает подлую пружину человеческих отношений и трусит за шкуру, напуганный уроками истории, он никогда не выскажет своих убеждений; к каждой новой мысли он сначала приглядится, боясь, не будет ли она глупа или вольна, а потом уже выскажется. Потому-то мы чаще слышим избитые

фразы, остриженные, если можно так выразиться, мыслишки и причесанную глупость» (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича).

Заключительная строка «Отошедшим» отсылает к финальному пассажу письма поэта к А. В. Жиркевичу от 14 марта 1888 г. (см. примеч. 104).

147. *НВ*. 1889. 27 августа. С. 2. С датой под текстом: «1889 г. Август». Варианты строк: *21–23.* И ночь, как сладостную чару, / Луну выводит в небеса… / Вы не видали эту пару.

ТТ. С. 92.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 93. Лл. 18; 20об. Под заглавием: «Вы не видали ль?». С датой под текстом: «1889 г. Август».

Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 93. Л. 20–20об. Под заглавием: «Вы не встречали ль?..» С датой под текстом: «20 августа 1889 г.». Варианты строк: *1.* Вы не встречали эту пару?..

В письме к П. П. Перцову от 1 апреля 1895 г. Брюсов отмечал: «Вот *русскую* молодую поэзию пропагандирует наш “новый Боденштед“ — г. Бахман. В последнем воскресном № “Moskauer Deutsche Zeitung” он разбирает юную лирику, начиная с Майкова <…> и кончая даже Щепкиной-Куперник. Из Фофанова переведено “Вы не видали ль эту пару”, которым я восхищался в ранней юности» (*Письма Брюсова*. С. 18).

148. *НВ*. 1889. 3 сентября. С. 2. С датой под текстом: «1889 г. Август». Варианты строк: *24.* Новей встают забытые утраты.

ТТ. С. 94–95.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 94. Л. 1–1об. В составе первых 23 строк. С датой под текстом: «1889 г. Август 28». Последующие строки были приписаны позднее, после проставленной даты.

Прочитав это стихотворение в «Новом времени», Жиркевич деликатно делится с Фофановым своими опасениями в письме от 8 сентября 1889 г.: «<…> Из поэта-художника Вы становитесь поэтом-философом. Но лириком Вы останетесь навсегда, если бы даже сами пожелали сойти с этого пути». (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 556 Л. 141–141об.)

Прекрасна ты, осенняя пора — цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Осень (отрывок)». По сути, все стихотворение Фофанова представляет собой стилизацию пушкинского осеннего пейзажа и реконструкцию пушкинского «осеннего» мирочувствия. Ср.: «Осень», «Евгений Онегин», «19 октября», «Воспоминание» и др.

***149.** *ТТ*. С. 110.

Воскресенье. 1900. № 39. С. 610. Под заглавием: «Буря».

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 3. Под заглавием: «Перед дождем». С датой под текстом: «1889 г. Июнь». Варианты строк.

***150.** Север. 1889. № 29 (16 июля). С. 576.

ТТ. С. 111.

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 52–52об. Под заглавием: «Из фантазий». Варианты строк.

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 2об. По соседству с другими автографами («Мечта»; «Зашумел, закачался взволнованный сад…») может быть предположительно датирован июнем 1889 г. Варианты строк: *12.* И какое-то счастье мерцает вдали.

151. *ТТ*. С. 114.

Образная ткань стихотворения воспроизводит рисунок фетовского «Шепот, робкое дыханье…»: вздохи, тени, розы, звезды, сиянье, серебро и т. п.

152. КН. 1889. № 10. С. 64.

ТТ. С. 121.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 9об. С датой: «1889 г. 20 июня». Варианты строк: *7–8*. Или сердце язвит снова память безумная, / Память полная грустных обид и потерь.

153. *НВ*. 1890. 18 февраля. С. 2.

ТТ. С. 122.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 17. С датой под текстом: «25 ноября 1884 г.». Варианты строк: *15*: Без жалоб и дум.

Ситуация воображаемой (приснившейся, пригрезившейся) смерти очень характерна для поэзии Фофанова (см. № 92, 151, 157, 181, 212, 297, 349, 469, 507 и др.). Обостренный интерес к моменту «перехода», «пороговым» явлениям человеческого сознания, попытка описать процессуально сам «промежуток» между жизнью и смертью — все эти лирические сюжеты возникают в творчестве Фофанова параллельно с популярностью подобных тем в поэзии К. К. Случевского («Я видел свое погребенье…»; «Давным-давно тебя похоронил я…»; «Во сне мучительном я долго так бродил…»; цикл «Загробные песни»). Кроме того, необходимо упомянуть и о наличии подобных сюжетов в прозе 1880–1890-х: рассказ А. Н. Апухтина «Между жизнью и смертью» (опубликован посмертно: Апухтин А. Н. Соч.: В 2 т. Т. 2. СПб., 1895) и повесть Случевского «Профессор бессмертия». Впоследствии эту тематику от «восьмидесятников» унаследует И. Анненский («Зимний сон»).

154. *ТТ*. С. 131.

***155.** *НВ*. 1890. 28 января. С. 2.

ТТ. С. 133.

Автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 14. С датой под текстом: «1885 г. Май».

Автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 165. Л. 13. Под заглавием: «Дачная картинка». Другая редакция.

156. *ТТ*. С. 136.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 6. С датой под текстом: «13 декабря 1882 г.».

Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 15. С датой под текстом: «1882 г. Декабрь».

157. *НВ*. 1890. 7 октября. С. 2. С датой под текстом: «1890 г.». За подписью: «К. Ф.»

ТТ. С. 137.

Первое стихотворение, опубликованное после пребывания Фофанова в психиатрической лечебнице в марте — сентябре 1890 г. Оно было перепечатано в газете «Неделя» в отделе «Разные разности» со следующим примечанием редактора-издателя П. А. Гайдебурова: «Один из наших молодых поэтов после долгого перерыва в своей деятельности, вызванного тяжкою болезнью, выступил вновь перед публикой. Его первое стихотворение, напечатанное в “Но<вом> вр<емени>” и подписанное инициалами “К. Ф.”, настолько задушевно по мысли, художественно по форме и трогательно по содержанию, что мы не можем отказать себе в удовольствии познакомить с ним наших читателей» (Неделя. 1890. № 41 (14 октября). Стлб. 1319–1320).

***158.** *НВ*. 1890. 4 ноября. С. 2. Варианты строк: *27*. Да там корысть постылая; *39*. Зеваньем потушу огонь.

ТТ. С. 139–140.

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 95. Л. 7–7об. С датой под текстом: «1890 г. Октябрь. Гатчино». Варианты строк.

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 136–137. С подзаголовком: «Подражание народному». Без пробелов. С датой над заголовком: «Октябрь. 1890 г. Гатчина». Без указания места та же дата продублирована под текстом стихотворения.

Автограф — в письме к А. В. Жиркевичу от 27 октября 1890 г. (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича). Здесь же автор признается, что «с некоторого времени» он постоянно ощущает «позыв написать что-нибудь в народном жанре» и что он «лично доволен» стихотворением (Там же).

159. *НВ*. 1890. 25 ноября. С. 2.

ТТ. С. 150.

Перепечатано: *МП*.

160. *НВ*. 1890. 9 декабря. С. 2. С датой под текстом: «1890 г. Декабрь».

ТТ. С. 151.

***161.** КН. 1889. № 10. С. 192.

ТТ. С. 159..

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 44–44об. С датой под текстом: «1888 г. 22 августа». Без разбивки на четверостишия. Варианты строк.

Перепечатано: *АСП-12*; *ИПРП-14*.

162. *НВ*. 1891. 20 января. С. 2. С посвящением: «Посв. Ф. Фидлеру». С датой под текстом: «Январь 1891 г.».

ТТ. С. 165.

Федор Федорович (Фридрих Людвиг Конрад) Фидлер (1859–1917) — популяризатор и переводчик русской поэзии на немецкий язык, из среды «русских немцев», библиофил, коллекционер, создатель первого в России частного литературного музея, автор многотомного дневника «Из мира литераторов: характеры и суждения», отразившего быт самых различных кругов литературного сообщества Петербурга 1880–1910-х гг.

Близкий знакомый К. Фофанова, оставивший интересные и, главное, достоверные воспоминания о нем, Фидлер стал свидетелем создания посвященного ему стихотворения. В дневнике 15 января 1891 г. он записал: «Сегодня у меня был Фофанов. Прочел несколько своих стихотворений <…>. Я вышел на миг из кабинета, затем вернулся и увидел, как он задумчиво стряхивает пальцем пепел с папиросы. Он сказал: “Тургенев написал “Дым”, Баранцевич — “Муть”, почему бы мне не написать “Пепел”?” — “Валяй!” — подбодрил я его. Он взял бумагу и перо, на пару минут задумался, затем стал писать. В половине десятого стихотворение было начато, в десять — закончено. Он сидел за письменным столом, я — справа от него на оттоманке, наблюдая за ним. Казалось, он рисует арабески: рассматривал написанное издали — то справа, то слева. “Можно я посвящу это тебе?” — “Прошу тебя!”» (*Фидлер 2008*. С. 80).

163. *ТТ*. С. 169.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 237. С датой под текстом: «Август 31. 1889 г.»

164. *НВ*. 1890. 25 декабря. С. 1. С датой под текстом: «1890 г. Декабрь». Варианты строк: *69.* Крыло весело и дрожало; *82.* И в ужасе кричат, как ветры над лесами.

ТТ. С. 172–176.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 12–13об. Без деления на части. В составе первых четырех частей окончательного текста.

Впервые о написании стихотворения Фофанов сообщает в письме к А. В. Жиркевичу от 24 декабря 1890 г. В нем же сообщается, что в «Новом времени» оно будет опубликовано с купюрами: «Восемь стихов там будут выброшены ради цензуры, а, пожалуй, и ради целомудренности» (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича). Эта купюра, однако, в окончательном тексте отсутствует.

Азраил — ангел смерти у мусульман. До Фофанова к сюжету изгнания Азраила из рая, мира бессмертных, на землю обращался М. Ю. Лермонтов в юношеской поэме «Азраил».

165. *НВ*. 1891. 10 февраля. С. 2.

ТТ. С. 180.

166. *КН*. 1889. № 12. С. 21.

ТТ. С. 191.

167. *НВ*. 1891. 21 июля. С. 2. С датой под текстом: «1891 г. Июль».

ТТ. С. 196–197.

***168.** *ТТ*. С. 201.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 92. Л. 4. С датой под текстом: «1888 г. 24 января». Варианты строк.

169. *ТТ*. С. 202–204.

Финал стихотворения напоминает развязку рассказа Ф. М. Достоевского «Мальчик у Христа на елке», однако полемизирует с ней по смыслу: вместо радостно-покорного приятия своей смерти как единственно возможного средства избавления от земных страданий «мальчик» в стихотворении Фофанова просит Богородицу оставить ему жизнь и научить терпению.

170. Труд. 1890. № 5 (1 марта). С. 458.

ТТ. С. 205.

***171.** *КН*. 1890. № 5. С. 34.

ТТ. С. 211.

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 166. Л. 12. Под заглавием: «Ночь в гареме». Набросок первых 8 строк.

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 166. Л. 11. Под заглавием: «Ночь в гареме». Без разбивки на четверостишия. Варианты строк: *13–15*. Как вдруг раздался залп торжественных орудий, — / И голоса врагов сливались за стеной / В один ужасный гимн победы; *16*. Отсутствует.

Черновой автограф 3: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 9–9об. В составе цикла «Из траурных песен». С датой под текстом: «1887 г. Февраль». Без разбивки на четверостишия.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 10–10об. Перебеленный текст чернового автографа 3. Варианты строк.

172. *ЖО*. 1892. № 48. (29 ноября). С. 354. С разбивкой на четверостишия. Варианты строк: *2*. Сеет медленным дождем; *7*. На поблекшие березы; *9*. Хмель поник вокруг беседки; *13*. В их смятеньях торопливых; *15*. Смех над радостью счастливой.

ТТ. С. 214.

Перепечатано: *АСП-12*.

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 165. Л. 17–17об. Без заглавия. Редакция *ЖО*.

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 106.

173. Труд. 1891. № 1 (1 января). С. 21.

ТТ. С. 221.

174. *КН*. 1891. № 1. С. 85.

ТТ. С. 222–223.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 1–1об. Варианты заглавия: «На поезде зимой»; «Зимней ночью». С датой под текстом: «1890 г. 18 ноября. Гатчино». Варианты строк: *29.* И одинокие деревья; *31–32.* Внимают шумный вихрь кочевья / В непостоянстве бытия.

***175.** *КН*. 1891. № 2. С. 122–123. Варианты строк: *4.* Да бредит усталый разгул.

ТТ. С. 226–227.

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 166. Л. 22–22об. Ранняя редакция.

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 166. Л. 21. Редакция *ТТ*. Варианты строк.

176. *ВИ*. 1889. № 1071 (29 июля). С. 66.

ТТ. С. 230.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 92. Л. 18. С датой под текстом: «24 апреля 1889 г.». Варианты строк: *13–14.* А теперь?.. Гниют их кости / Равнодушно на погосте; *23.* Блеском мирным и умильным.

В. Я. Брюсов в письме к П. П. Перцову от 2 мая 1896 г., приводя в пример строчки из этого стихотворения: «Друг! Они на этом месте / Успокоенные вместе / Спят, *не грезя о былом…*» (курсив Брюсова — *С. С.*) — риторически спрашивал своего корреспондента: «Что это такое? А разве Фофанов не поэт-философ?» (*Письма Брюсова*. С. 74).

177. *КН*. 1890. № 12. С. 134. С разбивкой на четверостишия.

ТТ. С. 247.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 167об. С датой под текстом: «1890 г.»

Я. П. Полонский стоял у истоков поэтической карьеры Фофанова, когда по поручению Академии Наук написал отзыв на *С-87*, в котором дал сборнику положительную оценку и рекомендовал его к присуждению Пушкинской премии. И, хотя ходатайство было отклонено (подробнее об этом см. в преамбуле к *С-87*), Фофанов навсегда остался благодарен Полонскому за эту моральную поддержку. О личных контактах двух поэтов известно мало. Писем Полонского в архиве Фофанова нет, хотя известно, что поэт был частым гостем на его «пятницах». Стихотворное приветствие Фофанова свидетельствует о том, что теплые, сердечные отношения между поэтами сохранялись до конца жизни Полонского. Во всяком случае, в письме к А. В.Жиркевичу от 16 февраля 1900 г. Фофанов сообщает: «Об Я. П. Полонском я написал заметку из личных впечатлений и в ней привел его автобиографическое письмо от слова до слова…» (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича). Далее он пишет о необходимости добиться разрешения на ее публикацию у Ж. Полонской. Вероятно, такого разрешения поэт не получил, поскольку следов этой заметки в печати обнаружить не удалось.

178. Труд. 1889. № 17. (1 сентября). С. 481. Варианты строк: *13.* И свой вчерашний пыл, восторг к природе вечной; *18.* Затем, чтоб снова быть обманутым жестоко…

ТТ. С. 265.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 30–30об. С датой под текстом: «1889 г.».

***179.** *НВ*. 1891. 13 октября. С. 2

ТТ. С. 276.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 36. С датой под текстом: «1891 г. Сентябрь». Ранняя редакция.

Стихотворение представляет собой парафраз «Мы с тобой бестолковые люди…» Н. А. Некрасова.

180. ЖО. 1887. № 31. С. 67–70. Без пробела между ст. *16–17*.

ТТ. С. 290. Без даты. В *Оглавлении Избранного* ошибочно датируется ноябрем 1885 г. (Л. 17).

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 87. Л. 16–16об. С датой под текстом: «1887 г. Июль».

Перепечатано: *МП*.

Диалогическая форма с нарастающим к финалу драматическим напряжением роднит сюжет этой баллады Фофанова с «Лесным царем» И. В. Гёте, а из стихотворений поэтов-современников — с «Черным всадником» М. А. Лохвицкой.

181. *Н*. 1891. № 2. С. 38. Под заглавием «Миг смерти».

ТТ. С. 307.

***182.** *ТТ*. С. 322.

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 166. Л. 10. Набросок первых 3 строк. Варианты строк: *3*. Плачет сердце, плачут очи.

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 166. Л. 9. Варианты строк.

Черновой автограф 3: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 166. Л. 8. Варианты строк: *3–4*. Блещет даль туманом алым / Точно дымною зарей; *13–16*. Отсутствуют.

183. Н. 1886. № 6. С. 48. Без пробела между ст. 33–34. Варианты строк: *1*. Мне снился сон, когда-то, чудный.

ТТ. С. 327–328.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 83. Л. 19–20. С датой под текстом: «1886 г. Апреля 19». Варианты строк: *38*. Все невозможное — легко!

Список (неизвестной рукой): РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 165. Л. 5. Начальные 12 строк.

По мнению Е. З. Тарланова, «в <…> трактовке земного чувства Фофанов <…> близок концепции любви Вл. Соловьева, в которой она сопряжена с постижением высшей сущности мира: земная любовь является необходимой прелюдией к философскому познанию гармонии Вселенной» (*Тарланов 2001*. С. 113). Мотивы и некоторые образы этого стихотворения Фофанова (наряду с известными текстами Я. Полонского — «Холодеющая ночь», А. Фета — «Я ждал. Невестою-царицей…») предвосхищают появление образа мистической возлюбленной в лирике младосимволистов. В частности, образ «таинственной вуали» и финал по смыслу близки к стихотворению А. Блока «Незнакомка».

***184.** *ТТ*. С. 334.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 167. Л. 20. Без заглавия. Варианты строк.

Стихотворение варьирует сюжет и мотивы фетовского «Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали…».

185. Художник. 1891. № 22 (15 ноября). С. 682. Без разбивки на четверостишия.

ТТ. С. 341.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 69об. Варианты строк: *11–12*. Но грезы поздние бледнее грез начальных, / А грозы поздние ужасней ранних грез…

186. *ЖО*. 1887. № 48 (29 ноября). С. 368.

ТТ. С. 346.

187. *ТТ*. С. 347.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 14. С датой под текстом: «1890 г.» Варианты строк: *1.* Лунная, снежная ночь; *10.* В сердце мертво и безгласно; *12.* Мертвенно светит, но ясно.

188. *ЖО*. 1891. № 47. С. 334. Варианты строк: *19.* Кого, таинственно лаская.

ТТ. С. 348–349.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 83–83об. С датой под текстом: «1891 г. Мая 17».

189. Север. 1891. № 48. Стлб. 3099–3100. С разбивкой на четверостишия.

ТТ. С. 350

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 26об.

ИЗ «СТИХОТВОРЕНИЙ» В 5 ЧАСТЯХ (1896)

Замысел «Полного собрания сочинений» впервые возник у Фофанова еще в 1890 г. Сохранился черновой набросок его общей структуры: «Полное собрание издать в количестве 600 экз<емпляров> в четырех томах (1878–1890).

В первом лирические (этот том будет вмещать от 25–30 листов).

Во втором поэмы (том в 20 листов).

Третий том (Драматические пьесы). Том в 15 листов.

Четвертый том. (Библейские стихотвор<ения> и отрывки) (том в 20–30 листов).

Издать в формате фондовского издания Надсона (имеется в виду шестое издание «Стихотворений» С. Я. Надсона, вышедшее в 1887 г., которое поэт завещал Литературному фонду — *С. С.*). В пятый том можно включить краткие прозаические рассказы и афоризмы. (Том наберется в листов приблизительно 15)» (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 426. Л. 16).

Однако этому обширному замыслу не суждено было воплотиться в жизнь. Из всего разнообразия поэтической продукции на книжном рынке оказались востребованы исключительно лирические и лироэпические опыты Фофанова. В письме поэта к Жиркевичу от 26 ноября 1892 г. впервые появляется название одной из будущих книг *С-96*: «<…> Новый, четвертый том (под тремя предыдущими имеются в виду *С-87*, *С-89* и *ТТ* — *С. С.*)– уже накопился из напечатанного — и я, если выпущу его, то под названием “Монологи”. Туда войдет до 200 стихотвор<ений> последних лет (1890–1892). Не знаю только, кому удастся запродать» (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича). Спустя четыре месяца поэт смог ответить и на этот вопрос. 28 марта 1893 г. он извещает письмом своего друга о том, что новую книгу стихов будет издавать фирма А. С. Суворина — «до 300 пьес, разбросанных по журналам и газетам за эти последние два года» (Там же). Таким образом, изначально по договоренности с Сувориным планировалось издать всего лишь очередную новую книгу стихов под названием «Монологи». И лишь позднее (когда именно — в точности сказать нельзя) эта идея трансформировалась в намерение издать собрание стихотворений в пяти частях.

Архивные материалы лишь частично позволяют реконструировать историю формирования состава будущих частей *С-96*. Так, первоначально состав второй части («Этюды в рифмах») был представлен следующими текстами: «Наш домовой»; «У колдуньи»; «Чудовище»; «Голод»; «Гетера и Амур»; «Сон елки»; «Беглянка»;. «Первая заря»; «Агония мо-

тылька»; «Возрожденное эхо»; «Смерть шута»; «Два гения»; «Весенний дождь»; «Больная»; «Старые часы»; «Моей богомолке»; «Мефистофель»; «В тихом храме»; «На могиле»; «Окаменелость»; «Памяти Байрона»; «Кончается» — всего 22 стихотворения (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 426. Л. 10). Три текста — «Старый дуб», «Небесный огонь» и «Волки», ранее входившие в «Этюды в рифмах» (часть II), Фофанов перенес в «Маленькие поэмы» (часть I) (Там же. Л. 8).

В итоге собрание *С-96* включило в себя не три уже изданные сборника поэзии Фофанова, как можно было ожидать, а только 77 стихотворений из *С-89*. Поэтому и «собранием стихотворений» его можно назвать весьма условно. По сути, это было издание новых текстов (в количестве 230), накопившихся в авторском портфеле за четыре года после выхода в свет *ТТ*. Многие из них поэт даже не успел опубликовать в периодике, и они шли в типографский набор *С-96* прямо «с листа».

Печатание *С-96* растянулось на полтора года. 7 марта 1895 г. Фофанов сообщает Жиркевичу: «К празднику (Пасхе — *С. С.*) <…> я, может быть, пришлю Вам новую свою книжку стихов, которую наконец-то стали печатать» (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича). Но к обещанному сроку книга не вышла, о чем Фофанов сетует в апрельском письме к Жиркевичу (Там же). 30 августа 1895 г. поэт вновь неутешительно констатирует, что собрание стихов все еще печатается в типографии Суворина, кроме того — «еще не видел корректур» (Там же). Дальнейшая хроника печатания *С-96* хорошо иллюстрируется следующими выдержками из писем Фофанова к Жиркевичу. От 18 ноября 1895 г.: «Скоро, на днях, думаю, к декабрю, — выйдут две книжки моих “Маленьких поэм” и “Этюдов в рифме”. Остальные три — печатаются и выйдут позже» (Там же). От 28 декабря 1895 г.: «Книжки моих стихов все еще не вышли из печати» (Там же). От марта 1896 г. (получено 29 марта — помета Жиркевича): «Издание моих книжек все стоит на точке замерзания» (Там же). И только в апреле 1896 г. первые четыре части *С-96* выходят из типографии, о чем Фофанов ставит в известность Жиркевича письмом от 2 июня 1896 г. (Там же). Цензурные разрешения датируются соответственно: «Маленькие поэмы» (часть I) — 15 марта 1896 г.; «Майский шум» (часть IV) — 19 марта 1896 г. Наконец, 8 августа 1896 г. поэт информирует своего друга о полном завершении капитального издательского предприятия: «Пятая книжка моих стихов “Монологи” — вышла, и я пришлю ее Вам на днях» (Там же). Цензурное разрешение пятой части — июнь 1896 г. (точная дата не прочитывается).

В переписке нередко можно встретить жалобы поэта на неудовлетворительную подготовку собрания. Вот показательная выдержка из письма к Жиркевичу от 2 сентября 1896 г.: «Посылаю Вам пятую часть моих стихов “Монологи”. Эта книга не особенно удачна, изобилует грубыми опечатками, — так что пришлось крупнейшие из опечаток исправить пером, чем и замарать книгу». И здесь же — в продолжение темы: «Благодаря моей удаленности от центра печатного дела — и книги мои изобилуют опечатками и даже небрежностью составления их. Корректуры мной не прочитывались, особенно последней книги (т. е. “Монологов” — *С. С.*). Много не вошло в них стихотворений, должно быть, вследствие цензуры» (Там же). Действительно, собрание изобилует всевозможными ошибками. Так, в некоторые экземпляры «Маленьких поэм» (часть I) явно по недосмотру наборщиков ошибочно попали стихотворения из «Снегурки» (часть III) — «Три

блага» и «Небо и море», о чем свидетельствует путаница в страницах. Стихотворение «Под напев молитв пасхальных…», вошедшее в часть IV («Майский шум»), неожиданно стало фигурировать в оглавлении части III («Снегурка»). Стихотворения «Стансы сыну» и «Вчера мечтал цветок тепличный…» набраны дважды — оба в части III («Снегурка») и по отдельности в частях IV («Майский шум») и V («Монологи»), соответственно. Встречаются пропуски и путаница в оглавлениях частей. Например, строчку («Цветами алтарь вдохновенья венчай») из стихотворения «Я сердце свое захотел обмануть…» наборщик принял за начало другого стихотворения (вероятно, вследствие того, что эта строчка начинала новую страницу) — и так в оглавлении «Монологов» возникло мифическое заглавие несуществующего текста Фофанова. Все эти типографские и составительские накладки существенно нарушали композицию частей и, таким образом, искажали замысел автора.

Ко времени выхода *С-96* поэтическая индивидуальность К. Фофанова вполне определилась. Круг критических мнений о нем тоже успел, в основном, сложиться. Вероятно, этим обстоятельством объясняется сравнительно небольшое число откликов на *С-96*. Наиболее обстоятельный отзыв принадлежит А. Волынскому (*СВ*. 1896. № 7. С. 307–310). В поле его зрения на момент написания рецензии находились четыре вышедшие из печати части *СС-96*. Критик писал: «…В самом таланте Фофанова есть какая-то особенная свежесть, новизна и болезненно тонкая восприимчивость, которая делает из него в некотором смысле средоточие новейшей русской поэзии. С бессознательною силою, которая в каждом истинном таланте выше сознательной, Фофанов отражает в своих стихотворениях самые характеристические черты современного творчества, с его внутренним разладом и даже кокетливою игрою на струнах психологического разлада. <…> Если пользоваться уже опошленной терминологией наших дней, можно сказать, что поэзия Фофанова самая декадентская из всех других современных русских поэзий. Его сравнения часто рассчитаны на особую впечатлительность к звукам и краскам, его настроения одеты в мистическую тьму. В словах его, часто беспорядочных и противоречивых, как бред больного воображения, временами слышится настоящий вопль неудовлетворенного эстетического чувства» (С. 308). В заключение этого пассажа Волынский сополагает (как и в рецензии на *ТТ*) «бессознательный» дар Фофанова с поэзией Минского, «который *сознательно* вкладывает в свои стихи этот современный психологический разлад, эту игру философской двойственностью, с присущим ему одному талантом производить поэтическое впечатление даже самыми прозаическими парадоксами» (С. 308).

В обширной рецензии Пл. Краснова на *С-96*, озаглавленной «Поэт нашего времени» (*КН*. 1897. № 8. С. 233–244), указывается, что «поэзия К. М. Фофанова лучше всего характеризуется отрицательными эпитетами. В ней, — утверждает критик, — нет общественных элементов; нет изображения сильных страстей; он не сатирик» (С. 236). Краснов делает упор на спонтанном, случайном характере лирической эмоции как основной отличительной черте поэзии Фофанова: «Он уже потому не может распознать общественных настроений, что на него гораздо сильнее влияет изменение погоды. Он не может анализировать страстей человека, потому что случайные черты лица или тембр голоса более влияют на симпатии поэта, чем характер или темперамент» (С. 235). Предпринятое на конкретных примерах сопоставление с поэтическим мироощущением

Фета, которому, по мнению критика, наследует в поэтическом стиле Фофанов, позволяет уточнить эту мысль. В отличие от Фета, в лирической импрессии Фофанова «нет главного — момента, в том смысле, как это слово понимали древние, то есть серьезного содержания, отличающего данный миг от всякого другого» (С. 239). «Крайняя впечатлительность и отзывчивость» Фофанова (С. 235) часто порождают такие крайности его лирического стиля, как «неразборчивость в выборе сюжетов» (С. 239), способность вдохновляться книжными, вычитанными из произведений других поэтов образами (отсюда повышенная «цитатность» его стихов) и даже разными отдельными изречениями: «Иногда такая фраза, как “Где ты, молодость моя?” или “Все хорошо на свете”, — пишет критик, — порождают у Фофанова целые стихотворения, представляющие, в сущности, бесконечное повторение одной и той же мысли на разные лады. Это — чисто нервное свойство, граничащее с навязчивой идеей» (С. 240).

Оценки лирического стиля Фофанова, содержащиеся в рецензиях Волынского и П. Краснова, станут характерными для отечественной критики рубежа XIX–XX веков, надолго определив литературную репутацию «бессознательного» таланта.

Среди отзывов на *С-96* особо надо отметить реферат юного Ивана Коневского, прочитанный в форме доклада на заседании молодежного «литературно-мыслительного кружка» в Петербурге осенью–зимой 1896–1897 гг. Этот реферат, впоследствии переработанный докладчиком в статью «Стихотворная лирика в современной России» и содержащий обзор модернистских тенденций в отечественной лирике середины 1890-х гг. (Н. М. Минский, К. М. Фофанов, А. М. Добролюбов, Ф. Сологуб), так и остался в бумагах рано погибшего поэта. Его общественный резонанс был ничтожен, но ныне, опубликованный и прокомментированный А. В. Лавровым (в сб.: Писатели символистского круга. Новые материалы. СПб., 2003. С. 89–148), он представляет несомненный научный интерес с точки зрения рецепции основных мотивов поэзии Фофанова в раннесимволистской среде. Критическая позиция Коневского на фоне других интерпретаций «бессознательного» таланта в критике рубежа веков, резко отличается стремлением выявить в поэзии Фофанова то, в чем ей неизменно отказывали — глубокую философскую подоснову лирического мирообраза. Основной акцент молодой критик как раз делает на тех стихотворениях из *С-96*, мимо которых рецензенты обычно проходили, считая их слишком «рассудочными», «наивными» в своей претензии на «глубокомыслие»: «Не зажигая звезд, плывет по небосклону…»; «Томилась пустота и мраком, и смиреньем…»; «Мне кажется порой, во мне страдает кто-то…»; «Хотел бы я уснуть под свежею сиренью…», «Отче наш» и др. (практически все они, за немногими исключениями, сосредоточены в пятой части *С-96*). Опираясь на эти тексты, Коневской реконструирует основной миф поэзии Фофанова: «Редко кто так кровно, как этот поэт, ощущал вечную драму вселенной — столкновение между началом устойчивости, стройности, закономерности, общей сдержанности, общего спокойствия и началом мятежности, началом буйства, рвущимся то к самоуничтожению, то к самоуединению. Это — разъединение сил, служащих власти единства над частью, с силами, вопиющими о произволе части, произволе единицы; это — прозреваемая во всех верованиях человечества борьба ангела или единовластного Бога с демоном» (Там же. С. 103). Эта мифология, безусловно, носит следы «тютчевских» пристрастий Коневского и

больше соответствует мирообразу любимого им Тютчева (оппозиции «хаоса» и «космоса», «общего» и «единичного»), но, тем не менее, заслуживает внимания уже самой попыткой пересмотра устоявшегося мнения о «бессознательной» природе поэтического таланта Фофанова и выявления связей его творчества с широким контекстом философской поэзии XIX века и рубежа веков. По сути, реферат Коневского так и остался в истории русской критики единственной попыткой пересмотра вопроса о «наивном», «непосредственном» даре Фофанова, которому, якобы, противопоказаны всякие потуги на серьезную мысль.

Ч. 1. Маленькие поэмы

***190.** *НВ*. 1892. 23 февраля. С. 3. С датой под текстом: «1892 г.».
С-96 (1). С. 1–3.

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 97–98об. Под заглавием «Сон пажа». С датой под текстом: «1892. Февраль». Более точно датировать стихотворение позволяет свидетельство самого Фофанова в письме к Жиркевичу от 15 февраля 1892 г.: «Написал небольшую балладу “Звезда любви”» (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича).

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 171. Л. 16. Без заглавия. Наброски первых трех строф. Варианты строк.

Е. З. Тарланов полагает, что «балладный образ “девы — Земной красоты”, подобно “Белой женщине” из сборника “Тени и тайны”, вновь перекликается с образом Вечной женственности в поэзии <…> Владимира Соловьева» (*Тарланов 2001*. С. 141). В частности, исследователь усматривает переклички между «Звездой любви» и стихотворением Соловьева «Под чуждой властью знойной вьюги…» (Там же. С. 141–142). Кроме того, сюжет баллады Фофанова отчасти предвосхищает основные мотивы из «Второго видения» драмы А. Блока «Незнакомка».

191. *НВ*. 1892. 26 апреля. С. 2. Варианты: *часть V, ст. 11:* Другому: «Мне отец Порфирий даже баял…»; *часть V, ст. 16:* С уходом все брала, все скука уносила.
С-96 (1). С. 9–17.

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 114–117. Под заглавием «Они».

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 244. Л. 1–2. Под заглавием: « Из поэмы “Они”». Наброски четвертой и пятой частей.

Черновой автограф 3: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 171. Л. 1. Без заглавия. Начальные 4 строки.

В плетеном тюльбэри — легкий, открытый двухколесный экипаж. *Парижского «козри» изысканный язык* — от франц. causerie (буквально — «собеседование»): непринужденная светская беседа, полная намеков и двусмысленностей. *Палаццо* — дворец-особняк.

***192.** *С-96 (1)*. С. 21–25.

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 171. Л. 5–8об. С примечанием в правом верхнем углу л. 5: «(из “Дочь Рагуила”)». Ранняя редакция.

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 171. Л. 13–15об. Под заглавием: «Восточные картины». Ранняя редакция.

Черновой автограф 3: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 171. Л. 11–11об. Под заглавием: «Дщерь Рагуила». С подзаголовком: «Восточные картины». Части I — II. Ранняя редакция. Первая попытка свода вариантов черновых автографов 1 и 2.

Черновой автограф 4: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 240. Набросок окончания. Ранняя редакция. С датой под текстом: «1882 г. 12 мая».

Черновой автограф 5: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 171. Л. 3–4об. Под заглавием: «Дщерь Рагуила». С делением на 5 частей (5 и 6 части основного текста слиты воедино). Редакция *С-96*. К автографу приложена записка сына поэта: «В поэме “Дочь Рагуила” есть много опущенных строф, которые следует вставить при издании, в примечании. К. К. Ф <офанов>-О<лимпов>» (Там же. Л. 2). Варианты частей.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 171. Л. 9–12об. Без заглавия. Ранняя редакция.

Автографов редакции *С-96* не сохранилось.

Источник сюжета поэмы — соответствующий эпизод из ветхозаветной книги Товита (Тов. 3, 7–17; 6, 11–18; 7 passim; 8 passim). Фофанов, довольно близко следуя источнику, исключает, однако, молитву Сары, вмешательство ангела, магические действия Товия, а также связь этой истории с историей чудесного исцеления Товита, т. е. лишает данный рассказ религиозного смысла, превращая в чистый гимн любви.

Гармоничные кимвалы — древний ударный музыкальный инструмент, состоявший из двух медных тарелок или чаш, издававших при ударе друг о друга громкий звенящий звук.

193. *НВ*. 1893. 21 ноября. С. 2. С датой под текстом: «1893». Варианты строк: *65*. Мысли погаси огонь!

С-96 (1). С. 26–29.

Черновой автограф (первые 10 строф): РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 50–50об. Без даты.

Дофин — с XIV века титул наследника французского престола. Повидимому, изображается смерть дофина Луи-Шарля, сына Людовика XVI, после казни последнего признанного большинством европейских стран в качестве законного короля Франции Людовика XVII и в 1795 г. умершего в тюрьме Тампль. Намеки на то, что действие «Дофина» происходит во время Великой Французской революции, содержатся в тексте. Дофин умирает в «темничных стенах». Далее, как пророчествует повествователь, «блестящий сонм пажей», «герцогов и дам» «от подушек кружевных» вот-вот «повлекут» «к роковому эшафоту», а призрак казненной королевы Марии-Антуанетты указывает дофину на то, что «брызжут кровью эти стены».

***194.** *НВ*. 1893. 9 мая. С. 2. С подзаголовком: «Легенда». В четырех частях. Части I и IV совпадают в своих границах с частями I и III основного текста. Граница между частями II и III проходит внутри II части основного текста (пробел между ст. 15 и 16). Варианты частей.

С-96 (1). С. 30–33.

Ч. 2. Этюды в рифмах

195. *НВ*. 1891. 15 декабря. С. 2. С пробелами между ст. 19 и 20; 40 и 41.

С-96 (2). С. 1–3.

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 3.

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 141–143об.

Отдаленным подступом к теме можно считать очень ранние, относящиеся к середине 1880-х гг., оставшиеся в рукописи наброски стихотворения «Мой домовой» (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 50об. — 51). Начало «Нашего домового» — парафраз стихотворения А. С. Пушкина «Домовому». Ср.: «Поместья мирного незримый покровитель, / Тебя

молю, мой добрый домовой, / Храни селенье, лес и дикий садик мой…» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 1. М.; Л., 1937. С. 235) В целом, лексически и образно, весь текст стихотворения Фофанова представляет собой стилизацию не только «Домовому», но и «Деревни» А. С. Пушкина.

*196. *НВ*. 1893. 26 сентября. С. 2.

С-96 (2). С. 7–9.

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1 . Ед. хр. 4. Л. 35–35об. С подзаголовком: «Лирические строфы». По датировке соседних автографов время создания отрывка условно можно приурочить к 1891–1892 гг. Ранняя редакция.

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 101. С подзаголовком: «Лирические строфы». С примечанием над текстом: «Наброски». Ранняя редакция.

Черновой автограф 3: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 101. Л. 8–8об. Под заглавием: «Чудовище (Фантазия в трех песнях). Песнь I». С примечанием над текстом: «Наброски». Ранняя редакция.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 101. Л. 7–7об. Ранняя беловая редакция текста.

Черновой автограф 4: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 44об. — 45об. Без заглавия. Без разбивки на строфы. Наброски редакции *С-96*. Условно, по датировкам соседних автографов, время написания можно отнести к 1893 г.

Черновой автограф 5: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 101. Л. 6–6об. С датой под текстом: «1893 г.». Редакция *С-96*. Варианты строк: *7*. Неясными и тусклыми очами; *24*. Оно блуждая, ищет перемен.

«Неопределенностью и неидентичностью» объекта переживания («Зловещее и смутное есть что-то», «Оно» и т. п.) стихотворение Фофанова вписывается в образный дискурс «диаволического символизма», ср. «Оно» З. Н. Гиппиус, «В пещере», «Дождь» К. Д. Бальмонта, «Lex mortis» А. М. Добролюбова, «Демон самоубийства» В. Я. Брюсова и мн. др. Подробнее об этом см.: *Ханзен-Лёве 1999*. С. 192–194. «Чудовище» получило высокую оценку Брюсова (см. вступительную статью), а начальную строку стихотворения «Зловещее и смутное есть что-то…» он взял эпиграфом к своим «Чудовищам» (1903).

*197. *КН*. 1891. № 12. С. 48–49.

С-96 (2). С. 10–11.

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 1–1об. С датой под текстом: «1891 г. Ноябрь». Ранняя редакция.

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 2–2об. С датой под текстом: «1890 г. Ноябрь 10». Редакция *С-96*. Варианты строк: *7–8*. Этот призрак зол и страшен, / Как мертвец лишенный сна; *25*. И стучится с лютым гневом; *30*. Гневно ставнями стучит; *37*. Где хлеб нив на солнце выжжен.

Стихотворение опубликовано в конце 1891 г., во время жесточайшего голода, поразившего Россию, в результате которого умерло, по некоторым оценкам, до полумиллиона человек. В стране развернулось добровольческое движение благотворительных организаций по борьбе с голодом, в работе которых принимал активное участие Л. Н. Толстой. Однако в стихотворении Фофанова эта острая социальная тема «поэтизируется», лишается публицистических обертонов, зримо демонстрируя полнейший отход автора от близкой ему некогда народнической эстетики. Более того, Фофанов стилизует стихотворение

в духе пушкинской и некрасовской народной тематики, в результате демонстративная «книжность» текста вступает в курьезное противоречие с трагической злободневностью его содержания.

Кто костлявою рукою <…> И соломой шелестит? — Парафраз начальных строк «Зимнего вечера» А. С. Пушкина. Ср.: «То по кровле обветшалой / Вдруг соломой зашумит, / То, как путник запоздалый, / К нам в окошко застучит» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 2. М.; Л., 1948. С. 439).

198. Труд. 1893. № 8. С. 291–292.

С-96 (2). С. 16–18.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 5–5об. С датой под текстом: «1893 г.»

199. Сб. «Нивы». 1891. № 12. С. 596. Под заглавием «Двойники». С подзаголовком: «Фантазия».

С-96 (2). С. 19–20.

Один раскроет свиток длинный, / Чтоб все былое прочитать — реминисценция из «Воспоминания» А. С. Пушкина. Ср.: «Воспоминание безмолвно предо мной / Свой длинный развивает свиток…» (Пушкин А. С. Собр. соч.: В 16 т. Т. 3. М.; Л., 1948. С. 102).

Ч. 3. Снегурка

200. *КН.* 1893. № 2. С. 147. Варианты строк: *13.* Тут все: хрустальные ущелья.

С-96 (3). С. 1.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 171. Л. 1об.

201. *НВ.* 1892. 19 января. С. 2. С датой под текстом: «1892 г. Январь».

С-96 (3). С. 2–3.

202. *КН.* 1893. № 8. С. 83.

С-96 (3). С. 4–5.

***203.** *НВ.* 1892. 20 сентября. С. 2.

С-96 (3). С. 6–7.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 8. С датой под текстом: «1892 г. 1 сентября». Варианты строк.

***204.** *НВ.* 1892. 10 мая. С. 2.

С-96 (3). С. 8–9.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 172. Л. 5. Варианты строк.

205. *НВ.* 1893. 17 октября. С. 2.

С-96 (3). С. 10–11.

Первоначально — как часть стихотворения «Зной» (см. примеч. 206).

***206.** *НВ.* 1893. 1 августа. С. 2. С датой под текстом: «1893 г. Июль. Гатчина». С пробелом между ст. 18 и 19.

С-96 (3). С. 12–13. С датой под текстом: «1893 г. Июль. Гатчина».

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 52–53. Другая редакция. С разбивкой на три части. Часть I: ст. 1–18; часть II: ст. 19–28. Часть III не попала в окончательный текст. Впоследствии стала зерном сюжета стихотворения «Гамма» (№ 205).

***207.** *НВ.* 1893. 19 декабря. С. 2.

С-96 (3). С. 15.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 51–51об. Без разбивки на строфы. Варианты строк.

Стихотворение — вольное развитие лейтмотива одноименного стихотворения А. А. Фета (1888).

208. *НВ*. 1894. 9 января. С. 2. С датой под текстом: «31 декабря 1893 г.» Варианты строк: *9.* Льют в задумчивой тени; *22.* Замирая, шепот речи (опечатка).

С-96 (3). С. 16–17.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 100об. Без даты. Без заключительных двух строф.

209. *НВ*. 1893. 28 февраля. С. 2.

С-96 (3). С. 22–23.

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 172. Л. 10. Под заглавием: «На упраздненном кладбище». Набросок первых четырех строк.

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 181об. Набросок первых двенадцати строк.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 172. Л. 9.

Стихотворение представляет собой вариацию мотивов пушкинского «Когда за городом, задумчив, я брожу…».

210. *НВ*. 1893. 28 февраля. С. 2. С датой под текстом: «1893 г. Февраль».

С-96 (3). С. 24–25.

***211.** Звезда. 1894. № 4. С. 89.

С-96 (3). С. 27–28.

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 134–134об. Ранняя редакция.

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 216. Л. 3. В составе первых трех четверостиший. Редакция *С-96*. Варианты строк: *2.* И в дыме жертвенных кадил; *11.* Не утишая дерзкой битвы.

***212.** *КН*. 1892. № 4. С. 115.

С-96 (3). С. 33–34.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 89 об — 90об. С датой под текстом: «1892». Варианты строк.

213. *КН*. 1893. № 9. С. 96.

С-96 (3). С. 35–36.

Перепечатано: *ИСРП-3*.

214. Север. 1892. № 2 (12 января). Стлб. 119–120. Варианты строк: *24.* Прощанье с землею и встреча безмолвная с Вечным.

С-96 (3). С. 48.

Перепечатано: *АСП-12*.

Ч. 4. Майский шум

215. *НВ*. 1893. 16 мая. С. 2.

С-96 (4). С. 1–2.

216. *НВ*. 1894. 10 апреля. С. 2.

С-96 (4). С. 8–9.

217. *НВ*. 1894. 8 мая. С. 2. С датой под текстом: «1894 г. Май».

С-96 (4). С. 10–11.

Перепечатано: Чтец-декламатор. Киев, 1907; Чтец-декламатор. Киев, 1916.

218. *НВ*. 1893. 21 марта. С. 2.

С-96 (4). С. 15–16.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 169об. Набросок первых трех строф.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 168. Л. 2. Варианты строк: *14*. Весну, остывшую вдали; *17–19*. И в сердце струны зазвучали, — / Я вспомнил молодость свою / Помолодел с весной в печали.

***219.** *НВ*. 1892. 4 октября. С. 2.

С-96 (4). С. 21.

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 168. Л. 7. Без заглавия. Наброски ранней редакции.

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 168. Л. 6. Под заглавием: «I. В сосновой роще». Как первое стихотворение задуманного, но неосуществленного цикла. Ранняя редакция.

Черновой автограф 3: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 9. С датой под текстом: «1892 г. Сентябрь». Редакция *С-96*. Варианты строк: *14–16*. Отсутствуют.

220. Север. 1893. № 24 (13 июня). Стлб. 1307–1308.

С-96 (4). С. 24.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 4об. С датой под текстом: «1893 г.».

***221–226.** *С-96 (4)*. С. 25–28.

Перепечатано: *ИСРП-3*.

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 57об.–59. Под заглавием: «Мой гербариум». В составе: I. Василек; II. Герань; III. Подснежник; IV. Сирень.

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 7. Под заглавием: «Мой гербариум». В составе: V. Подсолнечник; VI. Лавр.

Черновой автограф 3: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 113–113об. Под заглавием: «Мой гербариум». В составе: VII. Осина; VIII. Ландыш.

Черновой автограф 4: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 168. Л. 13–15. Под заглавием: «Мой гербариум». В составе: V. Подсолнечник; <VI.> Лавр; VII. Осина; VIII. Астра. С перечеркнутым текстом «Сирени» (не пронумерован). Текст «Астры» (VIII) не завершен. Он располагается в рукописи после авторской подписи под циклом и представляет собой черновой набросок начальных строк.

Таким образом, из 9 стихотворений, предназначавшихся для цикла, в его окончательном составе осталось только 5, с добавлением отдельно написанного «Мха». «Сирень» и «Астра» так и остались в черновых набросках, а «Осина» и «Ландыш» были доработаны и в *С-96* опубликованы вне цикла, как самостоятельные тексты. Начало создания цикла «Мой гербариум», как следует из датировки чернового автографа стихотворения «Василек», вероятно, относится к июню 1892 г. Возможно, на создание «Моего гербариума» Фофанова мог подтолкнуть цикл «Цветы», принадлежащий третьестепенному поэту кн. Н. К. Имеретинскому (Новь, 1889, № 2, с. 92–94; состоит из 10 миниатюр: «Незабудка», «Ландыш», «Сирень», «Фиалка», «Розы», «Василек», «Георгина», «Зимовник», «Астра», «Иммортель»). Первоначально всему циклу предполагалось предпослать следующую поэтическую преамбулу:

Вот мой гербариум — примите
Цветы засохшие души, —
Мечтаний порванные нити
И сны увядшие в глуши.
Тепличной юности растенья, —
Порывы, страсти, увлеченья,
Грозою смятые листы;

И зноем выжженные всходы,
Моей любви, моей свободы
Непостоянные мечты.

(РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 8).

I. *НВ*. 1892. 28 июня. С. 2. Под заглавием: «I. Василек». В составе цикла «Мой гербариум».

С-96 (4) С. 25.

Перепечатано: *Русская поэзия.*

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 57об. Под заглавием: «I. Василек». В составе цикла «Мой гербариум». С датой под текстом: «24 июня 1892 г.».

II. *НВ*. 1892. 28 июня. С. 2. Под заглавием: «II. Герань». С датой под текстом: «1892 г. Июнь». В составе цикла «Мой гербариум».

С-96 (4) С. 26.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 58. Под заглавием: «II. Герань». Без разбивки на строфы. В составе цикла «Мой гербариум».

III. *НВ*. 1892. 26 июля. С. 2. Под заглавием «III. Мох». В составе цикла «Мой гербариум».

С-96 (4). С. 26–27.

IV. *НВ*. 1892. 26 июля. С. 2. Под заглавием: «IV. Подснежник». В составе цикла «Мой гербариум».

С-96 (4). С. 27.

Перепечатано: *Русская поэзия.*

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 58об. Под заглавием: «III. Подснежник». В составе цикла «Мой гербариум». Ранняя редакция.

V. *НВ*. 1892. 9 августа. С. 2. Под заглавием: «V. Подсолнечник». В составе цикла «Мой гербариум».

С-96 (4). С. 28.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 168. Л. 13–13об. Под заглавием: «V. Подсолнечник». В составе цикла «Мой гербариум».

Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 7. Вне цикла, как самостоятельное стихотворение.

VI. *НВ*. 1892. 9 августа. С. 2. Под заглавием: «VI. Лавр». В составе цикла «Мой гербариум».

С-96 (4). С. 28.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 168. Л. 13об. Под заглавием: «Лавр». В составе цикла «Мой гербариум», сразу за черновым автографом «Подсолнечника». Ранняя редакция.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 7. Вне цикла, как самостоятельное стихотворение. Редакция *С-96*. С датой под текстом: «1892».

***227.** *НВ*. 1892. 20 декабря. С. 2. С разбивкой на четверостишия.

С-96 (4). С. 29.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 113об. Под заглавием: «VIII. Ландыш». В составе цикла «Мой гербариум». Ранняя редакция.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 168. Л. 12. Редакция *С-96*. Вне цикла, как самостоятельное стихотворение. С разбивкой на четверостишия.

Заключительные две строки — перефразированный вариант хрестоматийного пушкинского образа «светлой печали» («На холмах Грузии лежит ночная мгла…»).

228. *НВ*. 1892. 1 ноября. С. 2. Без заглавия. В составе цикла «Из природы» под цифрой II. Варианты строк: *5.* Тебя соткали в свой ковер.

С-96 (4). С. 30. Вне цикла, как самостоятельное стихотворение.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 111. Вне цикла, как самостоятельное стихотворение.

***229.** *НВ*. 1892. 1 ноября. С. 2. Без заглавия. В составе цикла «Из природы» под цифрой I.

С-96 (4). С. 31. Вне цикла, как самостоятельное стихотворение.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 113. Под заглавием: «VII. Осина». В составе цикла «Мой гербариум». Ранняя редакция.

230. Север. 1893. № 47. Стлб. 2477–2478.

С-96 (4). С. 34–35.

Перепечатано: Чтец-декламатор. Киев, 1910; Чтец-декламатор. Киев. 1912.

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 10. Без заглавия. Без разбивки на строфы. С датой под текстом: «1893 г. Август».

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 7–7об. Без разбивки на строфы. С датой под текстом: «1893 г. Август 28».

231. *ВИ*. 1894. № 1337 (10 сентября). С. 203.

С-96 (4). С. 41.

232. Север. 1894. № 15 (14 апреля). Стлб. 725–726. Варианты строк: *7.* Или бурей волна осененная.

С-96 (4). С. 45.

233. Север. 1894. № 22 (29 мая). Стлб. 1075–1076.

С-96 (4). С. 49.

234. *С-96 (4)*. С. 51.

235. *С-96 (4)*. С. 59–60.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 13. С датой под текстом: «1892 г».

Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 168. Л. 1–1об. Под заглавием: «II. Два беса» после «Белый лебедь плыл по морю…» (I).

236. *С-96 (4)*. С. 61–62.

237. Север. 1894. № 3 (16 января). Стлб. 123–124.

С-96 (4). С. 63.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 9. С датой под текстом: «1893 г. Август».

238. *КН*. 1894. № 8. С. 110.

С-96 (4). С. 66–67.

Ил. С. 232–233. Варианты строк: *16.* Ответствует ему, как музыка грозе!

Е. З. Тарланов, вслед за итальянским исследователем Чезаре де Микелисом, усматривает в этом стихотворении воздействие поэзии Бодлера (*Тарланов 2001*. С. 170). Вероятно, имеется в виду слабый отзвук мотивов одноименного стихотворения из «Цветов зла» Бодлера.

239. *КН*. 1895. № 1. С. 91. Варианты строк: *10.* То сонный вздох земного праха.

С-96 (4). С. 75.

240. *СВ*. 1895. № 7. С. 262.

С-96 (4). С. 76.

Перепечатано: *ИСРП-3*.

241. *С-96 (4)*. С. 82–83.

242. *НВ*. 1892. 7 июня. С. 2. Без заглавия. С датой под текстом: «1892 г.».

С-96 (4). С. 85.

Перепечатано: *ИСРП-3.*
243. *Н.* 1895. № 10. С. 56.
С-96 (4). С. 90–91.
Перепечатано: *Русская поэзия.*
Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 10. Первоначальное заглавие «У моря», зачеркнутое и исправленное на «У прилива». С датой под текстом: «1895 г. Июль».
Душа читала по складам / Былого темный свиток — реминисценция из пушкинского «Воспоминания». Ср.: «Воспоминание безмолвно предо мной / Свой длинный развивает свиток…» (Пушкин А. С. Собр. соч.: В 16 т. Т. 3. М.; Л., 1948. С. 102). Ср. примеч. 199.

Ч. 5. МОНОЛОГИ

***244.** *НВ.* 1892. 17 мая. С. 2.
С-96 (5). С. 1.
Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 170. Л. 12. Как начальное стихотворение неосуществленного цикла (под цифрой «I»). Варианты строк.
Песнь в триединстве своем: свет, красота, глубина — Формула, представляющая собой аналог известных рассуждений Вл. Соловьева о *«всеединстве»* как должном воплощении Красоты в мире. Мысль эта неоднократно воспроизводилась философом в разных формулировках, наиболее отчетливо — во «Второй речи» в память Ф. М. Достоевского (произнесена 1 февраля 1882 г.). Ср.: «В своих убеждениях он никогда не отделял истину от добра и красоты; в своем художественном творчестве он никогда не ставил красоту отдельно от добра и истины. И он был прав, потому что эти три живут только своим союзом. Добро, отделенное от истины и красоты, есть только неопределенное чувство, бессильный порыв, истина отвлеченная есть пустое слово, а красота без добра и истины есть кумир» (Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М., 1991. С. 245). Переклички со второй речью Вл. Соловьева встречались уже в раннем творчестве Фофанова. (см. примеч. 43). Скорее всего, эти переклички были навеяны поэту не столько непосредственным знакомством с поэзией и критикой Вл. Соловьева, сколько общим умонастроением эпохи. В письме к А. В. Жиркевичу от 8 августа 1896 г. Фофанов признавался: «О стихах философа Соловьева я не имею никакого мнения, ибо книги его не имею…» (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича).
245. Труд. 1893. № 9. С. 540.
С-96 (5). С. 2–3.
Перепечатано: Чтец-декламатор. Киев, 1902; Чтец-декламатор. Киев. 1907; Чтец-декламатор. Киев, 1916.
246. *НВ.* 1892. 5 января. С. 2. С датой под текстом: «1891 г. Декабрь».
С-96 (5). С. 4–5.
***247.** *НВ.* 1892. 21 июня. С. 2.
С-96 (5). С. 11–12.
Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 169. Л. 7. Без разбивки на четверостишия. Варианты строк.
248. *НВ.* 1892. 17 мая. С. 2.
С-96 (5). С. 14.
***249.** *С-96 (5).* С. 20–21.

Наше время. 1892. № 13 (11 июля). С. 209.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 169. Л. 13. Без разбивки на четверостишия. Варианты строк.

Есть час в ночи <…> *Вдруг смолкнет все* — отзвук тютчевского «Есть некий час в ночи, всемирного молчанья…», с принципиально иным, однако, смысловым наполнением этого мотива.

250. *НВ*. 1893. 6 июня. С. 2. Под заглавием: «Из монологов». С датой под текстом: «1893 г. Май». Варианты строк: *32.* И страшен мне ее засадный призыв (опечатка).

С-96 (5). С. 24–25.

В докладе «Стихотворная лирика в современной России» Иван Коневской так прокомментировал философскую мысль «Не зажигая звезд, плывет по небосводу…»: «И в связи с тайной мирового процесса это удивительное стихотворение раскрывает перед нами тайну художественного творчества — тот же процесс тревожного превращения, томительных мук рождения. <…> Частица безличной, безобличной, бесформенной мировой души ищет личного воплощения и устроения, но неминуемо обрекается чрез это образование — на ограничение, чрез это отвердевание — на закрепощение. И Бог весть, как мы все водворимся в совершенном сочетании единства и строя с яркостью и цветом неделимых частиц, связных личностей». (Писатели символистского круга. Новые материалы. СПб., 2003. С. 105).

251. *НВ*. 1893. 4 апреля. С. 2.

С-96 (5). С. 29.

Перепечатано: *ИСРП-3*.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 170. Л. 17. Варианты строк: *2.* Тем наслажденья [больше в ней].

Наш век больной, — в его безверье / Мы вопли веры узнаем — показательная особенность мироощущения «восьмидесятников», нашедшая отражение в поэзии С. Я. Надсона, Н. М. Минского, Д. С. Мережковского и в качестве программной философской максимы осмысленная в трактате Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы». Ср.: «Мы свободны и одиноки!.. С этим ужасом не может сравниться никакой порабощенный мистицизм прошлых веков. Никогда еще люди так не чувствовали сердцем необходимости верить и так не понимали разумом невозможности верить. В этом болезненном неразрешимом диссонансе, этом трагическом противоречии, так же как в небывалой умственной свободе, в смелости отрицания, заключается наиболее характерная черта мистической потребности XIX века». (*Мережковский 1994*. С. 170).

252. *С-96 (5)*. С. 36.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 56об. Набросок первой строфы. По датировке соседних автографов время создания отрывка можно ограничить условно хронологическими рамками 1891–1893 гг.

253. Наше время. 1892. № 20 (29 августа). С. 324.

С-96 (5). С. 38.

254. Наше время. 1892. № 34 (5 декабря). С. 553.

С-96 (5). С. 40.

255. Наше время. 1892. № 10 (20 июня). С. 163. Под цифрой I. Опубликовано вместе с «Мой друг, мой нежный друг, люблю тебя, зову…» (II).

С-96 (5). С. 50.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 169. Л. 5. Варианты строк: *1.* Дай пытку выплакать! Дай вынесть одному; *9.* [И страшно мне во тьме, и страшно мне в тиши].

***256.** Наше время. 1892. № 10 (20 июня.) С. 163. Под цифрой II. Опубликовано вместе с «Дай горе выплакать! Дай вынесть одному...» (I).

С-96 (5). С. 51.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 10об. Под цифрой I. Опубликовано вместе с «Белою ночью, весеннею ночью...» (II). Другая редакция. В *С-96 (5)* эти тексты опубликованы по отдельности как самостоятельные.

Мой друг, мой нежный друг, люблю тебя... — реминисценция заключительных строк стихотворения А. С. Пушкина «Ночь».

257. Наше время. 1892. № 14 (18 июля). С. 223. В состав цикла «Вечерние думы» под цифрой II.

С-96 (5). С. 54.

***258.** Сб. «Нивы». 1892. № 10. С. 87.

С-96 (5). С. 57.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 170. Л. 4–4об. Варианты строк.

259. *КН.* 1892. № 2. С. 113.

С-96 (5). С. 60.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 85об. Набросок первых двух строф. По датировке соседних автографов время создания отрывка можно приблизительно отнести к 1891 г.

260. *НВ.* 1893. 5 декабря. С. 2.

С-96 (5). С. 61.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 173об. Набросок начальных двух строф, задуманный как первое стихотворение неосуществленного цикла под общим заглавием «Песня фантастики».

261. *НВ.* 1893. 30 мая. С. 2. В составе цикла «Из монологов», под цифрой II, вместе со стихотворением «Сегодня в сердце — праздник нежный...» (I). В *С-96 (5)* печатаются отдельно.

С-96 (5). С. 63.

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 169. Л. 12. Набросок начальных 6 строк.

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 169. Л. 11. Варианты строк: *10.* Те чувства, те мечты, погасшие [впотьмах] в сердцах; *12.* [Потерянных идей, потерянной скрижали...].

262. *НВ.* 1894. 24 июля. С. 2.

С-96 (5). С. 71.

263. *НВ.* 1894. 26 июня. С. 2. С датой под текстом: «1894 г. Июнь».

С-96 (5). С. 72–73.

Перепечатано: *ИСРП (темы).*

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 102. Л. 3. С датой под текстом: «1894 г. Июнь».

Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 102. Л. 2. С датой под текстом: «1894 г.».

264. *НВ.* 1894. 14 августа. С. 2.

С-96 (5). С. 80–81.

265. *С-96 (5).* С. 84.

266. Наше время. 1893. № 11 (14 марта). С. 173.

С-96 (5). С. 89.

267. *КН*. 1894. № 5. С. 44.
С-96 (5). С. 96.
***268.** *КН*. 1892. № 1. С. 150.
С-96 (5). С. 108–109.
Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 3–4. Другая редакция.
Перепечатано: *МП*.
***269.** *С-96 (5)*. С. 110–111.
Перепечатано: Амур. Художественный сборник, посвященный поэзии любви. СПб., 1905.
Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 169. Л. 6об. Варианты строк.
Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 3. С датой под текстом: «1893 г.». Варианты строк.
270. Север. 1892. № 7 (16 февраля). Стлб. 391–392.
С-96 (5). С. 117.
Перепечатано: *ИСРП-3*.
Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 155об. С датой под текстом: «1892 г. Январь». Варианты строк: *1*. Сон благодатный сойди! Молча, без грез я страдаю; *4*. Свеча догорает… Сойди, сон благодатный, — Аминь!
271. Труд. 1892. № 4. С. 92–93.
С-96 (5). С. 147–148.
Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 3–3об. С датой под текстом: «1892 г. Февраль 17».
272. *НВ*. 1895. 30 июля. С. 2.
С-96 (5). С. 154–155.
273. *НВ*. 1895. 2 июля. С. 2.
С-96 (5). С. 156–157.
***274–275.**
1. *НВ*. 1895. 27 августа. С. 2. В составе цикла «Осенние мелодии» под цифрой I.
С-96 (5). С. 158.
Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 104. Под заглавием «Желтые листья». Вне цикла, как самостоятельное стихотворение. С датой под текстом: «1895 г. 18 августа». Варианты строк.
2. *НВ*. 1895. 27 августа. С. 2. В составе цикла «Осенние мелодии» под цифрой II.
С-96 (5). С. 159.
276. Труд. 1894. № 2. С. 298.
С-96 (5). С. 162–163.
***277.** *ВИ*. 1894. № 1352 (24 декабря). С. 543.
С-96 (5). С. 172–173.
Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 102. Л. 20. С датой под текстом: «1894 г. Август». Варианты строк.
Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 170. Л. 5. Варианты строк: *15*. О благодати в небесах.
Некоторые образы и мотивы этой поэтической проповеди, вероятно, восходят к заключительному пассажу книги Ф. В. Фаррара «Жизнь Иисуса Христа», с которой Фофанов был знаком. См. запись в дневнике от 5 октября 1886 г.: «Мне можно много будет подчерпнуть из этой художественной книги» (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 114). Ср.:

«Отойдя от нас, Он дал нам в духе Святом возможность еще ближе чувствовать Его соприсутствие <…> Мы всегда можем, и особенно в молитве, быть ближе к Нему, чем даже возлюбленный ученик, когда он склонял голову свою на грудь к Нему. Слово Божие близко к нам, даже в устах наших и в сердцах наших. <…> Всем, кто слушать хотят, Он говорит еще и теперь. Он обещался быть с нами всегда, даже до скончания мира, и обетование Его непреложно» (Фаррар Ф. В. Жизнь Иисуса Христа: В 2 т. Т. 2. М., 1999. С. 347).

Образ воскресшего Христа перекликается с описаниями из «Откровения Иоанна Богослова» (Откр. 4, 3). Заключительная фраза о *«падших»*, *«гонимых»* и *«обесславленных темницах»* отсылает к известным словам из «Евангелия от Матфея»: «…Ибо алкал Я, и Вы дали мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; Был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне» (Мф. 25, 35–36). Е. Е. Завьялова относит этот текст Фофанова к группе так называемых «богомыслий», интерпретирующих библейский источник в подчеркнуто субъективном ключе (*Завьялова 2006*. С. 110–111).

ИЛЛЮЗИИ (1900)

Готовность издать новый, после выхода *С-96*, сборник стихотворений созрела у Фофанова уже в середине 1897 г. Этой новостью он и спешит поделиться с Жиркевичем в письме от 30 мая: «Уже набрался большой новый том, под названием “Иллюзии”» (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича). 23 января 1898 г. он вновь делится с другом издательскими замыслами: «Думаю собрать новый том моих стихов под названием “Иллюзии”. Но это еще в проекте» (Там же). Наконец, в письме к тому же адресату от 16 февраля 1900 г. он сообщает об этом «проекте» как о свершившемся факте: «Новая книга моих стихотворений под названием «Иллюзии» будет издана с портретом моим, гравированным с портрета, писанного И. Е. Репиным 12 лет тому назад. Книгу обещали издать вообще очень изящно и даже обложку ее обещались делать иллюстрированную в Париже. Эту книгу я посвящаю жене моей…» (Там же).

О корпусе текстов, изначально присланных поэтом в типографию А. С. Суворина для публикации в составе «Иллюзий», сохранились сведения в письме метранпажа М. Александрова к автору сборника от 11 мая 1900 г. Он просит уведомить его, в одной или двух книгах поэт планирует издавать свой новый сборник стихотворений, и напоминает: «Всех тетрадей у нас четыре: 1 и 2 — “Иллюзии”, 3 — “Поэмы и баллады”, 4 — “Барон Клакс”» (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 514. Л. 1). В итоге, все указанные здесь разделы и образовали общую структуру сборника, который было решено издавать в одном томе, поделив его на две больших части: «Иллюзии» и «Поэмы и баллады».

5 июня 1900 г. Фофанов информирует Жиркевича: «Книжка моих “Иллюзий” уже печатается. Прокорректировал уже двенадцать листов» (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича). Наконец, 19 сентября 1900 г. он сообщает о выходе в свет «Иллюзий» (Там же). А в письме от 6 марта 1901 г. с удовлетворением отмечает: «“Иллюзии” раскупаются очень недурно» (Там же).

В отличие от *ТТ* и *С-96* новый сборник вызвал значительный общественный резонанс, собрав богатый «урожай» рецензий и аннотаций,

что свидетельствует о всплеске читательского интереса к поэзии Фофанова на рубеже столетий. В подавляющем числе рецензий поэзия Фофанова рассматривается как характерная выразительница новых, модернистских умонастроений и стилевых поисков, в контексте общих тенденций развития «нового искусства». Причем, как правило, одни и те же тенденции получают у критиков «демократической» и «модернистской» школ диаметрально противоположные оценки.

В обширной рецензии П. О. Морозова [Северова] (Новости и Биржевая газета. 1900. 14 декабря. С. 2) Фофанов провозглашается самым ярким представителем настроений «нашего “сумеречного” времени». По мнению рецензента, уже в первых своих сборниках Фофанов «был “упадочником”, сам того не подозревая», «был декадентом в такое время, когда у нас о декадентах не было еще и помину. Он в своем бессознательном творчестве предвосхитил почти все позднейшие перлы нашей упадочной поэзии, — и “бледные ноги”, и “фиолетовые руки”, и многое другое, о чем в ту пору и во сне не снилось нашим мудрецам». Последний сборник, *Ил*, по мнению рецензента, лишь с большей отчетливостью и сознательностью обнаружил тенденции, подспудно вызревавшие в раннем творчестве поэта, сразу выдвинув автора на роль духовного лидера отечественной декадентской поэзии. «Мысль теряется в уродливых, вымученных, декадентских образах, создаваемых больным воображением, или приносится в жертву форме: то “сквозят” какие-то “колоннады арок”, то черви под землей добычу бренную “терзают” и в то же время говорят, что и для них цветут цветы, то кто-то “рукой незримою и сильной” треплет “узор зеленого плаща, как остов надмогильный”, то “льва изваянное тело цепенеет *без лица*” ради рифмы “у крыльца”, — то, наконец, является страшное виденье: “В его лице — загар пустынь, / Его хитон — *белей* простынь…”».

Решительно не приемлет в поэзии Фофанова поисков «новых путей» и Е. А. Соловьев [Андреевич], ведущий критик журнала «Жизнь». В своей рецензии на *Ил* (Жизнь. 1901. № 1. С. 253–255) обилие в сборнике «скучной, никчемной версификации» критик склонен возводить к «характерной и ничтожной черте нашего декадентства», которое поиски «новой идеи» нередко подменяет погоней за «новой формой», делая ее самоцелью творчества (С. 255). Фофанов как «законнейший, единокровный и единоутробный сын» эпохи 1880-х годов, увы, не способен, по мнению критика, подняться в своей поэзии до крупных исторических обобщений. Он как был, так и продолжает оставаться «поэтом маленькой человеческой души, бессильной, бьющейся в полном недоумении перед жизнью, бессильной для проклятия и гнева, бессильной для благословения. У него не хватает даже дерзости спросить: “За что?” Он просто говорит о гибели порывов, веры, надежд» (С. 254).

Более заинтересованно и сочувственно отнесся к проявлениям «упаднических» тенденций в поэзии Фофанова П. Ф. Якубович [Мельшин], еще один представитель демократической критики, откликнувшийся на сборник *Ил* подробной рецензией (*РБ*. 1900. № 11. С. 55–62). Не приемля в стиле Фофанова поисков «новой красоты» («то, что в его поэзии хорошо и красиво, — старо, а то, что претендует на “новую красоту”, далеко не красиво и не хорошо» — С. 58), Якубович, с присущей ему чуткостью, склонен расслышать в стихах автора *Ил* «больные, мистические струны, в искренности и естественности которых нельзя сомневаться» (С. 57). Заявляя, «что бывают декаденты и декаденты» (С. 57), рецензент проводит любопытные аналогии между стихотворениями Фофанова («Из

осенних мелодий», «Вечерняя звезда, звезда моей печали…» и др.) и мотивами поэзии Ш. Бодлера и П. Верлена, содержание стихов которых, особенно последнего, хотя и «граничило то с безумием, то с мерзостью, временами все-таки возвышалось до истинной поэзии, когда выливалось из сердца много грешившего, но и много страдавшего…» (С. 57). Безусловно, заслуживает внимания и интерпретация Якубовичем репинского портрета Фофанова, которым открывается весь сборник. По мнению рецензента, изображенный на нем образ юноши «со скелетообразным лицом и безумно-вдохновенным взором» (С. 59) как нельзя лучше гармонирует с «декадентским» пафосом всего сборника, как бы представляя «ключ» к истолкованию его основных тем и мотивов.

Переходя к оценкам *Ил* в стане раннемодернистской критики, следует отметить их более спокойный и взвешенный тон по сравнению с отзывами критиков, придерживающихся традиционалистских взглядов. Так, историзмом в понимании критериев оценки поэтического стиля Фофанова отличается рецензия И. Ясинского (*ЕС*. 1900. № 10. С. 181–184). Такие типичные для Фофанова стилевые аномалии, как каламбурные рифмы («Вечерний луч… Но лишь *погаснет* / Заря — и на стене *тотчас нет* / Ни лучезарного пятна…»), «все эти “львенки” вместо “львята”, и “кузнечков” вместо “кузнечиков” и “брызнь, брызнь” (рифма к “жизнь”), и многое другое», что «в восьмидесятых годах» обошло бы «все юмористические журналы», теперь, утверждает рецензент, воспринимается как «особенность фофановского дарования», «нечто в роде бородавки на прекрасном лице» (С. 183). Ясинский считает стихотворение «Ищите новые пути…» законным выражением истинного пафоса поэзии Фофанова, называя последнего «предшественником Бальмонта», т. к. именно с его творчеством в 1880-е годы была связана «победа звонкого стиха над размеренною прозою» некрасовского извода (С. 183).

Как бы в продолжение этих раздумий свою концепцию творческой личности поэта предлагает В. Розанов (*ИлПНВ*. 1901. 14 февраля. С. 10): «Фофанов — дитя мира. Вся его прелесть — в природности, этом редком, почти всеми теперь утерянном качестве. Что такое природа в противоположность не искусству, а искусственному? Природа — полнота — без исключений. Начали исключать — и получилось искусственное; начали подбирать одно хорошее в самой природе — и получилось искусство. И вот в видах этой полноты мы не можем подойти с упреком ни к одной его строчке».

В рецензии Д. Шестакова (*МИ*. 1901. № 11–12. С. 321–322) впервые (задолго до известного некролога Брюсова) поставлен вопрос о «раздвоенности» лирического «я» поэзии Фофанова: «Один — поэт примирения, другой — поэт разрушения. Один мечтательно всматривается в стихийную грусть природы, другой резко рвется участвовать в ее стихийных бурях и борьбе. Один чутко пересказывает тайны сердца и жизни, не решаясь вдаваться в их истолкование; другой пытается быть мыслителем, не только наблюдающим, но и объясняющим мир» (С. 321). «Указанной двойственностью творчества г. Фофанова объясняется и то обстоятельство, что небольшие вещи удаются ему чаще более или менее обширных, лирические стихотворения — чаще поэм» (С. 322).

278. *ЖО*. 1896. № 6 (4 февраля). С. 123.
Ил. С. III.
Перепечатано: Чтец-декламатор. Киев, 1916.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 175. Л. 15. В составе первых трех строф.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 175. Л. 14. На обороте листа надпись: «Эту книгу “Иллюзий” посвящаю жене моей Лидии — Автор».

О жене Фофанова — Лидии Константиновне, урожденной Тупыловой, см. примеч. 3.

Стихотворение вписывается в контекст новой философии творчества, исповедуемой символистскими кругами на рубеже веков (подробнее об этом см. вступительную статью). Эту программную тенденцию открывающего сборник текста точно почувствовал и негативно оценил П. Ф. Якубович: «Довольно красивые стихи, не правда ли? Но причем тут «оковы мира», «вечные розы» (?), «исчерпанные до дна мечты»? Не ради ли только рифмы пущены они в ход? Насколько можно понять стихи, в них идет речь о поисках пресловутой «новой красоты» и «новых путей» в искусстве. По правде сказать, поиски эти, сопровождаемые кликушескими воплями и криками, порядком всем надоели и набили оскомину…» (*РБ*. 1900. № 11. С. 58).

Иллюзии

***279.** *НВ*. 1896. 7 июля. С. 2.

Ил. С. 1–2.

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 175. Л. 4. Под заглавием: «Иллюзия». Ранняя редакция.

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 175. Л. 6–6об. Без заглавия. Редакция *С-96*. Варианты строк.

«Иллюзии» — оригинальный парафраз на тему «Ты знаешь край?», знаменитого лейтмотива песни Миньоны из романа Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера». Вольные переводы и вариации этой песни создали В. А. Жуковский, Ф. И. Тютчев, А. К. Толстой и др. Кроме того, в ритмическом и строфическом рисунке стихотворения ощутимо влияние «Певца» А. С. Пушкина (1816).

Идею этого программного стихотворения Фофанова Е. З. Тарланов соотносит с эстетическими декларациями О. Уайльда: «Тем, кто не любит Платона за его запрет истине переходить порог Академии, как и тем, кто не любит красоту более истины, сокровенные святыни искусства недоступны… Ложь как сообщение прекрасной фикции есть к конце концов подлинная цель искусства» (Цит. по: *Тарланов 2001*. С. 167. Перевод автора).

280. *НВ*. 1896. 25 августа. С. 2.

Ил. С. 3.

И в самом хаосе живые пути… — Мысль о преображении Хаоса силой творящего Слова предвосхищает идеи теургической эстетики младосимволистов. Ср., например, со следующим пассажем из статьи А. Белого «Магия слов» (впервые была прочитана в форме доклада в 1909 г.): «Сама живая речь есть непрерывная магия; <…> *словом* я подчиняю явление, покоряю его; творчество живой речи есть всегда борьба человека с враждебными стихиями, его окружающими; слово зажигает светом победы окружающий меня мрак». (Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 132). Этот же тезис утверждается в финале статьи: «И потому-то новое слово жизни в эпохи всеобщего упадка вынашивается в поэзии. Мы упиваемся словами, потому что

сознаем значение новых, магических слов, которыми вновь и вновь сумеем заклясть мрак ночи, нависающий над нами. Мы еще живы — но мы живы потому, что держимся за слова». (Там же. С. 142) См. также сходные представления о «магической» функции Слова, высказанные в статьях А. Блока «Поэзия заговоров и заклинаний», В. Иванова «Наш язык» и др.

281. *НВ*. 1896. 5 мая. С. 2.

Ил. С. 4.

282. *НВ*. 1897. 30 марта. С. 2. С датой под текстом: «1897 г.»

Ил. С. 5–6.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 110. Л. 6. С датой под текстом: «1897 г. Март». Варианты строк: *4*. Взял я холод от волны; *8*. В дни счастливой тишины; *12–13*. Унесла меня ладья / По кипению зыбей.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 7. Без даты.

283. *НВ*. 1896. 6 октября. С. 2.

Ил. С. 8–9.

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 2. Без заглавия. С датой под текстом: «21 сентября 1896 г.». Варианты строк: *1*. В [прозрачном] осеннем холоде сентябрьского дня; *18*. Развенчанной весны воскреснувшую тень.

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 7. Без заглавия. С датой под текстом: «1896 г.».

Прощай до вешних дней, суровая краса <...> *Прощайте, небеса!* — цитата из стихотворения Е. А. Баратынского «Осень». Ср.: «Прощай, прощай, сияние небес! / Прощай, прощай, краса природы!» (Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений. СПб., 2000. С. 265).

284. *НВ*. 1896. 22 декабря. С. 3. С датой под текстом: «19 декабря 1896 г.»

Ил. С. 10.

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 181. Л. 37. Под заглавием: «А. В. Ж.» Набросок первых трех строк. Ранняя редакция. Варианты строк. *2–3*. Скучал неволею вериг. / Судьба была ему гонитель.

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 9. С первоначальным заглавием «Небожитель», исправленным на «Стансы». С посвящением: «А. В. Ж.». С датой под текстом: «1896 г. 18 декабря».

Автограф — в письме к А. В. Жиркевичу от 25 декабря 1896 г. (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича). С посвящением: «Посвящается Ал<ександру> Вл<адимировичу> Жиркевичу». С датой под текстом: «1896 г. Декабрь». О Жиркевиче см. примеч. 110.

Как следует из письма Фофанова к А. В. Жиркевичу от 14 декабря 1896 г. (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича), «Стансы» были написаны после перенесенной поэтом осенью 1896 г. тяжелой болезни и первоначально были посвящены Жиркевичу, много сделавшему для выздоровления поэта. При публикации в «Новом времени» посвящение было снято по просьбе Жиркевича, не пожелавшего афишировать свою благотворительность.

285. *НВ*. 1897. 6 апреля. С. 2.

Ил. С. 20–21.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 176. Л. 1–1об. С датой под текстом: «1897 г. 30 Марта».

286. *НВ*. 1896. 27 октября. С. 2.

Ил. С. 22.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 9. С датой под текстом: «1896 г.»

287. *НВ*. 1895. 3 декабря. С. 2. Под заглавием «Безумная».
Ил. С. 23–24.
288. *НВ*. 1897. 14 сентября. С. 2.
Ил. С. 25.
Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 111. Л. 22об. Без заглавия. С датой под текстом: «1897 г. 4 августа». Варианты строк: *3*. День осенний смотрит отблесками матового света.
Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 113. Л. 6. Под заглавием: «Осенью веет». С датой под текстом: «1897 г.».
289. Нива. 1897. № 39. С. 926.
Ил. С. 27.
Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 111. Л. 15. С датой под текстом: «1897 г. Июль».
290. Север. 1895. № 38. Стлб. 1490. Цензурное разрешение: 22 сентября 1895 г.
Ил. С. 33.
291. *Ил*. С. 36.
292. *НВ*. 1896. 14 января. С. 2.
Ил. С. 37–38.
Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 175. Л. 16. Под заглавием: «Июнь». Пятое и шестое четверостишие дописаны позднее, после авторской подписи.
293. *НВ*. 1898. 21 июня. С. 2. С датой под текстом: «1898 г. Июнь».
Ил. С. 42–43.
Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 177. Л. 10. С датой под текстом: «1898 г. 9 июня».
294. *НВ*. 1898. 21 июня. С. 2.
Ил. С. 45.
Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 174. Л. 12. В составе диптиха под цифрой I вместе с «Говори, говори, не смолкай — говори…» (II). Второе стихотворение не опубликовано. Диптих, вероятно, имел автобиографический характер и был адресован жене поэта, Л. К. Фофановой.
295. *НВ*. 1897. 13 апреля. С. 2. В составе цикла «Из весеннего альбома» под цифрой I.
Ил. С. 49.
Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 174. Л. 13. В составе цикла «Из весеннего альбома» под цифрой II, вместе с «Весенний день пронизан ясным светом…» (I). В *Ил* оба текста опубликованы отдельно, как самостоятельные стихотворения.
296. *НВ*. 1897. 13 апреля. С. 2. В составе цикла «Из весеннего альбома» под цифрой IV.
Ил. С. 52.
Ни звука, ни страсти в душе умиленной… — реминисценция из поэмы Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос». Ср.: «Ни звука! Душа умирает / Для скорби, для страсти. Стоишь / И чувствуешь, как покоряет / Ее эта мертвая тишь». (Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т. 4. Л., 1982. С. 108).
297. Север. 1898. № 14 (5 апреля). Стлб. 429–430. С подзаголовком: «К Л. Ф.» Посвящено жене, Лидии Фофановой.
Ил. С. 65.
Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 174. Л. 11.

298. *ЛПН*. 1897. № 3. Стлб. 527–528.
Ил. С. 66.
Первые две строфы — парафраз стихотворения А. А. Фета «Вечер»: «Прозвучало над ясной рекою, / Прозвенело в померкшем лугу, / Прокатилось над рощей немою, / Засветилось на том берегу» (Фет А. Стихотворения и поэмы. Л., 1986. С. 176).
299. *Ил*. С. 77–78.
Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 116. Л. 12. С датой под текстом: «1898 г.». Стихотворение посвящено жене поэта.
Бонбоньерки — изящные коробочки для конфет.
300. *Ил*. С. 84.
301. *НВ*. 1899. 18 июля. С. 2. С датой под текстом: «1899 г.».
Ил. С. 88.
302. *Ил*. С. 97.
Перепечатано: *ИСРП-3*.
303. *НВ*. 1898. 15 ноября. С. 2.
Ил. С. 99.
Перепечатано: *ИСРП-3*.
Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 176. Л. 6. Под заглавием: «Осеннее ноктюрно». С датой под текстом: «1898 г. 29 октября».
По свидетельству Ф. Ф. Фидлера, стихотворение было прочитано Фофановым 30 октября 1898 г. на квартире К. К. Случевского — в день открытия его «пятниц», причем две заключительные строки удостоились особого одобрения присутствующих (*Фидлер 1916*. С. 2). Автокомментарием к ним может служить следующий отрывок из рабочей тетради поэта: «Созерцая, человек как будто сам с ней (природой — *С. С.*) сливается нераздельно и безгранично. И его самопознание как бы уменьшается, теряется в безграничном бытии. Кругозор его забот суживается и он как бы спит без сновидений. Тогда-то и наступает полнейшая фаза его бытия, его приобщение с природой и… со всепроникающим разумом» (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 396. Л. 1).
304. *Ил*. С. 105.
Стихотворение открывало задуманный поэтом цикл «Романсеро. Romanzero». Кроме начального стихотворения, в цикл входили следующие тексты: II. «Я не снимаю забрала…»; III. «Где ты видела, чтоб рыцарь…» (см. № 305); IV. «Мне сегодня скалы снились…»; V. «Все обнаженное дерево тощее…»; VI. «Мне давно в тебе являлись…»; VII. «Три колдуньи…». (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 176. Л. 10–11об.) Цикл так и остался в рукописи, с явными следами незавершенности (от текста под цифрой VII сохранился только обрывок первой строки). В *Ил* как самостоятельные стихотворения были напечатаны тексты I, III, IV и VI. Остальные не были опубликованы вовсе.
Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 176. Л. 10. В составе цикла «Романсеро. Romanzero» под цифрой I.
Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 175. Л. 3. Вне цикла, как самостоятельное стихотворение.
305. *Ил*. С. 106.
Перепечатано: *ИСРП-3*.
Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 176. Л. 10об. В составе цикла «Романсеро. Romanzero» под цифрой III (см. примеч. 304).
306. *НВ*. 1898. 28 июня. С. 2. С датой под текстом: «1898 г. Июнь»
Ил. С. 116–118.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 14–15. С подзаголовком: «Эскиз». С датой под текстом: «1898 г. 12 июня».

Играют дети в бельбокэ… Бельбоке (современное написание: «бильбоке») — детская игра, смысл которой заключается в том, чтобы шариком, прикрепленным длинным шнурком к палочке, попасть либо на острие палочки, либо в чашечку на противоположном ее конце.

307. Север. 1895. № 51 (23 декабря). Стлб. 2023–2024.

Ил. С. 126–127.

308. *Ил.* С. 130–131.

309. СВ. 1898. № 5. С. 154.

Ил. С. 146.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 220. Без заглавия. В составе первого и четвертого четверостиший. Второе и третье четверостишия дописаны позднее, после авторской подписи.

Текст полон аллюзионными и цитатными перекличками со стихотворениями Ф. И. Тютчева «Весенние воды», «Весенняя гроза», «Как неожиданно и ярко…». Ср. со строчками из последнего текста (о радуге): «Она полнеба обхватила / И в высоте изнемогла…» (Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. и писем: В 6 т. Т. 2. М., 2003. С. 150).

310. *СВ*. 1897. № 7. С. 42.

Ил. С. 152.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 110. Л. 10. Без заглавия. С датой под текстом: «15 апреля 1897 г.».

311. *КН*. 1896. № 1. С. 170.

Ил. С. 161–162.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 177. Л. 7. Варианты строк: *11.* Из светлых рек волшебные узоры; *17.* Напрасно ум стремился к неземному; *19–20.* Жизнь без борьбы, и без любви — истому / И вечность без тревог.

312. *КН*. 1897. № 5. С. 74–75.

Ил. С. 165–166.

313. Осколки. 1898. № 49 (5 декабря). С. 3. Варианты строк: *1–2.* Сумерки шире искали / Мрак и покров для ночлега.

Ил. С. 168.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 116. Л. 13. В составе трех первых четверостиший. С датой под текстом: «1898 г.». Четвертое четверостишие дописано позднее, после проставленной даты. Варианты строк: *1–2.* Сумерки шире все ткали / Мрак и покров для ночлега.

314. *НВ*. 1895. 12 марта. С. 2.

Ил. С. 181.

315. *НВ*. 1895. 24 сентября. С. 2.

Ил. С. 182.

***316.** *КН*. 1897. № 11. С. 51–52.

Ил. С. 185–186.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 176. Л. 7. С датой под текстом: «1897 г. 16 Сент<ября>». Варианты строк.

317. *ЛПТПГ*. 1899. 31 октября. С. 3. С датой под текстом: «1899 г.».

Ил. С. 202.

С ритмикой и смыслом этого стихотворения Фофанова перекликаются строки стихотворения Ф. Сологуба «Томленья злого…» (1898). Отмечено Е. Е. Завьяловой (*Завьялова 2006*. С. 143).

318. *КН*. 1898. № 7. С. 144.

Ил. С. 218–219.
Перепечатано: *АСП-12*.
Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 175. Л. 1.
Ритмика и строфика стихотворения современниками были восприняты в контексте стиховых экспериментов символистов. В частности, П. Ф. Якубович (Мельшин) отмечал: «Судя по последним строчкам, можно думать, что в основе стихотворения лежало искреннее чувство, но что же вышло из него у г. Фофанова? Совершенно недостойное талантливого поэта ломание и кривляние в ложно-декадентском стиле» (*РБ*. 1900. № 11. С. 57).
***319.** *КН*. 1896. № 4. С. 82–83. Варианты строк: *19*. Радость и солнце нами позабыты
Ил. С. 234–235.
Перепечатано: *АСП-12*.
Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 4–4об. С датой под текстом: «1896 г.». Варианты строк.
320. *ЖО*. 1898. № 14 (5 апреля). С. 281.
Ил. С. 240–241.
321. *ЖО*. 1898. № 36 (6 сентября). С. 714.
Ил. С. 247–248.
Перепечатано: *АСП-12*.
Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 177. Л. 5. Без заглавия. С датой под текстом: «1898. 21 августа».
322. *ЛПН*. 1899. № 10. Стлб. 329–330.
Ил. С. 251–252.
Перепечатано: *АСП-12*.
323. Север. 1898. № 4 (25 января). Стлб. 99.
Ил. С. 256.

Поэмы и баллады

324. *НВ*. 1897. 7 сентября. С. 2. С датой под текстом: «1897 г.»
Ил. С. 278–281.
Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 176. Л. 8–8об. В составе первых пятнадцати четверостиший. Варианты строк. *34–36*. С железным костылем, / В тяжелых рукавицах / Под белым башлыком
Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 111. Л. 18. В составе четырех заключительных четверостиший. С датой под текстом: «1897 г. 14 августа».
325. *НВ*. 1898. 16 августа. С. 2.
Ил. С. 282–284.
326. *Ил*. С. 303–311.
Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 243. Л. 4–7. Без заглавия. С авторским примечанием над текстом: «Наброски».
Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 243. Л. 1–7. С датой под текстом: «1897 г. 24 октября. Гатчина». Варианты строф: *27*. Отсутствует; *38*. Отсутствует.

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВКЛЮЧЕННЫЕ В СБОРНИКИ. НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

В настоящем томе «Новой библиотеки поэта» публикуется значительно расширенная по сравнению с изданием 1962 г. подборка стихотворений,

не вошедших в прижизненные сборники К. М. Фофанова. Исходя из логики творчества поэта, решено разделить весь массив текстов на две части. В первой публикуются стихотворения, выходившие в свет по отдельности параллельно с авторскими книгами стихов 1881–1900 гг. и, таким образом, служащие своеобразным дополнением к ним. Во второй части собраны тексты, опубликованные в 1901–1911 гг. и, в силу отсутствия в это время авторских сборников, являющиеся единственным полноценным источником представлений о поздней поэзии Фофанова. По этой причине именно этот, последний раздел представлен в настоящем издании с максимальной полнотой. В него включено 131 стихотворение. В первый раздел вошло 71 стихотворение. Среди этих текстов находится 7 стихотворений, ранее не опубликованных. Они печатаются по автографам, хранящимся в архивном фонде поэта (РГАЛИ).

1881–1900

***327.** Русский еврей. 1881. № 28. Стлб. 1111. Под псевдонимом «Комифо». В «Справочной книжке К. М. Фофанова» сохранилась следующая запись: «Первое напечатанное стихотворение мое помещено в “Русском Еврее” за 1881 г. в № 28, 8 июля. (В этот день каждогодно буду справлять имяннины (sic! — *С. С.*) Музы). Под этим стихотворением подписан мой псевдоним: «Комифо». (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 1).

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 24–24об. Без подзаголовка. С датой под текстом: «1880 г. Март». Варианты строк.

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 26. Без подзаголовка. С датой под текстом: «1880 г. Март».

Автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 3–4. С датой под текстом: «1880 г. Март». Под ней авторское примечание: «(Напечатано в «Русском Еврее» за 1881 г. 8-го июля в № 28 под псевдонимом Комифо). *Первое* напечатанное стихотворение».

Автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 25. С примечанием после подзаголовка: «(Комифо)». С примечанием под текстом: «Было в 1881 г. 8 июля Русский еврей № 281».

Источник — вольная интерпретация проповеди Моисея, дарующего иудеям Закон. Соответствующего отрывка во Второзаконии не существует. Номер главы указан произвольно. Поэт сохранил лишь самый общий дух заветов, переданных Моисеем.

К. К. Олимпов так передает историю публикации первого стихотворения Фофанова: «Вступлению на литературное поприще помогла случайность. У отца был знакомый молодой человек, поклонник его, Самуил Рапопорт, писавший в журнале “Шут” юмористические и сатирические вопросы и ответы. Самуил Рапопорт происходил из еврейской достаточной семьи, брал уроки латинского яз<ыка> у [1 сл. нрзб.] Бермана, редактора “Русского еврея”. <.... > Берману была доставлена Рапопортом тетрадь стихотворений отца, из которой было выбрано для печати стих<отворение> “Сосуд с целебною водою Иордана”. Цензура не дозволяла печатать, тогда отец озаглавил: “Библейские мотивы” и привел эпиграф из Второзакония, открыв наудачу страницу Библии. Фамилию скрыл под псевдонимом КОМИФО, из начальных слогов имени, отчества и фамилии, чтобы укрыться на случай от цензуры. Передано стихотворение было в мае 1881 г. и обещано в двухнедель-

ный срок напечатать. Назначенный срок истек. Отец терял надежду на появление в печати. 8 июля, прогуливаясь в меланхолическом размышлении по Никольскому саду, встречает Рапопорта, который восторженно вручает два номера журнала "Русский еврей" с напечатанным стихотворением. <…> В ближайшее воскресенье пошел отец в контору журнала и получил первый гонорар 2 р. 80 к., на который впервые снялся в фотографии» (РГАЛИ. Ф. 1718. Оп. 3. Ед. хр. 31. Л. 9–12).

328. Печатается впервые; по автографу: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 64. Без даты. Условно может быть датирован 1882 г., поскольку размещается среди текстов, помеченных этой датой.

329. Новь. 1886. № 18 (15 июля). С. 81

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 81. Л. 12. Без заглавия. С датой под текстом: «1885 г. 25 сент<ября>».

Возможно, реминисценция из стихотворения Г. Гейне «Нет, красавица, не верю…» из цикла «Анжелика» (сб. «Новые стихотворения», 1844). Ср. заключительные строки:

Diese braungestreifte Lüge,
Streif sie ab; ich liebe dich.
Laß dein weißes Herz mich küssen —
Weißes Herz, verstehst du mich?
(Heine H. Neue Gedichte. Hamburg, 1844. S. 79)

Скорее всего, Фофанов был знаком с этим стихотворением Гейне по переводу А. Я. Мейснера. Ср.:

Перестань, оставь скорее
Расцвеченное вранье;
Пусть я лучше расцелую
Сердце белое твое.
Горячо я расцелую
Сердце, полное огня,
Сердце белое, заметь же! —
Поняла ли ты меня?
(Гейне Г. Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 2 / Под ред. П. В. Быкова. СПб.; М., 1900. С. 34).

Та же редакция перевода Мейснера (без последнего четверостишия) была опубликована в изд.: Гейне Г. Полн. собр. соч.: В 6 т. Т. 5. / Под ред. П. Вейнберга. СПб., 1904. С. 189.

Гейневские мотивы были настолько характерны для поэзии Фофанова, что даже ввели в заблуждение П. Краснова, приписавшего поэту публикацию некоторых переводов из «Книги песен» в изданиях 1893 и 1897 гг. под ред. П. В. Быкова (См.: Краснов П. Переведенный Гейне // *КН*. 1898. № 6. С. 181). Данное обстоятельство вынудило Фофанова написать 19 июня 1898 г. письмо-опровержение редактору «Книжек "Недели"» (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 503. Л. 1–2)

330. *ЖО*. 1886. № 39 (28 сентября). С. 195.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 26. С датой под текстом: «1880 год». Варианты строк: *7–8*. А звезда горит и млеет, / Переливным светом блещет; *11*. Отражаясь в луже грязной

Авторизованный список: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 11.

331. *РБ*. 1887. № 3. С. 118.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 8 об. В составе цикла: «Погасли прекрасные звезды…» (I); «Сердце мое задремало

печальное…»(II); «Умирала лилия лесная…» (III). С датой под циклом: «1887 г. Март». Второе стихотворение из данного цикла осталось в рукописи, а третье опубликовано как самостоятельное в *С-89*.

332. *ЖО*. 1887. № 34 (23 августа). С. 115.

333. *ЖО*. 1888. № 1 (3 января). С. 3.

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 20. Вероятно, самый ранний по времени набросок начальных четырех и заключительных восьми строк стихотворения.

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 144об. Варианты строк: *13–16*. Отсутствуют.

***334.** *Н*. 1888. № 3. С. 38.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 82. Л. 1–4 об. Под заглавием: «Бог Иудеи». С датой под текстом: «5 сентября 1885» (описка в годе). С разбивкой на четверостишия. Сохранился конверт с надписью: «Рукописи. (Таинство любви). Черновик первый». На нем карандашом надпись: «Бог Иудеи. Нап<исано> 4 сент<ября> 1886 г.» (Там же. Л. 10). Варианты строк.

Автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 82. Л. 5–8. Под заглавием: «Торжество любви». Под ним зачеркнутое заглавие: «Таинство любви». С разбивкой на четверостишия. С примечанием под текстом: «Наблюдатель. 1888 г. № 3».

Автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 82. Л. 8–9об. Под заглавием: «Торжество Любви (Таинство любви)». С разбивкой на четверостишия. С примечанием под текстом: «Было помещено в журнале “Наблюдатель” (см. 1888 г. Март, кн. III), за что подверглося оглашению Церкви и запрету журнала на полгода. 1909 г. 14 июня. СПб.».

Список (неизвестной рукой): РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 82. Л. 11–12. Под заглавием: «Таинство любви». Без разбивки на четверостишия.

Ранняя дата создания стихотворения выясняется из дневника Фофанова. Запись от 4 сентября 1886 г.: «Утром написал стихотворение под названием “Бог Иудеи”. Мне кажется, оно смело, и цензура не пропустит его; читал это стихотворение кое-кому — и все находят его резким, но резкость, по-моему, здесь в новизне, и только» (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 108). Запись от 8 сентября 1886 г.: «Переменил название, назвал “Торжество любви”. Это вернее выражает ту идею, которую хотел я высказать в этом стихотворении» (Там же. Л. 109).

Тем не менее, опасаясь санкций церковной цензуры, издатели долго не решались опубликовать «Торжество любви». Оно не вошло ни в *С-87*, ни в последующие сборники поэта. По переписке Фофанова можно заметить, как настойчиво он готовил общественное мнение к восприятию стихотворения. Так, в письме к некоему «Владимиру Владимировичу» от 1 июля 1887 г. Фофанов уверяет корреспондента: «Идея, мне сдается, должна понравиться Вам. Эту пиесу хвалили очень многие как по исполнению, так и по замыслу»; при этом Фофанов утверждает, что «верует по-своему» и надеется, что его вера «не греховна», ибо она — «от Творца». (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 499. Л. 4). Здесь же он, сообщая о своих творческих планах, пишет, что «Торжество любви» впоследствии должно войти в задуманную им стихотворную книгу «Божественные легенды» (Там же. Л. 4).

Первым и последним, кто отважился на публикацию «Торжества любви», был редактор-издатель «Наблюдателя» А. П. Пятковский. Но и он, чтобы обезопасить себя от обвинений в ереси, скорее всего, по собственной же инициативе решил изменить заглавие стихотворения. В

письме к А. В. Жиркевичу от 18 марта 1888 г. Фофанов, отмечая, что само стихотворение напечатано Пятковским «без всяких цензурных урезок», тем не менее, выразил недовольство переменой заглавия: «Вместо “Торжество любви” напечатано “Таинство любви”. Как нравится Вам это название? По-моему, оно просто безобразно. Если читатель будет под впечатлением “Любви” Нотовича, то упростит название “Таинство любви” в более понятное: “Совокупление”. Не правда ли, ведь это почти что так и есть. Цензура в этом случае поистине попала из огня да в полымя. Во всяком случае, я доволен Пятковским. Ему стоило, говорят, больших трудов, чтобы провести в печать одно из лучших моих стихотворений» (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича). Словно угадав эти мысли поэта, Жиркевич во встречном письме к нему от 22 марта 1888 г., не скрывая восхищения стихотворением, добавляет, что тоже неприятно был удивлен заглавием: «Но — что за бессмысленное название?! <…> Едва ли цензура могла сделать такую непонятную глупость; не опечатка ли это редакции?» (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 556. Л. 27–27об.)

Как вскоре выяснилось, редакторская смелость Пятковского дорого ему обошлась. Указом министра внутренних дел Д. А. Толстого от 14 мая 1888 г. за публикацию стихотворения Фофанова, «отличающегося возмутительным кощунством» (Цит. по: *ЛН*. Т. 22–24. С. 533), выпуск журнала был приостановлен на 6 месяцев. «Все стихотворение представляется каким-то диким бредом, — письменно докладывал 14 мая Д. А. Толстой Александру III. — Автор дерзнул коснуться в нем величайшего таинства православной веры — архангельского благовестия о воплощении сына Божия от девы Марии и Святого духа и исказил его в языческом смысле. Самое заглавие стихотворения “Таинство любви” придает ему ненавистный для христианина смысл» (Там же. С. 534).

Святейший Синод на специальном заседании собирался вынести решение об отлучении автора стихотворения от церкви. Вот как передает в дневнике ход этого бурного обсуждения архиепископ херсонский и одесский Никанор (Бровкович): «Поднимает речь владыка московский Иоанникий, что “вот откуда-то он получил это стихотворение. Боже мой! Что же это? Может ли что-либо быть ужаснее, нахальнее, подлее? Что же мы? Ужели все это должны сносить молча?”

— Да, что же делать? — возражает К<онстантин> П<етрович> (Победоносцев, тогдашний обер-прокурор Синода — *С. С.*). — Я спрашиваю Феоктистова (бывшего начальника по делам печати): “Как это они пропустили?” А он и говорит, что обращал на это внимание своего цензурного комитета: а они все говорят, что ничего, можно.

— Да, Бог с ними со всеми, — возразил владыка московский, — не нужно нам гражданских казней. Государство не может или не хочет, это — его дело; но мы должны сделать свое. Я не знаю, как это начать. Как его, автора-то? Фофанов, что ли? Если он не православный, то и Бог с ним; если же православный, то чрез епархиального архиерея потребовать бы от него, чтобы отрекся от своего богохульства и отрекся публично, что и должен заявить. Если же не захочет, то предать его отлучению, что ли? Я знаю, что нас ругать за это станут. Но Бог с ними: пускай ругают! По крайней мере, я так смотрю на дело. <…>

— Но, подумайте, — говорит К<онстантин> П<етрович>, — что вы сделаете? Чего достигнем? К чему это поведет? Вы не следите за всем, что пишут. А подумайте, ведь все так пишут. Все идут против веры.

— Прекрасно, все; но нужно действовать не против всех, а против некоторых, наиболее отчаянных.

— Да они будут продолжать тоже, еще хуже! Нельзя всех ссылать.

Тут заговорил пр<еподобный> Герман:

— Оставьте церковь действовать ее собственными средствами. Почему это мы должны во всем обращаться к канцелярским способам? Подумайте, стоит ли гоняться за каким-либо Фофановым? Ведь, уж если выступать с анафемами и отлучениями, то это нужно торжественно делать, захватывать шире и глубже, ну, захватить Толстого, Пашкова, штунду и т. д. А то что такое Фофанов? Дело изучить нужно, обдумать основательно, и тогда начинать. <…>» (К. М. Фофанов и Святейший Синод // *Бвед*. 1911, вечерний выпуск. 25 июня. С. 4).

Таким образом, в Синоде не было единства по вопросу о мере наказания автора «кощунственного» стихотворения, на что чутко прореагировал в своем ироническом отзыве А. Н. Апухтин, вхожий в придворные круги. В частности, Жиркевич по этому поводу вспоминал: «Когда на Фофанова поднялись гонения за стихи, напечатанные в “Наблюдателе” о Боге и Богородице, то я пришел к покойному Апухтину, и он передал мне, что ходят слухи, будто бы духовенство хочет Фофанова предать проклятию или заключить для эпитимии в монастырь. При этом Апухтин добавил: “Что ж, Фофанов очутился в интересном обществе… У нас были до сих пор под проклятием церкви Гришка Отрепьев, Стенька Разин. А теперь будет и Костька Фофанов!”» (*ДЖ*. Т. 18. 6.10.1895) В итоге Святейший Синод так и не вынес никакого решения, но вызванные публикацией стихотворения споры в высшем церковном ведомстве, живо обсуждались в обществе и в ближайшем окружении Фофанова.

Так, Жиркевич фиксировал в дневниковой записи от 21 мая 1888 г.: «В определении к приостановке “Наблюдателя” стихотворение Конст<антина> Мих<айловича> названо “возмутительно-кощунственным”. Как теперь помню, на крестинах (Бориса, старшего сына поэта — *С. С.*) Фофанов обратился к священнику (должно быть, ученому, так как у него висел на груди кандидатский крест) с просьбой — прочесть это стихотворение и сказать, находит ли он его антирелигиозным, как об этом кричат “Моск<овские> ведомости”. — Священник внимательно прочел стихотворение и сказал: “Я не нахожу тут ничего дурного. Одно только… Как будто поэт отвергает христианского Бога как существо, а признает иудейского Бога, т. е. нехристианского”. — Тут вступился я и сказал: “Но ведь это ваш личный вывод, предположение? А из стихотворения можно и не этот один, а сделать много выводов”. — С чем священник и согласился» (*ДЖ*. Т. 7). На следующий день, 22 мая, Жиркевич в дневнике дал свою интерпретацию стихотворения: «Был вчера в Гатчине у Фофановых <…>. Застал их обоих в тревоге, особенно Лидию Константиновну, так как знакомые им сообщили, что Фофанова за его “Таинство любви” Святейший Синод хотел будто бы предать анафеме <…>. Я успокаивал их, насколько мог <…>, в сущности, в этом стихотворении, на мой взгляд, нет “возмутительного кощунства”. Действительно, основная его мысль та, что до рождения Христа Бог был Богом карающим, которого боялись и который являлся чем-то страшным; с рождением же Христа является уже Бог христианский, Бог любви, Бог милосердия. Рождение Христа — великий миг, разделивший мир языческий от мира христианского. Первую часть стихотворения только тупая злоба и непонимание поэзии может назвать кощунственной. Там все эпитеты, данные Богу, не выражают религиозных убеждений автора. Также конец стихотворения прямо указывает, что поэт верит в Христа и в то, что Христом заповедана

миру Любовь. Правда, немного реально нарисована картина посещения Богом Марии; но на одних этих строках как на поэтическом образе строить обвинение в кощунстве нельзя» (*ДЖ*. Т. 7).

В целом, такая трактовка смысла вполне коррелирует с будущими религиозно-философскими исканиями отечественной интеллигенции начала XX века. Ср., например, со следующим тезисом Н. А. Бердяева: «Мне чужд лик Божества всемогущего, властного и карающего и близок лик Божества страдающего, любящего и распятого. Я могу признать Бога только через Сына. Нельзя принять Бога, если Бог сам не принимает на себя страданий мира и людей, если Он не есть бог жертвенный» (Бердяев Н. Самопознание. М.; Харьков, 2005. С. 320).

335. Труд. 1889. № 20 (15 октября). С. 141.

***336.** Труд. 1889. № 23 (1 декабря). С. 489.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 93. Л. 19–19об. С датой под текстом: «1889 г. 20 августа». Варианты строк.

337. Труд. 1891. № 9 (1 мая). С. 258.

***338.** *ВИ*. 1892. № 1215 (2 мая). С. 335.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 157–157об. С датой под текстом: «1892 г. Апрель». Варианты строк

339. *КН*. 1892. № 8. С. 124.

***340.** Север. 1892. № 36 (6 сентября). Стлб. 1819-1820.

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 107–107об. Над текстом примечание: «(из рассказа “Жена”)». Другая редакция.

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 233–233об. Как вторая часть стихотворения «Поэма цветов». Варианты строк.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 215. Л. 18а. Машинописная копия. Редакция журн. «Север». Под текстом карандашом проставлена чьей-то чужой рукой ошибочная дата: «1906».

341. Наше время. 1892. № 24 (26 сентября). С. 388.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 1–1об. Под заглавием: «Вечерняя тишина». С датой под текстом: «1892 г. 5 сентября». Варианты строк: *1.* Спокойное чело обвеяно отрадой; *7-8.* Покой… Смирение… И тайная отрада… / И вечер… И луна!; *9.* Я верю… Я люблю дыханье ясной ночи

***342.** *Н*. 1892. № 10. С. 27.

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 71об. Наброски начальных 10 строк.

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 11. Без заглавия. Без пробела. Варианты строк.

Ночь на Ивана Купалу — Иван Купала (Иванов день) — день рождества Иоанна Предтечи (24 июня по ст. ст.), а также день летнего солнцеворота. На этот день приходится один из наиболее почитаемых у славянских народов языческих праздников, прославляющий плодородие природы и свободу пола. В этот день водили хороводы, пели купальские песни, очищались огнем и водой (прыгали через костер, купались в реке). Одно из устойчивых поверий этого праздника — легенда о волшебной силе огненного цветка папоротника, дарующего тому, кому посчастливиться найти его в ночь на Ивана Купалу, клад или, по другой версии, способность стать невидимым. Это поверье, послужившее основой для множества демонологических рассказов, получило широкое распространение в романтической литературе XIX–XX вв.

343–344. Север. 1893. № 15 (11 апреля). Стлб. 803–804.

345. *КН*. 1893. № 6. С. 105.

346. Наше время. 1893. № 33 (15 августа). С. 529.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 126об. С другим порядком строф: четвертое четверостишие предшествует третьему.

347. Сб. «Нивы». 1893. № 10. С. 362.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 106об.

348. *СВ*. 1893. № 12. С. 172.

Первая строка отсылает к известному стихотворению А. С. Пушкина «Все кончено: меж нами связи нет…». На этот же мотив было написано стихотворение В. Я. Брюсова «Все кончено…» (1895), в котором ориентация на классический оригинал уже демонстративно подчеркнута эпиграфом из Пушкина.

349. Публикация не выявлена. Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 101. Л. 5.

Обсуждая состав сборника П. П. Перцова «Молодая поэзия», В. Я. Брюсов в письме к составителю от 18 февраля 1895 г. посетовал: «Мне жаль, что у Фофанова пропали его “безумные ” стихотворения (Ночь плывет… Утомленного агонией… etc.)» (*Письма Брюсова*. С. 8). Замечание Брюсова косвенно указывает на возможность публикации этого стихотворения в периодике. Второе упомянутое Брюсовым стихотворение «Стансы» («Ночь плывет…») было опубликовано: *НВ*. 1892. 13 декабря.

***350–352.** Север. 1893. № 51 (19 декабря). Стлб. 2683–2684.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 109об. Без заглавия. В составе первых двух стихотворений цикла.

I. Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 109об. Варианты строк.

II. Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 109об. Без четырех заключительных строк.

353. *СВ*. 1894. № 1. С. 256.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 170. Без заключительного четверостишия.

354. Нива. 1894. № 1 (1 января). С. 11.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 110об.

355. *ЛПН*. 1894. № 6. Стлб. 223–224.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 5. Без заглавия.

356. *КН*. 1894. № 11. С. 119.

***357.** Нива. 1894. № 46 (12 ноября). С. 1100.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 102. Л. 21. С датой под текстом: «1894 г. Август». Варианты строк.

358. Нива. 1895. № 7 (18 февраля). С. 163.

359. Север. 1895. № 13 (26 марта). Стлб. 632.

Воскресение. 1900. № 14. С. 209–210.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 116. Варианты строк: *вместо 17–20.* И долго в молчанье природа томилась, / И смутно дрожал поколебленный дол.

Список (рукой К. К. Фофанова): РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 220. Л. 21а. С примечанием под текстом: «Посмертное произведение К. М. Фофанова». Отнесение этого стихотворения к разряду посмертных — ошибка переписчика, вероятно, продиктованная отсутствием у него сведений о журнальной публикации. Варианты строк: *12.* Высокие зданья пугливо теснятся.

Источник — соответствующие места Евангелия, в которых повествуется о казни Христа: Мф. 27, 50–53; Мк. 15, 37–39; Лк. 23, 44–46; Ин. 19, 30. Контаминацию этих мест представляет собой пересказ Ф. В. Фаррара, на который, вероятно, и ориентировался Фофанов. Ср.: «В этот самый момент завеса в храме разорвалась надвое сверху донизу, земля потряслась и скалы расселись, огромные камни, закрывавшие входы в гробницы, отвалились от своих мест, "и гробы отверзлись; и многие тела усопших святых воскресли и, вышедши из гробов по воскресении Его, вошли в святой град и явились многим"». (Цит. по: Фаррар Ф. В. Жизнь Иисуса Христа: В 2 т. Т. 2. М., 1999. С. 324). О знакомстве поэта с книгой Фаррара см. примеч. 277.

*360. *ВИ*. 1895. № 1366 (1 апреля). С. 259.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 29–30об. Ранняя редакция.

361. *КН*. 1895. № 5. С. 18–19. В составе авторской тематической подборки «Весенние звуки».

362. *НВ*. 1895. 9 июля. С. 2.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 9. Под заглавием «На дороге». С датой под текстом: «1895 г. 29 июня». Варианты строк: верхний слой правки как в печатной редакции.

363. *ЛПН*. 1895. № 7. Стлб. 461–462.

364. *СВ*. 1895. № 8. С. 170.

365. *КН*. 1895. № 8. С. 45.

366. *СВ*. 1895. № 11. С. 258.

Стихотворение понравилось Брюсову, который нашел его «лучше — о, много лучше» опубликованного в том же номере «Северного вестника» стихотворения Мережковского «Ноябрь» («Бледный месяц — на ущербе…»): «Точно оно написано ради рифмы "вербе" и "ущербе"» (*Письма Брюсова*. С. 49).

367. Север. 1895. № 50 (16 декабря). Стлб. 1986.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 177. Л. 7 об. Последнее четверостишие первоначально, с небольшими изменениями, было вторым.

Автокомментарием к данному стихотворению могут служить строчки из письма Фофанова к Жиркевичу от 24 октября 1893 г.: «Глашатаи изящного слова понемногу уходят, а новых не приветствуют. Что-то уж сильно крепко налегают критики на современных писателей. Ругают их так, как никогда не ругали ни в какой порядочной литературе, точно это не писатели, а карманники. Слово "декаденты" звучит в устах их словом "сволочь". Не правда ли? Не слишком ли жестоко? Заслуживают ли молодые, может быть, и не особенно талантливые люди — позорного бичевания перед читающей публикой?» (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича).

368. Север. 1896. № 11 (17 марта). Стлб. 40.

369. Север. 1896. № 16 (21 апреля). Стлб. 561.

Черновой автограф (первые 8 строк): РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 11.

370. *ЖО*. 1896. № 18 (28 апреля). С. 386.

371. *СВ*. 1896. № 4. С. 252.

372. Север. 1896. № 28 (13 июля). Стлб. 965.

373. *СВ*. 1896. № 8. С. 50.

374. *СВ*. 1896. № 8. С. 50.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 10. Под заглавием: «Из дневника». С датой под текстом: «1896 г. ». Верхний слой правки как в печатной редакции.

***375.** *СВ*. 1896. № 10. С. 52.

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 175. Л. 16об. Варианты строк.

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 214. Л. 9

Сюжет, отдельные мотивы и образы «Вечерних гостей» перекликаются со стихотворением А. Н. Плещеева «Призраки».

376. Север. 1896. № 44 (3 ноября). Стлб. 1457–1458.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 5об. Без разбивки на четверостишия. С датой под текстом: «1896 г. »

***377.** *СВ*. 1897. № 10. С. 20.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 111. Л. 27. Без заглавия. С датой под текстом: «1897 г. Август». Варианты строк: *2*. Лист сухой в паутине дрожит

378. Нива. 1897. № 51 (20 декабря). С. 1218.

379. *Н*. 1898. № 1. С. 116.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 111. Л. 19. С датой под текстом: «1897 г. Август». Варианты строк: верхний слой правки как в печатной редакции.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 111. Л. 20. Без даты. С пробелом между ст. 10–11.

380. *КН*. 1898. № 2. С. 73.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 111. Л. 6об. С датой под текстом: «1897 г. Декабря 3». Варианты строк: *1–2*. Мороз и снег! Смущенный и просторный / Пустынный путь безжизненно заснул.

381. Осколки. 1898. № 41 (10 октября). С. 3.

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 214. Л. 17. Под первоначальным заглавием: «Пустая дача», исправленным на: «В конце сентября». С иной последовательностью четверостиший: четвертое располагалось впереди третьего. Варианты строк: *13*. Где прежде был в минорном тоне (описка)

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 214. Л. 27. Варианты строк: *13–16*. Отсутствуют; *18*. Глядит настурций алый цвет.

Билеты бельмами торчат — Имеются в виду объявления о том, что квартира или комната сдается. Их наклеивали на окна в виде цветных ярлыков (указано В. В. Смиренским: *БП 1962*. С. 309). По мотивам этого стихотворения В. Брюсов написал свои «Дачи осенью» (1900).

382. *НВ*. 1898. 8 ноября. С. 2.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 116. Л. 7. С датой под текстом: «1898 г. Октябрь».

383. Осколки. 1898. № 46 (14 ноября). С. 3.

384. Нива. 1899. № 28 (10 июля). С. 526.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 214. Л. 7. Набросок первого четверостишия.

385. *ЛПН*. 1900. № 1. Стлб. 95–96.

386. *ЛПТПГ*. 1900. 19 марта. С. 1.

387. *ЛПТПГ*. 1900. 16 апреля. С. 1.

388. *ЛПТПГ*. 1900. 30 апреля. С. 1.

389. *НВ*. 1900. 14 мая. С. 2.

390. *НВ*. 1900. 8 октября. С. 2.

391. *НВ*. 1900. 24 сентября. С. 2.

392. *СЦ*. 1901. С. 76.

Во время подготовки к публикации этого и последующего («Грешница», № 393) стихотворений в альманахе «Северные цветы» между Фофановым и В. Я. Брюсовым завязалась переписка. Потеряв по неосторожности автографы этих текстов, Брюсов писал поэту: «Конечно, мы дорожим почти столько же, как стихами Вашими, и Вашим автографом, так что данный Вами листок был спрятан очень бережно, но сейчас никак не можем разыскать его в той массе книг и бумаг, которую привезли с собой из Петербурга. <…> Оба стихотворения <…> я в тот же день, как Вы их нам дали, выучил наизусть, так что мог бы сам составить список, но боюсь, что некоторые выражения при этом окажутся неточными. <…> Я решительно не имею брать на себя ответственности, что память не изменяет мне в том или другом стихе» (РГБ. Ф. 386. Карт. 73. Ед. хр. 6. Л. 10–11. Недатированный черновик письма). Получив утраченные автографы, Брюсов спешит отблагодарить своего адресата своеобразным «признанием в любви»: «Если б пятнадцать лет назад, когда я мальчиком упивался Вашими стихами и мечтал о Вас, мечтал когда-нибудь увидать Вас, — мне кто-нибудь сказал, что я затеряю данную Вами рукопись, да разве я поверил бы! Это не значит, конечно, что за эти годы я изменился в своем отношении к Вашим стихам. Юношеское увлечение, “влюбленность” (вот верное слово!) миновало, но осталось, может быть, лучшее — любовь, желание вновь и вновь становиться причастным дум и настроений, замкнутых в Ваших стихах. Никому из поэтов не обязан я так много за часы восторга и радости, как Вам. Ничьим “читателем” — в истинном смысле — не могу я назвать себя с таким правом, как Вашим» (Там же. Л. 13–14. Недатированный черновик письма. Написано как ответ на письмо Фофанова от 10 ноября 1900 г.).

393. *СЦ*. 1901. С. 77.

Возможно, в рукописи стихотворение носило заглавие «Монахиня». В частности, именно под таким заглавием оно фигурирует в черновике письма В. Я. Брюсова к Фофанову (условно датируется ноябрем-декабрем 1900 г. — РГБ. Ф. 386. Карт. 73. Ед. хр. 6. Л. 10). Об истории публикации «Грешницы» в «Северных цветах» см. примеч. 392.

394. *КН*. 1900. № 12. С. 86–88.

Мне не спится…<…> Стук часов однообразный — Начало стихотворения напоминает первые строки «Стихов, сочиненных ночью во время бессонницы» Пушкина. Ср.: «Мне не спится… <…> Ход часов лишь однозвучный» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 3. М.; Л., 1948. С. 250).

Стихотворение, в котором отразилась программная для поэтического мироощущения Фофанова идея метемпсихоза. Подробнее об этом см. примеч. 419 и вступительную статью.

395. *ЕС*. 1900. № 12. С. 305.

396. *НВ*. 1900. 24 декабря. С. 2.

397. Юбилейный сборник Литературного фонда. СПб., [1910]. С. 241–244. Без даты.

В. В. Смиренский (без обоснования) датирует поэму 1900 г. (*БП 1962*. С. 290).

Поэма посвящена памяти друга Фофанова Александра Сергеевича Слуцкого, сотрудника журналов «Развлечение», «Стрекоза», «Осколки». В письме к А. В. Жиркевичу от 29 февраля 1888 г. Фофанов так высказался об адресате посвящения поэмы: «К покойному Слуцкому, к этому

глубоко несчастному, но даровитому страдальцу, кроме сострадания, я ничего не имею. Выводить из моего знакомства со Слуцким грязные истории — это более чем бесчестно» (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича).

«Поэзия есть бог в святых мечтах земли» — заключительная строка драматической поэмы В. А. Жуковского «Камоэнс». *И, голову склонив, как бы пугаясь дали, / Певец «Светланы» здесь...* Описан памятник В. А. Жуковскому работы скульптора В. П. Крейтона, установленный в 1887 г. в Александровском саду в Санкт-Петербурге. На постаменте высечена вышеупомянутая строка из поэмы «Камоэнс». Фофанов присутствовал на открытии памятника. (см. запись в дневнике от 4 июня 1887 г.: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 128об.). *Ренгтонка* — пишущая машинка фирмы «Ремингтон». *Кеньги* — зимняя обувь, подшитая внутри мехом или байкой и надеваемая сверх башмаков или сапог; разновидность зимних, утепленных калош.

1901–1911

Вскоре после выхода в свет сборника «Иллюзии» перед поэтом вновь встала проблема издания нового сборника. Письмом от 29 августа 1902 г. он привычно извещает Жиркевича: «У меня накопилось печатных стихов на новый большой том» (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича). 24 сентября 1902 г. в письме к тому же адресату просит совета: «У меня хватит еще на два больших, новых тома уже напечатанной лирики. Но где взять издателя — не знаете ли?» (Там же).

В 1902 г. попытку издать сборник произведений Фофанова предпринимает И. Ясинский. Некоторые сведения о составе этого сборника содержатся в письме Фофанова к Ясинскому от 13 декабря 1902 г.: «Высокоуважаемый и добрейший друг Иероним Иеронимович. Посылаю вам стихи. Всего 164 стиха, из них 88 в рассказе стихотворения. <...> Скоро пришлю в прозе воспоминания и письма “Отошедшим”» (РНБ. Ф. 901. Ед. хр. 903. Л. 1–2). Однако издание не состоялось, и 26 апреля 1903 г. Фофанов вновь жалуется в письме к Жиркевичу: «Не знаю, что делать с изданиями; прошлые туго идут. Новые книги для издания что-то плохо наклёвывают издателя. А уже есть новых крупных два тома» (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича).

31 августа 1903 г. Фофанов обращается с предложением об издании книги своих новых стихов и прозы к В. Я. Брюсову: «Многоуважаемый Валерий Яковлевич! Набралась у меня большая книга новых стихов. Более 200 пиес, в том числе несколько поэм. Хочу издать этот новый том. Общее заглавие книги “Эфиры”. Не возьмется ли издать эту книгу “Эфиры’ — фирма книгоиздательства “Скорпион”? Издание предполагаю запродать на 2500 эк<земпляров> или на 3000 экземп<ляров>. Книгу можно пустить в продажу ценою по два рубля. Не согласятся господа-издатели взять у меня издание этой книги за 1000 рублей? Думаю, что издатель будет не в убытке, а я буду в благополучии. Можно издать в двух томах и пустить по рублю за экземпляр. <...> Наберется у меня также книга прозы. Том листов на десять с лишком. Прозаический том готов продать за пятьсот рублей. Вся проза уже раньше печаталась в журналах с 1886–1903 г. Если не согласится “Скорпион” — то не найдется ли другой издатель в Москве на условия подходящие. Будьте добры, дорогой собрат, похлопочите обо мне, дабы выручить меня из тяжелых обстоятельств нынешних дней» (РГБ. Ф. 386. Карт. 106. Ед.

хр. 41. Л. 7–8об.). По сведениям комментатора тома лирики Фофанова в большой серии «Библиотеки поэта» В. В. Смиренского, поэтом были подготовлены к печати, но так и не вышли в свет два сборника: «Эфиры» (стихотворения 1901–1906 гг.) и «Крылья и слезы» (стихотворения 1907–1911 гг.) (*БП 1962.* С. 293). Однако никаких следов подготовки данных сборников в архиве Фофанова (РГАЛИ, ИРЛИ) обнаружить не удалось. Удалось лишь разыскать опубликованные поэтом в периодике два стихотворения с программными для сборников названиями: «Эфиры» (публикуется в настоящем издании, № 408) и «Крылья и цепи» (*НВ*. 1903. 23 ноября. С. 2) — и это, вероятно, все, что напоминает сегодня об этих неосуществленных издательских проектах Фофанова.

Наконец, в 1911 г., незадолго до смерти поэта, контора «Нового времени» собиралась издать книжку новых стихотворений Фофанова, о чем свидетельствует письмо поэта издателям от 6 февраля 1911 г., где он доверяет вести переговоры об издании своему сыну, К. К. Фофанову (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 504. Л. 7–7об.), и недатированное письмо тому же адресату, вероятно, написанное вслед за первым, следующего содержания: «Ждал, согласно Вашему обещанию, окончательного ответа относительно издания моих стихов. Будьте добры, уведомьте, как скоро приступить к печатанию, и какую книжку прежде — лирику или небольшие поэмы? И не можете одолжить мне еще сто рублей в счет [издания]. Я буду в понедельник, привезу еще пакет стихов для издания» (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 504. Л. 8). Этим издательским начинаниям не суждено было осуществиться из-за прогрессирующей болезни и скорой кончины поэта.

А между тем, из более чем 900 стихотворных произведений поэта (лирика и лиро-эпика), оказавшихся за бортом авторских сборников, только на период 1900–1911 гг. приходится более 500 текстов — добрая половина всего изданного поштучно Фофановым за 30 лет творчества.

На склоне дней поэт стал подумывать об издании полного собрания сочинений в 15 томах. Он даже заранее наметил круг основных редакторов (в случае, если предприятию не суждено будет осуществиться при жизни автора): И. И. Ясинский. П. В. Быков. А. А. Коринфский и А. А. Измайлов. По всей видимости, тогда же Фофанов обращается с просьбой к А. Измайлову быть душеприказчиком посмертных изданий всех его сочинений, на что критик с благодарностью дает согласие в недатированном письме к поэту (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 564. Л. 13). Однако и это начинание, по всей вероятности, не вышло за рамки предварительных и самых общих переговоров, да, собственно, иначе и быть не могло, учитывая весьма неблагоприятные обстоятельства, в которых оказался поэт в последние годы жизни.

398. *ЛПН*. 1901. № 1. Стлб. 71.

Автограф: РГБ. Ф. 386. Карт. 106. Ед. хр. 41. Л. 10. С авторским примечанием над заглавием: «Нива. Ежемесяч<ные> Литерат<урные> Приложения. 1901. Январь. Стр. 71». С датой на полях: «1901. 23/ I».

Каким образом автограф стихотворения оказался в архиве В. Я. Брюсова — неизвестно. Вряд ли он был послан Фофановым в письме к Брюсову, как полагает Г. Н. Логунова (См.: Логунова Г. Н. Творчество К. Фофанова и поэзия раннего русского символизма. Дисс. на соиск. ученой степени канд. филол. наук. М., 1992. С. 42). Ни сам Фофанов в письмах к Брюсову, ни его адресат в ответных письмах ни словом об этом стихотворении не

обмолвились. Более того, на 1900–1901 гг. приходится время интенсивного сотрудничества Фофанова в альманахе Брюсова «Северные цветы» (см. примеч. 392); поэт в это время рассчитывает на поддержку Брюсова в издании нового тома своей лирики (см. преамбулу к настоящему разделу примеч.), что, конечно, исключает прямую адресацию «Декадентам» их идейному лидеру. Скорее всего, автограф «Декадентам» попал в руки Брюсова окольными путями и был передан ему кем-либо из «доброжелателей» гораздо позже времени его журнальной публикации, когда, действительно, отношения Фофанова с Брюсовым успели уже значительно испортиться. Возможно, стихотворение было написано под неприятным впечатлением знакомства Фофанова с поэзией И. Коневского. Суждение Фофанова известно в пересказе Брюсова: «Прислал мне здесь один книжку, как его, Ко-Ко-Ко-невский. Перемудрил он. Сидел, да тут же и провалился в бездну» (Брюсов В. Дневники: 1891–1910. М., 1927. С. 97).

399. *Н*. 1901. № 6. С. 26.

400. *НВ*. 1901. 10 июня. С. 2.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 11–11об. С разбивкой на четверостишия. С датой под текстом: «4 июня 1901 г.». Варианты строк: *12.* И грузно стукнулся, приникнувши к стволу; *15.* Уснувший щебет птиц, воскресший крик совы.

401. Север. 1901. № 36. Стлб. 1133–1134.

Образец «садово-парковой» поэзии Фофанова (ср. № 145, 513). Описание парка в Гатчине, с точным ощущением стиля и колорита «романтического» ландшафта.

И в тихом озере …Малтийских рыцарей дворец — Дворец в Гатчине на берегу Черного озера, построенный в 1798 г. по проекту Н. Львова. Первоначально предназначался для французского принца Конде, приора мальтийского ордена, который эмигрировал в Россию после революции 1789 г. По окончании строительства был пожалован Павлом I Ордену мальтийских рыцарей, великим магистром которого он был избран в 1798 г.

402. *ЕС*. 1901. № 9. С. 31.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 9–9об. С датой под текстом: «1901 г. Май 30».

И бледна, и светлоока // Перед ним была она — почти точное воспроизведение двустишия из стихотворения А. Подолинского «Портрет», пародийно использованного Пушкиным в его стихах в альбоме А. П. Керн: «Когда стройна и светлоока / Передо мной стоит она…» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 3. М.; Л., 1948. С. 125).

403. *СЦ*. 1902. С. 118.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 378. Л. 1–2об. С датой над текстом: «1901 г. Октябрь». Заключительная ремарка имеет следующую редакцию: «Налетают вихри, вздуваются Льдины, колеблется почва — и Молчание подымает смерч. Напор волн врывается на полюс, ледяные горы падают, слышны вопли, звук набатов. И голос с неба: “Что вы сделали!”».

Датировать более точно окончание работы поэта над «драматической фантазией» позволяет его письмо к Брюсову от 27 октября 1900 г., которым он сопровождает присылку автографа: «Дорогой и уважаемый Валерий! Очень кстати получил Ваше милое письмо. Посылаю для “Северных Цветов” драматическую фантазию “На полюсе”. Если моя провизия по вкусу — то покорнейше прошу прислать мне теперь же гонорар в размере

восьмидесяти рублей (80 руб.). Деньжонки очень нужны» (РГБ. Ф. 386. Карт. 106. Ед. хр. 41. Л. 2). О получении гонорара поэт известил Брюсова в письме от 4 ноября 1901 г. (РГБ. Ф. 386. Карт. 106. Ед. хр. 41. Л. 4).

404. *ЕС*. 1901. № 12. С. 346.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 13–13 об. Без заглавия. В составе первых двух четверостиший. С авторской подписью «К. Ф.». Заключительное четверостишие дописано позднее, после подписи. Варианты строк: *11.* И опечалилась желаньем.

405. *ЖО*. 1902. № 1 (8 января). С. 3.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 121. Л. 12об.

***406.** *Ждв*. 1902. № 2. Стлб. 163–164.

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 214. Л. 3–3об. Без заглавия. С измененной последовательностью строф: третье восьмистишие предшествует первому. Варианты строк.

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 120. Л. 1–1 об. С датой под текстом: «1901 г. Октябрь». Варианты строк: *47-48.* [Святая грусть — и вечный сон… / Кто там — сюда не возвращен]. Верхний слой правки как в печатной редакции.

Поэтическая иллюстрация к одноименной картине Арнольда Бёклина (1827–1901), родоначальника символизма в немецкой живописи. К этой картине, известной в четырех версиях, художник предпослал следующий подзаголовок: «Картина, с которой должны начинаться мечты». Написано в «заочном» творческом соревновании с А. М. Федоровым, стихотворение которого («Остров мертвых: Мотив Арнольда Беклина») было помещено в том же номере журнала, вслед за текстом Фофанова.

407. Новое дело. 1902. № 4. С. 61.

408. *ЕС*. 1902. № 6. С. 563–564.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 121. Л. 3–3 об. С датой под текстом: «1902 г. 17 января». Варианты строк: *8.* Перед пламенем земли; *25.* Все они текут предчувствием

409. *ЛПН*. 1902. № 12. Стлб. 659–662.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 123. Л. 7–7об. С датой под текстом: «1902 г. Июнь».

410. *ЖО*. 1902. № 50 (15 декабря). С. 372.

411. Нива. 1903. № 7 (15 февраля). С. 127.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 125. Л. 6. С датой под текстом: «1902. Декабрь».

412. *ЛПН*. 1903. № 3. Стлб. 347–348.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 125. Л. 7. С датой под текстом: «1902 г. 15 Декабря».

Как вспоминает Е. К. Фофанова-Устинова (Вспоминая прошлое. Рассказывает Е. К. Фофанова-Устинова // *Дом-музей Щербова.* Папка Д-7. Л. 3), это стихотворение поэт посвятил дочери Лиде (1897–1918).

413. *НП*. 1903. № 4. С. 35–36.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 127. Л. 18. Под первоначальным, впоследствии исправленным на печатный вариант, заглавием: «Последняя любовь». С датой под текстом: «1903. Март». Варианты строк: *13–14.* На мхи меж веток сосен / Сквозили блестки стрел.

Об истории журнальной публикации этого и последующих 6 стихотворений (№ 414–419) сохранились воспоминания П. П. Перцова: «В “Новом пути” был обычай печатать поэтов “пачками”, помещая в одной книжке журнала только одного поэта, но зато сразу много об-

разцов, образовывавших как бы маленький сборник внутри книжки и оставлявших цельное впечатление. Эта единственно разумная система печатания стихов в журналах, насколько мне известно, нигде не применялась, кроме "Нового пути". Так же мы поступили и относительно Фофанова: ему была предоставлена одна из первых книжек журнала за 1903 г. — первый год его существования (апрельская) и помещено по выбору самого автора (я не помню, чтобы в нем были сделаны изменения) двенадцать его стихотворений (ошибка мемуариста; всего было напечатано 7 стихотворений — *С. С.*). В отличие от других авторов, стихи Фофанова были оплачены…» (*Перцов 2002.* С. 153). Сохранилась недатированная записка Фофанова: «Взять в "Новый Путь" семь пиес: 1.Сумерки. 2. Круговорот. 3. Нездоровье. 4. Последняя встреча. 5. Петухи поют в деревне. 6. Весна, вперед... 7. Луч» (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 426. Л. 12). Принимая во внимание комментарий издателя «Нового пути», в настоящей книге всю стихотворную подборку печатаем полностью; сохраняется также и журнальный порядок расположения текстов.

414. *НП*. 1903. № 4. С. 37.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 127. Л. 18об.

***415.** *НП*. 1903. № 4. С. 38.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 127. Л. 10. С датой под текстом: «1903 г. 26 февр<аля>». Варианты строк.

416. *НП*. 1903. № 4. С. 39.

417. *НП*. 1903. № 4. С. 40.

418. *НП*. 1903. № 4. С. 41.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 129. Л. 16. С датой под текстом: «1903 г.».

419. *НП*. 1903. № 4. С. 42.

Стихотворение, выражающее программную для мировоззрения Фофанова мысль о «круговороте», взаимопревращениях «духовного» и «телесного» во Вселенной как своеобразной форме бессмертия человеческой души. Спустя пять месяцев после публикации «Круговорота», 13 октября 1903 г., поэт писал К. К. Случевскому, откликаясь на выход в свет цикла его «Загробных песен»: «Не надо бы думать о том, что [есть] самая последняя вещь в мире, — т. е. о смерти, но как раз человечество об ней больше всего и думает. Это потому, я полагаю, что человек больше проводит времени в небытии, чем в бытии. Мне тоже приходила часто прежде ужасная мысль о смерти. Но я попрал смерть, решив, что она не существует, и что как мы существовали до жизни, которая уже есть начало нашего духовного разложения, так будем существовать и после, не раз еще воплощая в материальную оболочку свое духовное "я". Это мне кажется несомненной истиной, — и на этом я успокоился, и страх смерти мне больше не страшен» (ГИМ. Ф. 359. Ед. хр. 149. Л. 5–6об.). Эта древняя идея метемпсихоза, своеобразно наложившись в сознании Фофанова на неоплатонические концепции реинкарнации человеческой души, популярные в романтической эстетике, стала лейтмотивом всего творчества поэта. См. № 44, 73, 141, 167, 267, 286, 371, 394, 456, 482, 517 и др. Подробнее см. вступительную статью.

420. Север. 1903. № 17 (27 апреля). Стлб. 524. В составе тематической подборки «Весенние вздохи».

Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 2 об. В составе тематической подборки «Весенние вздохи» под цифрой IV. С общей датой: «1903 г. Апрель. Гатчино».

421–423. *ЛПН*. 1903. № 6. Стлб. 191–194.

<1>. Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 127. Л. 14. Без заглавия. Вне цикла, как самостоятельное стихотворение. С датой под текстом: «1903 г. Февраль».

<2>. Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 127. Л. 4. Без заглавия. Вне цикла, как самостоятельное стихотворение. С датой под текстом: «1903 г. 29 января».

424. Волховской листок. 1903. № 65. Печ. по: *Иванова Е.* Прилож. 3. С. 227.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 52об.–54. Без заглавия. С датой под текстом: «1903 г. Новгород. 27 мая».

Это первое стихотворение, написанное К. М. Фофановым в Новгороде Великом, после переезда сюда семьи в мае 1903 г. Общий биографический комментарий ко всему «новгородскому циклу» стихотворений поэт дал в письме к А. В. Жиркевичу от 12 июня 1903 г.: «<…> Грустно же встретили мы первые дни в Новом городе! Багаж наш пришел только через неделю после приезда. Еще было пусто в квартире, а у нас выносили гробик покойной малюточки Наташи. Как я уже Вам писал, что наши все дети еще в Гатчине с начала мая заболели корью, и едва они поправились, мы решили ехать сюда, в Новгород. По дороге, должно быть, наша младшая дочка Наташа <…> простудилась и схватила воспаление легких, после кори. Мы приехали сюда 24 мая, а 29 мая наша десятимесячная дочурка скончалась. И прежде всего в Новом городе мы познакомились с гробовщиком и кладбищем. <…>

Новгород сам по себе мне интересен сначала; живописен Волхов, окруженный главами монастырей. Я уже несколько стихотворений написал здесь. Всё новгородские настроения! Издаётся тут одна газета “Волховский Листок” (sic! — *С. С.*), выходящая три раза в неделю. В ней было сообщено о моем приезде. Посылаю Вам вырезку из газеты. С редактором я хорошо сошелся. От безделья исправляю ему корреспонденцию, пишу заметки. Жаль, что редакция бедна; редактор — бывший артист и антрепренер, г. Богдановский. Газета под строгой цензурой, пишет все о местных интересах. Помещаются в газете и стихи — увы! — “не ради платы гонорарной”» (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича).

425. Волховской листок. 1903. № 69. Печ. по: *Иванова Е.* Прилож. 3. С. 227.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 39об. — 40об. Верхний край первого листа автографа оборван. С датой под текстом: «1903 г. 25 м<ая ?>».

426. *НВ*. 1903. 15 июня. С. 2.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 14. С датой под текстом: «1903 г. Июнь. Новгород».

427. *НВ*. 1903. 29 июня. С. 2.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 7. С датой под текстом: «1903 г. Июнь. Новгород».

428. Север. 1903. № 29. Стлб. 907–908.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 215. Л. 6. Без пробела между ст. 8 и 9. Варианты строк. *11*. Нет зноя прежнего и пыли

429. *НВ*. 1903. 13 июля. С. 2.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 12. С датой под текстом: «1903 г. Июль».

430. *НВ*. 1903. 27 июля. С. 2.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 1. Без заглавия.

Стихотворение должно было открыть цикл «Акварели», по-видимому, так и не получивший продолжения.

Только парус...<...> что есть бури еще — реминисценция из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Парус».

431. Волховской листок. 1903. № 78. Печ. по: *Иванова Е.* Прилож. 3. С. 228.

432. Волховской листок. 1903. № 91. Печ. по: *Иванова Е.* Прилож. 3. С. 228–229.

Здесь только ты, чья песня спета — могила дочери Наташи, умершей в 1903 г. в Новгороде, в возрасте 10 месяцев от роду, и похороненной на местном кладбище. См примеч. 424.

433. *Ждв.* 1903. № 9. Стлб. 1053–1056.

434. *Ждв.* 1903. № 10. Стлб. 1187–1188.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 127. С датой под текстом: «1903 г. 14 февр<аля>».

***435.** *Ждв.* 1903. № 11. Стлб. 1289–1290.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 20–22. Без посвящения. С датой под текстом: «1902 г. 1 декабря». Варианты строк.

436. *НИ.* 1904. № 11 (17 марта). С. 83.

437. *НП.* 1904. № 4. С. 91.

После публикации этого стихотворения в *НП* издатель журнала П. П. Перцов получил от автора следующее письмо, датированное 1 мая 1904 г.: «Многоуважаемый Петр Петрович! У Вас в “Новом пути” напечатано мое стихотворение (апрельская книга). Будьте добры, вышлите за него гонорар немедленно. При моем безденежье и десять рублей деньги. С совершенным почтением и преданностью Вам *К. Фофанов* <...>». (Цит. по: *Перцов 2002.* С. 154). «Письмо это не требует комментария, — отмечал впоследствии Перцов. — Прибавлю только, что в 1904 г., лет через двадцать после начала литературной деятельности и первых успехов, Фофанов был уже широко известен — без преувеличения, известен всей читающей России, был одним из первых поэтов (если не первым) того момента, — и все-таки десять рублей были для него деньги и, как видно, неотложно нужные деньги. Конечно, гонорар был ему немедленно выслан» (Там же. С. 154).

438. Русская правда. 1904. 17 мая. С. 3.

439. Печатается впервые; по автографу 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 6об.

Автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 766. Л. 54. Запись в альбоме. С датой под текстом: «27 июня 1904 г. Старая Русса». Варианты строк: *7.* Волненью — сердцем отдаваться.

440. *НВ.* 1904. 18 июля. С. 4.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 7. С датой под текстом: «11 июля 1904 г. Старая Русса».

441. Русская правда. 1904. 1 августа. С. 3.

442. Русская правда. 1904. 12 сентября. С. 3.

443. Русская правда. 1904. 19 сентября. С. 3.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 1. Под заглавием: «В альбом Ал<ександра> Вл<адимировича> Жиркевича». С датой под текстом: «1904 г. 6 июня. Старая Русса». *А. В. Жиркевич* — см. примеч. 110.

Известная евангельская притча (Лк. 10, 38–42), изложенная в альбомном послании к Жиркевичу, является своеобразным аргументом

Фофанова в споре со своим другом о соотношении в личности поэта «суетного» и «вечного», «земного» и «небесного». Смысл спора выясняется из развернутого письма Фофанова к тому же адресату от 27 июля 1899 г., написанного в ответ на упреки в «недостойном» поведении, которые все чаще стали омрачать взаимные отношения корреспондентов. Фофанов отвечал другу, ссылаясь на авторитетное мнение И. Е. Репина: «Вы говорите, что я растеряю друзей своим поведением. Друзей, т. е. людей любящих и понимающих меня я не могу растерять. Те, которые не со всех сторон поняли меня, — те еще не друзья: им могут открываться мои недостатки и они могут не прощать мне. Илья Ефимович — это святой человек, помимо своего гения. Он снисходителен, как Бог, и, как Бог, справедлив. Ему открыты и хорошие, и дурные стороны людей, и он берет человека как он есть, — как его создал Творец и как опошлили или досоздали обстоятельства. В этом его бессмертие… Вы наивны. Вы не умеете смотреть хладнокровно из тех окон, из которых не привыкли. Но, знаю, душа у Вас добрая» (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича). Как бы вторя этим опасениям Фофанова, Репин дал следующую характеристику личности Жиркевича: «Но я боюсь этого идеального настроения чистых, светлых натур. Это такая душевная чистота, которую неприятно поражает всякое малое пятно» (Репин И. Е. Письма к писателям и литературным деятелям: 1880–1929. М., 1950. С. 34).

444. Русская правда. 1904. 1 октября. С. 3.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 3. Под заглавием «Картинки». С датой под текстом: «12 сентября 1904 г.». Программный смысл текста становится ясным, ввиду его соседства с инвективой «Некоторым» (№ 445).

445. Русская правда. 1904. 10 октября. С. 3.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 133. Л. 5–5об. С датой под текстом: «1904». Вверху листа — автограф первых двух строк стихотворения «Ландшафт».

446. *Ждв*. 1904. № 12. Стлб. 707.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 220. Л. 3. Варианты строк: *После 12*. Что же мне предсказано?

447. *ЖО*. 1905. № 9 (27 февраля). С. 197.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 132. В составе первых трех строф. С датой под текстом: «1904 г. 16 Ноября». Последняя строфа дописана позднее, после проставленной даты.

448. *НИ*. 1906. № 10 (8 мая). С. 79.

449. *ИлПНВ*. 1906. 7 июня. С. 7.

450. Пробуждение. 1906. № 13 (1 июля). С. 374.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 137. Л. 3.

451. Нива. 1906. № 34 (26 августа). С. 539. В составе стихотворной подборки, посвященной 25-летию литературной деятельности К. М. Фофанова.

Верест (устар.) – вереск.

452. Нива. 1906. № 34 (26 августа). С. 539. В составе стихотворной подборки, посвященной 25-летию литературной деятельности К. М. Фофанова.

453. *ЛПН*. 1906. № 8. Стлб. 505–506.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 137. Л. 4–4об. Без разбивки на пятистишия. С датой под текстом: «28 февраля 1906 г.».

454. Печатается по автографу 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 139. Л. 5.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 139. Л. 6. С датой

под текстом: «1906 г. 24 Сентября». Варианты строк: *1*. В столице шум, и грусть в столице *5*. Двух дочек взяли по приютам; *7–8*. Порою делается Брутом / И под нос мне сует кулак!

Автограф 2: Архив В. В. Смиренского (Текст опубликован в изд.: *БП 1962*. С. 225–226). Варианты строк: *5*. Двух дочек взяли по приютам; *9*. Моя же муза, в самом деле.

Описанная в стихотворении жизненная драма детально прокомментирована самим поэтом в отчаянном письме к А. В. Жиркевичу от 9 октября 1906 г.: «Дорогой и уважаемый Александр Владимирович! Мой юбилейный год (25-летие литературной деятельности — *С. С.*) на людях, в печати, проходит громко, а в личной жизни, сверх ожидания, очень тяжело. Почти все журналы почтили меня портретами и восторженными статьями.

Назначалось мое чествование в Петербурге первого октября. Жена уже заказала белое платье. Но в середине сентября разразилась катастрофа. Жена опять заболела буйным помешательством. Чествование отложено. Общество опять приняло участие. Суворин пристроил Гришу (младшего сына — *С. С.*) к принцу Ольденбургскому, где оканчивает курс Костя (средний сын — *С. С.*). И внес за него 330 рублей, годовую плату. Других детей (старших дочерей Ольгу и Екатерину — *С. С.*) пристроили по приютам. Остались со мной три дочери (Лидия, София и Анастасия — *С. С.*) и Борис (старший сын — *С. С.*). Как всегда, в хозяйстве жены остались крупные долги.

В эти дни я не брезгую никакой материальной помощью. Весь в тисках нужды. Приезжали кредиторы из Руссы (Старой Руссы, где семья Фофановых жила в 1904–1905 гг. — *С. С.*). <…>

P. S. Добрый друг! У меня еще есть несчастие. Мой младший брат Николай, служивший в кавалерийском полку, запутался в какой-то скверной политической истории. Уже четвертый месяц сидит в военной тюрьме и ждет строгого суда, каторги, говорят. Будут обвинять по 126 ст<атье> военного судопроизводства (политическая пропаганда — *С. С.*).

<…> О, времена, о, нравы! Отвечайте, — нельзя ли ему помочь, дорогой друг, или хоть облегчить участь!» (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича). О трагической судьбе брата Николая узнаем из последующих писем Фофанова к Жиркевичу. От 25 октября 1907 г.: «Мой младший брат Николай <…> осужден военным судом к лишению всех прав и к ссылке на поселение без срока. Бедняжка написал мне горькое письмо и скоро в кандалах с этапом отправится в Сибирь!» (Там же) От 30 декабря 1907 г.: «<…> Он написал сестре письмо из Красноярска (Енисейской губернии). Но этим ссылка его не ограничивается. Его усылают за *тысячу верст* от города Красноярска. Пойдет он пешком всю тысячу верст и будет идти дней сорок или пятьдесят. Боже мой! Какое испытание! Место ссылки — деревня Сосново (Енисейской губ<ернии>), селение Кежемской волости, Енисейского уезда. Какая там глушь — одному Богу известно! Сестры и он, да и я очень хотели бы, чтобы его остановили в Красноярске. Милый друг! Облегчите, если можете, испытания брата моего Николая; Николай Чудотворец не оставит Вас за это! Брату всего 28 лет. В цвете сил и разума он должен умирать нравственно в глуши, умирать для родных заживо. Грустно! Грустно!» (Там же). В 1917 г. Николай вернется из ссылки убежденным большевиком, примет участие в революционном движении и впоследствии возглавит один из региональных комитетов РКП(б) (РГАЛИ. Ф. 1718. Оп. 3. Ед. хр. 23. Л. 1).

А старший сын — совсем дурак. Хулиганское поведение и хроническая неуспеваемость старшего сына, Бориса (1888–1930), к 18 годам еле доучившегося до 4 класса Гатчинского городского училища, были поводом постоянных огорчений и унизительных просьб поэта, о чем он неоднократно писал А. В. Жиркевичу, особенно откровенно — в письме от 29 мая 1906 г.: «Воспитывая своего сына как прогрессист и свободомыслящий, сделал из него только копию, только пародию на гражданина! <...> Ужели и со мной повторится библейская история Ноя? У меня три сына (Борис, Константин и Григорий — *С. С.*). Если назвать Хама — то это мой первородок, уже начинающий быть хулиганьём. <...> Я в отчаянье от моего несчастного "недоросля". Иногда мне приходит мысль, что лучше управлять государством, чем семьёй!» (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича). Жизнь Бориса нелепо-трагически оборвется в 32 года: он заблудится в лесу в окрестностях ст. Сиверская и умрет в больнице от гангрены ног. (РГАЛИ. Ф. 1718. Оп. 3. Ед. хр. 23. Л. 1)

Или под цензорским ножом... — В письме к Жиркевичу от 16 мая 1904 г. Фофанов сетовал: «Цензура что-то прижимает меня. Это пишут мне редактора. И вещи-то совсем невинные! Стихи мои о войне (русско-японской — *С. С.*), озаглавленные "Зверь", — не прошли. Не прошло и в прозе мнение моё о войне, озаглавленное "Подъем духа"» (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича). Не прошла цензуру и распространялась в списках стихотворная драма «Железное время» (1906), посвященная революционным событиям 1905–1906 гг.

455. Голос правды. Илл. приложение. 1906. 24 сентября. С. 1.

Стихотворение-«двойчатка» с интересной текстологической судьбой; существует в двух вариантах: 1892 г («Ночь без грез; в ночной тени...»; см. № 339) и 1906 г. («Сердце спит...»)

456. *ЛПН.* 1906. № 10. Стлб. 197–198.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 137. Л. 2. С датой под текстом: «1906 г.».

457. *ЛПН.* 1906. № 12. Стлб. 507–508.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 2–2об. С датой под текстом: «1906 г. 30 де<кабря>». Варианты строк: *28–30.* Напрасно! Для жизни / Лишь горе в отчизне, / Лишь пепел и дым!

<458–463>. Циклы «Песни в заключении» (№ 458–460) и «Песни узника» (№ 461–463) отражают реальное событие. В январе 1907 г. Фофанов «просидел под арестом целую неделю за оскорбление навязчивого железнодорожного жандарма», как он о том сообщает в письме к А. В. Жиркевичу от 6 марта 1907 г. (ГМТ. Фонд А. В. Жиркевича). Правда, в своем «Дневнике» А. С. Суворин передает состоявшийся 13 июля 1907 г. разговор с Фофановым, в ходе которого поэт признался ему, что напечатанные в 1907 г. в газете Проппера «стихи о реакции, о гнете» с последующим известием о заключении автора в Петропавловскую крепость — якобы только литературный розыгрыш. Если верить Фофанову, то и сам факт заключения, и публикация стихов — следствие желания «надуть» Проппера, а гонорар вместе с приятелем тут же «пропить». (См.: Суворин А. С. Дневник. М.; Пг., 1923. С. 364). В действительности, однако, все обстояло ровно наоборот. Заключение под арест было реальностью, о чем сохранились воспоминания родных и знакомых поэта, а желание представить Суворину свои «Песни в заключении» как литературный розыгрыш нужно признать мистификацией самого поэта, не желающего выглядеть в глазах издателя «Нового времени»

политическим радикалом и намеренно дезавуировавшего сам факт своего ареста.

458–460. Голос правды. 1907. 19 января. С. 2.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 140. Л. 2–3об.; Л. 14. Под заглавием «Песни в заключении». В составе: «I. Встреча»; «II Камера»; «III. Икона»; «<IV.> Терпение»; «V. Нет! Это, нет, — не дни — кошмары!..» Все тексты написаны карандашом и, похоже, в один присест, и могут быть датированы тем же днем, что и открывающая весь цикл «Встреча». При попытке опубликовать цикл, он оказался разбит на две части. Стихотворения I–III были объединены в цикл «Песни заключенного» и опубликованы в газете «Голос правды». Стихотворение «Нет! Это, нет, — не дни — кошмары!..» (V) вошло в опубликованный еженедельником «Новая иллюстрация» триптих «Песни узника» вместе с позднее дописанными стихотворениями «Лежу и слышу голос дальний…» и «В заключении». Стихотворение «<IV>. Терпение» осталось в рукописи (см. № 464).

См. также примеч. 461–463.

I. Голос правды. 1907. 19 января. С. 2.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 140. Л. 2. Под заглавием: «I. Встреча». Без даты. В составе цикла «Песни в заключении».

Есть много также грустных жизней, / Но вряд ли есть еще смешней — парафраз известной строки М. Ю. Лермонтова «Все это было бы смешно, / Когда бы не было так грустно» из послания «А. О. Смирновой» («Без вас хочу сказать вам много...»).

II. Голос правды. 1907. 19 января. С. 2.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 140. Л. 3. Под заглавием: «II. Камера». В составе цикла «Песни в заключении».

III. Голос правды. 1907. 19 января. С. 2

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 140. Л. 3–3 об. Под заглавием: «III. Икона». В составе цикла «Песни в заключении».

461–463. *НИ*. 1907. № 2 (22 января). С. 15.

С редакционным комментарием: «Общей участи современного литератора не избежал и известный поэт К. М. Фофанов. В настоящее время он находится в заключении в Гатчине. Печатаем несколько пьес поэта, явившихся отражением его подневольных впечатлений».

I. *НИ*. 1907. № 2 (22 января). С. 15.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 143. Л. 3–3об. Вне цикла, как самостоятельное стихотворение.

II. *НИ*. 1907. № 2 (22 января). С. 15.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 140. Л. 14. В составе цикла «Песни в заключении» под цифрой V. С датой под текстом: «1907 г. Январь».

III. *НИ*. 1907. № 2 (22 января). С. 15.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 143. Л. 4. Вне цикла, как самостоятельное стихотворение. Без разбивки на строфы.

464. Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 140. Л. 3об. В составе цикла «Песни в заключении». Под заглавием « <IV>. Терпение». См. примеч. 458–460.

465. Голос правды. Илл. приложение. 1907. 21 января. С. 13.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 140. С датой под текстом: «1907 г. 3 января».

466. *ИлПНВ*. 1907. 10 марта. С. 5.

467. *НИ*. 1907. № 9 (23 апреля). С. 67.

468. Голос правды. Илл. приложение. 1907. 29 апреля. Без нумерации страниц.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 141. Л. 2. С датой под текстом: «17 апреля 1907».

***469.** Голос правды, 1907. 11 мая. С. 2.

ИлПНВ. 1907. 30 июня. С. 5. Другая редакция.

470. Голос правды. Илл. приложение. 1907. 27 мая. С. 89.

471. *ИлПНВ*. 1907. 9 июня. С. 5.

472. Голос правды. 1907. 23 июня. С. 2.

473. *ИлПНВ*. 1907. 27 июня. С. 5.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 141. Л. 14–14об. С датой под текстом: «1907. Июнь».

474. Голос правды. Илл. приложение. 1907. 1 июля. С. 109.

Перепечатано: Дачница. 1912. № 6. С. 1.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 143. Л. 1–1об. Без последнего четверостишия. Без даты. Варианты строк: *12.* Отражает солнца зрак.

Основные мотивы и лирический сюжет «В саду летом» восходят к стихотворению А. Н. Плещеева «Мой садик».

475. Печатается впервые; по автографу: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 142. Л. 8об. — 8.

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 142. Л. 5–6. С датой под текстом: «1907 г. Сентябрь».

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 142. Л. 7–7об. Под заглавием: «Верую». С разбивкой на двустишия. С датой под текстом: «1907».

476. Голос правды. 1907. 2 сентября. С. 2.

477–478. Голос правды. 1907. 28 сентября. С. 2.

I. Голос правды. 1907. 28 сентября. С. 2.

II. Голос правды. 1907. 28 сентября. С. 2.

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 142. Л. 3. Вне цикла, как самостоятельное стихотворение. С датой под текстом: «1907 г. Сентябрь».

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 142. Л. 4–4 об. Вне цикла, как самостоятельное стихотворение. С датой под текстом: «1907 г. 22 Сентября».

479. Голос правды. Илл. приложение. 1907. 18 ноября. С. 189.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 3–3об. С датой под текстом: «1907 г. 12 октября».

480. Публикуется по черновому автографу (карандашом): РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 214. Л. 4–4об. С датой под текстом: «31 декабря». В. В. Смиренский (без обоснования) датирует текст 1907 г. (*БП 1962*. С. 236).

***481.** *ИлПНВ*. 1908. 12 января. С. 6.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 215. Л. 15. Другая редакция.

482. Пробуждение. 1908. № 6 (15 марта). С. 154.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 4–4об. С датой под текстом: «1907 г. 25 октября». Варианты строк: 4. *Отсутствует*.

Стихотворение выражает программную для мировоззрения Фофанова идею «круговращенья» как основную форму осуществления Божьего промысла о мире и бессмертия человеческой души. Подробнее об этом см. примеч. 419 и вступительную статью.

483. Пробуждение. 1908. № 16. С. 391.

484. Голос правды. Илл. приложение. 1908. 18 мая. С. 113.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 144. Л. 11–11об. С датой под текстом: «1908 г. 5 апреля».

485. Нива. 1908. № 25 (21 июня). С. 447.

486. Голос правды. Илл. приложение. 1908. 22 июня. С. 137.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 144. Л. 10 об. Под первоначальным, впоследствии зачеркнутым заглавием: «Рифма». С датой под текстом: «4 апреля 1908».

487. Огонек. 1908. № 27 (6 июля). С. 6.

488. Публикация не выявлена. Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 145. Л. 14. В верхнем правом углу листа помета: «Оплачено (в счет выдано 10 руб.)». Она свидетельствует о том, что стихотворение было принято к печати.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 145. Л. 15. В составе первых четырех четверостиший. Нижний край листа оборван.

489. Печатается впервые; по автографу: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 146. Л. 4.

490. *ЛПН*. 1908. № 10. С. 235.

491. Голос правды. Илл. приложение. 1908. 16 ноября. Без нумерации страниц.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 146. Л. 11об. С датой под текстом: «1908 г. 7 ноября». Под нрзб. заглавием: «В чехле <?>».

492. *ЛПН*. 1908. № 12. Стлб. 537–538.

493. Публикуется по списку А. А. Измайлова: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 148. Л. 1а. На обороте листа запись рукой сына Константина: «Передал перепис<анное> стихотворение отцу Измайлов, а автограф оставил себе. 24 янв<аря> 1909. К. К. Ф<офанов>».

В. В. Смиренский печатал стихотворение по невыявленному автографу под заглавием «Элегия», с датой под текстом: «24 января 1909». Варианты строк: *9*. Пепел стол весь усыпал… С тупого откоса (*БП 1962*. С. 239).

Перепечатано: *ИВ*. 1916. № 5. С. 475. В составе статьи А. А. Измайлова «Принц и нищий».

494. *НИ*. 1909. № 14 (8 апреля). С. 105. С датой под текстом: «1909 г. Март».

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 2–2об. С датой под текстом: «1909 г. 12 марта». Варианты строк: *5*. Но кроток, ясен и угрюм; *9–10*. Колюч из терний был венец / [И кровь текла на]

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 148. Л. 7. С датой: 1909 г. 12 марта. Варианты строк: *3*. Бранили дерзкие уста

495. *НИ*. 1909. № 10 (11 марта). С. 79.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 146. Л. 11. С датой под текстом: 1908 г. 7 ноября.

496. *ЛПН*. 1909. № 4. С. 597.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 145. Л. 3 об. С датой под текстом: «1908 г. Июнь». Варианты строк: *10–12*. И цвет их нежен, как гелиотроп. / Вкруг полукраски и полутени, / Ты целовала еще…еще б!

Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 145. Л. 7–7об. С датой под текстом: «1908 г. Июнь».

497–502. Голос правды. 1909. 10 мая. С. 3.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 255. Л. 2–3об. Без заглавия.

Название этого цикла пародий Фофанова на «декадентскую» поэзию, вероятно, восходит к пародии А. Емельянова-Коханского «Забубённая фантазия», в которой сам Сатана зловеще предрекает петербургским символистам участь Поприщиных. Предметом пародирования в цикле Фофанова стали не какие-то конкретные тексты отечественных модернистов, но стиль и общий пафос творчества отдельных авторов и даже целых поэтических школ, в котором узнаются отголоски образной системы и поэтической фразеологии самых разных их представителей. Как правило, в каждом пародийном тексте присутствует амальгама образных ассоциаций. В настоящих примечаниях комментируются наиболее очевидные.

I. *Зеленые трупы взывали к небу* — вероятно, аллюзия на сюжет стихотворения Ф. Сологуба «Злая ведьма чашу яда...». *И кверху руки свои обращали* — возможно, реминисценция из скандального «Творчества» В. Я. Брюсова: «Фиолетовые руки / На эмалевой стене...». *Дикие звери выли и стонали* — аллюзия на первые строчки стихотворения Ф. Сологуба: «Мы — плененные звери, / Голосим, как умеем...» (Сологуб Ф. Стихотворения. Л., 1979. С. 404).

IV. Текст пародийно воспроизводит сюжеты и стиль целого ряда стихотворений З. Гиппиус: «Песня» (1893), «Не знаю», «Оно», «Внезапно...» и др.

VI. Заглавие и подзаголовок пародии отсылают к значительному пласту стихотворений символистов на сходную тематику: «Пьеро» Ф. Сологуба (перевод стихотворения П. Верлена), «Балаган» А. Блока, «Маскарад» М. Кузмина (1907), «Маскарад» А. Белого (1908) и др. *Блоха, вроде Рудич* — Рудич Вера Ивановна (1872–1943), поэтесса. Как и Фофанов, была «штатным» автором «Нового времени»; в издательстве А. С. Суворина выходили все отдельные издания ее стихотворений. Рецензенты относили ее стихи к «лирико-романтической поэзии» «старой школы» (Н. Надеждин [Н. М. Мендельсон]. — Известия книжных магазинов Товарищества М. О. Вольф. 1912. № 12. Стлб. 326), усматривали в них «старую добрую банальность» (В. Я. Брюсов. — РМ. 1912. № 7).

В рукописи вместе с публикуемым циклом сохранились и другие пародии на декадентов за подписью «Акакий Оранжевый»: «В ожидании гостей»; «Великолепное светило…»; «У меня амбиция…»; «Гадалка», а также пародийное стихотворение в прозе «Безделушка» («Цип, цип, ципочка!..») (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 255. Л. 4–7об.).

503. Публикуется впервые полностью; по автографу: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 149. Л. 1–1об. С примечанием и датой под текстом: «День Св<ятого> Духа. 1909 г. 18 мая».

Перепечатано: *ИВ*. 1916. № 5. С. 475. Опубликовано в составе первых трех строф в статье А. А. Измайлова «Принц и нищий». В издании 1962 г. текст напечатан по этому источнику, в сокращенном виде и без заглавия (см.: *БП 1962*. С. 239–240).

По свидетельству А. А. Измайлова, стихотворение было написано в день рождения Фофанова — 18 мая 1909 г., в день Святого Духа, когда склонный к мистике поэт «вновь задумался над этим символом своего духовного одарения» (Измайлов А. А. Принц и нищий: Из воспоминаний о Фофанове // *ИВ*. 1916. № 5. С. 474).

504. Новое слово. 1909. № 9. С. 3.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 146. Л. 8. С датой под текстом: «1908 г. Октябрь».

505. *ЛПН*. 1909. № 11. Стлб. 419–420.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 148. Л. 1. С датой под текстом: «1909 г. 31 января».

506. Печатается впервые; по автографу: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 153. Л. 3. С датой под текстом: «1910 г. 20 апреля».

507. Пробуждение. 1910. № 13 (1 июля). С. 432.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 9. Без заглавия. С датой под текстом: «1882 г. 17 декабря». Варианты строк: верхний слой исправлений, вероятно, относящихся к позднейшему времени, соответствует печатной редакции.

508. Сб. идеалистов: между тенью и светом или между зрелищем и видением. Бобров, 1910. С. 84–85.

Источник сюжета: IV Цар. 2, 9–14. Фофанов передает лишь сюжетную канву эпизода, устраняя последовательно чудеса, творимые Ильей по пути к вознесению, и опуская содержание разговоров двух пророков, предшествующих взятию Ильи на небо.

509. *НВ*. 1910. 11 июля. С. 3.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 153. Л. 10. С датой под текстом: «1910 г. 28 мая».

От поцелуя к поцелую... — Возможно, аллюзия на заглавие сатирического романа К. К. Случевского «От поцелуя к поцелую», опубликованного под псевдонимом «Серафим Неженатый» (СПб., 2-е изд. 1902).

510. Пробуждение. 1910. № 15 (1 августа). С. 488.

511. Пробуждение. 1910. № 16 (15 августа). С. 531.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 153. Л. 8. С датой под текстом: «1910 г. Май». Варианты строк. *1–2.* Бледно-бирюзовой, бледно-фиолетовой / Полосою море в небесах мерцает

Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 153. Л. 14. С датой под текстом: «1910 г. Май».

512–513. *ИлПНВ*. 1910. 18 сентября. С. 6.

I. *«Повеяло прохладою, / Дорога не пылит»* — Реминисценция, отсылающая к стихотворению «Из Гете» М. Ю. Лермонтова. Ср.: «Не пылит дорога, / Не дрожат листы...» (Лермонтов М. Ю. Соч.: В 6 т. Т. 2. М.; Л., 1954. С. 160).

514. *ИлПНВ*. 1910. 25 сентября. С. 6.

515. Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 154. Л. 21.

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 154. Л. 22. С датой под текстом: «1910 г. Октябрь». С иной, чем в беловом автографе, последовательностью четверостиший: «Как много в жизни скучной прозы...»; «Вы, верно, осенью встречали...»; «И как в теплице разоренной...»; «Иду в раздумье, а за мною...». Варианты строк: *10.* [Я в тишине осенних дней]; *15.* Звучит под [легким] колесом; *17.* [Светло, прозрачно от стекла]

516. Вешние воды. СПб., 1910. С. 166.

517. *ИлПНВ*. 1910. 20 ноября. С. 6.

518. Пробуждение. 1911. № 5 (1 марта). С. 156.

519. *ИлПНВ*. 1911. 19 марта. С. 5.

***520.** Нива. 1911. № 15 (9 апреля). С. 295.

Черновой автограф 1 (первые три строфы): РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 148. Л. 9. С подзаголовком: «Посвящ<ается> худож<нику> И. К. Пархоменко».

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 148. Л. 10. Без посвящения. С датой под текстом: «Март 1909 г.». Другая редакция.

Источник сюжета — соответствующий эпизод Евангелия (Мк. 16, 1–8; Лк. 24, 1–34; Ин. 20, 1–18). Стихотворное переложение Фофанова

ближе всего к Евангелию от Иоанна. Поэт значительно сокращает эпизод, опуская, в частности, такие детали, как неузнание Марией воскресшего Христа, неверие Фомы в чудо воскресения, а также реакцию на это событие других присутствующих.

***521.** Печатается впервые; по автографу: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 14.

Черновой автограф 1: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 15. С датой под текстом: «1911 г. Апр<ель>. 20.

Черновой автограф 2: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 10. С датой под текстом: «1911 г. Апрель». Варианты строк.

Юрьев (Егорьев) день — 23 апреля по ст. стилю, день святого великомученика Георгия Победоносца, в который повсюду совершали первый после зимы выгон скота. По народным представлениям, во власти «Егория вешнего» были земля, дикие животные, он мог сберечь стадо от зверя и от других несчастий. Выгон скота иногда сопровождался молебном с водосвятием (см. ст. 3), а также обрядовыми действиями, восходящими к языческой аграрной магии.

522. Дачница. 1912. № 1. С. 1. С ред. примечанием: «Последнее стихотворение К. М. Фофанова, написанное в полдень 1-го мая 1911 года».

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 20. С датой под текстом: «1911 г. 1-го Мая».

Список К. К. Олимпова (Фофанова): РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 21. С примечанием под текстом: «Последнее стихотворение отца, написанное в полдень 1-го Мая 1911 г. К. К. Фофанов». Редакция «Дачницы».

Стихотворение опубликовано в альманахе эго-футуристов «Дачница» явно со списка К. К. Олимпова (Фофанова), который принимал самое деятельное в участие в этом альманахе как редактор и составитель.

523. *ИлПНВ*. 1911. 7 мая. С. 5.

Перепечатано: Дачница. 1912. № 1. С. 2. С датой под текстом: «1911».

Автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 9. Без заглавия. С датой под текстом: «1911 г. 31 марта». Варианты строк: *6.* Я юность с розой, с вином мешал

524. Театр и искусство. 1911. № 21. С. 417. С редакционным примечанием: «Одно из позднейших не напечатанных стихотворений, написанных покойным на квартире у г. К. Хряпина».

Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 140. Л. 17. Под заглавием: «На память». С датой под текстом: «1907 г. 12 Марта». Варианты строк: *9.* Хоть без жизни, хоть без слов он; *11.* Это Фофан, добрый Фофан.

Перепечатано: Дачница. 1912. № 1. С. 2. С датой под текстом: «1907». С разбивкой на четверостишия. Редакция чернового автографа.

Фофан — просторечное выражение, означающее «простак, простофиля, дурак, глупец» (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4. М., 1980. С. 538). Для сравнения: в «Дворянском гнезде» Тургенева Марья Дмитриевна спрашивает Лизу, имея в виду Лаврецкого: «Уж не тот ли фофан? Вот нашла советчика!» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 6. М., 1981. С. 121). В «Тяжелых снах» Ф. Сологуба Лугин рассуждает об отношениях Анны и Гомзина: «Ей следовало бы дать ему понять, что он — фофан, да и то резервный» (Сологуб Ф. Тяжелые сны. Л., 1990. С. 85).

525. Нива. 1911. № 29. С. 531. С редакционным подзаголовком: «Из посмертных стихотворений».

526. Нива. 1911. № 32. С. 586. Под рубрикой: «Из посмертных стихотворений К. Фофанова».

Перепечатано: Петербургская газета. 1912. 18 мая. С. 4.

527. Огонек. 1913. № 4. С. 7. С подзаголовком: «Посмертное стихотворение».

528. *РБ*. 1912. № 10. С. 55. Под рубрикой: «Посмертное стихотворение К. М. Фофанова».

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Фантазии

Библейские мотивы

Думы

Сказки и поэмы

Отрывки

ТЕНИ И ТАЙНЫ (1892)

ИЗ «СТИХОТВОРЕНИЙ» В 5 ЧАСТЯХ (1896)

Ч. 1. Маленькие поэмы

Ч. 2. Этюды в рифмах

Ч. 3. Снегурка

Ч. 4. Майский шум

Ч. 5. Монологи

ИЛЛЮЗИИ (1900)

Иллюзии

Поэмы и баллады

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВКЛЮЧЕННЫЕ В СБОРНИКИ. НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

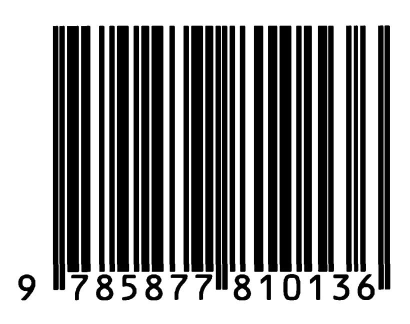
1881–1900

1901–1911

Константин Фофанов
Стихотворения и поэмы / Вступ. статья, составление, подготовка текста и примечания С. В. Сапожкова — СПб.: Издательство Пушкинского Дома, 2010 — 592 с.

ISBN 978-5-87781-013-6

После публикации в 1886 г. стихотворения «Звезды ясные, звезды прекрасные...» Константин Фофанов был признан одним из ведущих современных поэтов и на протяжении долгого времени удерживал славу лучшего выразителя дум и настроений русского общества «эпохи безвременья». В то же время его поэзия предвосхищает многие формальные новации последующего периода развития литературы, тематический репертуар и идейные искания символистов. В настоящем издании впервые на солидной текстологической базе представлена наиболее значительная часть поэтического наследия Фофанова. В раздел «Стихотворения, не вошедшие в прижизненные сборники» включено множество произведений, ранее затерянных в периодике и не доступных широкому читателю и исследователям. Ряд стихотворений публикуется впервые. Тщательная работа с архивными источниками позволяет проследить творческую историю многих текстов, которая отражена в комментариях и разделе «Другие редакции и варианты».

Редактор А. Е. Барзах
Художник В. В. Еремин
Верстка А. Т. Драгомощенко, Й. Е. Сакулина
Корректор О. И. Абрамович

Подписано в печать 15.11.2010. Формат 84×108/32
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Minion.
Усл. п. л. 37. Уч. изд. п. л. 32. Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательство Пушкинского Дома
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.